Ф. ПОЛ

ВИЛСОН

кровавый омут

Annotation

Наладчик Джек, специалист по необычным расследованиям, со своей подругой Джиа случайно попадает в дом медиума, где пробуждаются страшные силы. Разъяренное привидение, прорвавшееся в наш мир, жаждет крови. И Джек, чтобы умиротворить его, должен разыскать убийцу, совершившего много лет назад кровавое жертвоприношение...

Фрэнсис Пол Вилсон

Кровавый омут

Я многим обязан книгам Джеймса Рэнди («Энциклопедия обманов и мистификаций в оккультизме», «Целители-экстрасенсы», «Держи вора!») и М. Ламара Кина («Экстрасенсорная мафия»), которые указали мне, что искать у спиритов и медиумов.

Благодарю постоянную команду, работавшую над рукописью: мою жену Мэри, моего издателя Дэвида Хартвелла и его заместителя Моше Федера, Элизабет Монтелеоне, Стивена Спруилла и моего агента Альберта Цукермана. Спасибо за помощь в издании книги наборщику Блейку Долленсу — мастеру своего дела.

Посвящается пропавшим без вести Полу Андерсону, Ричарду Лаймону

Пятница

1

Белое подвенечное платье невесты.

Правда, оно — как минимум, на пару размеров теснее — было не на невесте и превратились со временем в бежевое.

— Можно полюбопытствовать, — наклонился Джек к Джиа, — почему наша хозяйка в подвенечном платье?

Она, сидя рядом на драном диване, купленном из третьих рук у старьевщика, попивала белое вино из пластикового стаканчика.

— Можно.

Ожидалась обычная вольная вечеринка. Знакомые художники собирались слегка отметить успехи одного из членов клана в мансарде бывшего склада у старого армейского сборного пункта в Бруклине. Пошли, предложила Джиа, развлечемся.

Развлекаться давно не хотелось, но ради нее Джек решился пойти.

Человек двадцать бродили по чердаку под громыхавшие из динамиков тяжелые звуки последнего альбома «Пейвмент», которые отражались от высокого потолка, огромных окон, стен из голых кирпичей. Гости щеголяли волосами всех цветов видимой области спектра, пирсингом, татуировками и немыслимо пестрой одеждой.

Хеллоуин через два месяца не сравнится.

Джек присосался к принесенной пивной бутылке. Вместо привычного «Роллинг рок» с длинным горлышком захватил с собой упаковку из шести бутылок «Харпа». Тоже хорошо. Наряженная невестой хозяйка припасла светлый «Будвайзер». Он никогда не пробовал разбавленную коровью мочу, но на вкус она наверняка лучше светлого «Буда».

— Спасибо. Почему наша хозяйка в подвенечном платье?

— Хильда никогда не была замужем. Она художница. Просто делает заявление.

— Какое? Кроме призыва *«посмотри на меня».*

— Ей, вероятно, хотелось бы, чтоб каждый сам решил.

— О'кей. По-моему, просто жаждет внимания.

— Ну и что тут плохого? Если ты смертельно боишься привлечь к себе внимание, это не означает, что так же должны поступать и другие.

— Вовсе я не боюсь, — проворчал Джек, не желая сдаваться.

Мимо прошла высокая стройная женщина с мертвенно-белой прядью сбоку на вьющихся черных, зачесанных назад волосах.

Он посмотрел ей вслед:

— Ее заявление вполне понятно: мой муж — чудовище.

— Карин не замужем.

Перед ними плавно скользнул парень с намазанной гелем неоново-желтой головой и бровями, проколотыми по меньшей мере дюжиной золотых колечек.

— Привет, Джиа, — махнул он рукой и направился дальше.

— Привет, Ник.

— Догадываюсь, что в детстве Ника напугал карниз для штор, — буркнул Джек.

— Я смотрю, ты сегодня не в духе, — покосилась она на него.

Не то слово. Второй месяц после смерти любимой сестры Кейт приступы ярости чередовались с глубокой депрессией. Казалось, от этого никогда не избавиться. По утрам он с трудом заставлял себя встать с постели; встав, ничем не хотел заниматься. Тащился к Эйбу, к Хулио, к Джиа, притворяясь, будто все прекрасно. Тот же самый старина Джек, просто в данный момент без работы.

Жизнь осложнял гневный отцовский голос на автоответчике, упрекавший его за отсутствие на поминках и на похоронах. *«Только не говори, что у тебя были дела поважнее. Это твоя сестра, черт возьми!»*

Ему это отлично известно. После пятнадцатилетней разлуки Кейт вернулась в его жизнь на неделю, за которую он ее снова узнал, полюбил... И ушла навсегда.

Факты свидетельствуют, что он не виноват, но ему это не мешает винить себя. И еще одного человека...

Джек разыскивал отчасти подозреваемого в гибели сестры мужчину, не зная его настоящего имени — то ли Сол Рома, то ли М. Аролос. Кругом всех расспрашивал, никто ничего не знал и не слышал. В конце концов пришлось признать — видимо, никогда не было никакого Сола Ромы.

Кейт осталась бы в живых, если бы Джек все делал по-своему вместо того, чтобы слушаться...

Стоп. Бессмысленно возвращаться на хорошо исхоженную тропу. Отцу он не перезванивал. Через какое-то время тот перестал звонить.

Джек с усилием изобразил перед Джиа улыбку:

— Извини. Эти чокнутые меня просто бесят.

— Они ничуть не хуже тех, с кем ты обычно общаешься.

— Совсем другое дело. Мои по-настоящему чокнутые, от души. Просыпаются, одеваются во что попало, что подвернется под руку, в том и ходят весь день. А эти часами торчат перед зеркалом, чтобы придать себе экстравагантный вид. У моих волосы торчат в разные стороны так, как они утром скатились с кровати, а эти моют голову травяными шампунями, мажут галлонами геля, расчесывают специальной расческой, чтоб казаться немытыми и лохматыми. Мои сами по себе живут, а эти отчаянно хотят войти в общество, но, чтоб никто об этом не догадался, стараются превзойти друг друга в чудачествах.

Джиа скривила губы:

— А самый типичный сидит со мной рядом в клетчатой рубашке с короткими рукавами и в джинсах с рабочими башмаками.

— И коротает вечер, наблюдая, как претензии сталкиваются с претенциозностью. Разумеется, исключая присутствующих.

Среди многого прочего он любит в Джиа естественность. Волосы светлые от природы коротко подстрижены для удобства, широкие бежевые брюки с бирюзовой кофточкой подчеркивают голубизну глаз, из косметики только чуточка губной помады. Больше ей ничего и не требуется. Вид здоровый и

свежий, в полном противоречии с нынешней субкультурной модой.

Субкультура просочилась в доминирующую культуру, крайности стали господствовать. Раньше рабочие-строители кидали в хиппи кирпичи и обзывали педиками, теперь сами носят конские хвосты и серьги.

— Пожалуй, и мне пора себя украсить, — решил Джек.

Джиа вздернула брови.

— Сделаешь пирсинг?

— Ну да. Не обвешанный цацками и не вымазанный чернилами, иногда себя чувствую белой вороной.

— Чем не вымазанный?

— Не татуированный. — Кругом почти все разрисованы. Если хочешь остаться невидимым, надо следовать общей тенденции. — Разумеется, не навечно, — оговорился он, не желая лишаться особенностей хамелеона. — Какое-нибудь колечко в ухо, пару смывающихся татуировок...

— По-моему, у тебя что-то было на пальцах.

— Не забыла?

Картинки в стиле тюремных наколок, выполненные несмываемыми чернилами, однажды понадобились для опасного дела, после чего рассвирепевшие члены банды с Брайтон-Бич прочесали пять районов в поисках парня с наколкой «крутой вираж» на костяшках. Смыть удалось не скоро.

— Нет, думаю, нужно что-то большое и красочное.

— Скажем, сердце, оплетенное розами, с моим именем в центре?

— Предпочитаю зеленый череп с оранжевым пламенем, вырывающимся из глазниц.

— Высокий класс, — мурлыкнула Джиа, хлебнув вина.

— Еще бы. Шлепнуть такую картинку на одном плече, на другом разъяренного красного черта на танке, надеть майку на узких бретельках — и полный порядок.

— Серьгу не забудь.

— Точно, висячую, с логотипом «Металлик».

— Ты помешан на тяжелом металле.

Джек вздохнул:

— Украшения, аксессуары... Мне внушали, что настоящий мужчина о моде не думает.

— Мне тоже, — кивнула Джиа. — Впрочем, у меня есть оправдание: я росла в сельской Айове. А ты на северо-востоке...

— Правда, но взрослые мужчины, которых я знал в детстве, — отец, его знакомые, — одевались очень просто. Почти все воевали в Корее. По случаю принаряжались — на свадьбу, на похороны, — а вообще ходили в удобной одежде. Без всяких прибамбасов. Перед зеркалом надо стоять ровно столько, чтобы причесаться, побриться. Проторчи дольше — станешь павлином.

— Добро пожаловать в Город Павлинов двадцать первого века, — провозгласила Джиа.

Мимо снова проплыл Ник.

— Что он рисует? — полюбопытствовал Джек.

— Он не рисует. Ник — мастер перформанса. Под псевдонимом Гарри Адамский.

— Замечательно. — Джек ненавидел перформанс. — В чем это заключается?

Джиа прикусила верхнюю губу.

— По его выражению, художественное испражнение. Можно сказать, абсолютно интимная форма скульптуры... м-м-м... и на этом покончим.

Он уставился на нее. Неужели...

— Ох, черт. В самом деле?

Она кивнула.

— Господи! — не сдержавшись, воскликнул Джек. — Осталось на свете хоть что-нибудь, не объявленное искусством? Искусство войны, искусство торговли, искусство чистки ботинок, бывший представитель высокого искусства Принц...

— По-моему, он опять называется Принцем.

— ...искусство ремонта мотоциклов. Мажешь себя шоколадом — искусство, вешаешь унитаз на стенку — искусство...

— Хорошо, успокойся. Я надеялась, вечер в гостях поднимет тебе настроение. Возвращайся к жизни. В последнее время ты только ешь, спишь и смотришь кино. Ничего не делаешь, не работаешь, никому даже не перезваниваешь. Кейт наверняка не хотела бы, чтобы ты до конца дней хандрил.

Он отвел глаза, признавая ее правоту, увидел направлявшуюся в их сторону гибкую тоненькую блондинку лет двадцати пяти, с бокалом для мартини в руках, наполненным красноватой жидкостью, кажется «Космо». Низ короткой, полосатой, как зебра, блузки не доходил до верха облегающей леопардовой мини-юбки. В пупке между ними поблескивал крупный бриллиант.

— Может, пупок проколоть? — задумался Джек.

— Отлично, только мне на глаза не показывайся, пока живот не побреешь.

— Или в язык колечко продеть?

Джиа на него покосилась со сладострастной улыбкой.

— Вот *это* уже интересно. — Она подняла глаза на блондинку. — Ох, вот и Джуни Мун, почетная гостья.

— Имя настоящее?

— Не уверена. Но сколько я ее знаю, она так представляется. Пробивалась наряду со всеми, а в прошлом году Натан Лейн купил одну ее абстрактную картину, начал расхваливать. Теперь она жутко модная.

— Сколько стоят оригинальные произведения Джуни Мун?

— От двадцати тысяч и выше.

Джек прищурился:

— Двадцать штук? Хорошая художница?

— Между модной и хорошей большая разница, хотя ее работы мне нравятся. Уникальное сочетание жара и холода. Смесь Де Кунинга с Мондрианом, если можно себе такое представить.

Невозможно, не помня ни одной картины ни того ни другого художника.

— Кажется, ты за нее рада.

— И правда. Хорошая девочка. Я почти на десяток лет старше, и она в последние годы взяла меня как бы в приемные матери. Пару раз в неделю звонит поболтать, посоветоваться.

— Ничуть не завидуешь ее успеху?

— Ни капельки. Не скажу, конечно, будто не хотела бы такой удачи, но если кому-то должно повезти, то хорошо, что Джуни. У глупышки есть талант, и я ее люблю.

Тут вся Джиа. Попечительница без капли ревности. За это среди многого прочего он ее любит. Впрочем, даже если это ничуть ее не задевало, Джек раздраженно смотрел на дерьмо, вывешенное в галереях, на выставках, куда она его постоянно таскает, когда ее собственные холсты пылятся в мастерской.

— Спорю, ее работы гораздо хуже твоих.

— Мои совсем другие.

Джиа зарабатывала на жизнь коммерческим искусством, занималась рекламой, за долгие годы заработала среди художественных редакторов городских издательств репутацию талантливой и обязательной художницы. На прошлой неделе водила его к «Барнсу и Ноблу», показав пяток своих твердых и мягких обложек.

Симпатичные картинки не имели ничего общего с написанными для себя картинами, которые очень нравились Джеку. Он не сильно разбирался в искусстве, но кое-чего нахватался, сопровождая Джиа в походах по выставкам и музеям. Ее городские пейзажи с крышами напоминают работы Эдварда Хоппера — одного из немногих художников, привлекших его внимание.

Джуни втиснулась на диван рядом с Джиа, расплескав свой напиток. Веки, подкрашенные голубыми тенями, слегка опустились. Сколько ж для этого надо принять?

— Привет.

Она чмокнула Джиа в щеку, та представила ее Джеку, они пожали друг другу руки. Джуни тоже явно пребывала в унынии.

Джиа локтем ее подтолкнула:

— Чего куксишься? В твою честь праздник.

— Угу, поскорей надо праздновать. — Джуни хлебнула коктейля «Космополитен». — Пятнадцать минут скоро кончатся.

— Что это значит?

— Пропал мой счастливый браслет. Только он приносил мне успех.

— Думаете, украли? — спросил Джек, оглядывая ее запястья и руки гостей вечеринки. Ревнивцев тут наверняка немало. — Когда вы его видели в последний раз?

— Во вторник. Помню, сняла, закончив картину... приняла душ, пошла по магазинам... Назавтра хотела надеть перед новой работой и не нашла.

— Что-нибудь еще пропало? — расспрашивал он.

— Ничего. — Джуни залпом осушила бокал. — Браслет гроша не стоит. Старая рухлядь из лавки старьевщика. Кустарный — усыпан шариками из кошачьего глаза, представьте, — а мне почему-то понравился. Как только я его надела, возник спрос на картины... Благодаря браслету.

— Да ну? — хмыкнул Джек. Догадываясь о дальнейшем, Джиа попробовала остановить его, ущипнув

за ляжку, но он все-таки договорил: — Не таланту?

Джуни тряхнула головой, пожала плечами:

— Я же стиль не меняла, а как только стала работать в браслете, первую написанную картину купил Натан Лейн. Дальше больше. Браслет принес удачу. Обязательно надо его найти.

— Ты хорошо искала? — спросила Джиа.

— Все перевернула вверх дном. Завтра получу профессиональную помощь.

— Ищейки-бладхаунда? — уточнил Джек, заслужив новый щипок.

— Нет, ясновидящего. — Джуни нервно хихикнула. — То есть медиума.

Ляжку прихватило клещами — пришлось принять во внимание.

— Наверняка поможет.

— Конечно! Он просто изумительный! Ради Ифа-сена я месяца два назад бросила своего старого предсказателя и ни разу не пожалела. Потрясающий тип!

— Что за Ифасен? — Джек знал, по крайней мере по слухам, почти всех основных игроков на местном поле спиритического бизнеса, но это имя ничего ему не говорило.

— Недавно появился. Только что переехал в Асторию[1]. Боже, как я не сообразила! Это же совсем рядом! Может, прямо сейчас удастся увидеться...

— Уже довольно поздно, — заметила Джиа.

— Дело срочное! Он должен меня принять.

Она вытащила сотовый телефон, вызвала записанный в памяти номер, послушала и захлопнула крышку.

— Черт возьми! Автоответчик... Ну, все равно поеду. — Встала с дивана, шагнула вперед, пошатнулась. — Поймаю такси.

Джиа перевела озабоченный взгляд с Джека на девушку:

— Здесь такси ни за что не поймаешь.

Джуни усмехнулась, задрав мини-юбку до самого верха бедра.

— Найду. Как та самая... в том самом фильме... ну, как его...

— "Это случилось однажды ночью" с Клодет Кольбер, — автоматически подсказал Джек, гадая, когда в столь поздний час в районе бывшего Бруклинского армейского сборного пункта в последний раз появлялось такси. — Причем кто-нибудь непременно подумает, что вам нужна не просто машина. Давайте по телефону закажем.

— Никогда не приедет, — буркнула Джуни, направившись к выходу.

Джиа вновь озабоченно посмотрела на Джека:

— Нельзя ее отпускать в таком состоянии...

— Она взрослая женщина.

— Это только так кажется. Слушай...

Она склонила голову набок, глядя на него круглыми глазами девочки-скаута, продающей печенье. Отказывать ей всегда трудно, а при таком взгляде...

— Ну ладно. — Он покорно поднялся, протянул руку, поднял Джиа с дивана. По правде сказать, обрадовался возможности улизнуть с вечеринки. — Подбросим. Хоть и не «совсем рядом». Придется пилить в верхнюю часть Куинса.

Джиа улыбнулась своей уникальной улыбкой, отчего у него по всему позвоночнику побежали мурашки.

Пока прощались с хозяйкой-невестой и шли к машине, случайно добавились еще два попутчика: Карин — виртуальная жена Франкенштейна — и ее дружок Клод, парень ростом в шесть футов, страдающий, видно, отсутствием аппетита, с торчавшими козырьком надо лбом волосами, отчего голова в профиль смахивала на наковальню. Оба хором охнули — до чего круто побывать дома у медиума!

В «краунвик» места много. Будь Джек один, он, скорее всего, предпочел бы метро, но Джиа надо везти в безопасном автомобиле. Усадив ее на соседнем сиденье, а трех пассажиров сзади, он направил большой черный «форд» вверх по выезду на автостраду. Бруклин — Куинс и на север по эстакаде. Понадеявшись, что возражений не будет, открыл окна, никого не спрашивая. В конце концов, это его машина. Кому не нравится, пусть пешком топает.

Не слишком сырая и не слишком жаркая летняя ночь напомнила времена ранней юности, когда он водил старый битый «корвейр» с откидным верхом, купленный за гроши после того, как люди послушались Ральфа Нейдера[2] и начали избавляться от лучших в мире автомобилей. По вечерам садился за руль, поднимал верх, ехал куда глаза глядят, обдуваемый ветром.

Впрочем, сейчас воздушных вихрей нет. Даже в столь поздний час автострада Бруклин — Куинс забита машинами, а из-за неумолчной болтовни Джуни о своем гуру-медиуме кажется, будто они вообще не движутся с места. Ифасен общается с мертвыми, Ифасен обеспечивает вам контакт с мертвецами, Ифасен проникает в самые сокровенные темные тайны, делает удивительные, невозможные, *невероятные* вещи.

Джек не видел тут ровно ничего невозможного и удивительного, хорошо знакомый с *невероятными* вещами, которые проделывает Ифасен. Абсолютно ясно, как отыщется браслет Джуни.

Глупая девчонка, хотя симпатичная.

Рассчитывая заглушить музыкой треп об Ифасене, он сунул в плеер самостоятельно записанный диск. Салон заполнил голос Джона Леннона.

«Однажды... я видел свет...»

— "Битлз"? — спросил Клод с заднего сиденья. — Не думал, что их еще кто-то слушает.

— Еще раз подумай, — посоветовал Джек, прибавляя звук. — Послушай мелодию. Леннон и Маккартни родились, чтобы петь вместе.

— Запомни, — вставила Джиа, — ничто современное Джеку не нравится.

— Это еще почему?

— Посмотри на свою квартиру, на свои любимые дома, на любимую музыку. — Она с улыбкой кивнула на плеер. — Ни одной песни, записанной после восьмидесятых годов.

— Неправда.

— Какую поп-группу, кого из современных солистов ты слушаешь? — пискнула сзади Карин.

Джек, решив позабавиться, не стал докладывать, что в бардачке лежит последний диск «Тинейшес Ди».

— Мне очень нравится Бритни Спирс.

— Наверняка тебе очень нравится на нее *смотреть,* — заметила Джиа, — а песню какую-нибудь назови. Хоть одну.

— Э-э-э...

— Попался! — рассмеялась Карин.

— У Эминема кое-что нравится...

— Да ну тебя, — фыркнула Джиа.

— Правда. Нравится песня о совести, где в одно ухо говорит праведный голос, а в другое неправедный, помнишь? Здорово.

— Готов купить?

— Ну...

— Снова попался! — воскликнула Карин. — Попробуем девяностые годы. Что слушал в девяностых?

— Пускай я не фанат «Спайс герлс», но в девяностых жил полной жизнью.

— Докажи. Кого покупал и слушал?

— Запросто. «Тревеллинг Уилберис».

Клод расхохотался, а Карин простонала:

— У меня уже башка трещит.

— "Битлз" избавят тебя от головной боли, — заверил Джек. — Тут только то, что было написано до «Сержанта Пеппера», когда они еще не забурели. Хорошие вещи.

Автомобиль заполнили звуки вступления для двух гитар из песни «И твоя птица умеет петь», а Джек продолжал пробираться по извилистой автостраде вдоль берега Бруклина, то поднимаясь до третьего этажа, то опускаясь на два этажа ниже уровня улиц. Когда проезжали под нависшими Бруклинскими высотами, перед ними постепенно возник замечательный вид на нижний Манхэттен, сплошь залитый огнями.

— Прямо как в фильме «Власть луны», — заметила Карин.

— Только во «Власти луны» башни-близнецы еще стояли, — вставил Клод.

Джеку башни Всемирного торгового центра никогда не нравились, даже не подумал бы, что ему будет не хватать скучных посеребренных пеналов-двойняшек. Оказывается, не хватает — до сих пор при виде пустого неба на их месте накатывает приступ ярости. Наверно, террористы, как и все чужаки в этом городе, видели в башнях венец на его силуэте и нанесли удар по голове. Интересно, как бы реагировал город, если в они выбрали целью Эмпайр-стейт или Крайслер-билдинг, во многом олицетворяющие его сердце, душу, историю. На Эмпайр-стейт карабкался Кинг-Конг — *настоящий* Кинг-Конг.

На мосту Косцюшко Бруклин перешел в Куинс, и шоссе понеслось, извиваясь, сначала через Лонг-Айленд, потом через столь же непривлекательные Высоты Джексона.

Район Астория расположен на северо-западном выступе Куинса вдоль Ист-Ривер. В этих местах Джек бывал часто, но обычно не на машине. На Стейнвей-стрит находится один из его абонированных почтовых ящиков. Подъезжая, подумал, не сделать ли небольшой крюк, чтоб забрать почту, и отбросил эту мысль. Пассажиры могут задать ненужные вопросы. Лучше приехать в метро на следующей неделе.

Следуя несколько беспорядочным распоряжениям Джуни, которая всегда ездила сюда в такси и

неуверенно отыскивала ориентиры, он съехал с автострады Бруклин-Куинс на бульвар Астория и повернул на север вдоль домов непрерывной рядовой застройки.

— Что такой крутой малый, как Ифасен, делает в подобном захолустье? — поинтересовался Джек.

— Куинс не захолустье! — возразила Джуни.

— А по-моему, настоящая глушь. Слишком открытое место. Чересчур много неба. На меня прямо дрожь нагоняет... — Он резко вывернул руль. — Ух ты!

— Что случилось? — воскликнула Джуни.

— Только что видел стадо бизонов. Собирались перебежать дорогу перед машиной. Говорю же, типичная глушь.

Под смех пассажиров на заднем сиденье Джиа, по обыкновению, больно ущипнула его за ляжку.

Проехали мимо массивного здания греческой православной церкви. Сновавшие перед ней по тротуару люди были одеты в широкие брюки, ермолки и сари. Раньше в Астории проживали почти одни греки, теперь прибавилось индийское, корейское, бангладешское население. Многоязычный район.

Свернув на Дитмарс-бульвар, оказались в торговом квартале с обычным набором лавок с одеждой, хозяйственных магазинов, туристических агентств, зоомагазинов, аптек, вездесущих экспресс-кафе «Кентакки фрайд чикен», «Данкин Донатс», «Макдоналдс», деликатесных с греческими сандвичами, шашлыком и кебабом. Миновали пакистанский ресторан с вывесками на фасаде, написанными не только на чужих языках, но и незнакомыми буквами. Греческое влияние по-прежнему сильно чувствуется — на тентах над греческими кофейнями, греческими пекарнями и даже пиццериями изображен афинский Акрополь, греческие боги.

— Вот! — Джуни, подавшись вперед, указывала в ветровое стекло на продовольственный магазин с желтым тентом с надписью по-английски и другой, вроде бы на санскрите. — Узнала! Поверни направо на следующем углу.

Джек покорно свернул в тихий жилой квартал. В отличие от остальных в этом районе улиц рядовой застройки здесь стояли отдельные двухквартирные дома. Наверху по темневшей эстакаде прогромыхал поезд.

— Дом 735, — продолжала Джуни. — Не проедем. Единственный одноквартирный дом во всем квартале.

— Наверно, единственный во всей Астории, — добавил Джек.

— Должен быть где-то справа. — Она снова махнула рукой. — Вон! Ур-р-ра! — Сзади послышались громкие аплодисменты. — Я же вам говорила, что найду дорогу!

Джек отыскал пустое место у обочины, не успел остановиться, как Джуни выскочила на тротуар:

— Пошли, ребята! Пообщаемся с мертвецами!

Карин с Клодом вывалились наружу, Джек не двинулся с места.

— Пожалуй, мы дальше поедем.

— Нет! — воскликнула Джуни, склонившись к переднему окну. — Джиа, ты должна с ним познакомиться, посмотреть, на что он способен!

Джиа взглянула на Джека:

— Что скажешь?

Он понизил голос:

— Знаю я эти игры. Ничего хорошего...

— Ты был медиумом?

— Нет. Однажды ассистировал.

— Прекрасно! Тогда все мне потом объяснишь. — Она с улыбкой потянула его за руку. — Пошли. Будет забавно.

— Так же, как на вечеринке?

Джиа бросила на него такой взгляд, что он пожал плечами и сдался:

— Ну ладно, пойдем. Посмотрим, заслуживает ли этот парень восторженного пресс-релиза Джуни.

Джуни радостно взвизгнула, ведя к дому Карин и Клода. Джек запер машину и подошел к Джиа, ждавшей на тротуаре. Сделал несколько шагов и замер перед домом.

— В чем дело? — спросила она.

— Ты только посмотри...

Дом ему почему-то сразу не понравился. Здание в колониальном стиле, с пристроенным гаражом какого-то темно-коричневого цвета. Возможно, днем смотрится лучше. Хорошо выстриженный газон, среди других растений перед парадным высажены цветущие недотроги и ноготки. Однако дом кажется неким огромным голодным злым гадом, притаившимся на просторной лужайке, плотоядно поглядывая на тротуар. Из дверей вот-вот выскочит змеиный язык, схватит неосмотрительного прохожего...

— Выглядит в самом деле погано, — согласилась Джиа. — Архитектор напортачил.

— Не ходите туда, — проговорил слева голос с акцентом.

Джек оглянулся на худую темноволосую индианку в ярко-синем сари, шагавшую по тротуару с немецкой овчаркой на поводке.

— Простите? — переспросил он.

— Очень плохое место. — Женщина подошла ближе. Черные волосы заплетены в длинную толстую косу, перекинутую через правое плечо; в правую ноздрю продето тонкое золотое кольцо. — Дурное прошлое. Будущее еще хуже. Держитесь подальше. — Не замедляя шага, она сверкнула черными глазами на Джека. — Держитесь подальше... — Перевела взгляд на Джиа. — Особенно ты.

И пошла дальше. Собака оглянулась, а женщина смотрела вперед.

— *Бред* какой-то, — хмыкнула Джиа с неуверенной улыбкой.

Джек всегда думал, что можно бороться со страхом, глядя ему прямо в глаза. Недавние события заставили его усомниться в мудрости этой мысли. А когда рядом Джиа...

— Пожалуй, стоит прислушаться.

Джиа рассмеялась:

— Ох, перестань! Либо она работает на того самого типа, приводя посетителей в соответствующее настроение, либо местная сумасшедшая. Неужели ты всерьез ее принял?

Джек оглянулся на удалявшуюся фигуру в сари, уже едва различимую в темноте. После пережитого в последнее время кошмара он принимает всерьез многое, над чем лишь посмеялся бы раньше.

— Не знаю, — пробормотал он.

— Ну, пошли. — Джиа потянула его за собой. — Джуни месяца два ходит к этому самому медиуму, и у нее все в полном порядке.

Джек обнял ее за талию, они вместе направились к дому, догнали остальных у парадного, глядя, как Джуни тщетно нажимает на кнопку звонка.

— Где же он?

— Может, его дома нет? — предположил Джек.

— Должен быть! Я же...

Дверь со скрипом чуть-чуть приоткрылась. В щелке показался глаз и узкая полоска смуглой щеки.

— Ифасен, это я, Джуни! Слава богу, вы дома!

Створка открылась шире, в проеме возник высокий худой темнокожий мужчина лет тридцати, в белой футболке и серых брюках, с волосами сплетенными в тугие аккуратные локоны, ниспадавшие на широкие плечи. Похож на Ленни Кравица в худшие времена.

— Мисс Мун, — проговорил он с непонятным акцентом. — Время позднее.

Джек сдержал улыбку, слыша это очевидное заявление. Человек, видно, опытный. Любой другой спросил бы: «Что вы тут в такой час делаете?» Но когда люди думают, будто тебе все известно — пускай даже не все, просто дьявольски больше, чем прочим, — следует не задавать вопросы, а формулировать утверждения.

Выражение лица Ифасена удивило его. На нем было написано... облегчение. Кого он ожидал увидеть?

— Знаю, — кивнула Джуни. — Помню, мой визит назначен на завтра, но мне обязательно надо вас видеть.

— Не можете дождаться, — заключил он спокойным, уверенным тоном.

— Вот именно! Мне нужна ваша помощь. Я потеряла счастливый браслет... Вы должны его найти!

Ифасен задумчиво оглядел спутников Джуни, столпившихся на пороге:

— И целую компанию привели.

— Я им о вас рассказывала, они жутко хотят познакомиться. Можно войти? Пожалуйста!

— Прошу. — Ифасен отступил назад, полностью открыв дверь. — Уделю вам несколько минут. Мне нужен отдых перед утренним приемом клиентов.

Верно, вспомнил Джек. Конец недели — горячее время для медиумов.

Джуни шагнула вперед, за ней Карин с Клодом. Как только Джек и Джиа перешагнули порог, воздух наполнился грохотом, дрожь прохватила их до костей, и весь дом содрогнулся.

— Бомба! — крикнул Ифасен. — Вон! Все прочь отсюда!

Затем раздался другой звук — пронзительный, оглушительный, эхом отразившийся от стен вопль, полный боли, страха, радости — точно не скажешь...

Хотя грохот, по мнению Джека, нисколько не походил на взрыв бомбы, он не стал рисковать, схватил Джиа в охапку, потащил на лужайку. Джуни, Клод и истошно вопившая Карин понеслись за ними.

Ифасен замер в дверях, крича:

— Чарли! Чарли!..

Джек бежал к машине, толкая перед собой Джиа. Потом что-то заметил и остановился.

— Подожди... Чувствуешь?

Она глянула на него, опустила глаза:

— Земля...

— Точно... Трясется...

— Господи! — крикнула Джуни. — Землетрясение! Толчки прекратились столь же внезапно, как и начались.

Джек огляделся. На другой стороне улицы вверх и вниз по кварталу вспыхивал свет, из домов выскакивали люди, одетые, чаще раздетые, кричавшие или просто растерянные.

Джиа снова на него взглянула:

— Землетрясение? В Нью-Йорке?

— Помнишь, что было в Верхнем Истсайде в 2001 году?

— Читала, но ничего тогда не почувствовала. А *это* почувствовала. И мне не понравилось...

Ему самому не понравилось. Может, в таких местах, как Лос-Анджелес, люди привыкли к подобным вещам, но чертовски неприятно, когда качается и дрожит под ногами твердая гранитная порода под добрым старым Нью-Йорком...

— А крик слышала?

Джиа кивнула, прижалась поближе, вцепилась в плечо.

— Словно проклятая душа кричала...

— Должно быть, от толчков со скрипом вылезли старые гвозди.

— Тебе лучше знать. Только очень похоже на человеческий голос.

Конечно похоже, мысленно согласился Джек. Не стоит пугать ее еще больше.

Оглянувшись вокруг, он увидел, что к ним приближается Ифасен с другим темнокожим парнем помоложе, с теми же фамильными чертами. Похожее телосложение, лица, хоть второй без косичек, с аккуратно подстриженными волосами, в черных брюках, черных кроссовках, легкой черной водолазке с длинными рукавами.

— Землетрясение! — охнула Джуни. — Можете в это поверить, Ифасен?

— Я ждал чего-то подобного, — ответил медиум. — Но надвигающаяся сейсмическая активность мешает общению с духами, поэтому не получил точного сообщения.

Джек одобрительно кивнул. Ловкая импровизация.

— Можно теперь в дом зайти? — не отставала Джуни.

Ифасен покачал головой:

— Не знаю...

— Ну, *пожалуйста!*

— Хорошо, — вздохнул экстрасенс, — ненадолго. Кстати, — он положил руку на плечо молодого человека, — это мой брат Кехинде. Живет вместе со мной в Менелай-Мэнор.

Менелай-Мэнор, повторил про себя Джек, глядя на старый дом. У дома есть имя?

Кехинде повел к парадному всю компанию. Джек немного отстал вместе с Джиа, чтобы поговорить с

Ифасеном.

— Почему вы решили, что взорвалась бомба?

Ифасен слегка прищурил невозмутимые глаза цвета оникса:

— С чего вы взяли?

— Не знаю. По-моему, когда дом затрясся, вы крикнули: «Бомба!»

— Точно не могу сказать. Может быть, первая мысль с перепугу пришла в голову. Сейсмические колебания...

Джек махнул рукой:

— Вы уже говорили.

Ифасен говорит правду, и это плоховато. Дом может трястись, грохотать и раскачиваться по многим причинам, но мысль о *бомбе* не должна приходить в голову первой.

Если не ждешь чего-то подобного.

— А где Чарли?

Ифасен напрягся:

— Кто?

— Когда мы бежали, я слышал, как вы звали Чарли.

— Наверно, ослышались, сэр. Я звал своего брата Кехинде.

Джек обратился к Джиа:

— Пойдем лучше отсюда.

Она не успела ответить.

— Заходите, пожалуйста, — пригласил Ифасен. — Не бойтесь. Вам действительно ничего не грозит.

— Пошли, Джек. — Джиа посмотрела на медиума. — На полчасика, ладно?

— Не более. — Экстрасенс улыбнулся. — Я уже говорил, что должен отдохнуть.

Ладно, решил Джек, на полчасика. За полчаса что может случиться?

2

— В этой комнате открывается канал связи с миром духов. — Ифасен широко развел руками.

Впечатляюще, заключил Джек, осмотрев помещение.

Комната с высокими потолками, расположенная на втором этаже, украшена разнообразной атрибутикой спиритизма и «нового века»[3] с добавлением отдельных штрихов. Особенно поражала масса статуй — некоторые очень похожи на подлинные — из церквей, индийских храмов, пирамид майя... Мария, святой Иосиф, Кали, Шива, тотемный столб, божество с головой змеи, соборные горгульи, каменный десятифутовый Ганеша с золотым скипетром в свернутом кольцом слоновьем хоботе... Окна завешены портьерами, на отделанных дубовыми панелями стенах изображения идолов спиритизма. Джек узнал в этом Лувре фальшивок мадам Блаватскую и Мону Лизу.

В дальнем конце круглый стол со стульями. У ближней стены возвышается на два фута богато украшенный подиум, на который поднялся Ифасен, указав Джеку, Джиа, Джуни, Карин и Клоду на расставленные перед возвышением стулья.

— Я, Ифасен, — провозгласил он, — наделен даром общения с духами. Не могу разговаривать с мертвыми напрямую, но с помощью древнего нигерийского мудреца Огунфидитими, сопровождавшего меня еще ребенком в потустороннем мире, приношу оттуда в наш мир откровения и пожелания добра и надежды. По крайней необходимости переношу на сегодня сеанс, назначенный мисс Мун на завтра. В знак признательности она внесла щедрый вклад в фонд реставрации Менелай-Мэнор, в том числе и от вашего имени, что вам позволяет присутствовать на сеансе.

Карин и Клод захлопали, а сидевшая в одиночестве в первом ряду Джуни оглянулась на них и махнула рукой.

— Отвечать на ее и на ваши вопросы я буду по билетам, — продолжал Ифасен. — Мой брат Кехинде раздаст вам бумагу, конверты и ручки.

Джек взял у Кехинде пару билетиков вроде учетных карточек для себя и для Джиа, решив сыграть вместе с другими в знакомую игру.

— Прошу написать вопрос на билете, подписаться, вложить в конверт, запечатать. Я войду в контакт с Огунфидитими, прося в мире духов ответы. Не задумывайте никаких шуток и каверз, не испытывайте терпение потустороннего мира. Не заставляйте Огунфидитими попусту тратить время на вопросы, ответ на которые вам известен. Помните: духи вовсе не обязаны отвечать на заданный вопрос. Они сами слушают и выбирают. Чем важнее вопрос, тем скорее прозвучит ответ.

Идеальная, замечательная страховка.

— Можно спросить? — подняла руку Джиа, как школьница.

— Конечно.

— Зачем конверт запечатывать? Почему нельзя передать вам билет и получить ответ?

— Хороший вопрос, — улыбнулся Ифасен. — Дело в том, что общение с миром духов — не междугородний звонок. Слова порой просачиваются, но чаще получаешь намеки, ощущения... Чтобы открылся чистый канат, голова должна быть пуста. Думая о вопросе, я загрязню воды своими суждениями, предубеждениями. Если я его не знаю, мысли не помешают. По каналу течет только чистая Истина Духа.

— Гладко излагает, — шепнул Джек, — как по маслу.

Накарябав на карточке: «Как там моя сестра?» — он показал ее Джиа.

— Стоит ли? — усомнилась она.

— Мне хотелось бы знать.

Прежде чем сложить листок, он оторвал кусочек от верхнего левого края. Засовывая билет в конверт, увидел, как Джиа заклеила свой.

— О чем спрашиваешь?

— Это наша с Огунфидитими тайна, — улыбнулась она.

Джек хотел допытаться, но в комнате раздался мелодичный колокольный звон. Он поднял глаза на Ифасена, осторожно державшего нечто вроде большой чаши из чеканной бронзы.

— Это церемониальный колокол из храма, глубоко спрятанного в джунглях Таиланда. Говорят, если его правильно установить, он будет звонить целый день от одного удара. — Медиум щелкнул ногтем по блестящей поверхности, вновь зазвучал тихий звон. — Сегодня он послужит чашей для ваших билетов.

Ифасен передал колокол Кехинде, тот пошел между гостями, собирая конверты. Джек, не сводя глаз с младшего брата, внимательно наблюдал, как тот ставит колокол-чашу за подиумом, с чем-то возится, разворачивает кусок белой ткани, накрывает его и несет назад старшему.

Джек кивнул и откинулся на спинку стула. *Попался.*

С выходом Кехинде освещение изменилось. В комнате стало темнее, а над стоявшим на возвышении Ифасеном откуда-то сверху ярко засиял свет. Он сдернул белую материю с чаши, заглянул внутрь, сунул руку, достал запечатанный конверт, держа его перед собой.

— Первый вопрос, — нараспев произнес медиум, опустил голову, высоко поднял конверт, звездой вспыхнувший на свету. — Слушай, Огунфидитими. Просители пришли ко мне за сведениями, которые можешь дать только ты. Выслушай вопросы, дай ответы. — Он пару раз передернулся и ровным замогильным тоном изрек: — Ты еще не готова. Работай усердней, оттачивай мастерство, жди, терпи. Все придет.

Медиум поднял голову, прищурился, опустил конверт, вынул тонкий позолоченный нож для бумаги, разрезал конверт сверху, вытащил карточку, развернул, держа — к досаде Джека — за левый верхний уголок. Заглянув в билет, Ифасен с улыбкой обратился к Карин:

— Получили ответ на вопрос?

Та восторженно кивнула.

— О чем спрашивала? — полюбопытствовал Клод.

— Буду ли иметь такой же успех, как Джуни.

Джуни на нее оглянулась:

— Я же тебе говорила, что он удивительный!

— Как он это делает? — шепнула Джиа.

— Потом расскажу, — прошептал в ответ Джек.

Угадывая дальнейший ход представления, он вытащил подобранный внизу буклет. Над крупным изображением старого каменного дома на обложке было написано:

ФОНД РЕСТАВРАЦИИ МЕНЕЛАЙ-МЭНОР

Вот куда идут пожертвования.

Джек развернул желтую, втрое сложенную брошюрку, изнутри выпал буклетик поменьше, размером с только что заполненный им билет. На обложке рядом с корявой фигуркой, падавшей в яму, заголовок: «Ловушка». Он перевернул буклет и чуть не рассмеялся. «Издательство Чика»... Мини-комикс «заново рожденных»[4]. На картинках на первых страницах христианин разоблачает медиума.

Какой-то шутник сунул в брошюры Ифасена фундаменталистские буклеты Джека Чика. Забавно.

Джек снова посмотрел на ясновидящего, который уже поднял новый конверт, не повторив заклинания. Видно, торопится. Медиум затряс головой, как бы стараясь очиститься от лишних мыслей, крепко зажмурился, опустил конверт, бросил неодобрительный взгляд на Клода:

— Духи отказываются отвечать. Советуют приобрести калькулятор.

Он вскрыл конверт, развернул карточку, снова держа за левый верхний уголок, и прочел с нескрываемым негодованием:

— Чему равен корень квадратный из 2762... Я ведь предупреждал, что легкомысленные вопросы зря отнимают время у духов!

— Этот вопрос давно меня мучает, — усмехнулся Клод.

Джуни свирепо на него взглянула и шлепнула по колену.

Джеку Клод решительно понравился.

Он отложил буклет Чика и принялся читать брошюру Ифасена об истории дома. Джиа локтем толкнула его:

— Не зевай. Может, твой вопрос следующий.

Джек снова сложил брошюру и переключился на медиума, который поднял очередной конверт, пару раз содрогнулся и провозгласил:

— Сестра шлет привет с той стороны. У нее все в порядке, она тебе желает удачи в жизни.

Джека прохватил легкий озноб. Знакомая игра, ясно, как Ифасен ведет представление, хотя Кейт сказала бы именно так.

Ифасен развернул карточку, снова держа ее за левый верхний уголок.

— Джек, вы получили ответ на вопрос?

— Исчерпывающий, — тихо ответил тот.

Джиа вытаращила на него глаза, схватила за руку:

— Как это ему удается?

Джек наклонился к ней и прошептал:

— Обоснованная догадка. Высокий класс!

— Почему ты так думаешь?

— Очень просто. Если бы он сказал *"Кейт* шлет тебе привет", о *догадке* и речи бы не было.

Свет упал на следующий конверт, Ифасен снова нахмурился:

— С этим вопросом возникли трудности. Чувствую, что-то хочет пробиться, да сейсмические помехи усилились. Не скажу точно... По-моему, двое. — Он открыл глаза. — Вот и все. — Озадаченно хмурясь, Ифасен вскрыл конверт, прочел вопрос, улыбнулся: — Двое. Джиа, вы довольны ответом?

— Да... пожалуй.

Джеку показалось, что она слегка побледнела.

— О чем ты спросила?

— Потом скажу.

— Скажи сейчас.

— Потом. Интересно узнать насчет браслета Джуни.

— Последний конверт, — объявил Ифасен, подняв его в луче света, закрыл глаза, подергался и, наконец, изрек: — Его не украли. Найдете в большой синей вазе.

Джуни вскочила.

— У вас есть большая синяя ваза?

— Да... Да! — глухо повторила она, зажав рот руками. — У дверей стоит... Быть не может! Как он туда попал?

— Духи не говорят *как,* мисс Мун, — объяснил Ифасен. — Говорят только *где.*

— Я сейчас же бегу домой, посмотрю... — Джуни взлетела на подиум, обняла медиума. — Ифасен, вы самый лучший, самый великий! — Она оглянулась на Джека, на Джиа, на Карин и Клода. — Фантастика, да? Потрясающе!

Джек зааплодировал вместе со всеми. Нет в этом Ифасене ничего потрясающего, хотя он хорош. Очень даже хорош.

3

— Господи Иисусе! — воскликнул Лайл Кентон, когда незваные гости в конце концов убрались. Сбросив маску Ифасена, он ввалился в гостиную на верхнем этаже, рухнул в раскладное кресло, с силой потер глаза. — Что это у нас сегодня творится?

Брат Чарли, тоже отказавшись от раболепной роли Кехинде, по привычке потягивал на кушетке диетическую пепси маленькими, очень быстрыми многочисленными глотками, бросив на него укоризненный взгляд.

— Эй, Лайл, давненько ты не поминал имя Господа всуе!

Лайл виновато махнул рукой, вертя другой косичку, перебирая в памяти события последнего часа. Совсем не та тихая пятница, которую он предвкушал. Когда Джуни Мун затрезвонила в дверь, они с Чарли сидели в гостиной у ящика, переключая каналы в поисках смотрибельной программы.

— Признаюсь, увидев Джуни-Муни в парадном со сворой, решил, что мы влипли. Думал, она догадалась о твоем кратком визите в свой дом и устроила на нас облаву.

Конечно, хорошенько подумав, он понял, что сама Джуни с облавой бы не явилась.

— Могло быть и хуже, — заметил Чарли, расхаживая туда-сюда перед бархатной темно-пурпурной кушеткой, доставшейся им вместе с домом. Все в комнате — мебель, пианино, темные пейзажи в позолоченных рамах на стенах — было здесь при покупке дома десять месяцев назад. — Подвалил бы тот самый стрелок, что нам дырку проделал из тачки.

Лайл кивнул с окостеневшей шеей. В прошлый вторник вечером он стоял внизу в вестибюле у эркерного окна, и прямо над его головой просвистела пуля. Пробила стекло, оставив маленькую дырочку в паутине тоненьких трещин. Лайл вытащил ее из стены, но, не сильно разбираясь в оружии, не смог определить калибр. Впрочем, хорошо понял смысл, пережил настоящее потрясение и фактически впал в паранойю. Сразу задернул все шторы, не подходил больше к окнам.

Причина известна — как только он вошел в игру, богатые клиенты потянулись в Асторию, бросая манхэттенских медиумов, которых этот факт не порадовал. О чем свидетельствовал истинный шквал угрожающих анонимных звонков, обрушившийся на них в последние недели. Кто-то из недовольных понял, что звонки не дают желаемого результата, и решил действовать круче.

Лайл не стал сообщать в полицию о стрельбе. Как говорится, худшая реклама — это ее отсутствие, хотя как раз данный случай представляет собой исключение из правила. Сенсационная история о покушении на медиума может причинить страшный вред. Клиенты разбегутся из опасения оказаться под перекрестным огнем воюющих экстрасенсов. Лайл даже воображал остроумные заголовки: *побывав на сеансе у медиума, вы станете гораздо ближе к любимым покойникам, чем вам того хочется.*

Да. Вряд ли это пойдет на пользу бизнесу.

Еще хуже ужасная мысль, что кто-то хочет твоей смерти.

Возможно, не смерти, твердил он себе. Скорее всего, выстрел предупредительный, попытка запугать.

В это было бы легче поверить, если бы в момент выстрела он находился где-нибудь в другом месте.

Дальше ничего не последовало. Бог даст, утрясется. Надо просто сохранять спокойствие, тянуть время.

— Но пришел не стрелок, — продолжал Лайл, — а всего-навсего Джуни-Муни с друзьями. Никак не

могла дождаться завтрашнего сеанса. Только я успокоился, открыл дверь — *бабах!* — мир затрясся. Признаюсь, брат, я едва не рехнулся.

Губы Чарли скривились в ядовитой усмешке.

— Куда только делся липовый акцент, когда ты меня звал.

Лайл выдавил улыбку. Он так давно разрабатывал легкий восточно-африканский акцент, пользуясь им двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, что считал родное произношение, приобретенное в гетто Детройта, умершим и похороненным. Ан нет.

— Это доказывает, как я о тебе забочусь, старик. Ты же мой кровный родственник. Не хотелось, чтобы дом обрушился на твою голову.

— Ценю, но со мной был Иисус, и поэтому я ничего не боялся.

— А надо бы. Землетрясение в Нью-Йорке! Слыханное ли дело?

— Может, это предупреждение, Лайл. — Чарли по-прежнему расхаживал по комнате и прихлебывал из бутылки. — Знаешь, Господь велит нам приготовиться...

Лайл закрыл глаза. Чарли, Чарли... Каким ты был славным парнем, пока в религию не ударился...

Видно, это моя вина. И моя беда.

Несколько лет назад, когда они работали в захудалой уличной спиритической лавочке в Дирборне, в городе появился целитель. Братья отправились посмотреть представление. Старший внимательно наблюдал, как ассистенты любезно усаживают еле-еле ковыляющих стариков в кресла-каталки, целитель читает над ними молитвы, после чего они «чудесным образом» вновь обретают способность ходить. Младший тем временем слушал проповедь.

Вернувшись домой, Лайл набросал заметки на будущее, задумав открыть свою церковь.

Чарли купил с разъездного лотка Библию, принес домой, начал читать.

Теперь он «заново рожденный». Истинно верующий. Настоящий зануда.

Раньше они вместе ходили по барам, вместе клеили женщин, все делали вместе. Теперь Чарли интересует одно — Библия и «свидетельства».

Впрочем, как бы там ни было, он ему брат, и Лайл его любит. Хотя *больше* любил прежнего Чарли.

— Если Господь устроил землетрясение специально *для нас,* оно определенно встряхнуло и многих других.

— Может быть, кроме нас, многим надо встряхнуться, — парировал Чарли.

— Аминь. А зачем ты орал? Предупреждай, когда собираешься отколоть новый номер. Уже плохо, что дом трещал, земля дрожала, а после твоего адского вопля все были готовы броситься в реку.

— Ничего я не орал, — возразил Чарли. — Это был *настоящий* вопль, брат.

— Что значит — настоящий? — Лайл в глубине души понял, но надеялся получить другое объяснение.

— Значит, не я вопил. Не человек. *Дом* кричал.

— Ясно. Старые балки скрипели от тряски.

Чарли остановился, уставился на него:

— Шутишь? Будешь тут мне втюхивать, будто дерево скрипело? Лучше признай, брат, что это был крик. Человеческий.

Лайл и сам так думал, хоть не мог поверить.

— Не человеческий. Кроме нас с тобой, рядом были лишь наши незваные гости, и никто из них не кричал. Так что вопль человеческим только *казался.*

— Нет. — Чарли быстрее забегал по комнате. — И он шел из подвала.

— Откуда ты знаешь?

— У двери стоял.

— Из подвала? — Лайл прохватила холодная дрожь вдоль спины. Он ужасно боялся подвала. — Почему ты мне не сказал?

— Вообще-то просто не успел. Позабыл, что у нас были гости?

— Все давно разошлись.

Чарли отвел глаза.

— Обязательно пойдешь смотреть?

— Обязательно, черт побери. — Идти в подвал ничуточки не хотелось, но иначе точно заснуть не удастся. — Может, сядешь? Меня раздражает твоя беготня.

— Не могу. Совсем слетел с катушек. Лайл, неужто ты не замечаешь? Дом переменился. Я сразу заметил, вернувшись сюда после встряски. Не могу сказать точно, а чую, что он стал какой-то другой... чудной.

Лайл тоже что-то чувствовал, но не признавался. Все равно что самому клюнуть на сверхъестественный бред, на который они приманивают рыбешку. Не дождетесь. Однако надо согласиться, что свет горит не так ярко, как до землетрясения. Или в углах тени немного сгустились?

— Прошедшая неделя истрепала нам нервы, и вот результат.

— Нет. По-моему, мы уже не одни в этом доме. Сюда как бы еще кто-то въехал.

— Вельзевул?

— Зря ты надо мной издеваешься. Не говори, что не чуешь!

— Ничего я не чую!..

Лайл замолчал и тряхнул головой, употребив двойное отрицание. Долгие годы старался стереть следы улицы в своей речи, но время от времени на ухоженной почве Третьего мира выскакивают сорняки. Произношение Ифасена взято из старого Третьего мира, косички — из нового. Ифасен — гражданин мира, не признающий границ между странами, расами, даже между жизнью и смертью.

Третий мир играет главную роль. Проникшиеся идеями «нового века» богатые белые простофили, составлявшие слой населения, на который охотился Лайл, уверены, что только древние примитивные цивилизации сохранили доступ к вечным истинам, забытым постиндустриальной технологической западной цивилизацией. Верят почти каждому слову африканца Ифасена, но отмахнутся от тех же самых слов Лайла Кентона, уроженца трущоб детройтского Вествуд-парка.

Лайл ничего не имел против избранной роли; фактически она ему даже нравилась. А Чарли не пожелал превращаться в ренегата, черного снаружи, белого внутри. Поэтому участвует в представлениях молча. Слава богу, хоть соглашается переодеться в Кехинде. Натягивает широкие штаны, подпоясанные веревкой, тяжело шлепавшие тапки на резиновой подошве, бейсболку с надписью «Тигры» козырьком назад. «Заново рожденный» любитель хип-хопа.

Услышав телефонный звонок, Лайл резко дернулся, облив пивом брюки. Нервы просто ни к черту. Взглянул на определитель — код Мичигана, — снял трубку.

— Привет, конфетка. Я думал, ты уже в самолете.

Бархатный голос Карины Хоукинс в трубке поднял волну страсти.

— Если бы. Рекламная программа затянулась, последний самолет ушел.

Он соскучился по Карине. В двадцать восемь лет — на два года моложе его — она возглавляла пресс-службу на рэп-волне в Дирборне. Они были практически неразлучны, пока Лайл не отправился на Восток, и последние десять месяцев переговаривались по телефону, планируя ее переезд в Нью-Йорк и устройство на здешней радиостанции.

— Тогда садись на утренний рейс.

Послышался зевок.

— Я совсем никакая, Лайл. Пожалуй, лягу спать.

Он не скрыл огорчения:

— Слушай, это уже продолжается три недели...

— К концу следующей все будет в полном порядке. Завтра звякну.

Попытка уговорить ее оказалась безрезультатной. Разговор закончился. Он мрачно замолчал, уставившись на подделку, висевшую на стене.

— Стало быть, не приедет? — спросил Чарли.

— Угу. Слишком устала. Много работы...

— Говорить не хочу, только она тебе крутит динамо.

— Не может быть. Заткнись.

Чарли пожал плечами и жестом застегнул рот на «молнию».

Лайл не признался в возникших уже подозрениях. Похоже, Карина, несмотря на сильное желание сменить место работы, охладевает к мысли покинуть уютную нишу в Дирборне и выйти на нью-йоркский рынок. А теперь начинает остывать к нему самому.

Остается одно: выкроить время на следующей неделе, поехать на запад, сесть перед ней, глядя прямо в глаза, поговорить, объясниться. Она ему нужна, он не хочет ее потерять.

Лайл взглянул на Чарли:

— Пошли, в подвал заглянем.

Младший брат молча кивнул, старший пошел вперед, спустился на первый этаж, свернул к старой кухне с линолеумом на полу, стал спускаться оттуда в подвал, щелкнул выключателем и ошарашенно замер на месте.

— Господи Иисусе... — Вспомнив, что Чарли стоит за спиной, прикусил язык и добавил: — Вот это трещина...

По словам агента из фирмы по торговле недвижимостью, продавшего им дом, подвал оборудовал владелец, после которого дом еще дважды переходил из рук в руки. Кем бы он ни был, вкусом не отличался. Навесной потолок с флуоресцентными лампами, вульгарные стенные панели под дерево, глупо имитирующие орех пекан, и оранжевый бетонный пол. Оранжевый! Как в плохом фильме шестидесятых

или даже пятидесятых годов. Подвал в любом случае абсолютно не соответствует Менелай-Мэнор.

Теперь оранжевый пол расколола огромная трещина.

— Ух ты! — Чарли протиснулся мимо.

Рваная трещина протянулась по всей ширине между стенами с востока на запад, расширяясь в центре на пару дюймов. «Трещина» — не совсем подходящее слово. Бетонная плита расколота пополам.

— Похоже, глубокая, — заключил Чарли, присев у трещины на корточки и сунув туда руку.

У Лайла сердце замерло, он поспешно схватил его за запястье, сердито и испуганно крикнув:

— Что ты, дурак, делаешь? Вдруг плита снова сдвинется? Хочешь остаться без пальцев на правой руке?

— Ох, и правда, — спохватился Чарли, стиснув пальцы, словно от боли. — Это ты верно заметил.

Лайл только покачал головой. Во многих отношениях парень очень умен, однако когда порой требуется простой здравый смысл...

Он принялся исследовать трещину, гадая, глубоко ли раскололся грунт под бетоном. Наклонился, заглянул в отверстие. Ничего, кроме невыразительной темноты.

— Погоди-ка... что это?

Лайл испуганно вздернул голову. На миг показалось, будто он видит звезды... как бы смотрит в ночное небо, но в другое, невидимое с земли... в зияющий, полный звезд колодец, грозивший увлечь его вниз, в бездну.

Он отшатнулся, боясь заглянуть еще раз, и почувствовал на лице дуновение. Вытянул над отверстием руку — ладони коснулся легкий как перышко ветерок.

Откуда, черт возьми?

— Чарли, взгляни и скажи, что ты видишь.

— Зачем?

— Не валяй дурака, делай, что говорят.

Тот заглянул в трещину.

— Ничего. Одна чернота.

Лайл снова посмотрел, на сей раз не увидев ни звезд, ни незнакомого неба. Что же было минуту назад?

Он распрямился.

— Принеси, пожалуйста, ящик с инструментами.

— Зачем?

— Пока не знаю.

Не прошло и минуты, как Чарли вернулся, Лайл открыл ящик, отыскал двухдюймовые гвозди, бросил один в трещину. Прислушался, ожидая услышать, как он звякнет на дне, — ничего не дождался.

Поманил к себе брата:

— Наклонись-ка поближе, послушай.

Вторая попытка тоже дала отрицательный результат. Лайл посмотрел на Чарли:

— Что скажешь?

Он покачал головой:

— Может, внизу грязь, песок...

— Может быть. Все равно мы услышали бы *что-нибудь...*

— Есть идея!

Чарли вскочил, снова побежал наверх и вернулся с кувшином воды.

— Сейчас увидим.

Лайл приложил ухо к трещине, Чарли стал лить туда воду. Слышался только звук текущей тоненькой струйки — снизу не доносилось ни всплеска, ничего подобного.

Лайл сел на пол.

— Не хватало нам только бездонной ямы под домом...

— Чего будем делать? — Чарли ждал от старшего брата ответа.

Ответа не было. Определенно не хочется ставить в известность городские власти. Дом признают аварийным, их выселят. Не для того он проделал долгий путь из Мичигана, чтобы его выселили из первого приобретенного в собственность дома.

Нет, тут нужен человек неболтливый, разбирающийся в строительстве, способный выяснить, в чем дело и как его уладить. Только где его взять, прожив в городе всего десять месяцев?..

— Господи боже мой! — крикнул Чарли, зажимая рукой нос и рот. — Что *это?*

Лайл не произнес ни слова, задохнувшись от бившей в нос вони, вскочил, бросился к лестнице, ринулся вместе с братом на первый этаж и захлопнул дверь.

На кухне они отдышались, глядя друг на друга.

— Наверно, дом стоит на канализационной трубе, — предположил Лайл.

— Протянутой через кладбище, — добавил Чарли. — Слышал когда-нибудь такую вонь? Хоть немножко похожую?

Он отрицательно покачал головой:

— Никогда. — Невозможно представить, что может издавать такой мерзкий запах. — Что дальше будет? Метеорит пробьет крышу?

— Говорю тебе, Господь нас предупреждает.

— Посылая зловонную бомбу? Едва ли.

Хотя в кухню запах не проникал, Лайл не стал рисковать, вместе с Чарли забив щель под дверью намоченными бумажными полотенцами.

Закончив работу, пошел к холодильнику, вытащил банку пива «Хайнекен». В данный момент с легкостью опрокинул бы двойной «Шлиц», только это уж слишком дешевая уличная привычка.

— Ты чего это, струсил? — спросил Чарли.

— Когда я в последний раз трусил? — возмутился Лайл, сунув ему очередную бутылку пепси.

— Когда под домом после землетрясения открылась бездонная яма.

— Твоя правда. — Лайл сделал добрый глоток холодного пива и сменил тему: — Кстати, парень из

компании Джуни-Муни пытался сегодня меня провести, причем не тот, что спрашивал про квадратный корень.

— Лопух Джо? — Чарли снова забегал по комнате.

— Лопух Джек, если верить подписи. Я сразу понял, что с ним будут проблемы. Когда мы побежали из дома, он слышал, как я тебя окликнул по имени, потом спрашивал, почему я при землетрясении упомянул о бомбе. После чего я взял его под наблюдение. Он пристально за нами с тобой следил, ни единого шага не упустил. Хорошо, я заметил, как он оторвал уголок от своего билета.

— Поэтому ты держал их за верхний угол? Сколько помню, всегда держишь снизу посередине. — Чарли нахмурился. — Думаешь, хочет попортить нам жизнь?

— Нет, — покачал головой Лайл. — По-моему, вообще заходить не хотел. Наверно, со скуки решил надо мной посмеяться. Хорошо понимал, что я делаю, но держался спокойно, сидел, не мешал представлению.

Он направился в гостиную, брат потащился следом.

— Может, сам игру ведет?

— Только не нашу, другую... Какую — не спрашивай. — В светло-карих глазах того самого белого парня читалось *«не суй нос».* — Какую-то свою собственную.

Лайл гордился умением распознавать людей. Без всякого спиритизма и духов, просто с тех пор, как себя помнил, обладал подобным талантом и тонко его отточил.

Нынче талант столкнулся с загадкой по имени Джек. С виду самый обыкновенный парень в неприметной одежде, с темными волосами, карими глазами, не красавец, не урод, ничего особенного... Однако непостижимым образом пробил почти непробиваемую защиту. Кроме туманного предупреждения, Лайл учуял в нем только глубокую скорбь. Поэтому, увидев вопрос «как там моя сестра», инстинктивно добавил: недавно умершая.

Судя по реакции пришедшей с ним женщины, попал в яблочко.

— Впрочем, представление прошло прекрасно, — заключил он. — Может быть, подцепили еще пару рыбок, а когда Джуни-Муни найдет в указанном месте пропавший браслет, будет меня расхваливать каждому, кто согласится слушать.

Чарли сел за пианино, доставшееся им вместе с домом, и забарабанил по клавишам.

— Надо бы научиться лабать.

— Бери уроки, — посоветовал Лайл, подошел к фасадному эркерному окну, слегка отодвинул портьеру, открыв пулевое отверстие в паутине трещин. В отверстие, теперь заполненное полупрозрачным резиновым клеем, легко проходит карандаш. Маленькое, а смертоносное. Он спросил себя в тысячный раз...

Справа что-то мелькнуло. Черт побери! Там кто-то есть!

— Эй! — крикнул Лайл и в приступе ярости бросился к входной двери.

— Чего там еще? — спросил Чарли.

— Гости! — Он рывком распахнул дверь, выскочил на веранду, снова крикнул «Эй!», заметив темную фигуру, бежавшую через лужайку, и пустился следом. Глубоко в подсознании слышались тихие выкрики «осторожно, пуля!», но Лайл не обращал внимания. Кровь клокотала в жилах. Вполне возможно, что это тот самый стрелок, проехавший в прошлый раз мимо дома, только теперь не едет, не стреляет, а

улепетывает. Надо догнать и разорвать на части.

В руках у парня что-то вроде большой канистры. Он оглянулся через плечо — в глаза мельком бросилась белая кожа — и швырнул банку в Лайла. Далеко она не улетела — пожалуй, всего на полдюжины футов, — с металлическим звоном упала на землю и покатилась. Освободившись от ноши, парень прибавил скорость, добежал до тротуара и прыгнул в машину, которая тронулась с места, прежде чем захлопнулась дверца.

Лайл, запыхавшись, выскочил на тротуар. Машина уже скрылась из вида. К нему подбежал Чарли, тоже пыхтя, хоть не так тяжело.

— Разглядел в лицо?

— Не успел, не узнал. Видел только, что белый.

— Так я и думал.

Лайл повернул назад.

— Поглядим, что тут у него. — Он присел над банкой, перевернул. Канистра для бензина. — Вот дерьмо!

— Для чего это? Крест хотел запалить?

— Сомневаюсь. — В этом районе белые в меньшинстве, чернокожие лица не редкость. — Дело в бизнесе. Нас хотят выкурить.

Лайл встал, пнул канистру, укатившуюся в траву. В Нью-Йорке куча игроков играет в спиритизм. Это кто-то из них. Остается лишь вычислить.

Только как?

4

— Хорошо, — сказала Джиа. — Наконец мы одни. Расскажи, как работает Ифасен.

Ей до смерти хотелось это услышать с той самой минуты, как они вышли от медиума, но пришлось везти домой Джуни. На шею навязались еще Карин и Клод, тоже жившие в Нижнем Истсайде. Высадив троицу перед домом Джуни, Джек направился по Первой авеню в верхнюю часть города.

Несмотря на поздний час, двигались в потоке машин медленно. Джиа не возражала. С Джеком время никогда не проходит впустую.

— Сначала давай решим, куда едем, — предложил он. — К тебе или ко мне?

Она бросила взгляд на часы:

— Боюсь, что ко мне. У сиделки как раз время кончается.

Вики, ее восьмилетняя дочь, будет еще на ногах. Ей почти всегда удается выклянчить у нянек несколько лишних часов у телевизора.

Джек театрально вздохнул:

— Опять холостяцкая ночь!

Джиа наклонилась к нему, ткнулась носом в ухо.

— Последняя перед целой неделей. Забыл, что Вики завтра утром уезжает в лагерь?

Она сама старалась об этом забыть. Не любила вспоминать прошлогоднюю неделю, когда Вики не было дома, — семь самых одиноких дней в году, — и страшилась завтрашней разлуки.

— Забыл. Напрочь забыл. Разумеется, мы с тобой будем жутко скучать по ней, однако я знаю способ немножко утешиться.

Джиа с улыбкой дернула его за волосы:

— Какой?

— Секрет, который я ни за что не открою до завтрашней ночи.

— Не могу дождаться. Кстати, о секретах: в чем секрет Ифасена?

— Нет-нет, — воспротивился Джек. — Сначала скажи о чем ты его спрашивала. На какой вопрос прозвучал ответ «двое»?

Джиа помотала головой, слегка озадаченная вопросом. Надо как-нибудь выкрутиться, не раскрывая тайну...

— Сперва объясни, как он отвечает, не зная вопросов.

— Тебе правда хочется знать? — спросил Джек, с улыбкой взглянув на нее.

Как редко он улыбается после смерти Кейт... Она уже соскучилась по его улыбке.

— Почему бы и нет?

— Испортишь удовольствие.

— Ничего, переживу. Ну так как же?

— Приблизительно как Джонни Карсон[5] в трюке «Карнак великолепный».

— Он по шпаргалкам читал ответы!

— Вот именно. В сущности, Ифасен делает то же самое.

Джиа озадаченно нахмурилась:

— Ничего не пойму. Мы конверты заклеили, он отвечал, только потом вскрывал и читал...

— Дела не всегда обстоят так, как кажется.

— Наверняка я одна знала, что написано на моей карточке.

— До того как братец Кехинде выполнил свою задачу.

— Кехинде? Да ведь он же просто...

— Мальчик на побегушках? Именно это тебе и внушили. Кехинде играет ведущую роль. Представлением действительно руководит Ифасен, но у него ничего бы не вышло без помощи брата. Прием называется «на шаг вперед». Если помнишь, Кехинде собрал заклеенные конверты, понес чашу в конец подиума и демонстративно принялся накрывать тряпкой. Это и есть решающий момент. Делая вид, будто возится с покрывалом, он на самом деле вскрывает один конверт, вытаскивает карточку — «билет», как предпочитают выражаться медиумы, — кладет ее, открытую, в чашу, бросив туда помеченный конверт с пустой карточкой.

— Зачем?

— Подумай хорошенько. Ифасен — кстати, если это его настоящее имя, то меня зовут Ричард Никсон — сдергивает с чаши белое покрывало, заглядывает внутрь и читает вопрос на заранее вынутой братом карточке. Потом вытаскивает помеченный конверт, поднимает над головой, отвечая на вопрос из карточки, лежащей в чаше.

— Понятно! — воскликнула Джиа, радуясь, что все кусочки улеглись на место. — Дав ответ, он вскрывает конверт, притворяется, будто читает вопрос, на который только что ответил, а на самом деле видит перед собой *новый.*

— Правильно. И на протяжении всего представления он на один конверт впереди — отсюда название этого способа.

— А дополнительный помеченный конверт с пустой карточкой возмещает недостачу. На удивление просто.

— Как все самые лучшие трюки.

Она не смогла скрыть огорчения, что ее так легко одурачили.

— Неужели я так легковерна?

— Не переживай. Ты в хорошей многомиллионной компании. Публику с девятнадцатого века дурачат с помощью этого фокуса. Некогда был вставной номер на цирковых представлениях, потом его освоили медиумы и до сих пор им кормятся.

— Значит, Ифасен не настоящий медиум?

— Говорить даже нечего.

— Откуда тебе столько об этом известно?

Джек пожал плечами, не глядя на нее:

— Чего только не нахватаешься там и сям...

— Ты как-то обмолвился, что однажды помогал медиуму. Он был твоим заказчиком?

— Нет. Я был мальчиком на побегушках вроде Кехинде, проводил всякую закулисную подготовку.

— Быть не может! — Невозможно представить. — Когда?

— Очень давно, сразу после приезда в город.

— Ты мне никогда не рассказывал.

— Тут нечем гордиться.

— Просто не могу поверить, — рассмеялась Джиа. — При всех твоих делах...

Он слегка на нее покосился и снова уставился на поток машин. Ничего не сказал, но во взгляде читалось: *«Ты о многих моих делах не имеешь понятия. Даже близко».*

Совершенно верно. И очень хорошо. Джек, которого она видит почти каждый день, — уравновешенный, добрый, нежный, деликатный в постели, — относится к Вики, как к собственной дочери. Но Джиа его видела и с другой стороны. Единственный раз...

Неужели прошел почти год? Да. Прошлым августом жуткая тварь похитила Вики. До сих пор помнится, как изменился при этом известии Джек, — зубы оскалились, всегда теплые карие глаза стали тусклыми, жесткими. Перед ней явилось жестокое холодное лицо убийцы, в которое никогда не хотелось бы больше смотреть.

Кусум Бахти, за которым он гнался в ту ночь, исчез с лица земли, словно его никогда не было.

Джек убил его. Джиа это знала и — помилуй Бог — радовалась. До сих пор. Всякий желающий причинить вред ее дочке заслуживает смерти.

Впрочем, Джек убил не только Кусума. Точно известно, что в июне в вагоне метро он прикончил стрелявшего в людей бандита. О загадочном «спасителе» одно время кричали все средства массовой информации, теперь фурор практически стих.

Наверняка были и другие. У нее нет фактов, но подобное заключение вполне обоснованно. В конце концов, он зарабатывает на жизнь, улаживая дела людей, исчерпавших легальные возможности. После чего некоторые обращаются к нелегальным. Кое-кто у него просит помощи.

Поэтому заказчики — Джек настойчиво требует называть их не клиентами, а заказчиками — не принадлежат к сливкам общества. Решая их проблемы, ему порой приходится сталкиваться с поистине грязными, гнусными типами, готовыми его убить. Раз он еще жив, значит, другие мертвы.

Джиа предпочитала не пережевывать, а отбрасывать неприятные мысли. Она любит Джека и ненавидит его образ жизни. Выходя из пришедшего из Айовы автобуса, чтобы осуществить мечту стать художницей, даже не подозревала о существовании таких типов, как Джек, не говоря уж о том, чтобы связать с ним жизнь. Законопослушная гражданка, налогоплательщица, а он...

В конце концов Джиа себя заставила посмотреть правде в глаза: она любит преступника. Он не значится ни в списке из десяти человек, которых в первую очередь разыскивает ФБР, ни в других списках, ибо их составители о его существовании не имеют понятия, однако определенно живет вне закона. Даже вообразить невозможно, сколько раз нарушал закон, и по-прежнему каждый день нарушает.

Тем не менее он, как ни странно, самый порядочный из всех известных ей людей, кроме отца. Есть в нем какая-то стихийная сила. Джиа твердо уверена — Джек никогда не обманет ее доверия, никогда не покинет в беде, никогда не позволит причинить ей вред. Если понадобится, жизнь за нее отдаст. С ним она в безопасности, за неприступной каменной стеной.

Так она еще ни на кого не надеялась. И все-таки в прошлом году приблизительно в это же время решила с ним расстаться. При первом знакомстве Джек представился «консультантом по безопасности». Выяснив, чем он в действительности зарабатывает на жизнь, Джиа его бросила. Встречалась с другими мужчинами, но по сравнению с ним все казались какими-то ненастоящими, словно призраки.

Потом он им с Вики понадобился и очутился рядом, несмотря на всю боль, которую она ему причинила, и на все оскорбления, которыми осыпала...

— Я имею в виду, — объяснила она, — при твоих бесконечных аферах...

— Обжулить жулика — совсем другое дело. Тогда как у рыбки, которую медиум подцепил на крючок, просто нет лучшего выбора. По-моему, люди должны получать за свои деньги нечто реальное, а не просто дым в зеркалах.

— Может, им нужен именно дым в зеркалах. Каждый должен во что-то верить. В конце концов, это их деньги.

Джек взглянул на нее:

— Я не ослышался? Это говорит знакомая мне Джиа?

— Серьезно, ну что тут плохого? Наверняка лучше, чем пускать деньги на ветер в Фоксвудсе или в Атлантик-Сити. По крайней мере, получишь какое-то утешение.

— В казино можно проиграть целое ранчо и, уверяю тебя, ровно столько же можно потратить на медиума. Сука, на которую я работал... — Он тряхнул головой. — Я редко называю кого-нибудь «сукой». Далеко не сразу понял, что это за грязное, мелкое, мстительное ничтожество, а когда понял...

— Она тебя надула?

— Не меня. Я уже не питал на ее счет никаких иллюзий, но полностью прозрел после того, как она обманом заставила одну старушку передать ей ценную недвижимость, уверяя, будто таково желание ее покойного мужа.

— Да что ты? — Джиа живо представила себе ситуацию.

— И тогда я ушел.

— Ну, не все же такие.

— Официальные — все.

— Что значит «официальные»?

— Есть два типа медиумов. Неофициальные действительно верят в мир духов, купив весь пакет целиком. Обычно ограничиваются гаданием по картам Таро, по ладоням, чаинкам и прочей белиберде не устраивая никаких представлений. Напротив, официальные медиумы заняты исключительно шоу-бизнесом. Мошенники сознательно жульничают, торгуют информацией о простофилях клиентах, стараются поскорее и выгодней их одурачить. Намеренно преподносят вранье. Обещают заглянуть в загробную жизнь, заставляя лопухов в это верить с помощью спецэффектов вроде эктоплазмы, голосов, писем духов...

— Многие наверняка утешаются. Посмотри на себя. Если бы ты не знал его приемов и хоть наполовину верил, разве тебя не утешили бы слова Кейт?

— Конечно. Но я знал, что это говорит не она, а сам Ифасен. Причем врет. Если бы я пришел к нему как частный клиент, получил бы за деньги сплошное вранье.

— В определенном смысле душевный покой бесценен.

— Даже когда основывается на лжи?

Джиа кивнула:

— Плацебо облегчает головную боль, и тебе становится лучше...

— Пожалуй, — вздохнул Джек, покачав головой. — Самое обидное, что многие официальные медиумы по-настоящему талантливы. На удивление разбираются в людях, инстинктивно читают язык телодвижений, подмечают тончайшие нюансы в речи, в одежде, действительно *понимают* людей. Могли бы стать первоклассными психологами, отлично зарабатывать в честном мире, преуспеть, принося людям пользу. Но предпочитают держаться подальше от общества и играть в свои игры.

— Гм... — хмыкнула Джиа. — Набросанный тобой портрет напоминает кого-то знакомого, имени не припомню. Кажется, на «дж» начинается...

— Очень смешно. Я не в игры играю, а оказываю услуги. Если не получается, то не из-за недостатка усердия. — Он печально улыбнулся. — Впрочем, знаешь, старина Ифасен мне и правда сегодня немножко помог. Разумеется, просто отбарабанил заранее заготовленное сообщение с «той стороны», но, по правде сказать, случайно угадал, что сказала бы Кейт.

— Пожелав тебе в жизни удачи?

— Вот именно.

— Сколько раз я тебе говорила, что ей не хотелось бы видеть тебя до конца дней в слезах! Когда ты это в последний раз от меня это слышал? Два-три часа назад?

Джек виновато усмехнулся:

— Да, знаю. Иногда надо услышать от постороннего человека. В любом случае, думаю, пора вернуться в седло. По речевой почте только что пришли звонки. Завтра прослушаю, если что-то сгодится, возьмусь за работу.

— Отлично.

Что это я несу? — подумала Джиа.

Ох уж эта его поганая работа, почти всегда головоломные, жутко рискованные проблемы, которые надо «улаживать»... Даже в самом крайнем случае не приходится рассчитывать на помощь полиции, которая для Джека опасна не меньше любого преследуемого бандита. Он неизменно работает в одиночку.

На ее постоянные мольбы найти себе другое занятие обещал в качестве компромисса ограничиться просьбами, которые можно удовлетворять на некотором расстоянии, не выходя на сцену, не принимая непосредственного участия. Вроде бы изо всех сил старается сдержать обещание, хотя события слишком часто идут не по плану.

С другой стороны, намерение вернуться к работе означает выход из депрессии. И то хорошо.

— Может, тебе надо вернуться и записаться на индивидуальный сеанс, — предположила она. — Может, Ифасен посоветует перейти к безопасной работе, и ты *его* послушаешь, если меня, бог свидетель, не слушаешь.

— По-моему, от него по другой причине лучше держаться подальше.

— По какой?

— Думаю, у него неприятности.

— Потому что он крикнул про бомбу?

— Не только.

— Что еще?

— Например, неуклюже замазанное пулевое отверстие в фасадном окне.

— Правда?

Джек кивнул:

— Возможно, стекло было пробито до покупки дома, хотя он явно делал ремонт. Значит, кто-то хочет осложнить ему жизнь.

— Кто?

— Прочие медиумы. Леди — для меня это понятие неопределенное, — на которую я когда-то работал, с ума сходила, когда клиент уходил от нее к кому-нибудь другому. Она звалась мадам Уская, а на самом деле ее звали Берта Канторе. Сначала я думал, будто, насмотревшись «Человека-волка», позаимствовала фамилию старой актрисы Марии Успенской, игравшей цыганку, но эта мысль слишком ей льстила. Невозможно представить, чтобы эта дура сидела и читала титры. Однажды вечером, хватив лишку джина, разоткровенничалась и проболталась, что взяла имя жившего по соседству русского старика, умершего, когда ей было десять лет. Знаешь поговорку, что леопард никогда не избавится от пятен? И Берта, именуясь Уской, не отделалась от истинной натуры, от крутого нрава, которым ее наделил отец-сицилиец. Посылала меня резать покрышки, бить стекла...

— И ты слушался?

Он не посмотрел на нее.

— Как правило, просто докладывал, будто выполнил распоряжение, а иногда... действительно выполнял.

— Ох... — Джиа не скрыла неодобрение.

— Слушай, я был голодным и глупым мальчишкой. Считал, что ее враг — мой враг, пока не понял, что *она* и есть мой самый страшный враг. Черт возьми, умей она делать бомбы, наверняка заставила бы меня их подбрасывать и запал поджигать, чтоб избавиться от любой конкуренции. — Он покачал головой. — Бред собачий.

— Не ее ли боится Ифасен?

— Нет. Я слышал пару лет назад, что она перешла «в мир иной», как у них принято говорить. — Джек мельком бросил на нее расстроенный взгляд. — Давай больше не будем о ней говорить, хорошо? У меня при одной мысли зубы болят.

Джиа заподозрила, что, покончив с мадам Уской, он вернется к вопросу, который она задала Ифасену, и принялась придумывать, чем бы его отвлечь. Заметила и схватила брошюру, прихваченную в доме медиума.

— "Фонд реставрации Менелай-Мэнор"... Это еще что такое?

— Похоже на очередную аферу. Сбор пожертвований на ремонт дома, в котором живешь и работаешь. Более блистательной идеи я даже не слышал.

— Сведения соответствуют действительности? — спросила Джиа, мельком знакомясь с прискорбной историей дома при свете уличных фонарей.

— Не успел прочесть. Что там сказано?

Она зажгла свет в салоне, поднесла брошюру к лампочке.

— Сказано, что дом в 1952 году построил Кастор Менелай, который умер от рака, став его последним владельцем, перешедшим «в иной мир» естественным образом.

— *Повезло* ему, — усмехнулся Джек.

— Дом унаследовал его сын Дмитрий, покончивший самоубийством в начале девяностых годов. Несколько лет там жил доктор Сингх с женой, кое-что перестроив, потом кто-то во сне их зарезал. Какой ужас! Надеюсь, это выдумки.

— Читай дальше.

Ей это все меньше нравилось.

— До Ифасена дом принадлежал Герберту Лому и его жене Саре...[6]

— Случайно, не актер из «Призрака оперы» Хаммера?

— Неизвестно. Он исчез вместе с женой после того, как... о господи... — Дальше речь шла о зверски замученном ребенке. Чувствуя тошноту, Джиа закрыла брошюру.

— Что?

— Не имеет значения. Какой-то тошнотворный кошмар! Ифасен хочет внушить впечатление, будто дом проклят. Наверняка фантазирует.

— Вряд ли, — качнул Джек головой. — Его с легкостью разоблачили бы. Скорее взял несколько фактов, чуть-чуть приукрасил. Давай дальше.

— Не хочется.

— Выбери главки, где меньше крови.

Она неохотно взглянула, пропустив жуткий абзац.

— Дальше он от себя говорит: «Я выбрал Менелай-Мэнор потому, что насильственная кончина производит сильные психические вибрации. Души умерших в доме не упокоились, до сих пор здесь присутствуют, размывая границу между нашим и иным миром. Это идеальное место для церкви, которую я намерен открыть». — Джиа посмотрела на Джека. — Церковь?

— Идеальная цель для мошенника, — улыбнулся он. — Абсолютно законный рай без всяких налогов, станок, который печатает деньги. Как ты думаешь, почему сайентологи позволяют себе привлекать к суду каждого, кто критически высказался против их рэкета?

— По его утверждению, пожертвования позволят «примирить особняк с нынешним миром и привести в гармоничное соответствие с будущим». Что это значит?

— Видимо, вечное совершенствование. По крайней мере, пока сам Ифасен не перейдет в мир иной.

— Потише, — предупредила она. — Еще одно высказывание в том же духе, и я сочту тебя циником.

— Правда?

Джек выехал на Саттон-сквер, остановился перед дверью особняка, притянул ее к себе, поцеловал.

— Спасибо, что вытащила меня сегодня из берлоги. Землетрясение, медиум в доме с привидениями... умеешь развлечь парня.

Она ответила на поцелуй.

— Всегда пожалуйста. Завтра ночью развлеку еще лучше.

— Ух ты!

Они со смехом вышли из машины. Джек обнял Джиа за плечи, сделал несколько шагов к парадному и вдруг остановился.

— Эй, секундочку. Ты так и не сказала, о чем спрашивала. Говори.

— Ни о чем. Просто глупость втемяшилась в голову. Не допытывайся...

— Кто сильней меня любит глупости? Рассказывай. Не уйду, пока не скажешь.

— Ладно. — Безвыходное положение. — Спрашивала, сколько у меня будет детей...

— И он ответил «двое». — Джек усмехнулся. — Жалко, что соврал. Иначе я стал бы папашей номера второго. По крайней мере, претендовал бы на звание.

— Ифасен отвечал с полной уверенностью.

— Профессионально просчитал шансы. Рассмотрим твой вопрос с его точки зрения. Ты выглядишь моложе своих лет. Скорее всего, у тебя есть ребенок, а то и два. Если нет, можно с уверенностью пообещать двух-трех. Трех было бы надежней, но парень, по-моему, любит ходить по самому краю. Рискнул на двух.

— Если у меня никогда не будет второго ребенка, выяснится, что он ошибся.

— Когда ты наверняка в этом удостоверишься, то давным-давно забудешь об Ифасене. Или он от своих слов откажется. Зачем ему морочить себе голову?

Джиа не могла от этого так легко отмахнуться. Утром ее немного подташнивало. Разве можно забеременеть, добросовестно каждое утро глотая таблетки?..

Кроме нескольких дней в июне, когда они с Вики летали в Айову к родным. Она впервые в жизни забыла их с собой захватить. Для чего, если Джека нет рядом? По возвращении сразу же вновь принялась принимать.

Хотя сразу после приезда...

Ее вновь затошнило. Конечно, бывают дела и похуже, однако о ребенке сейчас даже думать не хочется...

Невозможно...

Тем не менее завтра, как только Вики сядет в автобус и уедет в лагерь, надо будет первым делом купить домашний набор для анализа на беременность.

На рубеже

Оно вышло из долгого небытия.

Долго ничего не знало, не чувствовало. Теперь чувствует, знает.

Едва знает. Не представляет, что — кто — оно такое, чем или кем было. Помнит, что существовало в прошлом, потом существование кончилось. Сейчас вновь началось.

Почему?

Неизвестно, где оно находится. Всматривается вдаль, смутно чуя присутствие себе подобных и других, на себя не похожих, никого из них не узнает.

Неизвестность пугает, однако сквозь страх пробивается иное чувство — ярость. На что — непонятно, хотя оно ее старается сохранить, осознать и усилить. Целиком наливается яростью, дожидаясь, когда ее можно будет куда-нибудь выпустить...

В рассветный час

Лайл проснулся, дрожа всем телом.

Что происходит с чертовым вентилятором? Еле-еле охлаждал комнату, когда он ложился спать, а теперь совсем заморозил. Он открыл глаза. Спальня располагается на первом этаже, окна выходят на улицу, поэтому жалюзи ночью закрыты. Сквозь них проникает не бледно-серый рассвет, а желтое свечение уличных фонарей. Прищурился на светившийся дисплей будильника — 2.32 — и тихо застонал. Не в силах встать, натянул на голову покрывало, попытался снова погрузиться в сон, но мысли о выстрелах и покушениях на его жизнь не позволяли.

Кто-то хочет его убить...

Поэтому вечером он лег не сразу. Хлебнул пива, чтоб снять напряжение, только потом свалился в постель. Сон не шел, и Лайл долго лежал в темноте, прислушиваясь к незнакомым звукам. Не скоро удалось забыться.

В комнате становилось все холоднее. Студеный воздух просачивался под покрывало, охватывал ледяными объятиями. Он спустил одну ногу с кровати. Проклятье, придется встать...

Стоп. Вентиляция не работает. Точно. В старом доме нет центральной системы, поэтому вентиляторы встроены в окна, и они молчат.

Лайл застыл. Не от холода — от ощущения, что он не один в спальне. Где-то в ногах кровати в темноте кто-то есть.

— Чарли?

Нет ответа. Во мраке не шуршит одежда, не слышно дыхания, но волоски на руках встали дыбом, шея окостенела — значит, тут кто-то есть. Наверняка не Чарли — брат никогда такой шутки не выкинет, — тем не менее Лайл снова спросил:

— Чарли, черт побери, это ты? — Голос дрожал синхронно с трепыхавшимся сердцем.

Сильней чувствуя холод, он откинулся на изголовье кровати, осторожно сунул руку под пружинный матрас, вытащил недавно припрятанный нож для разделки мяса. Зажав рукоятку в покрытой смертным потом ладони, протянул свободную руку к лампе, щелкнул выключателем.

Ничего. Щелкнул еще раз, другой, пятый. Свет не зажегся. В чем дело? Лампа недавно прекрасно работала. Отключено электричество?

Нет. Дисплей часов светится...

Тут дисплей на секунду померк, словно кто-то прошел перед ним.

Сердце бешено застучало. Чувствовалось, как что-то непонятное приближается к кровати.

— У меня нож, черт возьми! — Хриплый голос сорвался. — Не подходи!

Что-то упорно двигалось вперед и нависло над ним, наклоняясь все ниже...

— Мать твою! — выкрикнул Лайл и нанес удар прямо перед собой.

Лезвие вошло не в одежду, не в плоть, а как бы в рыхлый снег, холодный до невозможности. Он отдернул руку, хотел бросить нож — окоченевшие пальцы не слушались.

Неожиданно вспыхнула лампа. Он вздрогнул, охнул, снова выставил нож — то ли нападая, то ли защищаясь, неясно, лезвие словно двигалось по собственной воле — и никого не увидел.

Никого... Быть не может! И холод исчез, оставив после себя туманный влажный воздух. Лайл взглянул на нож, вскрикнул при виде густой красной жидкости, медленно стекавшей по лезвию, швырнул его на пол... где еще что-то лежало.

— Чарли!

Господи Иисусе, братишка лежит на спине, раскидав руки-ноги, с пробитой окровавленной грудью, с остекленевшим взглядом, полным потрясенного изумления.

Лайл обмяк, соскользнул с кровати, рухнул на колени перед мертвым телом.

— Чарли, Чарли, — забормотал он, всхлипывая и склоняясь над ним, — зачем ты это сделал? Что за *глупость?* Ты же знаешь...

— Лайл! — раздался голос за спиной.

Он резко дернулся.

— *Чего* тебе, Лайл?

Он оглянулся на брата, стоявшего далеко от кровати в дверях, открыл рот, не в силах вымолвить ни слова. Это невозможно...

Снова глянул на пол, где ничего не было, кроме ножа. Ни Чарли, ни крови на ковре и на лезвии.

Неужели я свихнулся?

— В чем дело, старик? — зевнул Чарли. — Чего звал меня в такую рань?

Лайл опять посмотрел на него:

— Я... — Голос дрогнул, прервался.

— Эй, ты чего это? — Он шагнул вперед, выражение досады на его лице сменилось озабоченностью. — Вид у тебя паршивый, брат.

Лайл наконец обрел дар речи:

— Только что видел самый ужасный кошмар в своей жизни. До жути реальный и... просто немыслимый.

— Какой кошмар?

— Кто-то сюда вошел... — Дальнейшего он решил не рассказывать.

Чарли кивнул.

— Не вижу ничего страшного.

Правильно. Истолковать сон не трудно, но холод и чье-то присутствие до сих пор ощущаются.

— Я был абсолютно уверен, что здесь кто-то есть. — Лайл указал на нож, валявшийся на полу. — Даже пытался его зарезать.

Чарли выпучил глаза.

— Господи помилуй, наверно, надо запирать на ночь дверь на случай, если ты во сне начнешь разгуливать.

Он усмехнулся собственной шутке. Лайл постарался тоже улыбнуться, надеясь, что не слишком натужно. Если бы Чарли знал...

Он подобрал нож, повертел в руках, с ужасом вспоминая капавшую с него кровь. В лезвии, столь же

чистом, каким оно было в кухонном ящике, отразилось осунувшееся лицо.

Хорошо, что он не всадил в брата нож. Слава богу. Но, вопреки всем разумным соображениям, невозможно отделаться от ощущения, что в спальне еще кто-то был этой ночью.

Может быть, надо пойти и купить пистолет.

На рубеже

Пока еще неизвестно, кто оно или что, где находится, но в сознании метеоритами вспыхивают обрывки воспоминаний. Угрожающе мелькнул какой-то острый предмет, хлынула красная жидкость...

Отсюда надо уйти, выбраться... Прочь!

Суббота

1

— Все будет отлично, мамочка, — заверила Вики, когда Джиа в последний раз крепко обняла дочь у автобуса, который должен увезти ее в лагерь. — У тебя просто синдром разлуки.

Она со смехом отстранилась, глядя на нее.

— Что-что?

— Синдром разлуки. Я читала в брошюре для отъезжающих в лагерь.

— Предполагается, что страдать должна *ты,* а не я.

— Я и страдаю. Боюсь, автобус тронется, ты заплачешь.

— Не буду. Обещаю.

Очередной поцелуй и долгое объятие — без памяти любимая восьмилетняя девочка порой ведет себя так, будто ей уже стукнуло сорок, — и Джиа отступила назад, присоединившись к другим родителям.

Никаких слез, приказала она себе, глядя, как Вики исчезает в утробе автобуса с тарахтевшим мотором. Не надо расстраивать дочку.

На место сбора рядом с площадью ООН приехали в такси. Вики всю дорогу болтала, что ее вполне устраивало. Утром была совсем без сил, снова подташнивало. Тревога из-за отъезда или еще что-нибудь?

Нервы, сказала себе Джиа. Что еще?

Как бы там ни было, от тряски в такси лучше не стало. Хорошо, что Вики трещала без умолку, как ей не терпится поработать в лагере на станке для лепки из глины, для чего она в прошлом году была слишком мала.

Джиа довольно успешно сдерживала переживания, когда Вики, сев у окна, принялась ей махать. Глядя на темные волосы дочери, заплетенные утром во французскую косичку, на широкую улыбку, сверкающие синие глаза, чуть не потеряла самообладание. Вовремя выдавила кривую улыбку и, прищурившись, сдержала слезы.

Что я за мать? Девочке всего восемь лет, а я отправляю ее на неделю с чужими людьми. Должно быть, рехнулась!

Но Вики очень нравится художественный лагерь. Она провела там несколько дней в прошлом году, на этот раз выпросилась на неделю. Зная, что у нее есть талант, Джиа решила предоставить ей все возможности для его развития.

Однако целая неделя в горах Кэтскиллс... Вечность!

Дверь закрылась, мотор взревел, автобус тронулся. Джиа махала, пока он не скрылся из вида, потом позволила себе пролить пару слезинок и всхлипнуть. Оглядевшись, заметила, что и у прочих родителей в знойное летнее утро глаза на мокром месте.

Вернуться решила пешком. Небольшая прогулка полезна.

Кроме того... по пути надо кое-куда заглянуть.

Через полчаса она стояла у старинной белой фарфоровой раковины в верхней ванной, исследуя

третий за пятнадцать минут тест на беременность.

Отрицательный. Как и два других.

Хотя беременность *чувствуется.* Поэтому для уверенности куплены домашние наборы для анализов от трех разных производителей.

Все показывают одно и то же, но ощущение от этого не меняется.

Зазвонил телефон. В голове тут же вспыхнула мысль об аварии и покалеченной Вики. Она схватила трубку.

— Джиа! — раздался знакомый женский голос, возбужденный, почти задохнувшийся. — Это Джуни...

— А, привет. Нашла?..

— Потому и звоню! Вернулась домой вчера вечером, сразу направилась к большой синей вазе у двери и перевернула. Угадай, что выпало...

— Только не говори, что браслет!

— Точно! — рассмеялась она. — Он оказался именно там, где сказал Ифасен! Просто не могу поверить! Я почти не подхожу к этой вазе. Не знаю, как он туда попал, но обрадовалась до слез. Удивительный человек!

Джиа промолчала, вспоминая вчерашние объяснения Джека насчет трюка с билетами. Прекрасно, замечательно, а как он объяснит находку браслета? Невозможно поверить, будто это тоже обоснованная догадка вроде ответа на ее вопрос...

О господи! Он сказал, что у нее будет двое детей... и вот, на тебе, она чувствует себя беременной!

— Эй, Джиа, — окликнула Джуни. — Ты слушаешь?

— Да, слушаю. Просто думаю, как такое возможно. Откуда он узнал?

— Это не он. Ему сказали духи, а он мне передал. Очень просто.

— Гм... — хмыкнула Джиа. В животе что-то медленно защекотало. Не похоже на утреннюю тошноту. — Действительно просто.

Поскорей закончив разговор, постаравшись, впрочем, не обидеть Джуни, она подошла к окну, уставилась на дома через площадь, ничего на самом деле не видя.

Может быть, все объясняется... силой внушения. Забыла взять таблетки, медиум предсказал второго ребенка, заработало подсознание, она чувствует себя беременной.

Тесты — все три, как один, — это опровергают.

Впрочем, на самых ранних стадиях беременности домашние наборы не так уж надежны. Инструкции предупреждают об ошибочных отрицательных результатах.

Абсолютно точным считается анализ крови, который показывает положительный результат через считанные дни после зачатия.

Джиа схватила телефонную книжку, нашла номер своего гинеколога. Конечно, не стоит рассчитывать, что доктор Иглтон примет ее в субботу, но ничто не мешает ей сделать анализ в Вифлеемской больнице. Можно поехать, сдать кровь и ждать результата.

Да, решила она, набирая номер. Надо раз навсегда разобраться.

Как бы сильно она ни любила Джека, забеременеть столь же сильно не хочется.

2

Лайл проснулся в поту. Вентилятор в окне бешено крутится, а в комнате все равно как в парилке. Проклятая штуковина куплена месяц назад. Не могла же так быстро сломаться.

Он открыл глаза, поднял голову. Кто-то открыл жалюзи и распахнул все окна.

Лайл скатился с кровати. Что происходит? Неужели это дело рук Чарли?

Не собираясь охлаждать всю Асторию, он закрыл окна и двинулся по коридору в дальнюю спальню. Ворвавшись, обнаружил растянувшегося на простынях брата, открытые настежь оконные створки, вентилятор, включенный на полную мощность.

— Черт возьми, Чарли, что это такое?

Тот с трудом поднял голову, приоткрыл глаза.

— В чем дело, брат?

— Во-первых, зачем открывать окна? Сегодня жара будет под девяносто[7].

— Ничего я не открывал.

— Да? А кто? Серый волк?

Лайл захлопнул окна, вышел в коридор. Направляясь в свою спальню, почувствовал теплое дуновение с лестницы. Сбежал вниз — все створки в прихожей и входная дверь снова широко открыты.

— Чарли! — завопил он. — Иди сюда!

Брат спустился пошатываясь, разинул рот на распахнутые окна и двери.

— Слушай, ты чего это делаешь?

— Я? Вчера вечером сам запер дверь на замки и накинул цепочку. И ночью не ходил открывать. В доме нас всего двое, значит, это твоя работа.

Лайл захлопнул и запер дверь.

— Нечего на меня пялиться, — проворчат Чарли, закрывая окна. — Я дрых у себя в берлоге.

Лайл взглянул на него. Брат любил пошутить и отлично прикидывался невиновным. Но, став «заново рожденным», всегда говорит правду, даже невыгодную для себя.

— Вот дерьмо! Кто-то забрался в дом!

Лайл помчался в комнату-канал. Если испорчено оборудование...

Нет, в самой комнате все по-прежнему. Никаких бросающихся в глаза повреждений. Они с Чарли быстренько осмотрелись, признав, что все в полном порядке. Не считая окон. При ремонте Чарли замазал их черной краской, завесил плотными шторами, чтобы не проникал даже слабенький лучик света. Теперь шторы отдернуты, окна распахнуты, комнату сплошь залил солнечный свет. Вид совсем изменился, тщательно подобранные мистические атрибуты выглядят... вульгарно.

— Слушай, у нас нет времени. В полдень сеанс.

Вернувшись в прихожую, Лайл едва не упал — окна и парадная дверь вновь стоят нараспашку.

У него за спиной замер Чарли.

— Господи, что же это...

— Господь тут ни при чем. Они еще здесь!

Лайл метнулся на кухню — окна и черный ход тоже открыты, — схватил два ножа, один сунул брату.

— Ну, внизу никого точно нет. Стой у лестницы, чтобы не улизнули, а я наверху посмотрю.

Он запрыгал через две ступеньки по лестнице. Сердце уже работало на пределе, и ритм еще ускорился, когда он двинулся по коридору, выставив перед собой нож. Хотя Лайл вырос в бандитском районе, всегда держался подальше от психов и буянов. Конечно, приходилось драться — ему даже однажды лицо порезали, — но он так и не приобрел практических навыков обращения с холодным оружием. Вообще неизвестно, сумеет ли пырнуть человека ножом. Впрочем, сейчас, совсем потеряв голову, можно было б проверить.

Заглянул в туалет в коридоре — пусто. Зашел в свою спальню... Елки зеленые! Окна снова открыты. Не может быть! Сетки на месте, никто не мог вылезти. И в ванной никого...

Он закрыл окна, бросился в комнату Чарли. То же самое — открытые окна, пустая ванная. Кто ж их открывает? Захлопнув створки, Лайл проследовал в гостиную — бывшую спальню. В бывшей гостиной и столовой теперь находится канал.

Здесь все чисто.

Осмотрел внизу кухню и кладовую, даже заглянул за и под диван в прихожей.

— Хорошо. На обоих этажах никого. Остается подвал.

Сначала они с Чарли заперли парадную и черную двери, потом направились по центральному коридору к подвальной.

— Если они еще в доме, то именно там.

Чарли покачал головой:

— Полотенца точно никто не трогал.

Действительно, признал Лайл. Он и забыл, что дверь заткнута полотенцами, чтобы не просочилась вонь из подвала.

— Все равно посмотрим.

Зажав ладонью нос и рот, осторожно открыл створку двери, начал спускаться по лестнице, на полпути рискнул сделать вдох. Никакого зловония, кроме типичного для подвалов запаха плесени.

— Порядок, — бросил он через плечо следовавшему за ним брату. — Вонь ушла.

Обыскать подвал труда не составило — ни шкафов, ни тяжелой мебели, ничего, где мог бы спрятаться злоумышленник. Трещина оставалась на месте, таких же размеров.

Лайл, успокоившись, медленно и глубоко вздохнул — тот, кто проник в дом, ушел.

Но, вернувшись на первый этаж, вновь почувствовал теплый влажный ветерок, с тревогой вышел в прихожую.

Кто-то опять открыл окна.

— Как это можно сделать, Чарли? Неужели установили какой-нибудь механизм, пока мы спали?

В последнее время необходимую для работы механику обеспечивал Чарли, устраивая потусторонние иллюзии. В школе успевал плоховато — больше из-за отсутствия интереса, чем способностей, — однако хорошо понимал принцип действия любого устройства. Каждое мог разобрать и собрать. Один он способен найти объяснение происходящему.

— Ничего не вижу, — сказал Чарли, исследовав окно. — Если бы и увидел, такие штуки за ночь не поставишь. Нужна целая бригада с дрелями, монтировками и молотками.

— Может быть, это сделали раньше, когда нас не было дома?

— Все равно ничего не вижу. Чтобы окна открыть, надо что-то нажать или дернуть, а тут нету ничего такого.

— Разберем рамы, если понадобится. Вдруг там какой-нибудь сервер?

Что такое «сервер» — неясно, но слово хорошее.

— Может, у нас поселился злой дух?

— Не смешно.

— Я не шучу, брат. В этом окне ни внутри, ни снаружи нет никакого движущего механизма.

— Должен быть. Нам обоим отлично известно, что все духи и привидения в этом мире созданы нами и нашими коллегами. Кто-то старается нас запугать. А мы не испугаемся, правда?

Чарли не успел ответить — послышался щелчок замка на парадной двери, запертой несколько минут назад. Разинув внезапно пересохший рот, Лайл увидел, как она распахнулась с тихим тоненьким скрипом.

Он выскочил через нее на веранду. Никого. Пусто. Завертелся на месте, стараясь разглядеть кого-нибудь, что-нибудь, что угодно, лишь бы найти хоть какое-то объяснение. И замер, посмотрев на газон.

— Чарли, иди сюда.

Тот, осмотрев парадную дверь, подошел.

— Ничего не нашел... Боже мой!

Все цветы и кусты — рододендроны, азалии, андромеды — погибли. Вчера вечером все было нормально, теперь они не просто увяли, а потемнели, высохли, словно умерли месяц назад, даже больше... будто что-то начисто высосало из них жизненные соки.

— Наверно, опрыскали средством от сорняков.

— Когда это кончится, Лайл?

В голосе брата слышался страх. Лайл, желая его успокоить, положил руку ему на плечо:

— Все будет в порядке, Чарли. Нам часто бывало трудно, и нынешний случай не исключение. Однако мы всегда выкарабкивались, правда? Братьям Кентон удается держаться. Вместе мы непобедимы.

Чарли с улыбкой протянул руку, Лайл шлепнул открытой ладонью по его ладони.

Вновь выглянул во двор, и злость закипела в крови.

Можешь фокусничать со мной, кто в ты ни был, мысленно крикнул он, но не советую причинять вред, даже просто пугать моего младшего брата! Иначе я тебя поймаю и раздавлю, как клопа.

Он осмотрел погибшие растения. Скоро лопухи прибудут на первый сеанс, а дом выглядит как черт знает что. Не успеешь навести порядок.

Проклятье! Приехав из Дирборна, он, конечно, не рассчитывал на распростертые объятия местных конкурентов, но и не ждал ничего подобного. Кто-то готов на все, чтоб их выжить.

Тем не менее они с места не стронутся. В любом случае братья Кентон приехали сюда надолго.

3

— Ты ничего не почувствовал? — удивился Джек.

Эйб помотал головой:

— Никакой тряски. Разве это землетрясение?

Эйб Гроссман, в вечной белой рубашке с короткими рукавами и черных брюках, усыпанных крошками, сидел, как обычно, на высоком стуле, широко расставив ноги. Одна рука покоилась на образцовом животике, другая отправляла в рот огромный кусок песочного кекса.

Джек привалился к обшарпанной стойке с покупательской стороны у дальней стены магазина спортивных товаров «Ишер», принадлежавшего Эйбу. На стойке между ними валялись утренние газеты. Их встречи были традиционными, хоть и нерегулярными, приходясь на разные дни недели, чаще всего на субботу и воскресенье. Эйб покупал газеты, Джек — завтрак.

Проведя сверху вниз пальцем по колонке на третьей странице «Пост», он обнаружил искомое.

— Говорят, эпицентр находился в Астории. Представляешь? Мы с Джиа были в эпицентре.

— В эпицентре? — Эйб презрительно пожал плечами. — Ни пожаров, ни разрушений, ни жертв... Разве это землетрясение?

— Оценивается в два с половиной балла по Рихтеру — примерно такое же было в районе Восточной Восемьдесят пятой улицы в начале 2001 года.

— Тоже без всяких последствий, насколько я помню. — Эйб кивнул на песочный кекс: — Почему не ешь?

— Прихватил для себя кое-что.

Джек вытащил из сумки колбаску «Макмаффин» и принялся разворачивать, пуская слюнки и ожидая реакции, которая последовала приблизительно через две наносекунды.

— Что это? Мясо? Тебе сочное мясо, а твоему другу Эйбу обезжиренный кофейный кекс?

— Тебе мясо не нужно, а мне нужно.

— Кто сказал?

— Я. По-моему, ты стараешься снизить свой холестерин.

— Это *ты* стараешься снизить мой холестерин.

Правильно, согласился он. Потому что Эйб пережил уже сердечный приступ, а с ним хочется как можно дольше общаться.

— Даже если бы я старался снизить холестерин, — продолжал Эйб, — почему мне субботним утром предлагается второсортный завтрак? — Он протянул руку. — Дай кусочек. Самую крошечку.

— Как только придешь в форму, дам целую колбасину.

— Что? — Эйб похлопал по животу. — Разве это не форма?

— Хорошо, скажем так: принесу колбаску «Макмаффин», как только дотянешься до пальцев ног.

— Если бы Бог пожелал, чтобы люди дотягивались до пальцев ног, то разместил бы их на коленях.

Его не переспоришь.

— Оставим холестерин и физические упражнения. Я купил для себя колбасу по особой причине.

— А именно?

— Мы вчера вечером были в гостях. Перед тем заскочили поесть в какую-то дзен-буддистскую забегаловку.

Эйб скорчил гримасу:

— Где подают индейку из соевого творога?

— Ничего подобного я там не видел.

— Зайди в День благодарения. Джиа тебя туда затащила?

— Ну да, ты же знаешь, она отказалась от мяса.

— До сих пор не ест?

— До сих пор. Захотела попробовать тот самый соевый творог — тофу.

— Какой выбрала?

— Жареный.

— Жареный лучше. По крайней мере, точно убитый.

— Хуже того, там выпивку не подают. За пивом пришлось бежать на угол.

— Захватил бы заодно и сандвич с пастрами.

Джек припомнил, с каким отвращением сидевшая за соседним столиком пара смотрела на многочисленные откупоренные бутылки «Шлица». Если бы развернуть перед ними чизбургер или пастрами... Ужас и кошмар!

— Говорить даже нечего. С той минуты меня преследует мысль о мясе. Проходя нынче утром мимо «Макдоналдса», не устоял.

— Тогда не стану претендовать на кусочек. Лопай. Заслужил после ужина у дзен-буддистов.

Джек, не глядя на Эйба, жадно набросился на сандвич. Следовало догадаться и съесть за порогом. В другой раз будет умнее.

— Смотри-ка, — промычал он с набитым ртом, отводя разговор от еды, — крупный провал тянется прямо к Ист-Ривер.

— Ну и что? Местные педсоветы без конца кого-то проваливают.

— Нет, серьезно. — Джек провел пальцем по линии разлома. — Называется линия Камерона. Предположительно, тут африканский континент столкнулся с Северной Америкой.

— Почему мне никто не рассказывал? Когда это было?

— Около трехсот двадцати миллионов лет назад. Ты тогда был еще маленький. Здесь сказано, что линия разлома тянется от Стейтен-Айленда до Коннектикута и Массачусетса. Взгляни. — Он загнул страницу, показал. — Разлом сворачивает от Ист-Ривер и делает обратную петлю к реке. — Джек вдруг сильно удивился. — Будь я проклят! Дом того самого экстрасенса стоит прямо на линии Камерона...

— Экстрасенса? — переспросил Эйб. — Неужели ты...

— Ни в коем случае, — открестился он. — Нечто вроде развлечения.

И рассказал, как Джуни Мун искала пропавший браслет.

Эйб покачал головой:

— Оболванивание Америки — государство открывает астрологические школы, школьные советы включают в программу креационизм, люди выкладывают сотни долларов за пузырьки с водой, на которых наклеены этикетки «витамин О», возвращаются гомеопатические средства, большинство из которых мало чем отличается от «витамина О», магические кристаллы, фэн-шуй... Ох, Джек, я теряю надежду.

— Ну, для начала, ты, собственно, никогда не был доверчивой крошкой Мэри.

С момента знакомства Эйб предсказывал социальную и экономическую катастрофу и серьезно к ней готовился.

— У человека должна оставаться надежда. Я всегда думал, что с накоплением и углублением знаний люди постепенно движутся из тьмы к свету. Видимо, многие предпочитают мрак.

— Бред в стиле «нового века», — согласился Джек. — Почему эти идеи вошли в моду? Золотое дно для артистов-мошенников. Интересно бы знать, почему это сейчас происходит? Мы вылезли из мистического вздора, а с семидесятых годов сваливаемся обратно. Что нас заставляет?

Эйб пожал плечами:

— Возможно, наука.

— Я думал, наука решает проблему.

— Лучше сказать, реакция на науку. Все жаждут трансцендентности...

— Это еще что такое?

— Загробная жизнь. Бестелесное существование. Иными словами, мы хотим жить дальше. Ты веришь в трансцендентность?

— Хотелось бы. То есть приятно думать, что какая-то моя искорка будет гореть и гореть... хотя...

— Что? Для веры в собственное бессмертие недостает самолюбия?

— По правде сказать, я особенно не задумывался на этот счет. В любом случае, не понимаю, как это повлияло бы на повседневную жизнь. Я знаю лишь один способ жить. А при чем тут наука?

— При всем. Чем дальше она раздвигает границы неизвестного, тем менее определенной становится трансцендентность. Люди слишком остро реагируют. Рациональность не утешает, поэтому они ее отбрасывают и цепляются за иррациональность, даже самую фантастическую.

Джек взглянул на него:

— Мы с тобой знаем, что на свете есть вещи, которые нелегко объяснить.

— Вроде ракшас?[8]

— Вот именно. К ним не подойдешь с научными мерками.

— Однако они существуют. Не забывай, я был в Бэттери[9], когда эта самая тварь появилась из гавани. Видел ее собственными глазами, видел, как она грудь тебе располосовала... После такого кому нужны подтверждения? У тебя шрамы остались. Ты *знаешь.*

Джек инстинктивно дотронулся до груди, нащупав под футболкой резиновые рубцы.

— Ракшасы не укладываются в то, что мы знаем о мире.

— Правильно. И ключевое слово здесь — «знаем». У меня нет объяснения, а у кого-то другого, возможно, найдется. У какого-нибудь высоколобого специалиста. Я уверен, что все объяснимо, — конечно,

кроме человеческого поведения, — если у тебя достаточно знаний. Знание играет критически важную роль. Мы с тобой кое-что знаем — ты больше, так как больше видел. Знаем, что в мире действует темная сила...

— Иное, — кивнул Джек, вспоминая, как оно в этом году вторглось в его жизнь. — Его просто так называют.

— Судя по твоим рассказам, оно не объект, а скорее состояние. Слово «иное» мало что объясняет. Что в это ни было, оно непознаваемо в данный момент. Как нам известно, его не отпугивают магические кристаллы и талисманы, не вызывают заклинания и жертвоприношения. Поэтому бредовая болтовня приверженцев «нового века», «конца света», уфологов и иже с ними не имеет ни малейшего смысла. Настоящая тьма в нашем мире не проявляется, живет по собственным законам, действует по собственной программе.

Джек поймал себя на мысли о сестре. В ее смерти виновно Иное.

— Я тебе никогда не рассказывал... Кейт перед смертью предупреждала о наступающей тьме. Вирус в мозгу позволил ей это увидеть. «Тьма пока выжидает, но скоро придет... и все опрокинет».

— Со всем уважением к твоей сестре — никогда не прощу, что ты так и не познакомил меня с замечательной женщиной, — напомню, что она находилась в критическом состоянии. Может, не понимала, что говорит.

— По-моему, понимала, Эйб. По-моему, имела в виду, что Иное возьмет у нас верх. Это вроде бы согласуется с крохами информации, которые я получаю с весны. События на конференции по заговорам, намеки урода, который разыгрывал представление, слова безумной русской женщины на могиле Кейт — все намекает на приближение тяжких времен, рядом с которыми прежние тяжелые моменты покажутся пикником. Близится худшее время для человеческой расы, хуже любой чумы и мировой войны.

Эйб хмуро уставился на него. Нарисованная Джеком картина вполне соответствует холокосту, который он давно предсказывал.

— Она не сказала, что можно сделать?

— Нет.

Джек умолчал о предсказании Кейт, что на пути тьмы встанет горстка людей, и он один из них.

Эйб снова пожал плечами:

— Что теперь делать?

— Я не для того завел разговор. Просто думаю, может быть, люди чувствуют приближение тьмы? Не сознательно — на примитивном подсознательном уровне. Может, поэтому многие обращаются к фундаменталистским и ортодоксальным религиям, которые предлагают на все вопросы понятные и простые ответы. Может, поэтому так популярны теории заговора. Предчувствуя, что надвигается нечто ужасное и непонятное, все ищут систему веры, которая даст ответ и решение.

— Как же быть нам, беднягам, не имеющим опоры в вере?

Джек вздохнул:

— Видимо, засесть в окопах, пока не возникнет возможность сражаться с *реальным* противником.

— Думаешь, землетрясение как-то со всем этим связано?

— Пока не понимаю, как именно, хотя это не так уж и важно. У меня на глазах за последнее время слишком часто невинные с виду события совершали крутой поворот и приводили к краху со скоростью

девяносто миль в час.

Он вспоминал прошлый вечер. Почему землетрясение ударило в тот самый момент, когда они с Джиа переступили порог Менелай-Мэнор? Лучше бы это было случайное совпадение, но открытие, что дом стоит на трещине в земной коре, которая прямым каналом идет вниз, к подвижным рудным жилам древней скалы, не утешает.

Интересно, слышал ли Ифасен вторичные толчки?

4

— Теперь положим руки на стол ладонями вниз... так... расслабимся и начнем.

Лайл оглядел трех клиентов, собравшихся вокруг круглого дубового стола с ножками в виде звериных лап. Две женщины средних лет, Аня Спигельман и Эвелин Джуско, бывали на сеансах раньше, поэтому ему о них все известно. Винсент Маккарти новичок, чистый лист. Несколько минут назад, до его появления, он ничего не знал о нем, кроме имени.

Теперь уже порядочно разузнал. А еще через несколько минут выяснит гораздо больше. Сам процесс бесстрастного исследования доставляет радость.

— Прошу всех на минуту закрыть глаза, глубоко подышать... несколько вздохов вас успокоят. Волнение мешает контакту с духами. Необходимо обрести спокойствие...

Спокойствие... Лайлу самому надо было расслабиться, чтобы правильно сделать дело. По крайней мере, в доме стало тихо. Незадолго до прихода клиентов окна и двери перестали открываться. Если в только он сам сумел успокоиться!

Это не так-то легко после утреннего звонка Карине. Какой-то мужчина ответил, что она в ванной, уточнив, не с радиостанции ли ее спрашивают.

Лайл сдерживал гнев и боль. Он позволил Карине обмануть его чувства, но ни за что не позволит испортить ему жизнь. Надо отбросить отрицательные эмоции и сосредоточиться на положительных... по крайней мере, в данный момент.

Открыв глаза, принялся изучать новичка. Лет сорок, денежки водятся, судя по рубашке гольф от братьев Брукс, дорогим летним брюкам, новенькому сверкающему «Лексусу-430» с твердым откидным верхом, стоящему на подъездной дорожке. Загорелые руки без татуировок, никаких серег, гладкое золотое кольцо на безымянном пальце. Чистые ладони без мозолей, ногти с маникюром.

Итак, перед нами белый женатый богатенький сорокалетний пижон, явившийся в Асторию, чтобы в чудный субботний день, идеальный для гольфа, посидеть в темной комнате. Это означает одно — его что-то сильно тревожит.

Деньги? Вряд ли.

Бизнес? Тоже сомнительно. Если Винсент занимается бизнесом, то либо владеет собственной фирмой, либо занимает высокий руководящий пост. Имеет доступ к любой информации, вхож в совет директоров. Не побежит советоваться с духами насчет дел в той сфере, где считает себя главным самцом.

Семейная жизнь? Возможно. Умение успешно зарабатывать деньги не всегда приносит успех в интимных отношениях. Может, он тут споткнулся.

Здоровье? Сам с виду здоровый. Возможно, тревожится о других — о жене, родителях, о детях...

Лайл закрыл глаза, останавливаясь на здоровье. Сделаем несколько пробных попыток вокруг да около, проследив за реакцией. Если дело не в том, займемся семейной жизнью, хотя вряд ли это потребуется.

— Духи остерегаются света, поэтому постараемся, чтобы им у нас было приятно.

На командном пункте за южной стеной, в каморке, сплошь забитой разнообразными электронными причиндалами, Чарли слушал брата через крошечный микрофон, встроенный в висевшую над столом люстру, и соответственно действовал. Неудивительно, что свет в комнате сразу начал тускнеть, осталось

слабое свечение единственной красной лампочки, едва освещающей стол.

— Чувствую, — пропел Лайл, — врата открываются... — Чарли по сигналу направил на стол слабый поток холодного воздуха, — через них мы соприкоснемся с той стороной. — Он запрокинул голову, открыл рот, испустил долгий тихий вздох: — Аааaа-ххх!.. Это делается не совсем напоказ. Вздох приводит его в подлинный тихий экстаз, согревающий душу, вроде неторопливого секса...

...которого он лишился.

Стоп! Не думай о дешевой обманщице...

Тише... тише... Он напомнил себе, что именно в данный момент живет полной жизнью, контролирует ситуацию, управляет своим клочком мира. Пусть в остальном царит полный хаос, в это время, в этом месте он главный. Хозяин...

В детстве Лайл взял себе прозвище «мастер иллюзии». И не преувеличил, став этим самым мастером после смерти мамы. Вернее, после убийства. Она шла домой с рынка через Вествуд-парк, неся сумку с продуктами, переходила улицу на зеленый свет, невесть откуда выскочили две машины, гнавшиеся одна за другой, поливая друг друга девятимиллиметровыми пулями, пролетели на красный, швырнув маму на высоту в сорок футов. Ублюдки, конечно, скрылись с места происшествия, их так и не нашли.

Для всего города это была очередная жертва детройтских войн за передел рынка наркотиков, а у Лайла с Чарли, кроме матери, никого больше не было на всем белом свете. В памяти Лайла отец оставался смутным воспоминанием, Чарли его вовсе не помнил. Одно время к ним часто заглядывал брат отца, дядя Билл, потом уехал на Западное побережье, с тех пор о нем никто больше не слышал.

Братья Кентон — Лайл шестнадцати, Чарли двенадцати лет — остались совсем одни на милости соседей. Вскоре вокруг завертелись, принюхиваясь, деятели из Лиги борьбы за социальное обеспечение детей. Можно было прикидываться, будто никого нет дома, пока не слишком выросла задолженность по квартплате, после чего их выкинули бы на улицу или, хуже того, разлучили и отдали под опеку.

Поэтому Лайл решил стать дядей Биллом. Высокий для своих лет паренек, наклеив бородку и наложив чуточку грима, сумел обмануть социального работника. До сих пор хорошо помнится Мария Рейес, магистр социального обеспечения, добрая женщина, искренне желавшая помочь. Она поверила, что Лайл — это Билл Кентон, а Селим Фредерикс, приятель снизу, нанятый для домашних визитов инспекторши, — его племянник Лайл.

Он осознал силу веры и неимоверную силу желания и *потребности* в вере. Мисс Рейес поверила, потому что *хотела* поверить. Не желала разлучать братьев, стараясь сделать законным опекуном кровного родственника, веря всему, что Лайл ей подбрасывал.

Действительно веря? Через несколько лет возникло подозрение, что мисс Рейес его раскусила с самого начала. Возможно, поверила не разыгранному представлению, а решительному намерению сохранить остатки разбитой семьи и позволила ему стать своим собственным опекуном. Надо бы как-нибудь разыскать ее и спросить.

Так или иначе, шестнадцатилетний Лайл Кентон нашел свое призвание в обмане. Обманув городские власти, можно обмануть кого хочешь. Первой его платной должностью стало место на шухере у кидалы-наперсточника в центре города. Ему надлежало следить за улицей и, завидев полицию, крикнуть, что пора сматываться. Он быстро полностью усвоил словесный кодовый набор, получил повышение до подставного — стоял у стола, вступая в игру, заманивая лохов, — а в свободное время практиковался в искусстве кидалы, чтобы начать самостоятельную игру.

После особенно громкого предупредительного звонка, когда он еле ноги унес от детективов в

штатском, принялся искать не менее выгодное, но менее рискованное занятие. И нашел: медиум по телефону на горячей линии. Прошел собеседование, изображая фальшивый ямайский акцент, и был принят. Попрактиковавшись несколько часов со списком вопросов, которые чаще всего задают ясновидящим, влился в команду — в основном из женщин, — сидевшую на чердаке, разгороженном перегородками с телефонными аппаратами.

Задача заключалась в том, чтобы как можно дольше держать на телефоне звонившую в фирму жертву. Сначала узнать имя, адрес, на который будут в дальнейшем рассылаться по почте разные вещи, начиная с карт Таро и заканчивая восемью шариками для предсказания судьбы. Потом внушить, что у тебя имеется прямая линия связи с загробным миром и источниками древней мудрости. Говори то, что жертве хочется слышать, пускай просит рассказывать дальше и дальше, плети что угодно, только *держи ее на долбаном телефоне.* В конечном счете абоненты выкладывали по пять-шесть долларов за минуту общения с мудрым медиумом, и Лайлу доставался кусочек на долю. Довольно скоро он стал заколачивать штуку с лишним в неделю, не сильно напрягаясь.

В качестве дяди Билла Лайл вместе с Чарли переехал из муниципального микрорайона в квартиру с садом в пригороде. Не бог весть что, но после Вествуд-парка новый район вполне можно было принять за Беверли-Хиллз.

После этого он назвался Ифасеном, заимствовав имя племени йоруба, и выработал западно-африканский акцент. Вскоре абоненты горячей линии начали спрашивать именно Ифасена, ни с кем более разговаривать не желая. Это не сильно понравилось боссам, которые не готовили звезд, а продавали услуги.

Поэтому Лайл в свободное время пустился на поиски нового дела. Однажды солнечным воскресным утром забрел в Анн-Арбор[10] в спиритуалистическую церковь Вечной Жизни, попав на сеанс исцеления. Стрелка «ерундометра» мгновенно скакнула за красную шкалу, но он остался на богослужение и слушание «сообщений». Досидев до конца и глядя, как прихожане один за другим выписывают «в знак любви» чеки, понял, что это и есть следующий шаг.

Он вступил в церковь Вечной Жизни, записался на семинар повышения квалификации, наладил добрые отношения с пастором Джеймсом Греем. Вскоре уже служил в церкви в качестве ученика-медиума, войдя в круг посвященных и освоив все трюки. Приблизительно через год преподобный доктор Грей, высокий дородный белый мужчина, по мнению которого чернокожий молодой человек с африканским акцентом усугубил в его церкви мистическую атмосферу, отвел Лайла в сторонку и предложил бесценный совет.

— Займись образованием, сын мой, — сказал он. — Я имею в виду не ученую степень, а *знания.* Тебе предстоит иметь дело с людьми самого разного типа, самого разного общественного положения, с самым разным багажом. Если хочешь добиться успеха, тебе нужны обширные знания во многих областях. Не надо быть специалистом, но обязательно иметь общее представление.

Последовав совету, Лайл побывал во многих аудиториях Мичиганского университета, университета Уэйна и Детройт-Мерси, слушая лекции по разнообразным предметам от философии до экономики и западной литературы. Там начал избавляться от уличной речи. Не получив ни единого балла за пройденный курс, открыл для себя целый мир, забрав его с собой, когда они с Чарли перебрались из Анн-Арбор в Дирборн, приступив к самостоятельной деятельности.

Лайл открыл собственную контору медиума-консультанта. Они до дыр протерли штаны, совершенствуя трюки. Получали хорошие деньги, хоть Лайл знал, что способен на большее. Скоро вновь переехали, обосновались в Нью-Йорке, в верхней части Куинса.

Говорят: успеха надо добиться до тридцати. В прошлом месяце ему исполнилось тридцать, и он своего добился.

Теперь, сидя в первом собственном доме, Лайл Кентон плавно двинул вперед руки по полированной дубовой столешнице, сунув под нее при этом концы металлических стержней, спрятанных в рукавах пиджака. Чуть поднял руки — край стола с его стороны приподнялся.

— Есть! — прошептала Эвелин, заметив, как стол наклонился к ней. — Духи здесь!

Лайл оперся на локти, нажав встроенный Чарли в гнутую ножку стола рычажок, приподняв дальний край, где сидел Винсент Маккарти. Покосившись, заметил, что тот вздернул брови, но больше ничем не выдал изумления.

— Ой! — фыркнула Аня, когда ее стул качнулся по электронному сигналу из командного пункта. — Опять!

Как всегда...

Потом закачались стулья Эвелин и Маккарти. Последний на сей раз не скрыл озадаченности. Можно не обращать внимания на наклонившийся стол, но покачнувшийся стул...

Пора его перетягивать на свою сторону.

— Что-то происходит, — изрек Лайл, крепко жмурясь. — По-моему, это связано с нашим новым гостем. Да, Винсент, с вами. Духи видят ваше смятение, чувствуют озабоченность...

— Как и у всех прочих, — заметил Маккарти.

Лайл с закрытыми глазами услышал смешок. Винсент хочет поверить — затем и явился, — но чувствует себя глуповато, не желая быть одураченным.

— Вы серьезно озабочены, причем не из-за вульгарных денег. — Лайл открыл глаза в поисках бессловесных реакций. — У вас разрывается сердце.

Маккарти, сморгнув, промолчал. Пусть молчит — выражение лица вполне красноречиво.

— Что-то вас сильно тревожит.

Тот снова кивнул. Разумеется. Не тревожился бы — не пришел бы.

Лайл прикрыл глаза, прижал пальцы к вискам, приняв позу глубокой сосредоточенности.

— Чувствую, кто-то с той стороны пытается войти с вами в контакт. Может быть, ваша мать? Она жива?

— Жива, хоть не совсем здорова.

Так. Надо продолжать игру.

— Почему же мне показалось, что мать? Из-за чувства горячей любви? Может, бабушка? Ваша бабушка переправилась в мир иной?

— Обе.

— Наверняка одна из них... Не скажу пока, с какой стороны. Сейчас... станет ясно...

Маккарти ирландец, лихорадочно соображал Лайл. Где жила его бабка — здесь или в Ирландии? Не важно. Есть один безошибочный тест для ирландцев. Никогда не подводит.

— Чувствуется огромная любовь... к американскому президенту... правда? Да, в сердце этой женщины президент Кеннеди занимает особое место.

Глаза Винсента Маккарти чуть не вылезли из орбит.

— Бабушка Элизабет! Она в самом деле *любила* Кеннеди. После его убийства стала сама не своя. Невероятно! Откуда вы знаете?

Интересно, какая ирландская бабка не любила Кеннеди?

— Ох, вы даже не поверите, сколько он знает, — прошептала Аня.

— Ифасен удивительный, — добавила Эвелин. — Все знает, просто все.

— Ничего я не знаю, — медленно вымолвил Лайл. — Духи знают. А я только посредник меж вами и ими.

В глазах Маккарти вспыхнула жажда. Он наполовину верил, хотел с головой окунуться, но мешало ирландское католическое воспитание. Требуется толчок, который последует позже. Лучше еще немного его завести.

Лайл обратился к Эвелин:

— Еще кто-то явился, и сильный призыв, по-моему, адресован мисс Джуско.

Она мигом зажала руками рот.

— Мне? От кого? Меня зовет Оскар?

Разумеется, Оскар — любимый умерший пес Эвелин, — только надо немножечко потянуть. Два месяца назад она явилась с вопросом, можно ли с его помощью войти в контакт с домашним любимцем на той стороне. Можно, конечно. Загвоздка в том, что она не назвала породу, не описала собаку, а Лайл не собирался расспрашивать.

Не было необходимости.

На первом сеансе — индивидуальном по настоянию Лайла, ибо крайне трудно вызывать животных с другой стороны, — Чарли, выключив свет, шмыгнул в комнату и утащил сумочку Эвелин. На командном пункте обнаружил пачку снимков выжлы — красной венгерской легавой, — в точности обрисовав пса брату в наушник. Прежде чем вернуть сумку на место, присвоил застрявший на донце собачий свисток.

Лайл потряс Эвелин, описав Оскара вплоть до ошейника с драгоценными камнями. Узнав, что пес счастлив в загробном мире, гоняясь за кроликами по Елисейским полям, она преисполнилась благодарности и пожертвовала две с половиной тысячи долларов.

— Да, — кивнул он. — По-моему, Оскар. Кажется, слегка расстроен.

— Неужели! Чем?

— Не совсем понимаю. Думаю, вы потеряли какую-то его вещицу, и он опасается, что вы его разлюбили...

— Что же я могла потерять?

Через несколько секунд она получит первый «апорт», магически доставленный из мира духов. По указаниям Лайла Чарли — сплошь в черном — должен подкрасться в нужный момент и бросить на стол старый собачий свисток.

— Не знаю. Он не говорит. Постойте-ка, что-то держит в зубах... Что же это такое? Приближается... приближается...

Чарли тоже должен приблизиться.

— Откуда такой холод? — спросила Аня.

— Правда, — подтвердила Эвелин, растирая плечи. — Жуткий мороз.

Лайл тоже чувствовал, как холодный воздух окутал стол промозглым одеялом. Он потер занемевшие руки. Впрочем, в комнате не просто понизилась температура. Холодный воздух как бы принес в нее новую атмосферу... злобы — больше чем злобы — стальной, остро отточенной ярости.

Аня вскрикнула, Лайл вскочил на ноги, видя, как ее вместе со стулом швырнуло назад, с грохотом бросило в стену. Стул Маккарти пошатнулся, рухнул на пол. На Лайла набросился ураганный ветер, толкнул вперед, прижал животом к столу, потом стол наклонился, он упал рядом с Эвелин, слыша, как вокруг бьются стекла. Переворачиваясь на живот, увидел вздувшиеся шторы, за которыми одно за другим лопались черные оконные стекла, усыпая осколками пол. В комнату влился чисто-желтый солнечный свет. Расставленные у стен статуи повалились, трескаясь при ударе о твердую древесину.

Кошмар прекратился столь же внезапно, как начался. Оцепеневший Лайл с трудом встал, помог Эвелин, Маккарти поднял Аню. На первый взгляд никто сильно не пострадал, но комната-канал превратилась в руины, все стекла — окна, даже зеркала на стенах — разбиты вдребезги.

— Это ты виновата! — воскликнула Аня, ткнув в Эвелин трясущимся пальцем. — Прогневала дух своей собаки, и смотри, что из этого вышло!

— Я не виновата! — заплакала Эвелин. — Даже не представляю, чем так огорчила бедняжку...

— Успокойтесь, — сказал Лайл. — Вряд ли Оскар устроил погром.

Абсолютно ясно, черт возьми, что долбаный дохлый пес вообще ни при чем, но кто и как это сделал?

— Невероятно! — пробормотал Винсент Маккарти. — Я никогда не верил подобному вздору... однако...

— По-моему, это следствие вчерашнего землетрясения, — попытался спасти положение Лайл. — Сейсмические волны проникли в мир духов и...

Он подыскивал нужные слова, сунув дрожавшие руки в карманы, с колотившимся сердцем и одуревшими от катаклизма мозгами. Думай, черт побери!

— ...прервали поток информации. Может быть, лучше перенести сеанс на другой день. Скажем, на следующую субботу...

— Господи, я не могу так долго ждать! — воскликнула Эвелин. — Если бедняжка Оскар расстроен...

— Тогда устроим индивидуальный сеанс завтра вечером, — предложил Лайл. — К тому времени сейсмические возмущения успокоятся. Кажется, мне удастся втиснуть вас в расписание. Обязательно постараюсь.

— Ох, спасибо, мистер Ифасен... Спасибо!

Хоть что-то удалось спасти в катастрофе.

— Я бы тоже хотел записаться на индивидуальный сеанс, — вызвался Винсент Маккарти.

— И я! — воскликнула Аня.

Лайл поднял руки.

— Попробуем. Давайте перейдем в приемную, посмотрим, когда я смогу вас принять.

5

— Признайся, что это твоих рук дело, Чарли, — сказал Лайл, проводив до дверей трех клиентов. — Признайся, что неудачно испробовал новый фокус.

Чарли покачал головой:

— Нет. Как раз тащился к столу со свистком, когда духи начали крушить барахло.

— *Духи?* Ты в своем уме, малыш?

— Знаю, прости господи, в них грешно верить, да как еще объяснить...

— Ты вчера утверждал, будто Бог нас предупреждает, теперь вспомнил о духах? Выбери либо то, либо другое.

— Разве в том дело? *Не знаю,* что тут происходит, а ты или слепой, или дурак, или оба вместе, если не видишь, что тут ч*то-то* творится!

— Правильно. Нас хотели поджечь. Ты видел парня, удравшего вчера ночью. Видел канистру с бензином. Скажешь, будто это был дух?

— Не скажу. Но теперь другое дело...

— Ничего подобного. После того как поджог не удался, нас хотят запугать. Сперва двери и окна, потом погром. За всем стоят одни и те же люди.

— Да ну? — усомнился Чарли. — Тогда это настоящие гении. Одно ЦРУ умеет открывать и закрывать окна-двери, разнести в пух и прах целую комнату.

— Может, это и есть бывшие агенты ЦРУ. Они везде пролезут. — Лайл кивнул на разбитые окна: — Звук разбивает стекло, правда? А на ультравысоких частотах...

— Ерунда, — поморщился Чарли. — У нас гости, брат. Я вчера еще говорил. Землетрясение открыло ворота и что-то оттуда выпустило. В доме завелось привидение.

— А я говорю — не верю! Какие-то самые настоящие ослиные задницы хотят нас напугать и разогнать клиентов. Очень просто. Хотя, знаешь, идея по ним самим рикошетом ударила. Наши рыбки решили, что стали свидетелями поистине сверхъестественного явления, и полностью купились. Признали Ифасена настоящим подарком, хотят еще-еще-еще!..

Лайл вздрогнул от пронзительного телефонного звонка. Не задумываясь — хотя обычно всегда проверял номер на определителе или ждал, пока сработает автоответчик, — схватил трубку, отрывисто рявкнул:

— Да?

6

— Алло... — пробормотала Джиа, не ожидая грубого ответа. — Это... Ифасен?

Последовала недолгая пауза, голос в трубке прокашлялся и более вежливым тоном проговорил:

— Простите. Это я. Кто говорит?

Она едва не бросила трубку, не совсем понимая, зачем позвонила. Абсолютно не в ее правилах...

Утром съездила в платную лабораторию Вифлеемской больницы, сдала кровь для анализа на беременность. В кабинете доктора Иглтон сообщили, что результаты запрошены, но и к двум часам дня о них не было ни слуху ни духу. Джиа позвонила самой докторше, получив от ворот поворот. Ее заместитель не отвечал на звонки, передав через справочное, что ничего не знает об анализе и к тому же не понимает, почему нельзя подождать до понедельника.

Тогда она звякнула в Вифлеемскую лабораторию, где ее отфутболили, объявив, что результаты анализов сообщаются врачам, а не пациентам.

Джиа взволнованно металась по дому. Обычные проблемы обсуждались с Джеком, а теперь возникла необычная ситуация. Неизвестно, как он это примет. Поэтому она в полном отчаянии отыскала в буклете номер Ифасена.

Мысль, конечно, бредовая, но если она беременна вторым ребенком после его предсказания насчет двоих детей... Со вчерашнего вечера рациональные объяснения Джека мало-помалу превратились в фоновый шум. Он тогда еще не знал, что Джуни нашла браслет в указанном месте.

Что еще знает Ифасен? Обязательно надо выяснить. Можно себе представить выражение лица Джека, когда он узнает о ее звонке медиуму. Впрочем, хуже не будет.

Вдобавок, огорчаясь и нервничая из-за предполагаемой беременности, она совсем потеряла душевное равновесие. Медики изо всех сил стараются сделать из нее психопатку, с этим надо покончить, обратившись к так называемой альтернативной медицине.

Джиа подышала в трубку.

— Я была у вас вчера вечером. С Джуни Мун. Спрашивала, сколько у меня будет детей.

— Да, помню. Чем могу помочь? — Медиум говорил быстро, нетерпеливо, не слишком разборчиво.

— Меня кое-что интересует.

— Что именно?

— По вашему предсказанию, у меня будет двое детей, и я хочу спросить, откуда вы знаете. Не хочу вас обидеть, но мне надо знать, это просто догадка или...

— Простите, мисс... миссис...

— Ди Лауро. Джиа Ди Лауро.

— Очень приятно, Джиа Ди Лауро. Боюсь, сейчас не лучшее время для разговора. Может быть, позже, на следующей неделе, когда дела слегка утрясутся...

Утрясутся? Какой у него странный тон...

— Что-нибудь случилось?

— С чего вы взяли? — Голос вдруг зазвучал еще резче.

На память пришли рассуждения Джека о том, чего и почему опасается Ифасен.

— Вчера после нашего ухода кто-нибудь снова доставил вам неприятности?

— Что? — Тон вновь повысился. — Вы о чем это?

— О ваших конкурентах. Которые злятся, что вы переманиваете клиентов. Я не ошибаюсь?

В трубке воцарилось красноречивое молчание.

— Наверно, вы думаете: "Эй, из нас двоих *я* медиум", да? — осмелилась предположить Джиа. — И напрасно.

— Если вы имеете какое-нибудь отношение...

— Забудьте. До вчерашнего вечера я о вас даже не слышала. Хотя, возможно, сумею помочь.

— Это не ваше дело. В любом случае, не понимаю, каким образом вы...

— Нет, не я. — Она громко нервно рассмеялась соответственно настроению. — Лично я ничем помочь не смогу. Но знаю человека, который отлично улаживает такие дела. Могу попросить его вам позвонить.

Ифасен хмыкал и мямлил, явно не желая признаться, что нуждается в помощи при всех своих потусторонних связях, впрочем, сдался при заверении, что расследование будет проведено с исключительной осторожностью и без всяких сношений с полицией. Только сам хотел позвонить наладчику, поэтому она продиктовала номер автоответчика Джека.

Что ж это я сейчас натворила, подумала Джиа, положив трубку. При всем своем желании, чтобы Джек сменил образ деятельности, похоже, нашла ему ту же работу...

Что ее на это толкнуло?

Как бы его занятия ни были ей ненавистны, столь же сильно хочется, чтобы он снова стал самим собой, вылез из скорлупы, вновь улаживал проблемы. Эта проблема вполне безопасна. Конкуренты медиумы передрались из-за клиентов. Джек управится с закрытыми глазами.

Хотя Ифасен вчера вечером кричал о бомбе... Из головы вылетело. Вот дура!

Надо перезвонить, приказать позабыть продиктованный номер, выбросить... А вдруг он не послушает? Если хочет позвонить — позвонит. Или не позвонит, предпочитая сам справиться.

Будем надеяться.

7

Удивляясь, до чего странные, черт возьми, фортели выкидывает порой жизнь, Джек во второй раз за последние двадцать четыре часа шел в сумерках по дорожке к Менелай-Мэнор.

Сначала его изумил звонок Ифасена на автоответчик, потом известие, что номер медиуму дала Джиа. Днем и в начале вечера в перерывах между объятиями она ответила на все «зачем» и «почему», но он все-таки не до конца понял. Похоже, зациклилась на двоих детях. С чего? Чувствуется, что она что-то недоговаривает. Совсем на нее не похоже. Обычно он сам таит массу секретов.

Например, насчет пулевого отверстия в окне Ифасена. Вчера вечером он его заметил только на выходе из дома. Попадись оно на глаза, когда они туда направлялись, немедленно развернулся бы и увез Джиа домой. Нечего подпускать ее к зданию, на котором кто-то практикуется в стрельбе.

Сообщение Ифасена на автоответчике было слишком кратким, взволнованным, не содержало подробностей. Когда Джек перезвонил, медиум пояснил, что, опасаясь неблагоприятной огласки, не хочет обращаться в полицию. Вы согласны помочь?

Ему понравилось предложение наладить дела Ифасена. Медиум действует в полулегальном полусвете, где Джек комфортно себя чувствует. Кроме того, всегда приятно облапошить пару-тройку жуликов.

И он вернулся. В доме гораздо больше света — передняя веранда и почти все окна ярко горят. Ступив на веранду, заметил, что окна справа затянуты плотной черной тканью. Кажется, именно там находится канал, где окна вчера вечером не завешивали. Видимо, с тех пор что-то произошло. Настолько нехорошее, что пришлось обратиться за помощью.

Джек потянулся к звонку, но не успел коснуться, как дверь распахнулась.

С порога на него смотрел Ифасен — верней, парень, который себя так называет.

— Это вы?

— Привет, Лайл.

Черные глаза на темном лице округлились.

— Лайл? Здесь таких нет...

— Вы — Лайл Кентон, а я пришел по вашему приглашению.

— Но... вы ведь были тут...

— Вчера вечером. Помню. Можно войти?

Лайл посторонился, гость скользнул в прихожую. В нескольких шагах за медиумом стоял его брат.

Джек протянул руку, представился:

— Джек. А вы, наверно, Чарльз.

Тот ответил на рукопожатие, не сводя глаз со старшего брата.

— Как же...

— Очень просто. Нужен только компьютер, где каждый может узнать, что этот дом принадлежит Лайлу и Чарльзу Кентонам.

Джек намекнул, будто сам разыскал информацию, тогда как на самом деле этим занялся Эйб, лучше

справляясь с подобной работой.

Подойдя к эркерному окну, он обследовал пулевое отверстие, замазанное клеем.

— Похоже на 32-й калибр. Пуля у вас?

Лайл кивнул.

— Хотите взглянуть?

— Потом, может быть.

— Мы тоже вас проверили, — сообщил Лайл. — Во всяком случае, попытались.

— Вот как? — Странно было бы, если в не попытались. — Вышли на мой веб-сайт?

Очередной кивок.

— Чарли нашел.

— "Repairmanjack.com", — с оттенком пренебрежения добавил Чарли. — Довольно-таки хилый сайт. Одна электронная почта.

— Мне хватает.

Лайл крутил туда-сюда одну из своих бесчисленных косичек.

— Я навел справки. Нашел одного типа, который о вас что-то слышал, но не принял за реальную личность. Ему рассказывал кто-то, знакомый с кем-то, дядя подружки которого как-то вас нанимал. Что-то в таком духе. Кажется, вы нечто вроде городской легенды.

— Я и есть городская легенда. — И дальше ею надеюсь остаться. Джек ткнул большим пальцем через плечо на пулевое отверстие в окне. — Стреляли только раз?

— Вполне достаточно, согласны? Прошлой ночью нас хотели поджечь, да я турнул их раньше, чем успели развести костер.

— Стрельба, поджог... серьезное дело. Вы кого-то по-настоящему разозлили.

— Догадываюсь.

— По сравнению с этим буклеты Чика — детская шутка.

— Какого Чика? — нахмурился Лайл. — Что за буклеты?..

Джек подобрал брошюру о Менелай-Мэнор, вытряхнул из нее памфлет христиан-фундаменталистов, протянул его Лайлу, заметив, что Чарли скривил рот и уставился в потолок.

— Советую повнимательнее смотреть, кого в дом пускаете.

Лайл пролистал буклет.

— Постараюсь. — И швырнул в брата книжонкой. — Сколько раз еще тебе говорить... — Он сдержался и, пристально глядя на Чарли, добавил: — Потом обсудим.

Джек мысленно отстранился, разглядывая парочку и пытаясь понять, что происходит. Легкая напряженность между братьями Кентон. На рубашке у Чарли значок с известной аббревиатурой.

«Заново рожденный»? Член церкви спиритуалистов? Бред. Это объясняет буклеты Чика, и ничего больше. Непонятно, имеет ли отношение к просьбе Лайла о помощи, и если да, то какое.

Джек прокашлялся.

— Не догадываетесь, кто из конкурентов хочет осложнить вам жизнь?

Покачав головой, Лайл снова завертел косичку.

— Не помню, чтоб я говорил о каком-нибудь конкуренте.

Значит, вот как мы будем играть, мысленно заключил Джек, оглядываясь вокруг. Надо сорвать с него личину «настоящего медиума по имени Ифасен».

— Ну ладно... Что еще натворили неизвестные нехорошие мальчики?

— Сегодня утром пытались нас напугать, устроив игры с дверями и окнами, потом разгромили комнату-канал.

— Поэтому окна снаружи задраены?

Лайл кивнул:

— Клиентов хотят отпугнуть.

— Клиентов? — Посмотрим, не удастся ли вывести его из себя. — Наверно, они сами действительно считают себя клиентами. Давайте будем называть их по-вашему: лопухи, рыбки, болваны...

Лайл взглянул на него с удивлением, Джек улыбнулся и пожал плечами.

— Когда-то я тоже участвовал в играх.

— В играх? — ледяным тоном переспросил медиум. — Это не игры. Это моя жизнь.

— И наверняка неплохой заработок. Вы, должно быть, уже догадались, что я знаком с вашими методами. По-моему, заметили, как пометил билет вчера вечером.

Никакой реакции. Братья Кентон словно превратились в статуи.

Пора прижать их покрепче.

— Кстати, кто из вас забрался в квартиру Джуни Мун и спрятал браслет? — Он указал на младшего брата. — Готов поспорить, присутствующий здесь Чарли. Правильно?

Чарли покосился на брата и быстро отвел глаза в сторону, уведомив Джека о попадании в яблочко.

— Вы обвиняете нас в преступлении? — Лайл стиснул губы, сощурил глаза в щелки.

— Я и сам его не раз совершал. Дама-медиум, которой я ассистировал, часто меня посылала в подобные командировки. Стандартный порядок действий: выключить свет, залезть к рыбке в сумку, сделать дубликат ключа, нанести визит в пустой дом. Когда все получается, отличный способ.

— Не знаю, — буркнул Лайл, по-прежнему ни на дюйм не отступая.

Джек совершил следующую попытку — сделал шаг назад и исследовал осветительную арматуру на потолке.

— Жучка туда всадили? Леди, на которую я работал, установила жучки в приемной и подслушивала дожидавшихся там лопухов, черпая из болтовни самую разнообразную конфиденциальную информацию.

Братья снова застыли как статуи.

— Послушайте, ребята, — не выдержал он. — Если мы собираемся вместе работать, должны быть откровенны и честны друг с другом.

— Мы пока не работаем вместе.

— Справедливо. Можно взглянуть на комнату-канал?

Лайл молча и настороженно смотрел на него.

— Видимо, это плохая идея, — заключил Джек, частично изображая, частично действительно испытывая досаду, и повернулся к двери. — Я уже зря на вас время потратил. Больше тратить не вижу особого смысла.

— Постой, — сказал Лайл, помедлил, поколебался, глубоко вздохнул. — О'кей, но при одном условии — за эти стены ничего не выйдет, согласен?

— Считай меня исповедником. С болезнью Альцгеймера.

Чарли ухмыльнулся, маскируя смешок кашлем. Даже Лайл чуть скривил губы.

— Ладно. — Джек двинулся к двери в канал. — Поглядим.

Войдя в комнату впереди братьев, он остановился посередине. Несколько скульптур пострадали, пустые места вместо зеркал на стенах, хотя в целом комната выглядит не так уж плохо.

— Учти, мы целый день потратили на уборку, — объяснил Лайл. — Все стекло и все бьющиеся предметы в комнате были расколочены вдребезги.

— На триллионы кусочков, — добавил Чарли.

— Каким образом? Из дробовика?

Лайл покачал головой:

— Пока непонятно.

— Не возражаете, если я осмотрюсь?

— Будь как дома. Возникнут идеи — охотно послушаем.

Джек подошел к дубовому столу для спиритических сеансов, наклонился, исследовал толстые ножки на лапах.

— Тут все тип-топ, — сказал Чарли. — Лучше взгляни на окна и на зеркала...

— Дойду и до них.

Он обнаружил в ножке рычаги, сел за стол, принялся нажимать ногой, наклоняя столешницу в разные стороны, одобрительно кивнул:

— Отлично.

Осмотрел стулья, видя в одной ножке каждого кончик стального стержня.

— А это для чего? Моторчик в сиденье выдвигает стержень, верно? Приводится в действие с помощью дистанционного управления и наклоняет стул с лопухом. Мило. Сами изобрели, ребята?

Чарли бросил взгляд на Лайла, тот снова вздохнул:

— У нас Чарли главный механик.

Так-так-так, подумал Джек. Наконец-то начали оттаивать. Будем надеяться, процесс плавно пойдет дальше.

— А как насчет вибраций мотора? — обратился он к Чарли.

— Набивка глушит, — ответил тот. — Жутко плотная.

— Прекрасная работа, — похвалил Джек, выставив два больших пальца. — Просто здорово.

Чарли ухмыльнулся. Джек понял, что у него появился друг.

Подойдя к окну, он отдернул шторы. Все стекла были выбиты, причем не наружу, а внутрь, но

старинные деревянные средники, державшие их, уцелели.

То же самое с прочими окнами на фасадной, задней и боковой стене.

Что за черт...

Он повернулся к братьям и пожал плечами:

— Ничего сказать не могу.

— Не можешь пособить? — спросил Чарли.

— Этого я не говорю. Не могу сказать, как это было сделано, но могу позаботиться, чтобы не повторилось.

— Как? — поинтересовался Лайл.

— За домом надо установить наблюдение. Я работаю в одиночку. Когда смогу, сам послежу снаружи, когда не смогу, поставлю видеокамеры, реагирующие на движение.

— Почему не сигнализацию с детектором движения? — спросил Чарли.

— Почему не пулеметы с детектором движения? — пробормотал Лайл.

— Не так важно спугнуть хулиганов, как выяснить, кто они такие. Как только узнаем, я их отыщу, а вы попросите отвязаться.

— Клево, — иронически фыркнул Чарли. — А вдруг они не пожелают отвязываться?

— Тогда я их уговорю.

— Как? — спросил Лайл.

— Это мое дело. За него вы заплатите большие баксы. Я могу очень сильно испортить им жизнь. В конце концов они не пожелают не только связываться, а даже *слышать* о братьях Кентон.

Чарли усмехнулся:

— Я — за.

Лайл хмуро взглянул на Джека:

— Поговорим об упомянутых больших баксах.

8

Устроившись на кухне, Лайл с Джеком пили пиво, Чарли потягивал пепси. Лайл пытался сбить цену, жалуясь на финансовые затруднения после серьезного ремонта старого дома и возникшую необходимость в новом ремонте. Но Джек не уступал никогда; правда, согласился разбить общую сумму на три части вместо обычных двух. Половина в качестве аванса, четверть после опознания преступников, четверть после пресечения их деятельности.

Окончательного ответа Лайл не дал, объяснив, что до принятия решения им с Чарли надо все как следует обсудить, просмотреть счета, и прочее и прочее. Хотя Джек чувствовал, что решение принято — его наняли.

Черт возьми, до чего хорошо вновь вернуться к работе!

— Обсудим возможные варианты насчет нехороших ребят, — сказал он, принимая от Лайла новую банку «Хайнекена». — Может, кто-то из местных?

Медиум помотал головой:

— На Стейнвей старая цыганка занимается хиромантией, прочей белибердой, и практически все. Знаешь, в Астории много мусульман, а верящие в ислам не верят в спиритизм.

Наверняка после катастрофы с Всемирным торговым центром здесь была довольно напряженная ситуация, но все улеглось еще до приезда Кентонов.

Джек припомнил вопрос, со вчерашнего вечера не дававший покоя.

Почему же вы поселились в Астории?

На Манхэттене слишком дорого. Во всех агентствах Недвижимости говорят, что после атаки на торговый центр цены упали, и все равно необходимая площадь нам не по карману.

— Необходимая для будущей церкви? — По встревоженному выражению лица Чарли, схватившегося за значок, Джек понял, что задел больное место. — Когда собираешься открывать?

— Надеюсь, никогда, — буркнул Чарли, сверкнув глазами на Лайла. — Иначе я свалю в тот же день.

— Давай сейчас не будем об этом, ладно?

Джек попробовал разрядить вдруг возникшее напряжение, широко развел руками.

— Значит, вы углубились в дебри Куинса и нашли этот дом.

— Угу. Мне понравилась его история. Кстати, из-за нее и цена подходящая.

— Все убийства, описанные в брошюре, реальные?

Чарли кивнул:

— Однозначно. У этого дома поганое прошлое.

— Замечательно. Но настоящие деньги крутятся либо в Манхэттене, либо в округе Нассау, а вы забились в пустую дыру между ними. Как заставить людей с деньгами ездить в такую даль?

Лайл усмехнулся с гордостью и удовольствием:

— Во-первых, не такая уж даль. Рядом мост Трайборо, туннель Куинс — Мидтаун, эстакада на Пятьдесят девятой улице, автострада Бруклин — Куинс и лонг-айлендское скоростное шоссе. А главная приманка — советы держаться от нас подальше.

— Растолкуй, — попросил Джек.

— Раньше, — начал Лайл, откинувшись на спинку стула, — я занимался спиритизмом в городе — не спрашивай в каком, не скажу, — где обреталась довольно многочисленная община адвентистов седьмого дня.

— Которые считают спиритизм грехом.

— Хуже. Сатанинским делом, прямой ниточкой к «рогатому». По всему городу расклеили плакаты с предупреждением об опасности, однажды в воскресенье даже пикет устроили у моей конторы. Я сперва здорово перепугался, встревожился...

— Минут этак на десять, — вставил Чарли.

— Точно. Потом вижу — да это же лучший в жизни подарок. Звякнул в местные газеты и на телевидение — жалко, думаю, что не суббота, но по субботам адвентистам ничего нельзя делать, — тем не менее пресса явилась, и я получил в результате потрясающую рекламу. Люди начали спрашивать: «Почему община так всполошилась из-за этого Ифасена? Наверное, в нем действительно что-то есть». Надо сказать, бизнес резко пошел после этого в гору.

Джек кивнул:

— Значит, в Бостоне тебя как бы запретили. Это почти всегда работает.

— Не в Бостоне, — брякнул Чарли. — В Дирборне. — Он покосился на Лайла, который испепелил его взглядом. — Чего?

Джек развалился на стуле, пряча улыбку. Итак, братья Кентон прибыли из Мичигана. В спиритическом бизнесе надо как можно лучше скрывать свое прошлое, особенно действуя под вымышленным именем. Вдобавок многие медиумы бывали под арестом — как правило, за мошенничество в других областях, — многие начинали карьеру фокусниками или читали мысли, со временем приходя к заключению, что, если ты не суперзвезда вроде Копперфилда и Хеннинга, показывать фокусы выгодней в темной комнате для сеансов, чем на приемах с коктейлями и детских праздниках в честь дня рождения.

Интересно, что эти ребята собой представляют...

— Действительно, в Дирборне здорово вышло, — признал он, — только я как-то не слышал о выступлениях адвентистов в Астории.

— Потому что их здесь нет, — пояснил Лайл, не глядя на брата, — во всяком случае, нет многочисленной группы, какая мне требуется. Впрочем, я кое-что придумал. Перед отъездом из Дирборна, — он снова сверкнул глазами на Чарли, — подготовил почву, послав в «Ньюс геральд» объявление о моем отъезде. Объявил, что уезжаю из-за местных адвентистов, которые настроили против меня столько людей, что я в такой атмосфере не могу устраивать спиритические сеансы. Сдаюсь. Они победили. Не смогут больше измываться над Ифасеном. Что-то вроде того.

— Ты же говоришь, что бизнес шел в гору?

— Переживал истинный бум. Особенно в девяносто девятом году. Шесть последних месяцев перед началом нового тысячелетия были невероятно удачными. Лучшими в жизни. — Лайл смягчился, погрузившись в воспоминания. — Хорошо бы они длились вечно...

Несколько знакомых мошенников говорили Джеку то же самое. Для хиромантов, гадателей Таро, астрологов и так далее, для всех, кто выкидывал фокусы-покусы, канун миллениума оказался золотым дном.

— Но пришло время двигаться дальше, — продолжал Лайл.

Он встал и прислонился к стойке. Чем дольше говорил, тем явственней таяла бесстрастная маска Ифасена. Видно, парень никому, кроме Чарли, не может открыться и, конечно, нуждается в откровенной беседе. Разговорившись, не закрывает рта, болтает все быстрее. Захочешь остановить — не сумеешь.

— Поэтому мы с Чарли свернули предприятие и пустились в путь. Десять месяцев назад купили этот дом и потратили на перестройку почти все сбережения. Покончив с необходимыми приготовлениями, я позвонил адвентистам, которые меня раньше травили. Представился — разумеется, под другим именем — членом общины адвентистов, сообщив, что прислужник дьявола Ифасен, изгнанный ими из Дирборна, обосновался в моем районе, начинает нечестивую деятельность, искушая доверчивые души жителей Астории. Не постараются ли они с этим покончить, однажды уже добившись успеха?

— Только не говори, что явилась толпа протестующих!

— Это мне тоже сгодилось бы, но возникла другая идея. Я отправил им копии своих рекламных объявлений в «Виллидж войс» и «Обсервер», предложив на тех же страницах поведать народу Божью истину.

— Зачем тебе понадобились адвентисты? — спросил Джек. — Сам мог тиснуть антирекламу.

— Мог. Но если бы газетчики захотели проверить источник, то убедились бы, что это мои подлинные враги. Вдобавок крупные объявления с особой печатью недешевы. Почему бы не переложить счета на других?

— И они клюнули?

— Не то слово. Для затравки я им перевел сотню долларов, и пошло дело — огромные еженедельные объявления в течение месяца.

Джек рассмеялся:

— Мне нравится!

Лайл усмехнулся, пробив первую трещину в нарочитой невозмутимости, и сразу превратился в мальчишку. Джек решил, что ему нравится скрывавшийся под маской парень.

— Послужит им уроком. — Усмешка постепенно погасла. — Хотели мне игру испортить, потому что я их играм помешал.

— Разница в том, — нахмурился Чарли, — что они в свои игры верят. А ты нет.

— Все равно игры, — возразил Лайл, скривившись, словно от горечи во рту. — Мы признаем, что это игра, они не признают, суть от этого не меняется. Игра есть игра. В конце дня и мы, и они предъявляем счет за одни и те же услуги.

Братья старались не смотреть друг на друга, на кухне повисла тяжелая, напряженная тишина.

— Кстати, о счетах, — нарушил молчание Джек. — Я так понял, реклама своей цели достигла?

— О да, — кивнул Лайл. — Телефон не умолкает. После первого визита почти все возвращаются. И других с собой приводят.

— В основном городские?

— Процентов на девяносто.

— Пожалуй, не стоит напоминать, что до вашего появления почти все эти люди бывали у других медиумов. Раз теперь регулярно являются к вам, значит, бросили прежних. Ты меня сильно разочаруешь, если не составил список их бывших медиумов.

— Составил.

— Отлично. Я не менее огорчусь, если вы не знакомитесь с финансовым положением каждого вошедшего в эту дверь лопуха.

Лайл молчал с окаменевшим лицом.

Ну, давай, мысленно подстегнул его Джек. Парень смахивает на слишком туго заведенные часы. Любой игрок в спиритизм осведомляется о финансах клиентов, выпытывая имена и фамилии, раздобывая водительские права, документы, кредитные карточки, банковские счета, номера социального страхования и так далее.

Наконец Лайл выдавил подобие вымученной улыбки:

— По-моему, огорчаться тебе не придется.

— Замечательно. Тогда сделайте вот что. Распишите своих лопухов по их бывшим гуру, потом расставьте в убывающем порядке в зависимости от чистого капитала или от щедрости. Посмотрим, кто из медиумов понес из-за вас самые большие убытки, и получим окончательный перечень подозреваемых.

Лайл и Чарли переглянулись, как бы спрашивая друг друга: «Почему же мы сами до этого не додумались?»

Допив залпом остатки пива, Джек встал.

— Засиделись мы, ребята. Пусть кто-нибудь из вас завтра мне позвонит и скажет, займемся ли мы этим делом.

— Позвоним, — кивнул Лайл. — Если решим согласиться, когда хочешь аванс получить?

— Ну, завтра воскресенье, можно в понедельник. Не забудь, только наличные. Потом я начну.

Несмотря на темноту и еще не решенный вопрос о найме, Джек, выйдя из дома, попросил Лайла показать двор. Сойдя с передней веранды, заметил, что все посадки вокруг стен погибли.

— Эй, если любишь сухие листочки, я знаю один бар в городе — просто ахнешь.

— Совсем забыл об этом упомянуть. Наверно, отравили вчера вечером.

— Гадко, — покачан головой Джек, трогая жесткий коричневый лист рододендрона, засохшего, кажется, месяц назад и с тех пор не покидавшего пустыню Мохав. — И мелочно. Не люблю мелочных людей.

Мертвые растения чем-то его озадачили. В юности он одно время занимался садовыми работами, часто пользовался дефолиантами. Ни один препарат не убивает так быстро и основательно. Как будто за одну ночь все соки из зелени высосали.

Оставив пока засохшие кусты, он присмотрел несколько удобных точек для наблюдения среди кустов вокруг двойной стоянки при Менелай-Мэнор, но ему требовался высокий насест. Крыша дома слишком крутая, крыша гаража лучше, хотя с нее будет виден лишь первый этаж.

— Гараж, видно, позже пристроен.

Хуже того — безобразная пристройка на одну машину у правого крыла оригинальной постройки нарушала симметрию.

— По словам агента по недвижимости, так и есть, — подтвердил Лайл. — Сын первого владельца поставил в восьмидесятые годы после того, как унаследовал дом...

— И до того, как сам его покинул.

— Естественно. Очень удобно выгружать покупки из машины. Гараж открывается прямо на кухню. Здорово, если дождик идет.

— Или если не хочешь, чтоб кто-нибудь разглядел выгружаемое.

Лайл нахмурился:

— Да, пожалуй. Почему ты это сказал?

— Не знаю, — отозвался Джек. — Пришло в голову. — Действительно, мысль просто вспыхнула в голове. Он прогнал ее. — Посмотрим вон на тот большой клен, — кивнул он на улицу.

— Клен, — повторил Лайл, шагая в темноте к мостовой. — Надо будет запомнить.

— Догадываюсь, что в детстве ты редко видел деревья, — заметил Джек, чувствуя, как он напрягся.

— Почему ты так думаешь?

— Хорошо говоришь, а вот Чарли...

— Угу, — вздохнул Лайл. — Не могу делать дело без Чарли, и нельзя разрешить ему при лопухах разговаривать. Ничего не получится.

Они подошли к клену, стоявшему у обочины, раскинувшись над тротуаром и улицей. С виду здоровый, крепкий, но нижние ветви обрезаны. Самая нижняя возвышается над землей на десять футов.

— Помоги-ка, — попросил Джек.

Лайл нерешительно на него покосился.

— Давай, — рассмеялся он. — Знаю, как вы, аферисты, не любите пачкать руки, да ты меня только чуток подсади, дальше я сам залезу.

Лайл, покачав головой, подставил руки с переплетенными пальцами, помог Джеку схватиться за сук, вскарабкаться на ветку, а сам направился на дорогу между двумя припаркованными машинами.

— Ты куда?

— Не обижайся, лучше отойду в сторонку на случай, если ты рухнешь вниз вместе с веткой.

— Эх, а я-то рассчитывал, что ты меня поймаешь...

Послышался шум мотора. Прямо на Лайла мчался автомобиль без огней.

— Прочь с дороги! — завопил Джек.

Лайл оглянулся, но не сразу среагировал. Может, не разглядел приближавшуюся машину с выключенными фарами. Наконец опомнился, прыгнул к обочине, машина вильнула, обдав его легким ветерком и помяв крыло стоявшего справа автомобиля.

— Они? — крикнул Джек, спрыгнув с дерева.

Машина не остановилась, даже не замедлила ход. Он оглядел Лайла — потрясенного, но невредимого.

— Н-н-не знаю...

Джек сорвался с места, понесся по тротуару, вдруг припомнив, что его еще даже не наняли.

Инстинктивно бросился бежать и не стал останавливаться. Не в его правилах приступать к работе, не получив аванс, хотя после этого Лайл наверняка раскошелится. А один взгляд на номерной знак таинственного автомобиля может сэкономить несколько дней слежки на будущей неделе.

Держась на тротуаре, он надеялся, что водитель его не заметит. Когда машина проезжала под уличным фонарем, разглядел цвет — желтый или белый, — а марку и модель не сумел распознать. Автомобиль не такой приметный, как «тойота-крузер». Нет, скорее типичная модель седана средних размеров — «кэмри», «королла», «сентра», любая другая еще из пяти. С выключенными огнями номерной знак прячется в тени бампера.

В сотне ярдов впереди начинается Дитмарс-бульвар. На светофоре горит красный свет. Остановится?

Ни малейшего шанса. Лишь тормозные огни на миг вспыхнули у перекрестка, и все. Машина проскочила на красный, свернула направо.

Джек продолжал погоню, слегка прибавив газу. Возможно, пустая трата сил, но кто знает? Если повезет, вдруг окажется, что таинственный автомобиль врезался в такси, сцепившись с ним бампером. Бывают на свете и более удивительные события.

Он повернул за угол и сразу затормозил... вместе с потоком машин на дороге. Люди, выезжавшие в субботний вечер из города, сработали лучше всякого светофора.

Двинулся дальше, потише, вглядываясь в море машин, шагая мимо ярко освещенных витрин магазинов. На первых же двадцати пяти ярдах нашел две похожие — одну белую, другую бледно-желтую. Замечательно.

У желтой машины вмятина на переднем крыле, фары выключены. Сидевшая на пассажирском месте женщина то и дело оглядывалась через плечо, не останавливая взгляда на Джеке. Видно, высматривает кого-то с гораздо более темной кожей.

Есть!

Женщина вновь повернулась вперед, стукнула кулаком по приборной доске, тыча пальцем в стекло, явно приказывая водителю ехать. Но впереди и позади плотно выстроились машины, и на встречной полосе картина не лучше. Ехать можно лишь вместе со всеми.

Шагая почти параллельно машине, Джек вышел из поля зрения женщины, присел на корточки, делая вид, что завязывает шнурок. Убедившись, что никто не обращает на него внимания, крабом прополз между двумя припаркованными автомобилями, очутившись в двух футах от заднего колеса желтой машины. При ближайшем рассмотрении она оказалась довольно старой «короллой». Он вытащил из заднего кармана нож с черной ручкой, открыл одной рукой зазубренное четырехдюймовое лезвие, воткнул в покрышку, выполз обратно на тротуар, повозился со вторым шнурком, поднялся во весь рост.

Не оглядываясь, осмотрел ближайшие вывески, заметил «Дуэйн Рид». Годится. Будем надеяться, тут найдется все необходимое.

И действительно. Замечательный «Дуэйн Рид». Называется аптекой, а чего там только нет. Практически все, что может понадобиться любому покупателю.

Например, липкая лента.

Или колготки.

Выйдя, Джек увидел, что пробка рассасывается, и пошел вдоль бульвара. Остановился у мусорного контейнера, открыл пакет с колготками, отрезал один чулок, выбросил остальное. И двинулся дальше в поисках желтой «короллы». Миновал три квартала. Неужели поехали дальше со спущенной шиной? Невозможно представить, чтобы рискнули привлечь к себе внимание, их могла остановить полиция, а это им совсем ни к чему...

Переходя через переулок по пути к четвертому кварталу, услышал справа металлический лязг.

Затормозил, прислушался к мужскому голосу, ругавшемуся по-английски, приглядевшись, увидел мужчину и женщину на обочине, сразу за уличным фонарем. Мужчина стоял на коленях возле колеса светлой «короллы», поставленной рядом с пожарным гидрантом, а женщина торчала, как часовой на страже.

— Давай, давай, мать твою! — подгоняла она. — Пошевеливайся, черт тебя подери!

— Проклятые болты заржавели. Сейчас... — Снова лязг. — Вот дерьмо!

Джек свернул с бульвара, подкрался по другой стороне улицы, прячась за стоявшими машинами, оказавшись напротив «короллы», юркнул в ближайшую тень и принялся наблюдать.

Мужчина среднего роста, лет сорока, с редеющими волосами, брюшком средних размеров. Женщина маленькая — максимум пять футов с дюймом, — сложением напоминает тот самый пожарный гидрант. Рту позавидует самый губастый клоун.

Водитель явно не часто меняет покрышки, тем более под постоянные понукания спутницы, но все-таки ему в конце концов удалось поставить новое колесо. Он вытащил из-под машины домкрат, женщина снова расположилась на переднем сиденье.

Пока мужчина собирал инструменты, Джек натянул на голову чулок, надел на левое запястье рулон липкой ленты, оторвал кусок длиной дюймов в шесть, наклеил на левое предплечье, дожидаясь, когда водитель возьмет в руки спущенную покрышку.

Улучив момент, бросился через дорогу прямо к нему. Тот ничего не заметил, пока Джек не вырос перед глазами, вскинул голову с отвисшей от испуга челюстью. С занятыми покрышкой руками он был легкой добычей, уткой сидя на тротуаре. Кулак врезался в нос, покрышка упала, а голова мотнулась назад. Джек схватил его за рубашку, дернул вперед и завалил в багажник. Ошеломленная жертва не сопротивлялась, поэтому без труда удалось перекинуть ноги через край и захлопнуть крышку.

Потом он без промедления бросился к правой передней дверце, на ходу вытащив нож и выбросив лезвие. Пассажирка не могла его видеть за поднятой крышкой багажника. Джек рванул дверцу, зажал ладонью ничего не подозревающий женский рот.

Помахал лезвием перед круглыми от ужаса глазами и пропищал с дурным немецким акцентом, от которого не отказались бы даже «Герои Хогана».

— Только пискни, и тебе капут!

Она глянула в лицо под чулком, слабо икнула, захлопнула рот.

— Зер гут.

Он оторвал от губ руку, сразу заклеив их пластырем. Вытащил женщину с переднего сиденья, уложил на заднее лицом вниз, липкой лентой связал за спиной руки, крепко обмотал лодыжки.

Наконец нанес последний штрих: перевернул лицом вверх, заклеил каждый глаз вертикальной полоской и еще дважды обмотал ленту вокруг головы. Перекатив женщину на пол, выволок из багажника ее приятеля и проделал с ним ту же самую процедуру.

На все про все — две минуты. Может быть, даже меньше.

Прыгнув за руль, Джек включил зажигание, тронул машину с места. Сорвал чулок с головы, растер зудевшее лицо. Затем обратился к хныкавшим и вертевшимся слушателям:

— Мошет быть, вас утивляет такой способ снакомства. Тело в теньгах. Мне они нушны — у вас они есть. Альзо, аллес вместе отправимся в милое тихое место и совершим обмен. Я против вас нишего не имею. Просто пользуюсь шансом. Не телайте глупостей, и останетесь целыми. Ферштейн?

Его не волновало, приняли ли они акцент за чистую монету. Просто не хочется, чтоб узнали нормальную речь. Если план осуществится, они ее скоро услышат.

9

Бесцельно проездив минут двадцать, совершая ненужные повороты налево, направо, накручивая круги, Джек по-настоящему растерялся. Решил, что раз уж сам запутался, то пассажиры должны абсолютно потерять ориентацию.

Лишь опять выехав на Дитмарс-бульвар, сумел сориентироваться и отыскать дорогу к дому братьев Кентон. Только свернул на подъездную дорожку, на лужайку выскочили Лайл с Чарли. Он жестом приказал им молчать, поманил к машине, указал на заднее стекло. Увидев на заднем сиденье два связанных тела, братья перепуганно вытаращили на него глаза. В ответ Джек подал знак открыть дверь гаража.

Заведя машину в гараж, закрыв дверь на замок, махнул парням на дом.

— Они самые? — почти шепнул Лайл, хотя в машине никто бы его не услышал.

Джек кивнул.

— Те, что хотели меня сбить?

— Именно.

— Но как...

— Секрет фирмы.

— Кто это такие?

— Через несколько минут узнаем. Кстати, надеюсь, я нанят. В противном случае придется отвезти их обратно.

— Не беспокойся, нанят, — кивнул Лайл. — Очень даже нанят. Контракт будем подписывать или еще что-нибудь?

— Контракт. — Джек протянул руку. — Вот он.

Лайл с Чарли по очереди ее пожали.

— И все? — спросил Лайл.

— Все.

— Эй, слышь-ка, ты ж их похитил! — воскликнул Чарли.

— Формально — да. Тебя это волнует?

— Нет, а копы, ФБР...

— Вы о них никогда не услышите. Наша парочка меня не видела, не догадывается, что машина у вас в гараже. — Джек потер руки. Пора получше познакомиться с братьями Кентон. — Ну, хотелось бы знать, что вы собираетесь с ними сделать. Можно переломать руки-ноги, проломить голову...

Следя за реакцией, с облегчением увидел отвращение на их лицах.

— Господи, — пробормотал Лайл. — Нынче днем я жаждал крови, готов был их убить. А сейчас...

— Правильно, — отозвался Джек. — Вид у них довольно жалкий. Лично я предпочитаю не разбивать голову, а пудрить мозги.

— Пудрить мозги, — с удовольствием повторил Чарли. — Я — за. Клевый способ.

— Годится, — кивнул Лайл. — А как?

— Сначала усвойте несколько правил. В их присутствии всем молчать, кроме меня. Я буду изображать полковника Клинка[11]. Вы оба не говорите ни слова на случай, если ваши голоса им знакомы. Зачем вас привязывать к этому делу?

Братья согласно кивнули.

— Хорошо. Раз договорились, первым делом вытащим их из машины, положим на пол, разденем догола, обыщем...

— Ох, отмотай назад. Разденем догола?

— Именно. По-моему, небольшое унижение пойдет на пользу душам парочки, покушавшейся на убийство. И, кроме того, усмирит. Без одежды себя чувствуешь необычайно беспомощным и беззащитным. Главное — они до чертиков перепугаются, опасаясь каких-нибудь извращенных сексуальных намерений с нашей стороны.

— Только их ведь у нас нету, правда? — жалобно пропищал Чарли.

— Шутишь, — хмыкнул Джек. — Достаточно на них посмотреть, а тем более голышом. Нам придется гораздо хуже, чем им.

— А потом? — спросил Лайл.

— Внимательно осмотрим вещи, бумажники, записные книжки, бардачок в машине, выясним все возможное, потом подумаем, как расквитаться.

По лицам братьев можно было догадаться, какая борьба происходит в душе. Истинные художники-мошенники не любят применять физическое насилие.

— Если это вам очень уж неприятно, могу один справиться. Но с вашей помощью дело пойдет гораздо быстрее.

Лайл взглянул на Чарли и вздохнул:

— Пошли.

10

Двадцать минут спустя вернулись на кухню.

Вывалив на стол содержимое бумажника мужчины, сумочки женщины и бардачка, Джек взялся за сортировку.

Лицо Лайла окаменело с той самой минуты, как в багажнике, в опустевшем теперь углублении для запасного колеса обнаружился пистолет 32-го калибра.

— Они хотели меня убить, — пробормотал он.

— Как ты догадался? — поинтересовался Джек. — Неужели потому, что в тебя стреляли, пытались поджечь дом, переехать машиной?

— Тут нет ничего смешного.

Джек оторвался от документов на машину и водительских прав, желая слегка подбодрить парня.

— Чертовски верно подмечено. И уж совсем не смешно срывать с них одежду. — Он поежился, вспоминая бледное расплывшееся дряблое женское тело. — Я был вынужден мысленно постоянно ее одевать.

Лайл, наконец, с большим трудом улыбнулся.

— Так-так, — заключил Джек. — Судя по документам, мы имеем дело с супружеской парой — Карлом и Элизабет Фостер.

Лайл вытащил из дамской сумочки пачку визитных карточек и перебрал.

— Провалиться мне на этом месте!

— Не провалишься, я тебя вытащу, — пообещал Чарли.

Даже если старший брат слышал, то пропустил обещание мимо ушей.

— Это же мадам Помроль! Я о ней слышал. Участвовала в программе Леттермана.

Джек редко смотрел ток-шоу.

— Известная личность?

— Еще бы! Живет в Верхнем Истсайде. Говорят, последние пять лет идет нарасхват. О ней без конца болтают мои лопухи — *очень* многие были ее постоянными клиентами.

— Ну, вот тебе, — кивнул Джек. — Теперь ты знаешь кто и почему.

— Как же они доплюхали с Верхнего Истсайда? — полюбопытствовал Чарли.

Джек собрался объяснить, что в городе это обычное дело, но Лайл перебил.

— Сука! — выругался он, не сводя глаз с визитки мадам Помроль. — Пыталась меня убить!

— Не забудь, что за рулем машины, которая тебя чуть не сбила, сидел ее муж, — напомнил Джек. — По-моему, это совместное предприятие.

— Да, но готов поспорить, она всем заправляет.

— Да какая разница, кто стрелок, — сказал Чарли. — У нас в гараже валяются двое белых с голыми задницами, связанные, точно телята на бойне. Чего будем делать?

— Пока не знаю, — пожал Джек плечами. Сегодня он действовал по наитию. Обычно приступал к

заданию по крайней мере с наполовину готовым планом, а в этот вечер события развивались слишком стремительно. — Важнее решить, что мы *с ними* сделаем.

— То есть как это «с ними»? — Чарли пристально посмотрел на него. — Знаю, они нам хотели напакостить...

— Они нас хотели *убить,* Чарли, — возразил Лайл. — Не напакостить нам, а *убить!* Помни об этом.

— Ладно, пускай убить. Все равно мы не имеем права их убивать. — Он снова коснулся значка на рубашке. — Надо подставить другую щеку и отдать их копам.

Джеку не понравилось, куда клонится дело.

— И вам тут же предъявят неопровержимые обвинения в нападении, избиении, похищении, незаконном задержании, черт знает, в чем еще. Вы этого хотите?

— Еще чего, — отмахнулся Чарли.

— И кто вообще говорит об убийстве?

— Ну, Лайл чего-то...

— Я не говорю, что их надо убить, — вмешался сам Лайл. — Господи боже, ты же меня знаешь! Просто не понимаю, чего мы добились, кроме того, что выяснили, кто это такие. Выпустим — а они завтра снова нас схватят за задницу, постараются убить или выгнать из города. Я не хочу на каждом шагу оглядываться через плечо, парень. С этим надо покончить!

— Тут наступает моя очередь, — вставил Джек. План начинал обретать первоначальные очертания, адреналин потек, зашумел в жилах, защекотал нервы. Он взял у Лайла визитку мадам Помроль, взмахнул в воздухе. — У нас есть адрес. Имеется также набор ключей от квартиры. Посмотрим, не удастся ли приготовить несколько сюрпризов.

— Годится, — кивнул Чарли. — Чего накумекал?

— Пока еще кумекаю, но, по-моему, найду возможность озадачить мадам Помроль собственными делами настолько, что ей уже некогда будет заниматься вашими. По крайней мере, в ближайшее время. Только, если действовать нынче ночью, мне нужна помощь. Где у тебя станок для нарезки ключей?

Чарли прищурился, покосился на Лайла:

— Каких ключей?

— Знаю, у тебя он имеется. Пошли. Теряем время.

— Давай, — велел Лайл.

Чарли пожал плечами:

— Ладно. Сварганим дубликаты ключей от их хазы?

— Правильно. И раз уж мы затронули эту тему, где ты держишь запчасти для волшебных фокусов?

— В целой куче коробок, — ухмыльнулся Чарли.

— Замечательно. Показывай свой склад, поглядим, чем можно воспользоваться.

Неизвестно, чем эта ночь обернется, но у Джиа он точно окажется гораздо позже, чем рассчитывал. Надо ей позвонить. Не сейчас. Кровь запела в ушах; Джек впервые за несколько месяцев чувствовал, что опять полон жизни.

11

Лайл, скрипя зубами, направлялся в гараж проведать мадам Помроль с мужем. Прошло почти два часа после того, как Джек с Чарли умчались в город, оставив его охранять... Кого? Пленных? Заложников? Подонков?

Кем бы они ни были, оба лежат лицом вниз в машине — муж на полу под задним сиденьем, мадам Помроль на сиденье. Лайл подобрал клочки изорванной одежды, набросил на нагие тела. Оказалось — мало, поэтому нашел еще старое одеяло. Не хочется при каждой проверке видеть сморщенные волосатые задницы.

Его пугала собственная ярость.

Главным образом потому, что окна и двери снова начали самостоятельно открываться. Выстрел из пистолета, попытку наезда можно пережить. Там, откуда он приехал, в этом кое-что смыслят. Но забраться в его дом и установить оборудование, которое непонятно как действует...

В *его* дом, черт побери! В первый действительно собственный дом вторглись жалкие скоты, осквернили, частично присвоили.

Это сводило его с ума. Он заходил на кухню, долгим тяжелым взглядом смотрел на ножи для резки мяса, открывал в гараже багажник чужой машины, рассматривал никелированный пистолет, из которого в него стреляли.

Но сколько бы ни думал об убийстве, знал, что не пойдет на это. В душе он не убийца.

Только, господи боже, до чего хочется перепугать их так, чтоб они обделались! Схватить за тощие шеи и протащить по комнатам, приставив к тупым башкам их же собственный пистолет и грозя всаживать пулю за пулей, если они не признаются, что натворили в доме, потом вздернуть на ноги, заставить разобрать проклятую механику, подгоняя дулом пистолета, чтоб скорей пошевеливались.

Однако Джек предупредил, что Фостеры не должны знать, где находятся, не должны связывать похищение с братьями Кентон. Лайл вовсе не из тех, кто слепо исполняет приказы, но... для Джека надо сделать исключение. За такие бабки лучше к нему прислушиваться. Кроме того, он свое дело *делает.*

Зазвонил телефон, он взглянул на определитель номера, узнал сотовый Чарли, снял трубку.

— Все тип-топ, брат, — сообщил тот. — Дело сделано, чешем домой.

— Что сделано?

— Потом расскажу, только слушай, *красота* — обалдеть! Ну, здоров этот Джек! Так, мы свои концы связали, давай теперь ты. Пока.

Лайл со вздохом положил трубку.

Пришла моя очередь...

Перед отъездом с Чарли Джек дал исчерпывающие указания. Тогда дело казалось легким, сейчас представляется очень рискованным.

Он снова глубоко вздохнул и вошел в гараж.

12

Лайл остановил машину Фостеров под контейнером для сбора строительного мусора. Финансовый квартал до сих пор отстраивается, и огромные кузова торчат через каждые два дома. Этот особенно большой, стоит в укромном месте. Он погасил фары, осмотрел улицу — никакого движения. В субботнюю ночь этот район Манхэттена, без сомнения, самый тихий в городе.

Лайл взглянул на часы. Быстро доехал. Поскольку машин было мало, не сворачивал с автострады Бруклин — Куинс до самого Бруклинского моста, через который проехал в нижний Манхэттен. Вел машину как робкий учитель воскресной школы, всю дорогу следуя указателям ограничения скорости, сигналя на всех поворотах, глядя в зеркало заднего обзора едва ли не чаще, чем в ветровое стекло. Меньше всего хотелось, чтоб его остановили за какое-то мелкое нарушение и попросили объяснить, что лежит сзади под одеялом.

Взяв с соседнего сиденья мясницкий нож, он большим пальцем попробовал лезвие. В слабом свете заметил, как дрожит рука, бросил через плечо гневный взгляд. Это *они* должны дрожать!

Но ведь он никогда раньше не делал ничего подобного.

Все равно с этим надо кончать.

Лайл сорвал одеяло с дряблого тела мадам Помроль, перевернул ее, схватил под руки, стал вытаскивать из машины. Она пробовала отбиваться, даже из-под кляпа слышалось полное страха хныканье, из ноздрей вырывалось хриплое свистящее дыхание. Несколько часов пролежала догола раздетая, связанная, с кляпом во рту, с заклеенными глазами. Оба пленника наверняка испытывали неслыханный ужас, которого раньше не могли себе даже представить.

Очень плохо, думал Лайл, укладывая ее на мостовую. Хуже некуда, черт побери.

Потом выволок из машины мужчину, перевернул лицом вниз точно так, как жену. Брюхо расплющилось на асфальте, вокруг образовалась лужа.

Ну что? — хотел крикнуть Лайл. Ждете смерти? Думаете, вас ждет то, что вы мне приготовили?

Нож на три четверти перерезал ленту на запястьях. Дальше сами без труда разорвут.

Снова вскочив в их машину, он с ревом сорвался с места, глядя по сторонам, озираясь, проверяя, не видит ли кто. Постепенно приходила уверенность, что удастся выйти из воды сухим.

Лайл доехал до Чемберс-стрит, встал у пожарного гидранта. Стекла машины оставил опущенными, двери незапертыми, багажник открытым, разорванную одежду Фостеров бросил на переднее сиденье, одеяло свернул, взял с собой. Ключи спустил в канализационную решетку по дороге к станции метро на углу. Выбрал это место потому, что тут проходил поезд, делавший остановку в Астории в шести кварталах от дома. В ожидании поезда по инструкциям Джека нашел телефон-автомат, набрал 911, бросая монетки в прорезь автомата дрожащими пальцами.

Черт возьми! Сколько можно трястись?

Лайл сообщил дежурному, что, кажется, слышал выстрелы на Чемберс-стрит, связанные, по его мнению, с желтой «короллой», брошенной у пожарного гидранта.

Полицейские, прибыв на место, в первую очередь заглянут в бардачок, обнаружат документы на машину. Потом осмотрят багажник с пистолетом 32-го калибра. Джек уверен, что незарегистрированный.

Когда Фостеры заявят об угоне автомобиля, им придется объяснить, как в багажнике оказался

незарегистрированный пистолет, на котором, видимо, остались отпечатки их пальцев. Если он еще засветился в каком-нибудь преступлении, совсем хорошо. Если нет, у Джека есть дальнейшие планы относительно мадам Помроль.

До смерти интересно узнать, что он еще придумал.

13

Джек вошел в особняк через парадную дверь. Дважды набрал код на панели сигнализации — сначала чтобы отключить, а потом чтобы снова включить. Бесшумно поднялся по лестнице, шепнул «привет» в темную спальню. Услышав в ответ приглушенное бормотание, нырнул в ванную, быстро принял душ, скользнул под одеяло, уютно устроился рядом с Джиа.

— Проснулась? — Он ткнулся носом ей в шею.

На ней была короткая футболка и трусики, Джек пребывал в приподнятом настроении. Определенно в приподнятом.

— Как провел вечер? — пробормотала она, едва шевеля губами.

— Замечательно! А ты?

— Одиноко.

Джек сунул руку под футболку, накрыл грудь ладонью. Помещается идеально.

— Обними меня, ладно? Просто обними.

— Ты не в духе?

— Иногда девочкам хочется, чтобы их просто обняли.

Он встревожился, выпустил грудь, обхватил Джиа обеими руками. Даже не припомнишь, когда она в последний раз называла себя девочкой.

— Что-то не так?

— Просто лежу, думаю.

— О чем?

— О возможностях.

— Вот как? У тебя их около миллиона. И все хорошие.

— Хотелось бы быть такой же уверенной.

— Тебя что-то тревожит... — Он прижал ее крепче. — Я еще днем почувствовал. В чем дело?

— Говорю тебе, просто думаю о возможностях... о больших переменах, которые они, может быть, принесут.

— К лучшему или к худшему?

— Как посмотреть.

— Ничего не пойму.

Джиа вздохнула:

— Я знаю. Не собираюсь секретничать. Просто... порой возникают тревожные мысли.

— О чем?

Она повернулась, поцеловала его.

— Ни о чем. Обо всем...

— Разве мне не надо знать, что тебя беспокоит?

— Надо. И когда... возникнет что-нибудь реальное, первый узнаешь.

Ее рука скользнула по его животу, ущипнула...

— Ты же просила просто обнять. А теперь что? — мгновенно возбудился Джек.

— Порой этого вполне хватает... а порой не совсем.

На рубеже

В нечто безымянное, неведомо где пребывавшее, просачивались другие, не столь пугающие воспоминания... мелькали высокие здания, залитые солнцем дворы, манящие, знакомые, решительно недостижимые.

Как бы они ни утешали, ярость не смягчается. То, о чем они напоминают, ушло, от чувства потери ярость только растет. Растерянность... одиночество... чувство утраты смягчают бешенство, удерживают безымянное нечто от слепящего взрыва.

Будь у него глаза, оно бы заплакало.

По-прежнему неспособное осознать себя, узнать место, оно смутно чует, что у его пробуждения есть своя цель. Вместе с источником мимолетных отрывочных воспоминаний смысл этой цели по-прежнему от него ускользает. Впрочем, мысль присутствует, зреет. Скоро, вскормленная яростью, расцветет.

И тогда кто-то, что-то погибнет...

В рассветный час

Лайла разбудила музыка... фортепьянная... что-то из классики... Изящная мелодия смутно знакома, а точно не скажешь. Для музыкального фона в приемной куплено несколько классических компакт-дисков со случайным набором, сам он никогда их не слушал. Любовь к классической музыке точно так же непонятна, как любовь к шотландскому виски.

Чарли? Быть не может. На него это совсем не похоже. К тому же он завалился спать. Вернувшись из ночной поездки с Джеком, взахлеб рассказывал, как они вкалывали, готовясь влить мадам Помроль в глотку ее собственную микстуру, хорошо бы увидеть, как она ее скушает, потом быстро затих и улегся в постель.

Лайл откинул покрывало, спустил ноги на пол. Даже не стал смотреть на часы. В любом случае время позднее. Отказавшись от попыток закрыть окна, выключил вентилятор и лег спать с открытыми ставнями. Впрочем, температура в комнате вполне сносная.

А музыка откуда? Одна и та же мелодия звучит снова и снова.

Неужели мадам Помроль с мужем поработали над музыкальным центром? Была надежда больше никогда о них не услышать после вчерашнего.

Топая вниз по лестнице к приемной, Лайл обратил внимание, что музыка звучит... слабовато. Одно пианино. Где струнные и остальной оркестр? Тут он понял, что это не запись, а живая музыка... Кто-то играет на пианино в приемной.

Он ворвался в комнату и замер на пороге. Свет не горел. Приемную освещал только тусклый свет уличных фонарей, проникавший в открытое парадное. За пианино сидела темная фигура, перебирая клавиши.

Лайла снова, как вчерашним вечером, охватила дрожь, теперь не от возбуждения, а от ужаса. Он потянулся к выключателю, нащупал, помедлил, нажал.

И облегченно застонал, видя Чарли, сидевшего к нему спиной на табурете. Голова запрокинута, глаза закрыты, пальцы порхают по клавиатуре, на губах играет легкая улыбка. Явно наслаждается своей игрой.

Лайл взглянул ему в лицо, и по спине побежала тонкая струйка ледяной воды.

— Чарли! — окликнул он, закрыв парадную дверь и подходя ближе. — Что ты делаешь?

Тот открыл стеклянные глаза.

— Играю «К Элизе». Моя любимая вещь.

Голос Чарли, а речь не его. Точно таким он приходил домой в прежние времена, до «второго рождения», после ночных безобразий.

Холодный поток на спине становился все шире. Чарли не играет на пианино. Даже если в играл, не стал бы развлекаться легкой мелодией с непонятным названием, для которой нужна ловкость пальцев.

Лайл еле шевелил разбухшим языком, липнувшим к нёбу.

— Когда ты научился играть?

— С шести лет учился.

— Нет, не учился. — Он взял брата за плечо и тихонько встряхнул. — Сам знаешь, что не учился. Что ты тут вытворяешь?

— Просто упражняюсь. — Чарли ускорил темп. — Надо безупречно сыграть эту пьесу на сольном концерте.

— Прекрати!

Он заиграл еще быстрее, пальцы летали по клавишам.

— Нет. Я должен играть ее двадцать раз в день, чтобы наверняка...

Лайл схватил брата за руки, стараясь оторвать их от клавиатуры, но тот сопротивлялся. Наконец он рванул изо всех сил.

— *Прошу тебя!*

Чарли свалился со стульчика на пол, Лайл пошатнулся, но удержался.

Младший брат на мгновение сверкнул на него с пола глазами полными злобы, потом лицо его прояснилось.

— Лайл?

— Слушай, какого черта... — Вдруг он заметил кровь на рубашке спереди. — Боже мой! Что случилось?

Чарли ошеломленно уставился на него:

— Ты чего это, брат?

Он стал подниматься, но Лайл не позволил.

— Не шевелись! Ты ранен!

Чарли опустил глаза на блестевшее пятно на рубашке, вновь посмотрел на Лайла. В глазах виден страх.

— Стой, в чем...

Лайл старался не терять голову. Что-то ужасное произошло с младшим братцем. Они так близки, а теперь...

Он хотел побежать к телефону, вызвать «скорую», но боялся бросить Чарли. Надо, наверно, — обязательно *необходимо* — прямо сейчас что-то сделать, чтобы он дожил до приезда «скорой».

— Сними рубашку, посмотрим. Может, дело не так уж и плохо.

— Лайл, да *что* с тобой?

Не хотелось осматривать рану. Если даже она вдвое легче, чем кажется, все равно страшно. Он вздернул рубашку...

И широко разинул рот.

Кожа на груди нетронута, без каких-либо признаков раны. Лайл упал на колени, дотронулся до груди...

— Что за чертовщина?

Откуда кровь? Он снова схватил рубашку и задохнулся от изумления, видя, что она абсолютно чистая, сухая, белоснежная, словно только что после стирки и сушки.

— Лайл! — проговорил Чарли, глядя на него другим взглядом, хотя тоже испуганным. — Что творится? Это сон? Помню, лег в постель, а теперь на полу валяюсь...

— Ты на пианино играл. — Лайл с трудом встал на ноги, помог брату подняться. — Не помнишь?

— Иди ты! Я же не умею...

— И все-таки играл. Довольно прилично.

— Как это?

— Хотелось бы знать, черт возьми.

Чарли схватил его за руку:

— Слушай, может, трещина в подвале немножечко открывается в преисподнюю... Или в этот дом всегда пробирается преисподняя, если вспомнить, что тут за все время творилось. Что в это ни было, оно нас хочет достать...

Только Лайл открыл рот, чтоб велеть ему не молоть чепухи, как замок на входной двери сам по себе открылся щелчком, створка настежь распахнулась.

Воскресенье

1

Джиа после завтрака мыла посуду. Обычно ее это не угнетало, а сегодня, когда она соскабливала со дна сковородки остатки омлета, и без того ненадежный желудок совсем взбунтовался. Омлет предназначался для Джека. Решив приготовить завтрак «по умолчанию», она взяла яйца, взбила, добавила истолченный соевый бекон. Он не спросил, настоящий ли это бекон, а она не сказала. Не стал бы возражать — ел практически все. Иногда, испытывая склонность к мясу, недовольно ворчал по поводу слишком большого количества овощей на тарелке, но все равно очищал ее полностью. Хороший мальчик. Ему никогда не приходится напоминать о голодающих китайских детях.

Сообщив о назначенной на утро встрече с новым заказчиком — который никак не может ждать до понедельника, — Джек побрел в маленькую библиотеку городского особняка, чтобы убить оставшееся до свидания время.

— Не пора ли немножечко перекусить? — спросил он, вернувшись.

Джиа с улыбкой подняла голову:

— Ты же завтракал час назад.

Он потер живот.

— Знаю, еще-е-е хочу.

— Рогалик остался, будешь?

— Супер-пупер.

— Сразу видно, начитался Викиных комиксов.

— А как же.

— Если перестанешь клянчить, сделаю тебе тост.

Джек сел к столу.

— Как мне уйти после такой недели?.. Кому будет плохо, если я останусь?

Ох, нет. Снова вечная тема для спора — жить вместе или не жить.

Джек голосовал за и с конца прошлого года оказывал на Джиа мягкое, но настойчивое давление. Ему хочется играть более важную роль в жизни Вики, стать ей отцом, каким настоящий отец никогда не был.

— Всем будет очень хорошо, — ответила она. — Сразу после женитьбы.

Он вздохнул:

— Ты же знаешь, если в я мог, женился бы на тебе в следующую секунду...

— Но не можешь. Потому что мужчина, которого официально не существует, не может подать заявление о вступлении в брак.

— Неужели клочок бумаги имеет такое значение?

— Мы все это не раз уже обсуждали, Джек. Клочок бумаги не имел бы никакого значения, не будь я матерью Вики. А я мать. А мамочка Вики не будет сожительствовать ни с возлюбленным, ни с бойфрендом,

или как они там теперь называются.

Старомодные правила. Джиа охотно это признает и нисколько не переживает по этому поводу. Моральные ценности для нее не флюгер, меняющий направление при каждом повороте общественного мнения, а непоколебимая скала, на которой она выросла и которая до сих пор служит твердой опорой. С ними ей хорошо и надежно. Она не стремится кому-нибудь их навязывать, а с другой стороны, не желает, чтоб кто-то указывал, как ей воспитывать собственного ребенка.

Она верит в воспитание на личном примере. Оно безусловно должно быть практическим, с соблюдением общепринятых правил и ограничений, но и с учетом собственных принципов. Ни в коем случае нельзя требовать: «делай, как я говорю, а не как сама делаю». Если хочется, чтоб дочь была правдивой, мать никогда не должна лгать. Если хочется, чтоб Вики была честной, Джиа никогда не должна жульничать.

Идеальный случай представился на прошлой неделе, когда они с Вики зашли в винный магазин. Зная, что в отсутствие дочки Джек будет гораздо чаще являться, Джиа взяла упаковку пива и пару бутылок вина. На выходе Вики шепнула, что сканер в кассе не пробил одну бутылку. Джиа заглянула в чек, и конечно же востроглазая мисс оказалась права. Она сразу вернулась, объяснила, в чем дело, заплатив за вторую бутылку. Кассир был потрясен, менеджер собрался вручить ей бутылку бесплатно, стоявшие в очереди покупателей таращились на нее, словно спрашивая: «С какой ты планеты?»

— Почему ты просто не взяла бутылку, мам? — поинтересовалась Вики.

— Потому что она не моя.

— Да никто же не знал!

— Ты знала. Потом мне сказала, я тоже узнала. Унести ее с собой после этого значило бы стать воровкой. А я не хочу быть воровкой.

Вики кивнула, соглашаясь с очевидной истиной, и принялась рассказывать о попавшейся ей вчера на глаза мертвой птичке.

Но чтобы она жила так, как хочется матери, приходится идти на жертвы. Поэтому нельзя переехать к Джеку, нельзя ему позволить к ним переехать. Когда шестнадцатилетняя Вики попросит разрешения поселить одного дружка в своей комнате, можно будет сказать «нет», честно глядя в глаза дочери.

Как объяснить ей свою любовь к Джеку? Джиа себе-то объяснить не может. Он плюет на все правила, показывает кукиш основным общественным принципам и законам и все-таки... остается самым порядочным, высоконравственным и правдивым мужчиной, который ей встретился после отъезда из Айовы.

Однако она, при всей любви к нему, не уверена, что хочет с ним жить. И с кем-нибудь другим, если на то пошло. У них с Вики прекрасный просторный дом на Саттон-сквер. Дорогой, отделанный дубовыми панелями, заставленный антикварными вещами особняк в Истсайде принадлежал семье Вестфален, единственной оставшейся в живых представительницей которой была Вики. Тетки завещали ей и особняк, и немалое состояние, хотя их долго будут считать не умершими, а пропавшими без вести. Должны пройти годы, прежде чем дом и капитал официально достанутся Вики, но душеприказчик позволил им здесь жить, присматривая за собственностью.

Поэтому если когда-нибудь речь пойдет о совместной жизни, то не Джиа с дочкой переедут в маленькую квартирку Джека с двумя спальнями, а он переберется сюда. После свадьбы.

— Что же нам делать? — спросил Джек.

Она намазала маслом рогалик, положила перед ним на тарелку.

— Оставить все как есть. Мне и так хорошо. А тебе?

— Разумеется, — улыбнулся он. — Еще лучше было бы каждое утро с тобой просыпаться.

Конечно, неплохо. А вот остальное... Выдержит ли она жизнь с Джеком? Никакого распорядка он не придерживается, часто пропадает всю ночь на работе. Джиа узнает об этом постфактум — спит спокойно, считая, будто он тихо сидит у себя в квартире, смотрит свои бредовые фильмы. При совместной жизни все будет иначе. Она ни за что не заснет, гадая, где он, что с ним, не попал ли в беду, молясь, чтоб вернулся целым и невредимым... чтобы вообще вернулся.

И скоро превратится в развалину. Неизвестно, можно ли жить такой жизнью.

Уже лучше так, как есть. По крайней мере, пока. Но если...

Джиа сдержала безнадежный стон. Если бы только знать результаты анализа на беременность! Пока Джек был в библиотеке, тихонечко звякнула в приемную доктора Иглтон, услышав в ответ, что она будет лишь в понедельник. Вместо нее дежурил все тот же неразговорчивый врач, которому она не стала звонить. Придется ждать до завтра.

Глядя, как Джек уплетает рогалик, Джина думала: если завтра окажется, что анализ дал положительный результат, что ты скажешь?

2

— Во гадюка! — гневно воскликнул Чарли, с силой шлепнув газету на кухонный стол, так что задребезжали тарелки с завтраком. — Это ж надо!

Лайл взглянул на брата из-за спортивной страницы «Таймс».

— В чем дело?

После фантастического ночного эпизода он волновался за Чарли, хотя тот с утра вел себя беззаботно, видно так и не поверив, что играл на пианино. Просто решил, будто брату привиделся очередной кошмар.

И кто может его упрекнуть? Особенно после того, как Лайл вопил о крови, хлещущей из груди Чарли, а потом не нашел ни царапины. Но он уже во второй раз видит его с дырой в груди. Впрочем, не верит и не желает верить в предвидение, тем более в такое.

Сидя на кухне с открытыми — разумеется! — окнами, куда льется солнышко и летний ветерок, глупо думать о дурных предзнаменованиях.

— Сюда гляди. — Чарли сунул ему через стол номер «Ньюс», перекосившись от гнева и отвращения. — Сверху справа колонка.

При одном взгляде на заголовок у Лайла возникла уверенная догадка о содержании заметки. И первая фраза ее подтвердила.

"ЯСНОВИДЯЩАЯ ДОЛЖНА БЫЛА ПРЕДВИДЕТЬ!

Элизабет Фостер, известная среди состоятельных жителей Манхэттена как мадам Помроль, медиум-консультант, была обнаружена прошлой ночью в финансовом квартале, полностью раздетая, накрытая только большим куском картона. В таком же виде найден и ее муж Карл. Супруги объяснили, что выехали в машине из своего дома в Верхнем Истсайде, когда вдруг рассерженные на них злые духи «унесли» их, сорвали одежду, утащили во тьму и бросили голыми в Нижнем Манхэттене. По утверждению мадам Помроль, духи сердятся, что она их заставила вернуть многие вещи, похищенные у ее клиентов".

— Глазам своим не верю! — вскричал Лайл, взглянув на Чарли. — Она умудрилась сделать себе рекламу!

Он читал дальше:

"Мадам Помроль ничем не выделялась среди многочисленных городских медиумов, занимающихся спиритизмом, пока два года назад не приняла участие в «Ночном шоу Дэвида Леттермана». Хотя Леттерман в ходе программы в целом несерьезно отнесся к ее претензиям на спиритические способности, выступление по телевидению принесло ей известность, после чего она стала одним из самых популярных и преуспевающих медиумов в пяти районах.

Несмотря на свои спиритические таланты, мадам Помроль не знала, где находится ее машина. Полиция сообщила, что автомобиль был найден вскоре после обнаружения самих супругов, однако не в Верхнем Истсайде, где их, по ее утверждению, «унесли», а неподалеку на Чемберс-стрит.

«Значит, духи унесли машину, после того как унесли нас», — заявила мадам Помроль.

Каким образом — мадам-медиум не смогла объяснить. Ничего не ответила и на вопрос о пистолете 32-го калибра, найденном в багажнике машины, кроме следующего: «Наверно, его туда бросили злые духи. Хотят доставить мне неприятности, бесятся, что я мешаю им безобразничать».

В данный момент обвинение Фостерам не предъявлено. Возможно, это будет сделано позже по

результатам экспертизы оружия".

* * *

— Им *должно быть* предъявлено обвинение, черт возьми! — возмутился Лайл. — Они пытались меня убить из того пистолета!

— Быстро очухались, а? — заметил Чарли.

— Пожалуй, слишком быстро.

Гарпия обернула унизительный кошмар в рекламный трюк. Лайл задумался, удалось бы ему самому столь же быстро оправиться.

— Все равно, — вставил Чарли, — у нее теперь хватит делов, кроме нас, однозначно.

— Угу. Пусть вместе со своим мистером подергаются из-за пистолета. Даже если проскочит, может, такая реклама принесет ей столько новых клиентов, что она позабудет о тех, кто к нам перебежал.

Младший брат усмехнулся:

— Один новый сейчас уже явится, да ему не сильно обрадуешься. Сечешь, кто?

— Джек?

— В корень глядишь, молоток.

— Я смотрю, он тебе в самом деле понравился.

Чарли кивнул:

— Когда я его увидал в первый раз, думаю, неужто этот лапоть выведет из-под огня наши задницы? Дохлый номер. И промахнулся, каюсь. С виду настоящий лопух, а на самом деле истинная горилла, брат.

Восхищенный тон вызвал укол ревности.

— Думаешь, поставит мадам Помроль на место?

— Вчера вечером у нее дома пошуровал. В «храме» нашлось расписание, нынче групповой сеанс, четыре богатенькие рыбки. Джек попробует затесаться. — Чарли ухмыльнулся. — Вот когда однозначно начнется потеха!

— Нам тоже надо устраивать воскресные сеансы, — заявил Лайл. Они уже говорили об этом бессчетное множество раз, но он не удержался и снова завел разговор. — День самый подходящий. Люди дома, воскресенье отводится для духовных дел, кто в церковь не пойдет, к нам приедет.

Чарли перестал улыбаться.

— Я тебе говорю, Лайл, по воскресеньям паши без меня. Надеюсь когда-нибудь заработать прощение за подсобку тебе в остальные шесть дней, но точно буду коптиться в аду, отвлекая богобоязненных людей от воскресной молитвы Господу. Если только...

В соседней комнате прозвучал чей-то голос. Лайл вздрогнул, схватился за край стола, приготовился бежать и узнал Багса Банни[12].

— Телевизор, — выдохнул он, чувствуя, как расслабляются мышцы. Ящик почему-то вдруг ожил и завопил. Лайл покосился на брата: — У тебя дистанционный пульт в кармане?

Чарли помотал головой:

— Откуда? Я тут вообще ни при чем.

Грянули выстрелы, оба вскочили на ноги... Лайл сразу сообразил, что это тоже телевизор. Можно было бы посмеяться, но как-то не хотелось. Телевизор стоял в бывшей столовой, которая раньше соединялась с комнатой, где теперь располагалась приемная. Дверь между ними они при ремонте заделали. Пройти к телевизору можно только из кухни.

Лайл секунду тревожно смотрел на брата, потом взял нож и поднялся. Никто туда ни в коем случае не мог попасть, однако лучше ко всему быть готовым.

— Пойдем посмотрим, в чем дело.

Держа нож у бедра, он шагнул в соседнюю комнату — пусто. На экране бегает старый мультипликационный герой, длинномордый кролик Багс, дразнит машущего ружьем Элмера Фадда. В нижнем правом углу логотип анимационного канала.

— Смотришь мультфильмы? — спросил Лайл у Чарли.

— Давно не глядел.

Лайл оглянулся, нашел в шезлонге дистанционный пульт, нажал на кнопку метеоканала.

— Заодно уж погоду послушаем.

Появилась картинка и снова сменилась анимационным каналом. Следующая попытка дала тот же результат. Разозлившись, он принялся подряд тыкать кнопки, и всякий раз на экран возвращался анимационный канал.

— Что за ерунда?

Лайл подошел к окну, выглянул.

— Чего ищешь? — поинтересовался Чарли.

— Слышат как-то про шалунов ребятишек, игравших с универсальным пультом, переключая каналы соседям.

Во дворе никого не было.

— Слышь, а вдруг это Фостеры снова нам мозги пудрят?

— Для них мелковато. Вдобавок я абсолютно уверен, что они нынче утром совсем другим заняты.

Ну, черт с ним, решил Лайл, и выключил ящик.

Экран погас... а через секунду с гудением ожил. Он выключал его раз шесть подряд, но проклятая штуковина упорно включалась.

— Дай-ка я пошурую, — вызвался Чарли, наклонился к задней стенке и выдернул вилку.

Лайл шлепнул его по открытой ладони.

— А я и не подумал...

Оба резко дернулись — экран опять вспыхнул, мышонок Джерри заколотил кота Тома по голове сковородкой. Лайл ткнул пальцем на вилку в руках брата.

— Наверно, не тот шнур выдернул.

— Тот от видика. Глянь, дисплей светится.

— Дерни и тот на всякий случай.

Чарли выдернул второй шнур — Том и Джерри безостановочно лупили друг друга.

Он отшвырнул шнуры, словно это были живые змеи.

— Все, кранты, брат.

— Ну-ка, не подводи меня. Ты тут главный по электронике. Придумай что-нибудь. — Чарли почти исчез на кухне. — Куда ты?

— Туда, куда хожу к десяти каждое воскресенье, — в церковь. А насчет ящика скажу тебе, брат: лучше всего его кокнуть. С электроникой тут полные лады. Туда забралось привидение, понял? *Привидение!*

Лайл смотрел на рисованных персонажей, носившихся по экрану выключенного из сети телевизора. Видя две последние ночи брата с дырой в груди, он призадумался, не свихнулся ли. Но фокус с телевизором не привиделся. Чарли свидетель.

Впрочем, Лайл ни за что на свете не купится на байку о поселившемся в телевизоре привидении. Должно быть объяснение — разумное объяснение, какая-нибудь батарейка внутри, — и его обязательно надо найти.

Он направился в гараж за ящиком с инструментами.

3

Джек сидел в дальнем конце бара Хулио, составляя мнение о новом потенциальном заказчике. Представился просто Эдвардом, без фамилии — похвальная предосторожность.

Несколько завсегдатаев уже расположились у стойки, принимая первую дневную дозу. Утреннее солнце просочилось сквозь похоронную процессию мертвых папоротников и ползучих растений вокруг переднего окна, чуть сдвинувшись, осветило облако табачного дыма, реявшее над стойкой. Во всем баре только столик Джека не нагружен перевернутыми стульями. Относительная прохлада в полутемном зале недолго продержится — день будет жаркий. Хулио еще не включил кондиционер, открыв заднюю дверь, чтобы выветрить запах старого пива.

Он подходил к их столику с кофейником в руках.

— Плеснуть чего-нибудь в кофе, ребята? — предложил Хулио, наливая Джеку кружку. — Чуточку на опохмелку?

Имя этого низенького мускулистого мужчины с карандашными усиками и крепким специфическим запахом красовалось на вывеске бара.

— Не с чего опохмеляться, — отказался Джек, стараясь не обращать внимания на аромат. Он уже выпил первую чашку, налитую хозяином за стойкой бара. Там запах не чувствовался.

Хулио пожал плечами и обратился к заказчику:

— Долить?

— Пожалуй, — согласился Эдвард с провинциальным акцентом.

И в его внешности было что-то провинциальное: лет шестьдесят пять — семьдесят, судя по огрубевшим рукам; седые волосы, плотное телосложение, блестящие голубые глаза. Одет довольно необычно: футболка посеревшая, некогда, может быть, белая, но слишком часто стиранная в прачечной вместе с темными вещами; ниже пояса прямо-таки похоронные костюмные черные брюки, затертые сзади до блеска, черные носки и черные туфли. Он принес с собой большой пакет в оберточной бумаге, лежавший теперь между ними на столике.

Эдвард хмуро принюхался, потер нос, огляделся в поисках запаха. Джек поспешил заговорить раньше его:

— Слушай, Хулио, у тебя новый лосьон для бритья?

Тот ухмыльнулся:

— Называется «Чикита». Здорово, а?

— Для привлечения цыпочек-радикалок, истосковавшихся по слезоточивому газу.

— Не нравится? — Он обиженно насупился, оглянулся на Эдварда. — А тебе?

Тот опять потер нос.

— Э-э-э...

— Никогда не нюхали «мейсд»[13], Эдвард? — осведомился Джек.

— По-моему, нет...

— Ну а мне приходилось, и «Чикита» сильно на него похожа.

Стоявший у стены старенький автомат «Вюрлицер-1080» ожил и заревел «Блаженство при лампочке на приборном щитке».

— Митлоф? До полудня? — охнул Джек. — Хулио, ты что, шутишь?

— Эй, Лу! — крикнул тот в сторону стойки. — Ты запустил машину, мужик?

Риторический вопрос. Всем в баре — за исключением Эдварда — превосходно известно, что Лу помешан на Митлофе. Когда у него были деньги и другим завсегдатаям бара не удавалось ему воспрепятствовать, он крутил его день и ночь. Однажды пару лет назад несколько переборщил с «Состряпанным адом», и один писатель из Лос-Анджелеса, приятель Томми, веселый с виду парень, от которого Джек никогда в жизни не ждал ничего подобного, вытащил крупнокалиберный ствол и разнес музыкальный автомат. Взамен Хулио приобрел по случаю классический «вюрлицер», не желая, чтоб его прикончили по примеру предшественника.

Лу пожал плечами, ухмыльнулся, демонстрируя шестидесятилетние зубы с пятидесятидевятилетними пятнами от никотина.

— Угадай.

— Что я тебе говорил насчет Митлофа до заката? Я тебя предупреждал? — Хулио бросился к автомату и выдернул шнур из розетки.

— Эй! — крикнул Лу. — Я же деньги бросил!

— Ну, считай, что пропали.

Завсегдатаи расхохотались, Лу хмыкнул и вернулся к виски с пивом.

— Благодарствую, — пробормотал Джек.

Опусы Митлофа в любой день трудно слушать — песни из двух-трех строчек, которые повторяются двадцать минут на пониженных терциях, — а в воскресное утро... В воскресное утро требуется что-нибудь сладенькое вроде «Ковбой Джанкиз».

— Итак, Эдвард, — начал он, прихлебывая кофе, — откуда вы обо мне знаете?

— Кто-то как-то упомянул, что прибегал к вашим услугам. Сказал, вы свое дело знаете и не из болтливых.

— Вот как? Не подскажете, кто бы это мог быть?

— Ему этого наверняка не хотелось бы, хотя он о вас исключительно хорошо отзывался. Конечно, кроме гонорара, который ему не слишком понравился.

— Случайно, не знаете, что я для него сделал?

— Об этом он тоже не пожелал бы рассказывать. — Заказчик наклонился и понизил тон. — Тем более что дело не совсем законное.

— Не верьте всему, что слышите, — посоветовал Джек.

— Хотите сказать, — сверкнул Эдвард усмешкой ирландского эльфа, — будто любите потрепаться, как деревенская старая дева, и работаете бесплатно по доброте христианской души?

Джек невольно улыбнулся:

— Нет, но мне нужно знать, как на меня выходят заказчики. И хотелось бы знать, у кого слишком длинный язык.

— Ох, об этом не беспокойтесь, дружище. Он очень осмотрительный человек. Рассказал мне о вас под

строжайшим секретом. Больше наверняка никому не рассказывал.

Джек решил пока выбросить из головы вопрос об источнике и выяснить, чего от него надо щуплому человечку.

— По телефону вы упомянули о своем брате.

— Да. Я очень боюсь за Илая.

— В каком отношении?

— М-м-м... не знаю даже, как сказать, — почти виновато признался он. — Боюсь, брат скоро навлечет на себя ужасную беду.

— Какую и когда?

— Через пару дней.

— Что это за беда?

— Он начнет совершать преступления.

— То есть? Выйдет на улицу и станет нападать на людей?

Эдвард пожал плечами:

— Может быть, еще хуже. Не знаю.

— Хуже? Речь идет о маньяке-убийце?

— Уверяю вас, он почти все время вполне приличный человек. У него свое дело здесь, в городе, но в определенные моменты он... э-э-э... по-моему, теряет голову.

— И по-вашему, такой момент скоро наступит. Поэтому вы не могли ждать до понедельника?

— Именно. — Эдвард обхватил чашку ладонями, словно хотел их согреть, хотя был не январь, а август. — Боюсь, он очень скоро наступит.

— Почему вы так думаете?

— Из-за луны.

Джек откинулся на спинку стула. Ох, нет. Неужели он хочет сказать, будто его брат — оборотень? Пожалуйста, только не это!

— Почему? Близится полнолуние?

— Как раз наоборот. Завтра новолуние.

Новолуние... у Джека сердце екнуло, он перенесся назад на несколько месяцев, когда именно в новолуние надо было взять совершенно особую кровь из совершенно особой вены.

Впрочем, тут вроде ничего похожего.

— Он лунатик?

— Не то чтоб такое случалось с ним в каждое новолуние, — пояснил Эдвард. — А в этот раз случится.

— Откуда вы знаете?

— Илай сам сказал.

— Сказал, что завтра ночью собирается буйствовать...

— Может быть, и сегодня. Или в ночь на вторник. Знаете, фаза новолуния длится несколько дней.

— Зачем же он признался?

— Просто, наверно... хотел, чтоб я знал.

Джеку был известен ответ на следующий вопрос, но его обязательно надо было задать.

— А я что могу сделать?

— Понимаете, я ж не могу идти с таким делом в полицию. А сам слишком стар, не управлюсь. Надеюсь, вы за ним присмотрите.

Этого он и боялся. Ангел-хранитель лунатика. Можно сказать, еще один лунатик.

— Простите, Эд, я не работаю телохранителем.

— Постойте. Вам и не придется работать телохранителем. Не надо охранять его от других. Надо защитить его от него самого. Всего три дня, дружище. Три дня!

Джек покачал головой:

— В том-то и дело. Невозможно потратить три дня, нянчась с сумасшедшим.

— Да не целых три дня. По ночам после закрытия магазина...

— Зачем я вообще вам нужен? Наймите профессионального охранника. Могу дать пару номеров.

— Ох, нет. — Эдвард отчаянно замотал головой. — Он ни в коем случае не должен знать, что за ним наблюдают.

— Проясним: я должен охранять вашего брата, а он не должен знать, что его охраняют?

— Правильно. И что самое лучшее — вам, возможно, делать вообще ничего не придется. Может быть, он из дому не выйдет. Если выйдет, присмотрите, не позвольте причинить вред себе и другим.

Джек вздохнул. Полный бред.

— Умоляю! — воскликнул Эдвард, потянулся к заднему карману, вытащил толстый конверт стандартных размеров, открыл дрожащими руками, подтолкнул через стол. — Я их собрал буквально по центу. Берите все, только, пожалуйста...

— Дело не в деньгах, — объяснил Джек, — а во времени. Я не могу всю ночь напролет следить за вашим братом...

— И не надо! Скажем, с закрытия магазина до полуночи. По нескольку часов за три ночи обязательно можно выкроить...

Глубокая, почти болезненная тревога Эдварда за брата тронула Джека. Три ночи... не навсегда же. Сейчас у него на повестке единственная проблема братьев Кентон, а сторожить их дом после вчерашнего вряд ли придется.

— Ладно, — сдался он. — На три ночи. Надеюсь, сумею вам как-то помочь.

Эдвард потянулся, схватил его за руки:

— Благослови вас Бог, дружище, прекрасно! Замечательно!

— Я сказал «надеюсь». Никаких гарантий.

— Уверен, вы сделаете все возможное. Не подведете меня.

Джек подтолкнул конверт обратно:

— Давайте половину. Буду следить три ночи. Если ничего не случится и мне не придется вмешаться,

мы квиты. Если ситуация осложнится — любым образом — заплатите вторую половину.

— Справедливо, — согласился заказчик, положил конверт себе на колени и стал считать купюры. — Вообще говоря, очень даже справедливо.

— Если он в случае осложнений не прислушается к разумным доводам, возможно, придется прибегнуть к насилию.

— То есть?

— Например, вырубить, с ног сбить как следует, чтоб не поднялся.

Эдвард вздохнул:

— Поступайте как знаете. Я вам доверяю.

— Ладно. Теперь, когда мы условились, расскажите, где его искать, как он выглядит.

Эд указал подбородком на лежавший на столе пакет:

— Вот здесь все найдете.

Открыв пакет, Джек достал из него лист бумаги и моментальную фотографию лысеющего мужчины с виду лет шестидесяти. Голова чуть повернута в сторону.

— Вы с ним не очень похожи.

— У нас матери разные.

— Значит, фактически это ваш сводный брат?

Эдвард пожал плечами, считая купюры.

— Не имеется снимка получше?

— К сожалению, нет. Илай не любит сниматься. Рассердился бы, если бы знал, что я его в тот раз щелкнул. Охотно рассказал бы побольше, да мы росли отдельно, поэтому я едва его знаю.

— Тем не менее он пришел к вам с признанием, что вот-вот впадет в бешенство?

— Да. Это самое необъяснимое, правда?

— Не сказал бы, что самый необъяснимый поступок, но заслуженно записал бы в категорию странных.

Он взглянул на листок, где было напечатано крупным шрифтом: «Илай Беллито».

— Беллито? Фамилия не ирландская.

— Кто сказал, что должна быть ирландская?

— Никто, просто у вас ирландский акцент, а у брата фамилия итальянская.

— По-вашему, если "о" стоит не с той стороны, Илай не может быть ирландцем? Верите ли, когда я мальчишкой рос в Дублине, в нашем квартале жил Шварц. Правда, как перед Богом. К вашему сведению, ирландский акцент у него был гораздо сильней моего. Мой американский дядюшка, приезжая в гости, ни слова не понимал. А еще...

Джек, сдавшись, поднял руки вверх.

— Я вас понял, согласен. — Он постучал пальцем по адресу в нижней части города, напечатанному под именем и фамилией. — Что такое «Шарио Коппе»?

— Название его магазина. Он торгует...

— Можете не объяснять. Антиквариатом, верно?

Эдвард кивнул:

— Антиквариатом, старыми вещами, редкими книгами и всевозможной нелепой белибердой.

— А живет где?

— Прямо над магазином.

Хорошо, признал Джек, удобно. Значит, в следующие три ночи не придется таскаться за этим субъектом куда-нибудь в Массапекуа[14].

— Когда закрывается?

— Магазин? Обычно в девять, а сегодня, в воскресенье, пораньше. Вам надо быть там до шести.

Он вручил ему похудевший конверт, запихнул оставшиеся купюры в брючный карман, откинулся на спинку стула, закрыл глаза, схватился за сердце.

— Что с вами? — спросил Джек, опасаясь сердечного приступа.

Эдвард открыл глаза, улыбнулся:

— Уже все в порядке. Я страшно волновался с тех пор, как услышал признание. Понимал, надо что-нибудь сделать, и сделал. Никогда бы себе не простил, если в Илай напал на какого-нибудь беднягу... — Он замолчал, взглянул на часы, хлопнул по столу ладонями. — Ну, я уже отнял у вас много времени, мистер Наладчик. Желаю успешного дня.

Джек помахал ему, глядя, как он пробирается между столиками и исчезает за дверью. Потом пролистал купюры в конверте, пристально всмотрелся в фото Илая Беллито. За два дня два заказа. Недурно. Впрочем, проблема Беллито требует не столько наладки, сколько профилактического обслуживания.

Он взглянул на часы над табличкой «Бесплатное пиво — завтра». Пора закругляться. Надо заехать домой, приготовиться к свиданию с мадам Помроль.

4

— Твой предок прочитал классную проповедь, — сказал Чарли Кентон, стоя рядом с Шарлин Спаркс у раковины в подвале Новой апостольской церкви.

После утренней службы спустился туда вместе с ней и прочими добровольцами, готовя еженедельно организуемый церковью воскресный обед для бедных и бездомных. Раковина старая, проржавевшая, большая газовая печка помятая и обшарпанная, однако обе свое дело делают. Линолеум загибается по углам на полу старый жестяной потолок облупился, но все кажется новехоньким в окружавшей его атмосфере бескорыстной любви.

Он только что начистил полбушеля картошки, плевав на болевшие пальцы. Чарли делает доброе дело.

— Да, слава богу, — ответила Шарлин. — Отец нынче в ударе.

Он украдкой взглянул на нее, оторвав глаза от картофелины, гадая, что бы еще сказать. Надо сказать *что-нибудь.* Ждал случая поболтать наедине и дождался, а башка пустая. То ли из-за ее красоты, душевной и телесной, то ли потому, что она будто не знает о собственной красоте.

Волосы заплетены в тугие косички, большие карие глаза, улыбка, от которой коленки подкашиваются... Одета в белую футболку под широким джинсовым комбинезоном с нагрудником, под которым хорошо просматриваются полные груди. Туда Чарли вообще старается не смотреть.

До обращения в веру он сроду не страдал косноязычием. В прежние времена, когда еще не вышел из игры, расхаживал весь в цепях и шелках, всегда с маленькой заначкой дури и травки. Женщины — суки, телки, в размалеванных шмотках, с размалеванными физиономиями, в париках, с огромными громыхавшими циркониевыми серьгами, — сплошная фальшивка, но легкодоступная. Чарли бочком подваливал, предлагал для расслабления того или другого зелья, сладко облизывал телку пару раз сверху вниз, и они быстро мотали в берлогу, к нему или к ней.

Он покачал головой. Греховная жизнь. Правда, до конца дней можно еще искупить прошлое.

— Шарлин, — прозвучал низкий голос, — ты не возражаешь, если мы с Чарльзом чуть-чуть посекретничаем?

Подняв голову, Чарли Кентон увидел преподобного Джосайю Спаркса, высокого мужчину, черное лицо которого казалось еще чернее в обрамлении гривы седых волос и бороды. Он только что пришел, сменив священническое облачение и воротничок после службы на рабочую рубашку и такой же, как у дочери, комбинезон с нагрудником.

Шарлин бросила на Чарли озабоченный взгляд:

— А... э-э-э... конечно, папа.

Она пошла к печам, преподобный внимательно осмотрел Чарли сквозь толстые линзы очков без оправы.

— Думал ли ты о том, о чем мы говорили?

— Да, преподобный. Каждый день думаю.

Преподобный Спаркс взял нож, начал резать очищенную картошку на четыре части, бросая кусочки в кастрюлю. Потом ее надо будет сварить и размять.

— Что решил?

Он помедлил с ответом.

— Точно пока ничего.

— Речь идет о твоей душе, сын мой. О бессмертной душе. Разве можно хоть миг колебаться?

— Я бы не колебался... не будь Лайл моим братом...

— Не имеет значения, что он твой брат. Он вводит тебя в искушение, приобщает к творимому злу. Ты должен с ним порвать. Вспомни: «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну...»[15]

— Слово, — отозвался Чарли.

— Да. Слово Божие, изреченное устами Матфея и Марка.

Чарли огляделся. Шарлин далеко — не слышит, рядом никого. Преподобный шепчет тихо. Хорошо. Не хочется, чтобы вся паства узнала об его проблемах. Особенно Шарлин.

Порой он себя спрашивал, не зря ли рассказал преподобному, что брат занимается спиритизмом. Теперь священник видит в нем члена паствы, которому грозит опасность лишиться спасения, и твердо решил этого не допустить.

— А как насчет *его* души, преподобный? Я вовсе не хочу, чтоб он жарился в вечном огне.

— Ты говорил, что свидетельствовал перед ним верно?

— Да, много раз. Очень часто. Он просто не слышит.

Преподобный кивнул:

— Твои слова — зерна, посеянные на каменистом месте. Правда, не отступайся, никогда не оставляй нуждающуюся душу, но и своим спасением не пренебрегай. Сначала прочно огради себя, а потом уж заботься о брате. И немедленно отойди от его сатанинских занятий.

Чарли раздраженно отвел глаза. Никакой преподобный не имеет права так говорить о Лайле.

— Он вовсе не сатанист.

— С виду, может быть, нет, только делает сатанинское дело. Иисус предупреждал: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные».

Чарли совсем разозлился:

— Он *не волк,* преподобный.

— Взгляни в лицо фактам, сын мой. Он уводит души от Иисуса, делает сатанинское дело. Рядом с ним ты становишься соучастником. Прежде всего выйди из-под его влияния, потом борись со злодеянием. Лучше всего — веди его к спасению.

Чарли сдержал смешок. Вести Лайла? Он сроду ни за кем никуда не пойдет.

— Это не так-то просто.

— Хочешь, я с ним побеседую? Может быть...

— Нет! — Он с ножом в руках дернулся, чуть не порезался. — То есть лучше бы ему не знать, что я протрепался. Знаете, он не любит, чтоб чужие мешались.

Чарли до сих пор не открыл преподобному, где живет и работает Лайл. Не надо, чтоб церковные прихожане связывали его со спиритическим медиумом Ифасеном. Поэтому выбрал церковь не в Куинсе, а в Бруклине. Каждую неделю долго едет в подземке, однако дело того стоит.

— Тогда сам действуй, сын мой. А я за тебя помолюсь.

— Спасибо, преподобный. Мне позарез нужны ваши молитвы, потому что уйти будет трудно. Ведь это мой кровный единственный брат. От семьи вообще ничего не останется...

Никак не объяснишь — преподобный Спаркс никогда не поймет, — что они с Лайлом в одной команде. Стали одной командой после смерти мамы. Брат прикинулся взрослым мужчиной, чтоб их не разлучили, обманом добился государственного куска хлеба с маслом, чтобы они не умерли с голоду, и с тех пор они вместе дурачат весь мир. Как теперь объявить об уходе, глядя в глаза Лайлу, который так старался не расставаться с меньшим братишкой?

И еще кое-что невозможно сказать преподобному, признаться в темном грехе: Чарли *нравится* эта игра. Фактически, он ее обожает. Любит придумывать новые трюки, ошеломлять лопухов. Клево, когда сеанс идет по сценарию, колокольчики и свисточки работают... Лайл держит рыбок в руках, и сам Чарли играет немалую роль. В такие моменты ловишь истинный кайф, лучше всякого кайфа, лучше, чем раньше от коки и травки.

Ради спасения своей души он готов это бросить.

И что потом делать?

Вот вопрос. На что он еще годится? Устраивать спецэффекты в театре? Не имея никакого опыта, придется начинать с подручного за ничтожную плату, с трудом продвигаясь... куда?

В нормальном мире ему никогда не достичь тех высот, на которые его вывела работа с Лайлом.

Работа с Лайлом — настоящее дело, от которого дух захватывает.

И вот преподобный требует расстаться с братом, с которым они всегда были вместе. Впрочем, он прав. Чтобы спасти свою душу и стать достойным Шарлин, Чарли уйдет от Лайла. Скоро.

5

Поднимаясь в лифте на четырнадцатый этаж, Джек разглядывал свое отражение в зеркальной стене. Выдул розовый пузырь из большого куска жвачки, полюбовался. Решив придать себе эксцентричный вид, выбрал парик под барабульку — с коком спереди, длинный, густой на затылке, — верхнюю губу украсил пышными темно-каштановыми усами, надел светло-зеленую ковбойскую рубашку, застегнутую по горлышко, темно-зеленые саржевые брюки, ботинки «доктор Мартенс». Обмотавшись толщинками, соорудил животик средних размеров. Жалко, уши до сих пор не проколоты — кусочек горного хрусталя внес бы очень симпатичный заключительный штрих.

Проверил, как сидит парик, убедился, что длинные пряди надежно скрывают наушник в левом ухе. Вчера вечером они с Чарли среди прочего установили жучок в командном центре Карла Фостера. Приемник приклеен липкой лентой к пояснице, тонкий, почти невидимый проводок протянут под воротник и за ухо.

Взяв такси у своего дома в Верхнем Вестсайде, он без предварительной договоренности вошел в подъезд дома, где обитала мадам Помроль, за полчаса до назначенного на сегодня сеанса с богатыми клиентами. В вестибюле дежурил швейцар. К счастью, круглосуточной охраны не было, иначе им с Чарли не удалось бы вчера решить свою задачу. А так они просто открыли стеклянную парадную дверь дубликатами ключей Фостеров и вошли.

Швейцар, черноволосый латиноамериканец по имени Сильвио, разрешил звякнуть из вестибюля наверх. Джек сообщил ответившему мужчине — предположительно Карлу, — что хотел бы договориться об индивидуальном сеансе в ближайшее время.

Последовало приглашение подняться.

На стук в дверь квартиры 14-Б вышел Фостер, одетый гораздо лучше вчерашнего, с головы до ног в черном — черный вязаный свитер с высоким воротом, черные туфли, черные носки. Понятное дело. Кожа вокруг глаз и рта слегка покраснела — раздражение от липкой ленты? — в остальном не так плохо с учетом произошедших событий.

Лоб, видимо, всегда сморщен, брови вечно изумленно вздернуты. Вчера это в глаза не бросалось. Впрочем, вчера у него был весьма основательный повод для изумления.

Он провел визитера в маленькую приемную, меблированную антикварным письменным столом и полудюжиной мягких стульев. Приглушенные цвета стен и пушистого восточного ковра создают атмосферу покоя, уюта, хорошего вкуса, богатства. Видно, бизнес у мадам удачный.

Хозяин протянул руку:

— Добро пожаловать в Храм Вечной Мудрости мадам Помроль. Меня зовут Карл Фостер...

— Батлер, — внеся в произношение южную нотку, представился Джек, отвечая пламенным рукопожатием. — Боб Батлер. Приятно познакомиться. — Он огляделся, жуя с открытым ртом резинку. — Где леди?

— Мадам? Готовится к прорицанию.

— Надо бы поговорить.

— Я думал, вы хотите записаться на индивидуальный сеанс...

— Хочу, только сначала лучше потолковать с главным боссом.

— Боюсь, это практически невозможно. Время мадам Помроль крайне дорого. Однако могу вас заверить, что она мне полностью доверяет. Я проверяю каждого клиента и договариваюсь о приеме.

Естественно, но Джек решил разыграть деревенского хама.

— Проверяете? Зачем это меня проверять? Намекаете, что я не так хорош для той самой мадам?

— Нет, конечно. Дело просто в том, что определенные религиозные, даже атеистические объединения не одобряют деятельности мадам. Постоянно стараются попусту отнять у нее время, даже пытаются сорвать сеансы.

— Я-то думал, она их сама с первого взгляда раскусывает, будучи экстрасенсом и прочее.

Фостер выдавил бледную улыбку:

— Мадам — спиритический медиум. Эти понятия часто путают.

— А есть разница?

— Разумеется. Очень многие так называемые экстрасенсы — обыкновенные шарлатаны, ничуть не лучше фокусников, исполняющих вставные номера на церковных представлениях. А мадам обладает особым, дарованным Богом даром общения с духами мертвых.

— В будущее, стало быть, не заглядывает?

— Иногда. Однако надо помнить, что сообщения она получает от духов, которые не во все ее посвящают.

— Знаете, я не вхожу ни в какие религиозные общества. Можете не волноваться. Просто есть пара серьезных вопросов к моему дяде. Самого его не спросишь — он уже упокоился, — поэтому решил пойти к экстрасенсу.

Такую Джек выбрал легенду. Запишется на завтра и пропустит встречу.

— Что за вопросы? — небрежно поинтересовался Фостер, проходя за стол.

Хороший помощник. Старается предварительно как можно больше вытянуть из клиента.

Джек улыбнулся, хотя позволил просочиться раздраженной нотке.

— Если б я думал, что вы на них ответите, зачем мне нужна тогда ваша мадам?

Фостер изобразил добродушную улыбку:

— Действительно. Кстати, кто вам посоветовал обратиться к мадам Помроль?

— Никто. Нынче утром в газете читал. Думаю, раз уж она на такой короткой ноге с духами, что они с ней шутки шутят, ее-то мне и надо.

Фостер, кивнув, достал лист бумаги из верхнего ящика письменного стола, указал на стул с другой стороны:

— Садитесь, пожалуйста, заполняйте анкету.

— Это еще зачем?

— Простая формальность. Возиться никому не хочется, но, как я уже говорил, обстоятельства нас вынуждают проверять клиентов. — Он протянул авторучку. — Ответьте, пожалуйста, на все вопросы, я пока просмотрю расписание, постараюсь устроить индивидуальный сеанс.

— Между прочим, сколько он стоит?

— Полчаса пятьсот долларов, час — тысячу.

Джек сунул жвачку за щеку, негромко присвистнул.

— Круто, черт побери.

— Лучше, чем мадам Помроль, не найдете, — объявил Фостер.

— Будем надеяться.

Посмотрев ему вслед, Джек притворно сосредоточился на анкете, зная, что за ним следит видеокамера. В детектор задымления на потолке встроен миниатюрный широкоугольный объектив, а монитор стоит в одной из дальних комнат. Фостер наверняка уже прилип к экрану, дожидаясь, когда посетитель полезет в ящики стола. Но он вчера уже просмотрел содержимое, убедившись, что в ящиках нет ничего, кроме ручек, скрепок и анкетных бланков.

С помощью камеры можно отлично проверить незнакомую потенциальную рыбку, особенно в сочетании с тремя микрофонами, установленными в разных точках комнаты. Перед групповым сеансом лопухи обычно болтают в приемной, сообщая подслушивающим устройствам драгоценную информацию, которая сильно теряет в цене, если не видеть, кто что говорит.

— *Что там, черт побери, происходит?* — раздался в миниатюрном наушнике голос мадам Помроль. — *Что это за мужлан долбаный?*

— *Новая рыбка.*

— *Отлично! Попался, дубина. Подсекай, малыш.*

Правильно, мысленно поддержал ее Джек. Подсекай и вытаскивай.

Анкета содержала набор стандартных вопросов — имя, фамилия, адрес, телефонные номера и так далее, среди них притаилась и графа для номера социального страхования.

Джек спрятал улыбку. Не выйдет, ребята. Имея в запасе кучу номеров — сплошь липовых, — он здесь, тем не менее, ни одного не напишет. Сколько же потенциальных клиентов, старательно заполняя анкету, автоматически проставляют свой номер, не догадываясь, какую важную финансовую и прочую информацию извлекает из этого медиум!

Он представился Бобом Батлером, зная некоего Роберта Батлера из небоскребов «Миллениум» в дорогом многоэтажном жилом комплексе на Западных Шестидесятых. Указав его адрес, в телефонную графу вписал номер одного из своих многочисленных автоответчиков.

Вернувшийся с ежедневником Фостер просмотрел почти заполненную анкету. От пристального взгляда Джека не ускользнуло, как он на миг огорченно прищурился — безусловно, дойдя до пустой графы для номера социального страхования. Впрочем, помощник мадам Помроль промолчал. Разумно. Не стоит поднимать шум вокруг этого пропуска, проявляя слишком большой интерес к положению клиента в обществе.

— Итак, — сказал он, усевшись за стол, — по-моему, для вас можно выкроить полчасика во вторник. В три удобно?

— А прямо сейчас?

— О, боюсь, невозможно. В три часа у мадам групповой сеанс.

— Почему мне нельзя поприсутствовать?

— Невозможно. Четверо клиентов всегда вместе проводят сеанс. Посторонний помешает общению с духами, которое мадам очень долго налаживала. Боюсь, абсолютно невозможно.

Похоже, «невозможно» — его любимое слово. Однако у Джека имеется про запас кое-что более

привлекательное.

— Да я не собираюсь участвовать в сеансе, — заверил он, расстегивая левый нагрудный карман рубашки. — Только посмотрю. Даже слова не вымолвлю. Посижу как муха на стене. И не даром.

Прежде чем Фостер успел снова сказать «невозможно», Джек шлепнул на стол монету, довольно увесистую, судя по звуку. Глаза помощника мадам понимающе вспыхнули, а когда он разглядел отчеканенное на сверкающей золотой поверхности изображение галопирующей антилопы, брови еще выше полезли на лоб.

Крюгер-рэнд[16] весом в унцию. Не стоит справляться о нынешних ценах на золото, чтобы понять, что новый клиент предлагает изрядный куш за простое присутствие на сеансе.

— Золото, Карл. Золото, как говорил мой дядя, — лучший способ общения с миром духов.

— Очень щедро, мистер Батлер, — облизнулся Фостер. При виде золота у многих пересыхает во рту. — Ваш дядя часто общался с миром духов?

— Без конца. Причем, по словам моей тетки, ни разу не встретил медиума, который бы ему не понравился.

— А вы?

— Я? В первый раз подхожу ближе чем на милю.

— Имеете представление, как ведутся сеансы?

— Дядя как-то рассказывал, что видел эк... эктоплазму и прочую белиберду, да я так ничего и не понял.

Фостер пальцем дотронулся до монеты.

— Надеюсь, понимаете, что ваша просьба из ряда вон выходящая.

Наживка проглочена. Надо теперь подцепить на крючок.

— Да откуда ж мне знать? С дядей, наверно, придется потолковать о проблемах. В полчаса не уложишься. Потребуется не один час, несколько сеансов... Только прежде чем вкладывать деньги, надо посмотреть, выяснить, на что леди способна. Если окажется, что дело того стоит, втиснусь в очередное свободное окошко, и начнем разыскивать дядю в загробном мире. Что скажете, Карл, справедливо?

— Мое мнение не имеет значения, — буркнул Фостер. — Решает мадам. Пойду спрошу.

Он опять вышел, а Джек, развалившись на стуле, прислушался.

— *Слышала?*— спросил Фостер супругу.

— *Слышала. Золотом будет платить?*

— *Настоящая вещь. Посмотри.*

— *Не многовато ли, чтобы сидеть и смотреть без всякого толку? По-твоему, эта скотина заслуживает доверия?*

— *За него говорит благородный металл. Может быть, для него крюгер-рэнд не большая потеря. Может быть, у него ими дома чуланчик набит.*

— *Ладно, попробуем, черт побери. Только к столу его не подпускай — вдруг он чокнутый.*

— *Сделаю.*

Когда дело кончится, мысленно посулил Джек, вы еще *пожалеете,* что я не чокнутый.

Вернувшись, Фостер сообщил, что ему разрешается присутствовать на групповом сеансе, сидя на месте и не открывая рта. Джек согласился — крюгер-рэнд перекочевал в карман Карла.

Он немножечко передохнул в ожидании рыбок — участниц группового сеанса, четырех дам средних лет. Две блондинки — одна могучая, а другая с плаката, демонстрирующего образцовые признаки булимии, — брюнетка и рыжая прибыли вместе. Сплошной Прада, Версаче, еще один дьявольски дорогой модельер, которого Джек не идентифицировал. Просматривая прошлой ночью блокноты Фостера, видел в одном их фамилии, помеченные жирным символом доллара. Эта четверка не только регулярно посещала сеансы, но и была щедра на пожертвования.

Представления пролетели мимо ушей — Джек слишком старался проявить любезность и обходительность. Если в рыбки возразили против его присутствия, план целиком провалился бы. Сначала они обращались с ним холодно — видимо, из-за прически и вульгарного наряда, — но, выяснив, что ему ничего не известно о спиритизме, смягчились, явно желая перетащить его на свою сторону. Залопотали, захлебываясь, о могуществе мадам Помроль, не упоминая ни словом о вчерашнем казусе. Видимо, «Дейли ньюс» ни одна не читала.

Вскоре наступил великий момент — приглашение в зал для сеансов. Ночью Джек его не совсем разглядел, посвечивая вместе с Чарли электрическими фонариками. При полном освещении поражала *тяжесть* отделки. Плотные складки бархатных штор, толстый ковер, обои с атласным тиснением — все в разнообразных красных оттенках. Душно, как в гробу.

Вот как себя чувствуют заживо похороненные.

Фостер усадил четырех дам вокруг резного круглого стола под гигантской люстрой в центре зала.

Четыре рыбки по пять сотен с рыла, подсчитывал Джек. На пару парсеков дальше от того, что я за час заколачиваю.

Карл указал ему на стул у боковой стены приблизительно в дюжине футов от резного стола.

— Запомните, — тихо предупредил он, — вы только наблюдатель. Заговорив, поднявшись со стула, помешаете духам.

Прекрасно понимая, что помешает лишь самому Карлу Фостеру шмыгать в темном зале, Джек только серьезно взглянул на него и кивнул:

— Ясно.

Тот вышел, и через секунду в наушнике прозвучал его голос:

— *Рыбки в бочке. Иди лови.*

Наконец явилась мадам Помроль собственной персоной. Низенькое коренастое тело закутано в ниспадающую бледно-голубую хламиду вроде халата, густо расшитую бисером, на голове какой-то белый тюрбан. Джек с трудом ее узнал; правда, при первой встрече она была не в лучшем виде.

Мадам тепло поприветствовала четырех рыбок, щебеча с улыбками и французским акцентом, которого не слышалось во вчерашней извозчицкой брани в адрес Карла и автомобильной покрышки, потом протянула Джеку унизанную кольцами руку, как бы для поцелуя. Он привстал, ответил кратким рукопожатием, с содроганием прогоняя воспоминания о голой, связанной липкой лентой женщине.

— Озябли, месье Батлер?

Сверкнули ледяные голубые глаза. Если и у нее, как у мужа, возникло раздражение от пластыря, то оно скрыто под макияжем. Напомаженные тонкие губы изогнулись в улыбке.

— Нет, мэм. Просто еще никогда не бывал на сеансах.

— Уверяю вас, ничего страшного. Вы будете только смотреть. Сидите на месте, держите язык за зубами, и я покажу вам *невероятные* чудеса.

Джек улыбнулся, кивнул и уселся, уверенный, что никакие чудеса близко не сравнятся с реальными событиями, которые он пережил с прошлого лета.

Возвращаясь к столу, она щелкнула выключателем. Подсветка по периметру пола погасла, а люстра горела по-прежнему.

Мадам Помроль сделала вводные замечания, объяснив — «ради нашего гостя», — что войдет в транс, из ее тела выйдет эктоплазма, откроет врата в Потусторонний мир. Потом через нее с живыми будет говорить проводник в мире духов Ксултулан, древний жрец майя.

— И еще одно перед началом, — строго добавила она. — Конечно, четыре мои дорогие подруги за столом хорошо это знают, но я повторяю для нашего нового гостя. Как только появится эктоплазма, прошу вас, *пожалуйста,* не касайтесь ее. Она выделяется из моей души и тела и, если с чем-нибудь столкнется, немедленно уйдет обратно. Внезапное возвращение потока опасно для медиума. Были даже смертельные случаи. Поэтому помните: смотрите, изумляйтесь, но ни в коем случае не прикасайтесь.

Джек перестал слушать стандартную чушь, где, в зависимости от медиума, менялись только имена проводников. Ждал, когда погаснет свет и начнется представление, чтобы сделать свой ход.

Наконец четыре рыбки и медиум положили ладони на стол. Яркие лампочки в низко висевшей люстре погасли, осталось лишь несколько тусклых красных огоньков. В комнате воцарился мрак, стол и женщин заливал слабый красноватый свет.

Мадам Помроль издавала немелодичное мычание, вскоре голова упала на грудь. Как по сигналу, стол наклонился под хихиканье и удивленное оханье рыбок. Впрочем, стулья прочно стояли на месте. Чарли помог брату обогнать мадам, так сказать, на резвых ножках.

Потом она испустила долгий тихий стон, эхом разнесшийся по всей комнате. Видно, в тюрбане спрятан беспроводный микрофон, который в тот момент включил муж. Впечатляющая реверберация. Наверняка у нее есть такой же наушник, как у самого Джека, через который Карл подсказывает ответы на трудные вопросы клиентов.

Стон повторился, какая-то рыбка ахнула — над головой мадам Помроль появилось бледное свечение.

Привет, госпожа Эктоплазма.

Светящийся ореол окружил ее, обрамил нимбом голову, поплыл вверх, струясь призрачным оперением, поднялся в воздух на шесть, восемь, десять футов, отделился от медиума, заколыхался волнами взад-вперед.

— Ксултулан, ты меня слышишь? — пропела мадам, и слова вновь разнеслись гулким эхом. — Поделись с нами своей потусторонней мудростью на пути к душам умерших. Я беру с собой четверых, жаждущих встретиться с дорогими усопшими...

Ну ладно, мысленно оборвал ее Джек и сунул руку под рубашку. Какой смысл ждать? Вдобавок фальшивый французский акцент раздражает.

Нащупал в накладном животе пульт дистанционного управления размером с тюбик губной помады, изобразил на лице потрясение, нажал большим пальцем кнопку.

Ярко вспыхнул верхний свет, перед глазами предстала ошеломляющая картина.

Четыре рыбки и мадам Помроль сидели на своих местах, а позади медиума стояла фигура, одетая с головы до ног в черное — свитер с высоким воротом и брюки на удивление напоминали костюм Карла Фостера, дополненный черными перчатками и черной лыжной маской с узкими прорезями для глаз. Он держал в руках длинные черные прутья с привязанным куском шифона. В момент внезапной иллюминации плавно помахивал тряпкой над своей супругой и замер на месте от пронзительного женского вопля. Видно, какая-то рыбка приняла его за таинственного террориста.

В лицо Джека на секунду впился пристальный взгляд мадам, и он в душе порадовался, что заранее принял подобающее выражение.

Она вдруг рассмеялась:

— Посмотрели бы вы сейчас на себя! Карл, наша маленькая демонстрация действительно застала их врасплох! — Мадам зааплодировала. — Magnifique! Magnifique![17]

— Я... не понимаю, — пробормотала блондинка.

Мадам Помроль оглянулась через плечо и опять рассмеялась.

— Сними маску, Карл, и брось эти дурацкие палки.

— Я требую объяснений, — заявила рыжая.

— И вы их получите, Роуз, — с полной невозмутимостью пообещала мадам. — Всем, кто читает газеты, конечно, известно о бесчисленных медиумах-обманщиках, которые делают фантастические заявления, играя на легковерии публики, и пытаются переманить клиентов у обладающих истинным даром, вроде меня. Мы с Карлом устроили небольшое представление, чтобы продемонстрировать, как легко ввести верующего в заблуждение. У меня под рукой, разумеется, пульт освещения, в нужный момент я включила свет, и теперь вы проникли in medias res[18] шарлатанства и жульничества.

Ух ты! Леди не чуждается латыни.

Жалко, пультом нельзя больше пользоваться. Пока она мелет белиберду, хорошо бы побаловаться со светом. Но тогда все увидят, как он лезет под рубашку.

Впрочем, мадам выбрала столь слабую линию защиты, что она вот-вот рухнет под очевидной тяжестью вранья, никакой помощи даже не требуется. Джек с трудом удерживался от смеха.

Хотя надо отдать ей должное — бойкая дамочка. Говорит убедительно. Все равно, с минуты на минуту четыре рыбки бросятся врассыпную из Храма Вечной Мудрости, оповещая богатых друзей и весь мир, что мадам Помроль всего-навсего первоклассная мошенница. Новость распространится, как вирус. Если прежде ее вывела из себя потеря нескольких лопухов, то что будет, когда эта четверка раззвонит о событии?

— Правда? — спросила другая блондинка. — Вы это специально устроили?

— Конечно, Элейн. — Мадам кивнула на Джека. — И поэтому отступила от правил, разрешив новичку наблюдать за сеансом. Пусть мистер Батлер из первых рук узнает о дешевых трюках бессовестных жуликов, которые пятнают репутацию истинно одаренных спиритических медиумов.

Рыбки оглянулись на Джека, прочитавшего в их взглядах нечто весьма нежелательное.

Не может быть! Покупают нескладную байку... Неужели бывает такая доверчивость?

Снявший маску Карл подошел к столу с тряпкой на палках.

— Видите? — усмехнулся он, предлагая пощупать ткань. — Это просто дешевый шифон.

— Но все выглядело очень реально, — заметила брюнетка. — Эктоплазма выходила точно так же,

как...

Мадам Помроль прокашлялась и поднялась на ноги.

— Сделаем небольшой перерыв. Пожалуйста, подождите в другой комнате, пока Карл уберет инструменты для фокусов. Через несколько минут мы снова вас пригласим и установим настоящий контакт с Потусторонним миром.

Джек последовал за женщинами в приемную. Как только дверь за ними закрылась, в наушнике зазвучал голос мадам Помроль:

— Что это за чертовщина?

Откуда я знаю, — отозвался муж. *— Даже вообразить невозможно...*

— Кончай воображать, черт возьми! Выясни! Мне нужно реальное объяснение, а не твое дурацкое воображение! Ты отвечаешь за электронику и, мать твою, напортачил!

— Ничего я не напортачил... Ничего не трогал.

— Но что-то испортилось ко всем чертям! Выясни!

— Проверю выключатель.

— Дерьмо! Никогда в жизни не попадала в такую чертовскую передрягу, будь я проклята!

— Замечательно справилась.

— Правда? Девки скушали за милую душу. Можешь поверить? Мне иногда стыдно думать, с кем мы общаемся. Одни долбаные болваны.

Если бы хорошенько подумать, следовало установить в приемной динамик, чтоб супругов все слышали. Джек сам вчера вечером слышал непристойную ругань мадам Помроль, не оценив золотую возможность показать клиентам, что она о них думает на самом деле.

Фостеры замолчали, Джек призадумался, как дальше вести игру с рыбками, и решил для начала послушать. Может, удастся не зря день потратить. Он бочком подобрался к рыжеволосой по имени Роуз и тихонько спросил, помня о потайных микрофонах:

— Ну, что скажете?

— По-моему, потрясающе, — восхитилась она. — И жутко смело!

— Нам выпала большая честь, — подхватила коренастая блондинка. — Подумать только, что они устроили демонстрацию не для кого-нибудь, а для нас! Просто не терпится рассказать в спиритическом обществе, как она великолепна!

Желание верить... Джек сдерживал тягостную досаду. Никогда не надо недооценивать желание верить.

Именно эту ошибку он и совершил.

Вспомнился эксперимент, который Джеймс Рэнди однажды поставил на медиумах и на их лопухах. Усадил ясновидящего с парой клиентов, на которых тот произвел очень сильное впечатление чтением мыслей, и прокрутил видеокассету с записью сеанса, указывая, что на каждое верное утверждение медиум делает в среднем четырнадцать — пятнадцать ошибочных. Лопухи и глазом не моргнули. Даже очевидное доказательство провала не умерило их восхищения правильными ответами, и плевали они на ошибки.

Желание верить...

Есть две возможности. Можно показать женщинам пульт управления, признавшись, что это он

включил свет, разоблачив жульничество мадам Помроль. Хотя весьма сомнительно, что это изменит их мнение.

Желание верить...

Другой вариант — не суетиться и вернуться к Фостерам в другой раз.

Джек выбрал последний.

— Вот черт! — послышался в наушнике голос Карла. *— Смотри, что я нашел в коробке выключателя!*

— Что это?

— Дистанционный переключатель.

— Шутишь?

— Точно.

— Думаешь, трахнутый новичок поработал?

— Возможно... Только как он сюда забрался? И золотом заплатил, не забудь.

— Значит, наверняка та парочка черномазых. Ох, сволочи!

Новаторские сочетания трех и более букв посыпались одно за другим в забубенной брани.

— Ты уверена? — спросил Фостер, когда мадам остановилась перевести дух.

— Да, черт возьми! Это они вчера нас связали...

— Это сделал белый. — Ты видел?

— Нет, но...

— Значит, ни хрена не знаешь.

— Это был голос белого парня.

— Нет, они, будь я проклята! Взяли ключи и приехали в дом, чтобы нас облапошить. Черт знает, что еще натворили! Ну, они за это заплатят. Дорого, черт побери!

Ситуация развивается в нежелательном направлении. Джек сюда для того и явился, чтоб отвлечь Фостеров от братьев Кентон.

— Ладно, — уступил Карл. *— Допустим, в самом деле они. Неужели после вчерашнего ты рискнешь снова ехать в Асторию? Машину у нас забрали, кредитки пропали, не говоря о том, как мы опозорились, расхаживая по Нижнему Манхэттену, прикрываясь картонкой...*

— Они мне заплатят! Пусть не на этой неделе и даже не на следующей, но при первой возможности мы хорошенько их трахнем!

Супружеский диалог прервался. Видимо, мадам вышла из комнаты, а Карл заново собирает коробку.

Джек с четырьмя рыбками еще минут десять торчали в приемной, потом явился Фостер и снова пригласил их в зал.

Он не сдвинулся с места.

— В чем дело, мистер Батлер?

— Думаю, с меня хватит.

— Надеюсь, вы все правильно поняли. Видите ли...

Карл решил, будто гость не поверил объяснениям мадам Помроль. Джек его перебил, ставя точку над "и":

— По-моему, мадам смело задумала фокус. Я полностью убедился, что она по-настоящему уверена в своих силах.

Фостер, как гонщик «Формулы-1», мигом переключил передачу:

— Знаете, я сразу понял, что вы необычайно умный и проницательный человек.

— Давайте назначим индивидуальный сеанс на ближайший день. Вы сказали, найдется полчасика днем во вторник. А завтра?

Он вытащил ежедневник из ящика письменного стола, пролистал страницы и нахмурился.

— К сожалению, нет. Не раньше вторника. В три часа вас устроит?

У леди не бизнес, а золотая лихорадка.

— Пожалуй. Лучше б, конечно, часовой сеанс, да, может быть, для начала и полчаса хватит. Хорошо бы установить надежный контакт.

— О, мадам установит, будьте уверены.

— Ладно, тогда до встречи.

Джек вышел, направился к лифту, зашел в кабину, пустил ее вниз, двинул кулаком в стенку. Проклятье! Пустой номер. Ясно — ошибка в попытке нанести Фостерам опосредованный удар, через клиентуру. Неверный прицел. Надо вступить в прямой открытый бой.

В голове наполовину сложился план. Для второй половины потребуется помощь братьев Кентон. Будем надеяться, в другой раз, в отличие от нынешнего, мадам Помроль не выкрутится.

6

Джек стоял на веранде, глядя сквозь жалюзи, как Лайл настороженно приближается к двери.

— Кто там?

— Я.

Он сделал еще шаг вперед. На лице у него было написано — что за дурацкие шутки? Потом Лайл ухмыльнулся:

— Будь я проклят, действительно ты. Заходи.

Джек зашел.

— Не успел переодеться. — Он сдернул парик. — Господи, до чего жаркая штука!

— И весьма безобразная.

В дверях вдруг возник Чарли.

— А, вернулся, — проворчал Лайл, задумчиво посмотрев на часы. — Покончил на сегодня с душеспасительной деятельностью?

С душеспасительной? Он что, в церкви был?

— Да ладно тебе. — Младший Кентон повернулся к Джеку: — Как дела?

Не хотелось рассказывать о далеко не полном успехе, но братья имеют право знать.

— Хорошая новость заключается в том, что дистанционный переключатель сработал отлично.

Братья от души хохотали, слушая, как Карл был выставлен на всеобщее обозрение, размахивая фальшивой эктоплазмой.

— А плохая новость в том, что больше ничего не вышло. Дамочка выдумала хилое объяснение, будто нарочно устроила демонстрацию шарлатанского трюка.

— И клиенты поверили? — спросил Лайл.

Джек кивнул:

— Говорила очень убедительно.

— О господи, — простонал Чарли.

— Значит, мы вчера напрасно старались, — мрачно заключил Лайл.

— Не совсем. Днем во вторник у меня назначен сеанс, и для победы много чего надо сделать.

— Добавить электроники? — У Чарли загорелись глаза.

— На этот раз буду работать вручную — ловкость рук и никакого мошенничества. Вы поможете подготовиться. Получаете «Синий справочник»?

Лайл удивился:

— Какой?..

— Леди-медиум, которой я ассистировал, подписывалась на книжонку с исчерпывающей информацией о сотнях лопухов.

— А, точно, я когда-то видел такую, не стал покупать. Мы выходим на веб-сайт...

Следовало бы догадаться. На дворе компьютерный век.

— То есть этот справочник можно теперь отыскать в Интернете?

— Мы пользуемся не «Синим справочником», а другими источниками, хотя это приблизительно то же самое. Надо только заплатить за доступ на год вперед...

— Давайте заглянем, — перебил Джек. — Поищем покойника, отвечающего определенным параметрам.

Лайл покосился на брата:

— Компьютерщик у нас Чарли. Поможешь?

— Ну ладно. — Чарли направился к кухне. — За мной, мой белый господин!

Лайл схватил его за руку:

— Лучше в командном пункте.

— Да ведь тут ближе!

— У нас там небольшая проблема.

Младший брат взглянул на него:

— Неужто ящик по-прежнему...

Лайл кивнул:

— Пойдем через канал.

Джек почти ничего не понял.

— В чем дело?

— С электричеством перебои, — объяснил Лайл. — И все.

Наверняка далеко не все, но братья, видно, не желают рассказывать о неприятностях.

Чарли направился впереди всех через комнату-канал в командный пункт, откуда он руководил звуковыми, световыми и механическими эффектами. Кроме компьютера, там стояли разнообразные мониторы, тянулись бесчисленные провода, имелся станок для нарезки ключей, видеокамеры, сканер, ксерокс, загадочные черные ящики. Судя по плававшим на мониторе рыбкам, компьютер был включен.

Он сел перед ним, застучал по клавиатуре. Через полминуты на экране на фоне голубого неба с пушистыми белыми облаками возникла первая страница веб-сайта с невинным именем «www.sitters-net.com». Надо только ввести имя пользователя и пароль.

— "Сидельцы", по-моему, слишком прозрачно, — заметил Джек.

Лайл пожал плечами:

— Наверно, сюда постоянно заглядывают сиделки и няньки в поисках работы, хотя «сиделец» — наш профессиональный термин.

Насколько Джеку известно, составлять списки клиентов с важнейшими данными экстрасенсы всех мастей начали по крайней мере полвека назад. Хранили информацию в собственных картотеках, потом стали обмениваться между собой, наконец, кто-то принялся собирать сведения по всей стране и публиковать в справочнике в синей обложке, доступном исключительно медиумам. Его бывшая хозяйка мадам Уская подписывалась на него. Следующий неизбежный шаг — Интернет.

Чарли постучал по клавишам, набрал в поле для имени пользователя «город-д», в поле пароля

строчку из звездочек, нажал клавишу ввода, и через несколько секунд на экране отобразилась страница поиска.

— Помнится, — сказал Джек, — в «Синем справочнике» сохранялись данные об умерших сидельцах на случай, если родным вдруг захочется войти в контакт.

— Здесь тоже.

Чарли щелкнул мышкой по ярлыку в верхней части экрана.

— Заходим в ПМ.

— Что такое ПМ?

— Потусторонний мир.

— Ясно. — Джек тронул его за плечо. — Ищи «нумизмата», посмотрим.

— Однозначно лучше «нумизматику».

На мониторе всплыли пять фамилий.

Всего пять? Джек разочарованно пригляделся.

— Надо, чтобы он умер приблизительно в этом году.

— Сюда гляди. — Чарли ткнул пальцем в четвертую строчку сверху. — Мэтью Томас Вест. 27 января.

Типичная информация: имя, фамилия, адрес, дата рождения, дата «ухода» плюс номер социального страхования, имена умершей на шестнадцать лет раньше жены, брата, родителей, даже собаки покойного — кроме детей. Дальше перечислялись его увлечения. Главной страстью Мэтью Веста, не считая жены, с которой он долгие годы связывался через медиумов, были редкие монеты.

Идеально, за исключением адреса в Миннесоте.

— Хорошо бы отыскать поближе. Посмотрим. — Джек снова уставился на экран и тряхнул головой. — Нет. Придется обойтись дядей Мэттом из Сент-Пола.

— *Дядей?* — переспросил Лайл.

— Я сказал Фостеру, что хочу с помощью мадам Помроль войти в контакт с несуществующим дядей. Теперь мы знаем, как его зовут. Дядя Мэтт из Миннесоты. Распечатаешь?

— Запросто, — кивнул Чарли. — Чего затеял?

— Надувательство. Если выйдет, заставлю мадам разыграть со мной старый фокус с испанским носовым платком.

— Это еще что такое? — нахмурился он.

— Старый цыганский трюк, — объяснил Лайл. — По-настоящему *старый.* Ему уж лет двести. Кидалы на улицах до сих пор пользуются современными вариантами. — Он оглянулся на Джека. — И как же...

— Как только она меня кинет, я вдвойне ее кину, еще в зад отвешу хороший пинок.

— Хорошо, только я не пойму, что это нам с Чарли даст.

Джек простер руки, как проповедник:

— Верьте, дети мои, верьте мне. Подробно не могу рассказать, потому что пока сам не знаю. Верьте — если получится, будет очень красиво.

Чарли протянул готовую распечатку.

— Лихо заливаешь. Зачем вышел из дела?

Джек помедлил с ответом.

— Тебе правда хочется знать?

— Угу.

И напрасно, малыш.

— Вышел, потому что понял, что оно пустое. Надо отвечать делом на дело.

— Мы и отвечаем, — заявил Лайл с излишней поспешностью.

Чарли тряхнул головой:

— Нет, брат. Сам знаешь — не отвечаем.

Лайл — наверно, впервые — не знал, что сказать. Потом пожал плечами:

— Я бы пива выпил. Кто хочет?

Джеку показалось, что предложение прозвучало из вежливости — Лайл, скорее всего, дожидается его ухода, — тем не менее он его принял. Пиво в данный момент очень кстати. Заодно может выясниться причина раздражения старшего Кентона.

Тот пошел не на кухню, где вчера пили пиво, а в приемную. Чарли снова сосал пепси.

— Ну, — сказал Джек, после того как банки были звучно откупорены и прозвучал тост за скорый крах мадам Помроль, — что там за перебои у вас с электричеством?

Лайл передернул плечами:

— Ерунда.

— Ага, — хмыкнул Чарли. — Телик, куда забралось привидение, — ерунда.

Лайл сердито покосился на брата:

— Привидений *не бывает.*

— Почему же...

Лайл махнул рукой:

— Потом поговорим.

Привидение в телевизоре? Интересно. Если только он не показывает старого доброго Каспера.

— Чем я могу помочь?

— Сам исправлю, — не совсем убедительно буркнул Лайл.

— Точно?

— Позволь процитировать. «Философия срежет ангелу крылья, занесет все загадки в графу под линейку, распугает всех призраков и меня со своими гномическими стихами...»

— Хорошо.

— Это Китс.

— Китса цитируешь? — фыркнул Джек. — Из всех известных мне чернокожих ребят ты, пожалуй, самый белый.

Лайл, вопреки ожиданиям, не рассмеялся, а помрачнел.

— Я, по-твоему, не чернокожий, потому что цитирую Китса? Потому что хорошо говорю? Одни белые правильно говорят? Одни белые наизусть знают Китса? Черные знают только Айса Ти? Я не черный, потому что не одеваюсь как сутенер, не разъезжаю в машине, как гангстер, не увешан цепями, не сижу на веранде, накачиваясь сорокаградусным пойлом?

— Эй, полегче! Я просто...

— Понятно. Просто слышал о черных по Эм-ти-ви, а тех, кто не укладывается в картину, считаешь черными снаружи, белыми внутри. Не только ты. Многие черные смотрят на меня точно так же. Даже родной брат.

Давайте разберемся — с тобой, с ним, со всеми. Мы живем в мире белых, и, если я в нем добиваюсь успеха, это вовсе не означает, что хочу стать белым. Не имею ученой степени, но вполне ее заслуживаю, прослушав кучу лекций, получив хорошее образование. Я не прислужник белых, занятый афроамериканскими исследованиями[19], и не дядя Том, отказывающийся соответствовать худшим представлениям о черных.

— Ух ты! — Джек вскинул руки вверх. Неожиданно напоролся на мину. — Извини. Не хотел тебя обидеть.

Лайл закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул, снова открыл.

— Знаю. Ты этого не заслужил. Прости.

— Я извиняюсь, ты извиняешься... — Джек встал, протянул ему руку. — Значит, мир?

— Мир, — смущенно улыбнулся Лайл, ответив на рукопожатие. — До завтра. Соберу первую половину твоего гонорара.

Джек залпом допил пиво и направился к выходу, про себя отметив: у Лайла Кентона короткий запал.

7

Как только Джек вышел за дверь, Лайл схватил Чарли за руку, потащил к комнате, где стоял телевизор.

— Ты должен посмотреть...

Он вырвался.

— Эй, брат, ты чего это? Зачем на Джека наехал?

Лайл тоже был расстроен. Замечание насчет «белого» подействовало словно красная тряпка.

— Разозлился немножко... Нет, сильно... Принес извинения.

— Взбеленился, когда он сказал, что надо отвечать делом на дело?

— Нет, конечно.

Не взбеленился... обиделся. Видно, поэтому и взорвался на замечание о «самом белом из черных».

Лайл себя не обманывает. Он жулик, но не мерзавец. Не гоняется за неимущими бедными вдовами и сиротами. Его рыбки — скучающие наследницы, нувориши-художники, жаждущие пощекотать нервы яппи[20], вдовствующие матроны, желающие прогуляться с дохлыми пуделями на просторных дворах Потустороннего мира. Иначе эта публика потратит деньги на поездку в Лас-Вегас, очередное меховое манто, бриллиант, последнюю престижную игрушку. Многие клиенты никогда не обедают дома, но просто *обязаны* иметь на кухне суперморозильник.

— А про телик чего молчал, как в ЦРУ на шмоне?

— Это наше дело. Его не касается.

Вдобавок не хочется отвлекать Джека мелкими проблемами. Главное, чтоб он избавил их от мадам Помроль.

— Смотри.

Лайл остановился в дверях. Чарли увидел на телеэкране баскетбольный матч.

— Ага, мультики кончились. Что ты сделал?

— Ничего. Само переключилось. — Лайл пристально смотрел на брата. — Хорошо. Что еще интересного видишь?

Тот перевел взгляд на пол.

— Монтажные платы, кабели... В моем хозяйстве шарил?

Лайл покачал головой:

— Вытащил из телевизора.

— Из нутра?

— Как только ты ушел, я его разобрал. Почти целиком ящик выпотрошил. Не осталось практически ничего, кроме трубки, а он как работал, так и работает. Кстати, выключенный из сети.

У Чарли кадык заходил ходуном.

— Шутишь?

— Если бы.

Лайл почти целый день старался привыкнуть к свихнувшемуся телевизору, но в животе до сих пор екает.

— Эй, — протянул Чарли, глядя на экран, — кто это играет? — Он шагнул к телевизору. — Вроде... точно — Мэджик Джонсон за «Лейкерс».

— Разглядел наконец-то.

— Что это за канал — «Классика спорта»?

Лайл сунул ему пульт дистанционного управления:

— Загляни на другие. Посмотри, что будет.

Перебирая кнопки, Чарли остановился на Си-эн-эн, где две говорящие головы обсуждали «ирангейт»[21].

— Что за бодяга?

— В то время ты был слишком маленький. — Лайл и сам почти ничего не помнил. — Давай дальше.

Следующий канал показывал крупным планом длинноволосую блондинку, которая проливала обильные слезы так, что грим по щекам растекался.

Чарли выпучил глаза:

— Неужто...

— Тэмми Фэй Бейкер, — подтвердил Лайл. Знал, что будет дальше, и все-таки во рту пересохло. — Продолжай.

Спортивный канал уже транслировал футбольный матч.

— Гляди, «Джайантс»! За боковой линией вроде снег...

— Правда, снег. Посмотри на защитника.

— Симмс? Да ведь он не играет за...

— Давно не играет. Дальше.

Чарли начал быстрее нажимать на кнопки, на экране мелькала программа новостей, где обсуждалось выдвижение Борка в Верховный суд, «Человек дождя», предвыборная реклама «Дукакис — президент», потом на сцене заскакали два парня с косичками.

— "Милли Ванилли"? — воскликнул он. — *«Милли Ванилли»?* Мы что, вернулись в прошлое?

— Мы — нет, а ящик, кажется, да. Программы конца восьмидесятых годов.

Лайл стоял рядом с братом, глядя, как «Милли Ванилли» трясут космами и синхронно напевают «Знаешь, девочка, это правда», и почти ничего не слыша. Голова была слишком занята поисками объяснения, перелопачивая все известное и пережитое за тридцать лет.

— Ну, теперь ты мне веришь? — спросил, наконец, Чарли. — К нам въехало привидение.

Лайл отказывался сесть в этот поезд. Надо подавить тошнотворную тревожную дрожь внутри, сохранять спокойствие, рационально мыслить.

— Нет. Любой бред должен иметь разумное объяснение.

— Ну ты даешь! Сам потешаешься над лопухами, которые верят в полную лажу, называешь верующими маньяками, а сам точно такой же.

— Не мели чепуху.

— Правда! Сам себя послушай. Ты — *неверующий* маньяк! Когда что-то случается не по-твоему, ты его в упор не видишь, даже если оно тебе прямо на голову свалится!

— Вижу, что телевизор работает без питания и показывает программы восьмидесятых годов. Только не собираюсь сразу же объяснять это вмешательством сверхъестественных сил, вот и все.

— Тогда, может, оттащим ящик к ученым, пускай поглядят, разберутся, в чем дело.

К ученым... Это еще что такое? Где ты найдешь «ученых», Чарли?

— Сам утром разберусь.

— Давай, — кивнул младший брат. — А я не хочу с ума спятить. Пойду почитаю немножечко.

— О привидениях?

— Нет. Священное Писание.

Лайл смотрел вслед Чарли, поднимавшемуся по лестнице, почти жалея, что не имеет такого успокоительного.

Ничего, кроме взбесившегося телевизора.

8

Джек быстро доехал до нижней части города. Машина нужна на тот случай, если Беллито вдруг сядет в такси. Антикварный магазин «Шарио Коппе» находился на западе Сохо, на углу нижнего этажа старого трехпалубного броненосца, знававшего лучшие дни. Пара чугунных колонн на фасаде вот-вот отвалится от стены. Непривычно видеть здесь дом, обшитый железом. Они обычно встречаются дальше к востоку.

В наряде Боба Батлера и парике-барабульке он медленно подошел к центральной витрине. Под искусно выписанным листовым золотом названием «Шарио Коппе» было написано: «Любопытные вещицы для серьезного коллекционера». Главное место в витрине занимало крупное чучело рыбы — четырехфутовый осетр с коричневыми, полуприкрытыми козырьками глазами был подвешен на двух тонких проволочках, как бы плавая в воздухе. Причем очень давно, судя по толстому слою пыли на чешуе.

Джек подошел к входной двери, взглянул на дощечку с расписанием. Брат Илая не ошибся. В воскресенье магазин открыт с полудня до шести. Он взглянул на часы — половина шестого. Почему не убить полчаса в магазине? Может, даже найдется что-нибудь интересное.

Дверь открылась, громко звякнув колокольчиком. Мужчина, стоявший в проходе между стеллажами, оглянулся.

Братец собственной персоной. Джек узнал Илая Беллито по снимку, полученному от Эдварда. На расстоянии в шесть футов выглядит крепче, холодные темные глаза тоже не вышли на фотографии. Идеально сшитый темно-серый деловой костюм-тройка с белой рубашкой и полосатым галстуком. Желтоватая кожа, высокие скулы, темно-каштановые, отступающие со лба волосы — крашеные? Нисколько не похож на брата. По словам Эдварда, у них разные матери, однако и отцы вполне могут быть разными. Может, чья-нибудь мать забавлялась с резчиком торфа, или с кем там еще забавлялись заблудшие дублинские жены лет шестьдесят назад?

— Добрый вечер, — сказал Илай Беллито. — Чем могу служить?

Джек удивился — акцент не ирландский. Эдвард говорил, что они росли порознь — в разных странах?

— Просто хочу посмотреть, — объяснил он.

— Пожалуйста. Только помните, мы закрываемся ровно в шесть. — Как по сигналу, с разных сторон послышался звон. Хозяин магазина вытащил карманные часы, открыл крышку, взглянул, одарил посетителя тонкогубой улыбкой. — Через полчаса.

— Прослежу, — пообещал Джек.

В другом конце магазина крупная пожилая женщина громко давала инструкции рыжеволосому молодому человеку, водя его по торговому залу и указывая на ценники.

Должно быть, новый помощник.

Джек развернулся и запетлял среди книг, декоративных тарелок, комодов, бюро, ламп, ваз, каменных и деревянных статуэток, керамических и фарфоровых чашек, чучел птиц, рыб, животных, часов разных форм и эпох, прочих курьезов, прекрасных и жалких, из Старого и Нового Света, с Дальнего и Ближнего Востока, аристократических и плебейских, антикварных и просто старых, с непомерными и бросовыми ценами, от династии Мин до эпохи Великой депрессии.

Изумительный магазин. Сколько лет тут стоит, а он о нем никогда не слышал. Сотни квадратных футов завалены массой разнообразных изящных вещиц...

Джек бродил по проходам, листая книги, поворачивая зеркала, поглаживая замысловатую резьбу. В одном углу остановился, наткнувшись на антикварный дубовый выставочный шкаф, овальный, высотой футов пять, с фаустированным стеклом со всех сторон. Ни на самом шкафу, ни на вещах внутри ценников не было. Безделушки, современные по сравнению с прочим ассортиментом, раздражали своей неуместностью. На трех стеклянных полках выстроились пустячки, побрякушки не старше десяти — пятнадцати лет, которые можно найти на любой домашней распродаже.

Он пристально разглядывал груды виниловых пластинок, кубик Рубика, мячик с лиловыми и зелеными шипами, медвежонка Бини, красный спичечный коробок «Корвет», серого кролика Ферби с розовыми ушами, дикобраза Соника в красных тапочках, крошечного Барта Симпсона на крошечном скейтборде, прочие, не столь знакомые цацки.

Особое внимание привлек брелок для ключей с кроликом Роджером. При беглом взгляде показалось, будто он сдвинулся. Просто чуть дрогнул. Джек, приглядевшись, ничего необычного не заметил. Видимо, стекло с дефектом, как все старые стекла.

Он всмотрелся в маленькую пластмассовую фигурку. Красный комбинезон кое-где полинял, равно как и кончики желтых перчаток. А голубые глаза поразительно яркие. Роджер пассивно замер в крестообразной позе, с какой-то мольбой на него глядя. Трагический взгляд абсолютно не соответствовал придурку кролику.

Припомнилось, как Вики недавно смотрела «Кролика Роджера». За неделю трижды прокрутила кассету, учась его точно копировать. Брелок ей понравится.

Он потянулся к ручке на дверце, видя вместо нее крепкий висячий замок. Странно. Любая другая, даже самая маленькая вещица стоит дороже всего содержимого шкафа. Зачем же его запирать?

— Закрываемся, — предупредил за спиной чей-то голос.

Джек оглянулся. Перед ним стоял хозяин с безразличным выражением на лице.

— Так рано?

— Сегодня в шесть. Чем могу служить перед закрытием?

Он снова повернулся к шкафу.

— Меня интересует одна безделушка.

— Трудно поверить. Определенно эти вещицы, по сравнению с прочим, интереса не представляют. Недавние увлечения. Отбросы поп-культуры.

— Именно поэтому мне кое-что нужно.

— Что, позвольте спросить?

— Брелок с кроликом Роджером.

— А. — Тонкие губы с трудом скривились в слабой улыбке. — Редкая вещь. Очень редкая.

— Не такая уж редкая. Прежде их продавали в несметном количестве, теперь не выпускают, а у меня есть истинный любитель...

— Прошу прощения. Брелок не продается.

— Шутите?

— Уверяю вас.

— Для чего же он выставлен?

Вновь мелькнула тень улыбки.

— Он мне просто нравится.

— Ясно. Для собственного удовольствия заперли рухлядь, разбросав вокруг ценные вещи... Вы не похожи на глупого постмодерниста.

— Надеюсь. Скажем, эти пустячки имеют для меня определенную сентиментальную ценность, и поэтому я их выставил на всеобщее обозрение.

— Сентиментальная ценность кролика Роджера превышает десять баксов?

— Боюсь, превышает.

— Пятнадцать?

Хозяин покачал головой:

— Не пойдет.

— Двадцать пять?

— Нет.

— Пятьдесят?

— Извините.

— Сто?

Беллито вновь отрицательно помотал головой и шире улыбнулся, довольный собой.

Бред какой-то. Наверняка розыгрыш. Отказываться от ста баксов за хлам?

Джек присмотрелся к ушам старика. Слухового аппарата не видно.

Ладно, пора блефовать.

— Пять сотен?

Снова нет.

Самодовольный сукин сын. Как же можно противиться? Постараемся его добить.

— Мистер, даю тысячу долларов — слышите? — *тысячу* американских долларов. Это последнее предложение. Выбирайте — деньги или брелок.

— Спасибо, выбираю брелок.

Джек испытал потрясение с примесью облегчения. Слишком увлекся торгами. Тысяча баксов за маленькую чепуховину? Кто тут сумасшедший?

Он снова взглянул в умоляющие глаза кролика.

— Ладно. Может быть, в другой раз.

— Нет, — ответил Беллито. — Я говорю «не продается» не для того, чтоб набить цену. Это значит, что вещь *не продается.*

— Понятно. Не осуждайте меня за попытку.

Упрямый хозяин взглянул на часы:

— Давно пора закрываться.

Джек кивнул и направился к двери.

— Слушайте, мистер...

— Батлер, — подсказал он.

— Скажите, мистер Батлер, вы действительно заплатили бы за брелок тысячу долларов?

— Я сделал предложение.

— Слово ничего не стоит.

— Правильно. И мы снова обмениваемся словами. Поэтому никогда не узнаем правду.

Он махнул рукой, вышел в сумерки.

С виду Илай Беллито — образец выдержки и хладнокровия, а вовсе не готовый к безумству насильник. В нем вообще никаких эмоций не чувствуется. Правда, виделись они мельком, а опыт показывает, что людей редко распознаешь с первого взгляда, однако ему далеко до лунатика, который в новолуние съезжает с катушек.

Будем надеяться. Поработаем три ночи сторожевой собакой, и все.

Притворно интересуясь витринами, Джек медленно проследовал до угла, перешел через дорогу к закрытому мебельному магазину. Ровно в шесть из антикварной лавки вышел рыжий стажер и направился к Хьюстон-стрит, потом пожилая женщина. Из цилиндров над окнами с лязгом выползли железные жалюзи. Через минуту вышел Беллито, запер их на ключ, собственноручно закрыл дверь решеткой, замкнул, свернул направо за угол, прошел по переулку десяток шагов и нырнул в дверь.

Родной дом, заключил Джек. Веди себя хорошо до самого утра, Илай. Не пропусти очередную серию «Клана Сопрано».

Он снова перешел на другую сторону посмотреть номер дома Беллито, слыша, как что-то хрустнуло под ногами. Стеклянные осколки, матовые и прозрачные... Поднял голову, видя, как разлетелся колпак и фонарная лампа, слыша низкий металлический звон. Сомнений быть не может — кто-то выстрелил в уличный фонарь. Скорее всего, дробью.

Джек огляделся. Плохо. Свет погас, дом погрузился во тьму. Кто это сделал? Сам Илай? Или тот, кто на него охотится?

Он пошел дальше к маленькому бистро на противоположной стороне улицы, где за белыми пластиковыми столиками на тротуаре сидели несколько парочек, сел лицом к подъезду, попросил «Корону» без лайма. Убивая время до темноты, можно высосать бутылку-другую, поесть, найти укромное местечко с видом на подъезд — запросто при погасшем фонаре, — посторожить до полуночи.

Джек мысленно отвесил себе добрый пинок за то, что взялся за никчемное дело. Не сидел бы сейчас в одиночестве за шатким столиком, а выпивал бы с Джиа, помогал готовить обед...

Откликнулся на просьбу Эдварда, страшно боявшегося, чтобы брат на кого-нибудь не напал. Невеликое дело. Джиа взяла с него обещание держаться подальше от опасной работы. Слежка за Илаем Беллито вполне безопасна. В худшем случае придется немножко побегать и подсуетиться.

Дело братьев Кентон гораздо интересней. Он с нетерпением ждал встречи с мадам Помроль во вторник. Будет весело.

На рубеже

Выяснилось, что оно — женщина, и больше ничего. Когда-то у нее было имя — забылось.

Помнится, что она никогда не жила в этом старом холодном доме. Где-то был теплый дом, только где — неизвестно. Даже если бы было известно, туда не добраться.

Уйти невозможно. Как ни старайся, она словно привязана к ненавистному дому. Почему, интересно бы знать? Может быть, объяснилась бы необъяснимая злобная обуявшая ее ярость.

Вспомнить бы свое имя!

Она одинока, хотя не одна. Тут есть и другие. Она тянется к ним, но не входит в контакт. Продолжает попытки...

В рассветный час

Лайл проснулся от шума текущей воды. В спальне темно, за открытыми окнами ночь, и где-то...

...душ открыт.

— Это еще что такое? — пробормотал он, откидывая покрывало и спустив ноги.

Прищурился на дисплей будильника: 1.21. Тупо смотрел на красные цифры, как будто накачался наркотиками. Успел крепко заснуть, поэтому мозг и тело с трудом возвращались к жизни. На дисплее последняя цифра сменилась на ноль.

Час двадцать?

Несколько секунд назад было... или казалось...

Ладно. В душе течет вода. Он соскочил с кровати, побежал в ванную.

Сначала почувствовал, потом увидел пар. Нащупал на стене выключатель и щелкнул. Ванная утопает в дымных клубах, за которыми ничего не видно. Добравшись до душевой кабины, Лайл протянул к занавеске руку...

...и замер в нерешительности. Что-то не позволяло отдернуть ее. Может, предчувствие, которому он не верил, может быть, чересчур насмотрелся ужастиков, но в текущей за занавеской воде что-то есть.

Внезапно замерзнув в жарком тумане, он сделал назад шаг... другой...

Нет. Не будем отступать перед неизвестностью. Предвосхищая сдавленным криком поджидающий ужас, рывком дернул штору, замер в облаках пара, задыхаясь, с колотившимся сердцем, глядя на хлеставшую в полную силу нестерпимо горячую воду. Лилась она как-то странно, обтекая нечто невидимое, но существующее, окрашиваясь в красный цвет в водовороте стока.

Он закрыл глаза, тряхнул головой, снова посмотрел на душ.

Вода текла по-прежнему, вздымая новые клубы пара, только теперь беспрепятственно и прозрачно уходила в сток.

Что со мной происходит? — недоумевал Лайл, закрыв кран.

И сразу почувствовал чье-то присутствие за спиной.

Рывком обернулся, никого не видя. Слева что-то мелькнуло. На большом запотевшем зеркальном стекле над раковиной появились буквы, складываясь в слова.

— *Ты кто?*

Он таращил глаза, уверяя себя, будто спит, и тут в конце вопроса встали три вопросительных знака.

— *Ты кто???*

— Лайл, — хрипло каркнул он, согласившись подыгрывать сну. — А ты кто?

— *Не знаю.*

— Откуда ты?

— *Не знаю,* — написалось на зеркале. — *Мне страшно. Домой хочу.*

— Где твой дом?

— *Я не знаю.*

Что-то вдруг очень сильно и звонко ударило в зеркало, покрывшееся паутиной трещин размером с баскетбольный мяч. Свет погас, в ванную ворвался холодный ветер, влажные джунгли превратились в полярный круг. Лайл бросился к выключателю, попал босой ногой в лужу, поскользнулся, упал. Последовал другой сильный удар, третий, его осыпало стеклянными конфетти. Он встал на колени, уткнулся лбом в пол, обхватив руками затылок, а что-то в припадке бессмысленной ярости вновь и вновь колотило по зеркалу.

Все кончилось так же внезапно, как началось.

Лайл медленно, осторожно поднял голову в гулкой тьме. Где-то — видно, внизу, в холле, — слышался быстрый топот, потом голос брата.

— Ты чего, Лайл? — В спальне зажегся свет. — Господи боже мой, где ты?

— Здесь.

Он так и стоял на четвереньках, пока не имея ни сил, ни желания встать на ноги. Предупредил подбегавшего Чарли:

— Не входи. На полу стекло. Свет включи.

Когда вспыхнул свет, Лайл, стоя задом к двери, глянул через плечо, видя выпученные глаза и отвисшую челюсть брата.

— Елки-палки... — пробормотал Чарли и спохватился: — Господи, Лайл, чего ты наделал?

Судя по выражению, исключенному из лексикона после второго рождения, он был по-настоящему потрясен. Лайл, оглядевшись, не смог бы его упрекнуть. Пол засыпан сверкающими осколками, зеркало расколочено вдребезги.

— Это не я.

— А кто?

— Не знаю. Принеси тряпку, брось на пол, чтоб можно было выйти.

Чарли бросился на поиски, Лайл поднялся, стараясь не наступить на стекла.

Брат прибежал с покрывалом.

Тряпка тонкая, но...

Он внезапно умолк в полном ужасе.

— Что с тобой?

Чарли трясущимся пальцем ткнул ему в грудь:

— Господи боже, ты... ранен!

Лайл посмотрел и чуть не упал — футболка на груди ярко-красная. Он сорвал ее и не смог устоять на ногах — колени подкосились при виде глубокой раны с конвульсивно бившимся сердцем.

Бросил взгляд на застывшего в испуге брата, не в силах вымолвить ни слова, снова посмотрел на грудь...

...целую и невредимую. Ни дырки, ни капли крови на коже и футболке...

Как прошлой ночью с Чарли.

— Видишь? — обратился к нему Лайл. — Скажи, что на этот раз видишь!

Тот кивал, как китайский болванчик.

— Вижу... вижу! Вчера ночью думал, ты рехнулся, а теперь...

— Бросай покрывало, я выйду.

Чарли взялся за конец покрывала, другой бросил ему. Лайл, не доверяя ногам, пополз к двери, вылез из ванной, съежившись, не поднимаясь, охваченный дрожью и тошнотой, чуть не плача. Сроду ни во что такое не верил, и вот столпы мира рушатся.

— Лайл, в чем дело? — Брат упал рядом с ним на колени, обнял за трясущиеся плечи. — Что у нас тут происходит?

Он собрался с силами, сглотнул комок желчи и выпрямился.

— Кажется, ты был прав насчет привидения. — Он взглянул на часы — 1.11. Долго еще они будут идти в обратную сторону? По всему судя, сейчас часа три утра. — *Точно* прав.

— И чего будем делать?

В дом вторглось что-то непонятное, злое. На кого — на Лайла, на Чарли? Нет, глубже, шире, страшнее... Что ответить младшему брату, даже не зная, с чем они столкнулись?

Схватив его за руку, Лайл поднялся.

— Не знаю. Знаю только, чего мы *не сделаем.* Никуда не уедем. Никто, ни живой и ни мертвый, не выгонит нас из *нашего* дома.

Понедельник

1

Джиа глянула на часы, и тут же зазвонил телефон.

Она сидела у кухонного стола с кружкой стывшего зеленого чая. Час назад, почти с точностью до минуты, позвонила в приемную доктора Иглтон насчет анализа на беременность. Дежурная ответила, что результатов пока нет, пообещав позвонить в больничную лабораторию, чтоб их прислали по факсу.

Джек ушел по каким-то делам после нескольких тайных звонков, она с тех пор практически не шевелилась. А теперь ожила, поднялась, подошла к телефону, взглянула на определитель, увидела на дисплее «Д-р медицины Э. Иглтон», на мгновение затаила дыхание, помедлила и сняла трубку.

— Слушаю?

— Миссис Ди Лауро? — спросил голос молоденькой девушки.

— Да. — Пластиковая трубка чуть не выскользнула из вспотевшей руки.

— Доктор Иглтон просит вам передать, что анализ на беременность положительный.

Джиа окаменела, схватив трубку другой рукой, чтобы не уронить.

— Точно?

— Определенно, — фыркнула девушка. — Доктор хочет назначить прием для анализа крови. Когда вам удобно...

Она бросила трубку, упал на стул.

Я беременна. У нас с Джеком будет ребенок...

Вместо радости чувствовалась неуверенность, даже страх... Джиа закрыла глаза. Я не готова... сейчас не время...

Взяла чашку с чаем, стараясь согреть заледеневшие руки, а та оказалась практически комнатной температуры. Хлебнула горькую бледно-желтую жидкость.

Дело, естественно, точно так же касается Джека. Ему, разумеется, надо сказать — но когда? На первых днях часто бывает выкидыш. До рождения Вики это дважды случалось.

Как он воспримет новость? Она лучше всех его знает, даже лучше, чем Эйб, тем не менее неизвестно, как он среагирует.

Наверняка сначала обрадуется — за нее, за себя, за ребенка. В глазах сверкнет улыбка, разгонит уныние после смерти Кейт. Конец одной жизни, начало другой.

Только не стоит говорить слишком рано. Вдруг через неделю произойдет выкидыш?

Джек, ты скоро станешь отцом! У тебя родится первенец. Извини. Забудь. Ребенок умер. Прошу прощения.

Разве можно катать его в столь тяжелой депрессии на таких русских горках? Не лучше ли точно удостовериться, прежде чем сообщать о беременности?

Или ей просто хочется потянуть время?

Такова краткосрочная перспектива. Как насчет долгосрочной? Не сочтет ли он цену слишком высокой, уяснив, чем отцовство, воспитание ребенка угрожает его независимости, драгоценной обособленной жизни?

2

Утреннее солнце играло в красных буквах на стоявшей посреди тротуара желтой пластиковой рекламной доске.

ЭРНИ

Фото на документы

Любые паспорта

Водительские права

Права на вождение такси

Джек обошел ее, шагнул в открытую дверь магазинчика, забитого под самый потолок миниатюрными статуями Свободы, открытками с видами Нью-Йорка, футболками на все вкусы, спортивными кепками и прочим, что хозяину удалось запихнуть на стойки и полки. Рядом с ним магазин Эйба кажется огромным чистым полем.

— Привет, Эрни.

За прилавком стоял тощий мужчина с унылой физиономией в безобразной оранжевой гавайской рубахе, с сигаретой «Пэлл-Мэлл» в углу рта на манер Бельмондо. Он поднял голову, прищурился, попросил минутку обождать и продолжил беседу со старым туристом-корейцем о солнечных очках.

— Вы сэкономите много денег. Реальные деньги. Говорю вам, по каталогу они стоят девяносто баксов. Я отдаю за пятьдесят.

— Нет-нет, — отказался старик. — Я на улице видел за десять. Десять доллар.

— Да это же фуфло. Подделка. Сегодня купил, завтра утром стекла выпали, дужки сломались. А эти, друг мой, настоящие.

Джек отвернулся, притворно интересуясь стойкой с пиратским видео. Эрни никогда не торгует настоящим товаром.

Он мысленно вернулся к Джиа. Опять у нее ночевал. Замечательно. Прекрасно рядом с ней просыпаться. Утром она, кажется, нервничала, нетерпеливо на него поглядывала, пока он разговаривал по телефону, как бы дожидаясь его ухода. Характер у него, конечно, не легкий, но неужели он надоел ей так скоро?

Старик уговорил хозяина сбросить цену до тридцати пяти и ушел в супермодных очках.

— Привет, Джек, — поздоровался Эрни, засовывая деньги в карман. От многолетних сигарет без фильтра голосовые связки охрипли. — Как делишечки? — Он потряс головой. — Знаешь, как нынче трудно бакс срубить? Попотеешь по-настоящему.

— Угу, — подтвердил Джек, пробираясь к прилавку с витриной, где под поцарапанным стеклом поблескивали полдюжины поддельных «ролексов». — Дела везде идут туго, куда ни посмотришь.

— Уличные ребята меня убивают. Какие у них накладные расходы? Раскатал одеяло, поставил картонный ящик, и делай свое дело. Продают то же самое барахло, что и я, накидывая по пятерке к цене. А сколько я выкладываю вот за этот чулан — не поверишь.

— Сочувствую.

Эрни плакался на бедность после катастрофы со Всемирным торговым центром, лишившей его

ценных источников поддельных товаров известных фирм. Долгие годы он был для Джека главным поставщиком водительских прав и удостоверений личности.

— Достал деньги, которые я просил?

— Конечно. — Эрни кивнул на дверь. — Давай-ка закроемся.

Джек запер дверь, перевернул табличку с «Открыто» на «Закрыто», вернулся к прилавку. Перед Эрни на стекле лежала пачка банкнотов.

— Вот, держи. Пять кило.

Он взял стодолларовую купюру, потискал, посмотрел на свет. Не слишком хрустящая, не слишком мягкая.

— По-моему, вполне прилично.

— Работа хорошая, хоть за ними гоняются, как за задницей бен Ладена. У каждого продавца от «Блуммиз» до самой задрипанной забегаловки серийный номер пришпилен рядом с кассовым аппаратом.

— Отлично. — Как раз то, что надо. — Сколько я тебе должен?

— Давай двадцатку, и будем в расчете. — Эрни с ухмылкой запихнул купюры в коричневый бумажный пакет. — Если еще возьмешь, до пятнадцати скину.

Джек рассмеялся:

— Кажется, в самом деле хочешь хлам сбросить с рук.

— Еще бы. Когда-то были не бумажки, а золото, а теперь, похоже, годятся сигары раскуривать да щели от сквозняка конопатить. Не пойдут даже на туалетную бумагу. Одна обуза, больше ничего.

— Почему бы их просто не сжечь?

— Легче сказать, чем сделать, амиго. Особенно летом. Во-первых, у меня нет камина, да и если бы был, я не стал бы там жечь. Бомжи костры в жару не разводят, мимоходом пачку не бросишь. Придется ждать зимы. А пока хорошо, что хоть кто-нибудь забирает немножечко.

— Для чего же тогда существуют друзья? — риторически спросил Джек, вручая ему двадцать долларов и забирая бумажный пакет.

Эрни на него прищурился:

— Я чего-то не пойму. Зачем тебе плохие фальшивки, если можно достать хорошие? Что ты с ними будешь делать?

— Лестницу себе до неба куплю, — усмехнулся он.

3

— Точно хочешь зайти? — спросил Джек, заводя машину на пустое место на стоянке примерно за полквартала от дома Ифасена.

Джиа на секунду задумалась.

— Конечно. Иначе бы не поехала.

Он покачал головой:

— Раньше ты никогда не делала ничего подобного.

Она с улыбкой взглянула на него:

— Все когда-то впервые случается, правда?

Отцом тоже впервые становятся.

Ох, как страшно! Джек собрался ехать за авансом к Ифасену, которого называл теперь Лайлом, и Джиа с ним увязалась. Объяснила странное намерение своего рода собственническим интересом — в конце концов, сама нашла ему работу, желательно получить процент за посредничество.

Но есть причина поважнее. Фактически целых две.

Во-первых, надо сообщить ему о беременности не когда-нибудь, а сейчас. Не умеет она прятать вещи и хранить секреты. Это не в ее характере. Лучше открыто выложить и вместе разобраться.

Не представилось подходящей минуты. Так, по крайней мере, она себя уверяла по пути из Мидтауна до Астории. А по правде сказать, не посмела признаться в беспечной промашке.

На обратном пути обязательно скажет.

Во-вторых, надо выяснить, почему Ифасен — Лайл — предсказал двоих детей. Мозги понимают, что это либо трюк, либо случайное попадание, либо еще что-нибудь в том же роде, а душа гадает — может, он точно знает? И еще что-то скажет... Такие вопросы, конечно, не выкинешь из головы, пока не получишь ответа.

Правда, глупо, бессмысленно, на меня не похоже, однако...

Эй, да я же беременна! Гормоны летят во все стороны... Какой тут может быть здравый смысл?

Джек обнял ее за талию, шагая по горбатому тротуару к дому Лайла.

В этом имени нет ничего спиритического по сравнению с гулко звучащим в душе именем Ифасен...

— Опять идете?

Джиа резко вздрогнула от мелодичного женского голоса за спиной, оглянувшись вместе с Джеком.

— Что?..

Сразу вспомнилось, что они видели эту самую индианку в пятницу вечером на этом самом месте. Тогда она была в синем сари, теперь в красном, с той же немецкой овчаркой на поводке.

— Не ходите. Там очень плохо.

— Вы нас уже предупреждали, — заметил Джек, — и ничего не случилось. Почему же...

— Кое-что случилось! — Черные глаза сверкнули. — Земля дрогнула!

— Хотите сказать, если мы снова войдем в дом, повторится землетрясение?

— Хочу сказать, это для вас обоих нехороший, опасный дом.

Женщина говорила так искренне, что Джиа встревожилась, тем более что пес посмотрел на нее большими карими глазами и тихонько заскулил.

— Спасибо за заботу.

Джек схватил ее за руку, потянул дальше к дому. Она, покорно шагая за ним, глянула через плечо, видя, что индианка с собакой пристально смотрят им вслед.

— Что это она имела в виду?

— Может быть, знает дурную историю дома, может, думает, что мы идем на сеанс, рискуя спасением своей души... Кто знает?

Джиа вновь оглянулась — женщина с собакой исчезли.

Свернув на дорожку, ведущую к дому, постаралась отделаться от тревоги, приободрилась, кивнув на увядшие потемневшие кусты вокруг стен.

— Здешний садовник, случайно, не Хулио?

Джек рассмеялся:

— Очередное злодейское безобразие. Если дело пойдет как задумано, все очень скоро кончится.

— Без всякого насилия, да?

— Чистый фокус, моя дорогая, не больше.

Можно было б сказать: хорошо, твой ребенок не должен расти без отца. Но не надо его оглоушивать перед дверью Лайла Кентона.

На стук вышел парень, прежде звавшийся Ифасеном, в обрезанной спартанской футболке, синих спортивных шортах и босиком.

— Джек... — как-то слабо, растерянно улыбнулся он, — очень кстати... Входите.

— Если помнишь, Джиа была здесь в пятницу вечером с Джуни и прочими.

— Разумеется. — Бывший Ифасен наградил ее легким поклоном и мимолетной улыбкой. — Рад вас снова видеть.

Джек тоже заметил его напряженность.

— Случилось что-нибудь?

Нынешний Лайл кивнул:

— Ночью в доме творилось что-то непонятное.

— Думаешь, Фостеры? — откровенно удивился он. — Быть не может...

— Определенно нет.

— Уже хорошо. Чем я могу помочь?

Лайл бросил на него странный взгляд — не испуганный, не сердитый, скорее растерянный.

— Это не по твоей специальности. Пойду за деньгами.

В любом случае не желает рассказывать. Может, о пятнице все-таки поговорит?

— Позвольте сначала задать вам вопрос, — остановила его Джиа.

Он оглянулся:

— Пожалуйста.

— В пятницу вечером... вы отвечали на вопросы, которые мы писали на карточках...

— Читал билеты. И что?

— Понимаете... — Чувствуя себя идиоткой, она покосилась на Джека, который озадаченно смотрел на нее. Лайл уже ответил на вопрос, но ей необходимо еще раз услышать ответ. — Если помните, я спросила...

— Сколько у вас будет детей, да? Я ответил: по-моему, двое. — Он снова мельком улыбнулся. — Хотите получить другой ответ?

— Хочу знать... что это было — просто предположение или... вы точно знаете?

— Джиа, — вмешался Джек, — я же тебе...

— Знаю, только мне надо от него услышать.

Лайл покосился на Джека.

— Давай, — кивнул тот. — Говори. Только правду.

Он поморщился и пожал плечами:

— Простая догадка. Больше ничего.

— Точно? Никаких голосов, психических эманации?

— Чистое предположение. Еще что-нибудь?

— Нет, все. Спасибо за откровенность.

Лайл снова слегка поклонился, открыл дверь, пошел по коридору. Джиа успела увидеть кухню и открытые окна в задней части дома.

— Я же тебе говорил, — повторил Джек, когда они остались одни, видимо недовольный, что ее не устроили его объяснения.

— Извини.

— Да за что извиняться? — Он пристально посмотрел на нее. — Ты для того и поехала, чтоб об этом спросить?

Она кивнула.

— Глупо, правда?

Может, не так уж и глупо в нынешнем положении, хотя она себя чувствует полной идиоткой.

Он улыбнулся:

— Ты никогда не делаешь глупостей. Просто не понимаю внезапной одержимости словами абсолютно постороннего человека.

— Я потом объясню... по дороге домой. — Будем надеяться.

Джек по-прежнему не сводил с нее глаз.

— Ничего не пойму. В чем...

Тут вернулся Лайл, держа в руках белый конверт стандартных размеров.

— Вот первая половина. Когда готовить вторую?

— Если все пойдет успешно, через несколько дней.

— Второй этап завтра днем начинается?

Лайл, естественно, старается сохранить дело в тайне, не зная, что Джек посвятил Джиа в проблемы, возникшие у братьев Кентон с мадам Помроль.

Она решила не вмешиваться, не расслышав ответа, разглядывая что-то мелькнувшее в коридоре за спиной Лайла, приподнявшись на цыпочки, вытянув шею.

По коридору к кухне шла девочка с белой кожей и длинными светлыми волосами, в костюме для верховой езды — в бриджах и сапогах. Поблизости есть конюшня? Примерно ровесница Вики — лет восемь-девять, не больше. Интересно, откуда она, что тут делает?

Поворачивая за угол в кухню, девочка оглянулась через плечо, посмотрев голубыми глазами на Джиа с такой мольбой, с такой тоской, что у нее больно кольнуло сердце.

Лайл бросил на нее быстрый взгляд, явно заметив изменившееся выражение лица:

— В чем дело?

— Что это за девочка?

Он резко повернулся кругом, как будто позади грянул выстрел.

— Девочка? Где?

— В коридоре. — Медиум загородил от нее коридор, мешая обзору, она подалась в сторону — пусто. — Секунду назад была.

— В этом доме никаких девочек нет.

— Я же видела... Маленькая, со светлыми волосами. — Джиа махнула рукой. — Вон там была, шла на кухню.

Лайл выскочил в коридор, крикнул:

— Чарли! Спустись на минуту.

Джиа последовала за ним, обратив внимание на расположенную слева лестницу на второй этаж поразительно странной конструкции. Впрочем, дом перестраивали ради устройства комнаты-канала. Позади слышались шаги Джека.

Лайл прошел через кухню, заглянул в смежную комнату, убедившись, что там никого нет, направился к открытой задней двери, распахнул створку жалюзи, встал на крылечке, осматривая задний двор. Полуденное солнце освещало многочисленные косички. Через минуту вернулся в дом, закрыл за собой жалюзи и посмотрел на Джиа.

— Вы действительно видели девочку?

— Как вас сейчас вижу.

Он опять оглянулся на черный ход:

— Наверно, во двор выскочила.

— Сомневаюсь, — заметил Джек, стоя рядом с подвальной дверью, за которой шла лестница вниз.

— Почему? — спросил Лайл.

— Потому что не слышно было стука створки. Она не успела бы тихо и осторожно прикрыть дверь, поэтому, вероятно, находится в доме. — Он ткнул большим пальцем на лестницу в подвал. — Спорим, я

знаю, где именно.

Со второго этажа сбежал младший брат Лайла в безрукавке, закатанных до колен тренировочных брюках, расшнурованных черно-белых кроссовках с болтавшимися, как у жаждущих собак, язычками.

Лайл быстро представил ему Джиа — «подругу Джека», — и ее поразила теплая улыбка Чарли, шлепнувшего открытой ладонью по ладони Джека. Улыбка погасла, когда он услышал о девочке.

Они с Джеком ждали на кухне, пока братья Кентон обыскивали подвал. Джек подошел к двери, осмотрел сквозь жалюзи задний двор, потом спросил, не глядя на нее:

— Ты когда-нибудь в детстве забиралась в чужие дома?

— Шутишь?

— Никогда даже в голову не приходило?

— Никогда. Умерла бы от страха.

— Приблизительно так, как сейчас умирают Лайл с Чарли? — Он оглянулся и понизил тон. — Не скажу, что напуганы до смерти, однако, безусловно, чего-то боятся до чертиков. Не знаю, как тебя, а меня девочки не особо пугают. В чем же, собственно...

На лестнице послышались шаги, братья вышли из подвала.

— Пусто, — сообщил Лайл. — Говорю вам, она удрала черным ходом.

— Беззвучно?

Медиум пожал плечами:

— Здесь больше негде спрятаться. — Он с тревогой посмотрел на Чарли. — Правда? — Снова повернулся к Джиа: — Вы в самом деле...

— Уверена, — перебила она, чуть резче, чем хотелось. — Обычно я не страдаю галлюцинациями. — И подробно описала девочку, не упомянув о страдальческом взгляде.

— Малышка со светлыми волосами... — Чарли задумчиво почесал щеку. — Знаете, тут не так много белых...

— Может быть, стоит дверь запирать, когда вы наверху, — заметила Джиа.

Лайл уныло взглянул на нее:

— Хорошо бы.

— Жаль прерывать беседу, — вставил Джек, посмотрев на часы, — но мне еще надо собрать реквизит для свидания с мадам Помроль.

Прощание вышло натянутым, напряженным. Джиа казалось, что братья Кентон хотят от них отделаться, а с другой стороны, не хотят оставаться одни в своем доме.

— Что творится с этой парочкой? — гадал Джек по дороге к машине. — Дергаются, как мыши.

— Интересно бы знать почему, — согласилась она. — Я действительно видела девочку. Не знаю, как она туда попала и куда исчезла, но точно видела.

— Верю. И, как ни странно, по-моему, братья тебе тоже верят, хоть виду не подают.

Джиа огляделась в поисках индианки. Хотелось сказать: видите, мы вошли, вышли, все в полном порядке. Но женщины нигде не было.

Джек открыл перед ней дверцу, она уселась на переднем сиденье, он сел за руль, посмотрел на нее.

— Кстати, насчет веры: теперь веришь, что двое детей — это просто догадка?

— Верю, — кивнула она. Момент настал. — Сейчас поймешь, почему я так мучилась.

Он повернул ключ зажигания.

— Почему?

Джиа поколебалась и брякнула:

— Я беременна.

4

Джек рассмеялся — ему на секунду послышалось, будто Джиа беременна, — потом взглянул ей в глаза:

— Ты... беременна?

Она кивнула, в глазах блеснули слезы. От радости? От смятения? От того и другого?

Где-то в маленьком уголке подсознания жила мысль о важности этой минуты, о необходимости найти нужные слова, но в голове была полная каша, пока он старался осознать смысл и значение сказанного.

Я беременна.

— О-о-о... — Джек прикусил язык, чуть было не спросив по привычке: «От меня?» Разумеется, от него. — У нас будет ребенок?

Джиа снова кивнула, нижняя губа задрожала, по щекам потекли слезы.

Он развернулся, обнял ее, она к нему прижалась, всхлипывая, уткнулась лицом в шею.

— Джек, я даже не думала... Не сердись! Нечаянно вышло.

— Кто сердится? Господи боже, с чего мне сердиться? Я потрясен... пожалуй, растерян, а сердиться стал бы в последнюю очередь. Даже в голову не приходило.

— Слава богу!..

— Когда ты узнала?

— Сегодня утром.

— И за всю дорогу словом не обмолвилась? Почему?

— Собиралась сказать, только...

— Что?

— Не знала, как ты среагируешь.

С ума можно сойти!

— Неужели думала, будто я тебя брошу? Почему, черт возьми?

— Потому что, если не бросишь, тебе придется изменить образ жизни.

— Эй! — Он крепче ее обнял. — Я тебя не брошу. Сменю все, что угодно. А если бы — просто допустим — удрал, что в ты сделала? Прервала бы беременность?

Она резко выпрямилась, сверкнув на него покрасневшими глазами:

— Аборт? Никогда! Это же мой малыш!

— И мой тоже. — Невозможно представить, чтоб кто-то убил его собственного ребенка. Он еще сильней ее стиснул. — Я стану папочкой. *Я!* Не могу поверить... А ты точно уверена?

Джиа кивнула:

— Анализ подтвердил.

— Ух ты! — Джек расхохотался. — Слов даже не подберу. Ух ты — лучше не скажешь! Маленькая частичка меня будет ходить, болтать, расти...

Частичка останется после него, открыв путь в бесконечность. Изумление переполняло его, придав новые силы...

Автомобильный гудок вернул Джека на землю.

Здоровенный парень в маленькой «киа» ткнул пальцем в его машину и крикнул:

— Едешь или остаешься?

Он махнул рукой и выехал со стоянки.

— Каким будет маленький Джек, как по-твоему?

— Маленький *Джек?* Почему ты решил, что будет мальчик?

— Если будет девочка, станет ясно, что ты с кем-то еще забавлялась.

— Да ну? Объясни, пожалуйста, на чем основан вывод.

Джек выпятил грудь:

— Видишь ли, я такой мужественный, что вырабатываю только Y-сперму.

— Без шуток? — улыбнулась Джиа.

— Угу. Раньше не признавался, не думал, что это имеет значение. Теперь вижу — ты достойна знать правду.

— У меня тоже есть новость, дружок. Будет девочка. Мои яички-амазонки стерилизуют Y-сперму.

— Ишь ты! — рассмеялся он.

Джиа уютно прижалась к нему, и они принялись обсуждать, когда это случилось, чем они тогда занимались, начали перебрасываться именами девочек и мальчиков, и Джек мчался по новому миру, яркому, светлому, полному таких надежд, обещаний, возможностей, каких он себе никогда даже не представлял.

5

Лайл стоял на кухне, собирая алюминиевую фольгу — обертку от пиццы, которой они с братом обедали, — и вдруг услышал голос.

Замер на месте, прислушался. Определенно не Чарли. Голос детский... Маленькой девочки. Вроде бы напевает.

Девочка... Джиа днем видела какую-то девочку. Неужели вернулась?

Он направился в большой коридор, откуда вроде бы шел голос. Никакого сомнения. Поет девочка. Мучительно знакомый мотив.

В коридоре голос звучал четче из-за закрытой двери приемной.

Можно разобрать слова:

«Наконец мы одни...»

Шестидесятые годы... Томми... как его там? Забыл.

Лайл замедлил шаг. Голос странного тембра разносится по дому как бы издалека, со дна колодца... очень глубокого.

У двери он нерешительно остановился, охваченный сомнениями, потом схватился за ручку, рывком распахнул створку. Голос зазвучал еще громче, усилился почти до крика, слова неслись со всех сторон, отражаясь от стен. А ребенок где?

В комнате пусто.

Лайл бросился к дивану, заглянул под него, ничего не увидел, кроме пары пыльных кукол.

Голос стал удаляться по коридору, он выскочил в дверь — никого. Пошел за ним следом, кликнул Чарли, проходя мимо лестницы, объясняя себе, что ему нужен свидетель, но в глубине души понимая, что не хочет один с этим сталкиваться.

Брат не ответил. В чем дело? Шагов в верхнем коридоре не слышно. Наверно, сидит в своем логове, нацепив наушники, слушает церковную музыку да Библию читает. Сколько раз ее можно читать?

Лайл шел на голос, певший все ту же песню, до кухни, а когда вошел, он звучал из подвала.

Остановившись над лестницей, всмотрелся в черный колодец, уходящий вниз. Одному неприятно спускаться. И в компании, если правду сказать. Особенно после нынешней ночи.

Интересно, имеет ли отношение тоненький голосок к руке, которая писала на зеркале, а потом его разбила? Или в доме живет не одно привидение?

— Чарли!

Нет ответа.

Почти все утро они обсуждали, есть ли в доме привидения. При теплом свете дня, когда ночные кошмары и страхи рассеялись, Лайл с трудом верил в такую возможность. Но, заглянув в ванную с расколоченным вдребезги с маниакальной страстью зеркалом, мгновенно передумал.

Главный вопрос — что делать? «Охотников за привидениями» не вызовешь. Если в даже существовала подобная фирма, встает проблема огласки. *Медиум боится привидений! Зовет на помощь!* Ничего себе реклама.

Голос затихал. Куда можно деться из подвала?

Он глубоко вздохнул. Надо спускаться вниз. Любопытство, необходимость выяснить правду толкают его за ответом. Лучше знать, чем гадать. Будем, по крайней мере, надеяться, что лучше.

Щелкнув выключателем, Лайл стремительно ринулся вниз — чего тянуть? — в пустой знакомый подвал с оранжевым полом, пекановыми панелями, слишком яркими лампами дневного света. Пение еще слышалось... совсем слабо. Откуда-то из центра... из трещины в полу...

Не может быть.

Он приблизился, осторожно встал на четвереньки рядом с дырой. Никаких сомнений. Голос идет оттуда, снизу, из расселины, возникшей после землетрясения под его домом.

Лайл опустил голову, протер глаза. Почему? Дому пятьдесят с лишним лет. Почему этого не случилось при прежнем владельце?

Погоди, прежний владелец умер.

Ну, тогда с предыдущим. Почему при нас? Почему сейчас?

Голос замирал вдалеке. Он наклонился ниже. Та же самая песня: «Наконец мы одни». Почему? При чем тут шестидесятые годы?

Свет внезапно погас, незнакомый голосок из слабого шепота перешел в яростный вопль, ударивший в спину, в темноте поднялось облако кладбищенской вони, впервые возникшее ночью вместе с трещиной. Лайл пополз к лестнице, к воздуху, к свету. Задыхаясь, обливаясь потом, захлопнул дверь в подвал, попятился, наткнувшись спиной на кухонный стол. Надо немедленно обратиться за помощью, а к кому — неизвестно.

О медиуме не может быть речи — ясно как дважды два. Все знакомые сплошь лживые сукины дети. Только головой покачают. Он сам так же делает.

Некоторые, конечно, действительно верят в белиберду, которую втюхивают лопухам, но лишь сами себя обманывают. Еще хуже, чем обманывать других. Всегда предпочтительно иметь дело не с дураком, а с мошенником.

Лайл посмотрел на дверь и успокоился. Пора действовать, глядя в лицо опасности. Нынче утром он сказал чистую правду — его не выживут из собственного дома.

Он глубоко вдохнул. Итак, посмотрим, что мы имеем. Допустим, мир духов в какой-то мере реален — теперь в это придется поверить — и поэтому подчиняется определенным правилам. Каждое событие имеет следствие. Каждое происшествие имеет причину.

Или не имеет. Впрочем, это единственный путь к разгадке. Если есть другие законы, откроем. Ограничимся пока причиной и следствием.

В чем причина? Что пробудило и привело в дом демона, злого духа, привидение? Сами братья Кентон? Или кто-то другой?

Вот первые вопросы. Ответив на них, можно будет подумать, что делать.

6

— Еще каши? — спросила Джиа.

Джек протянул тарелку, изображая Оливера Твиста:

— Пожалуйста, мэм, я еще хочу.

Она на скорую руку состряпала очередной вегетарианский обед. В последние дни неожиданно увлеклась кашами, по вечерам готовила кашу, фасоль с жареным шпинатом, ломтики соевого бифштекса с моцареллой. Вкусно, питательно, полезней не бывает. Джек вставал из-за стола с набитым животом, постоянно испытывая ощущение, что пропустил какое-то блюдо.

Он смотрел, как она накладывает из кастрюли кашу. Кухонька в старом особняке маленькая, со шкафчиками и полом из твердой древесины, выкрашенной в немодный темный цвет. Вспомнился первый визит сюда в прошлом году. Здесь жили две тетки Вики, старые девы, с горничной Нелли. Внутри все практически остается по-прежнему, обстановка не изменилась, но теперь дом приобрел по-настоящему обитаемый вид. Благодаря ребенку.

Разглядывая изящную фигуру Джиа, Джек представлял себе, как она округлится, раздастся, удивляясь, каким испытаниям подвергается женское тело, чтобы нести в мир детей. Если б они выпадали мужчинам, на земном шаре было бы дьявольски мало народу.

Вдруг он заметил в ней странное напряжение. Дурное настроение объяснилось сомнениями насчет беременности, которые ее мучили все выходные, но теперь уже все разрешилось и выяснилось. Еще что-то ее беспокоит.

Джек встал, вытащил из холодильника очередную бутылку «Кильенса».

— Ничего, если выпью?

Он уговаривал третью бутылку, а Джиа еще допивала первую содовую. Купленная по дороге бутылка вина стояла закупоренная на полке буфета. Она заявила, что при всей любви к шардоне следующие девять месяцев не собирается пить.

— Пиво пей, пожалуйста. Вино меня соблазнило бы, а если вдруг в мире забудут, как варится пиво, ничуточки не пожалею.

— Мир без пива... страшно подумать.

Тяжело было бы на девять месяцев отказаться от пива. Холодная бутылка в руке в конце дня — большая радость в жизни. Дав зарок, удержался бы, но без всякого удовольствия.

Все-таки решил спросить, молясь, чтобы она отвергла идею:

— Раз ты воздерживаешься, может, мне тоже бросить?

Она скупо улыбнулась:

— Зачем? Я воздерживаюсь, чтобы не повредить ребенку, а твое пиво не повредит.

Джек вскинул вверх кулак:

— А как же солидарность, совместные родительские жертвы и прочее?

— Если хочешь стать настоящим родителем, тебе придется принести гораздо больше жертв, чем мне. Поэтому пей свое пиво.

Зловещий звонок. Он хлебнул с наслаждением.

— Я и так настоящий родитель. По крайней мере, один из родителей.

— Ты отец. Это просто. Родитель — совсем другое дело.

Чего же она сердится?

— Я знаю разницу между отцовством и воспитанием детей.

— Правда? — Джиа дотянулась, взяла его за руку. — Ты можешь стать прекрасным родителем, Джек, образцовым отцом. Но хотелось бы знать, понимаешь ли, чего от тебя требуют родительские обязательства?

Ясно, к чему идет дело.

— Ты говоришь о Наладчике Джеке? В чем проблема? Я уже отказался от заказов определенного сорта, откажусь от многого другого. Скажем...

Она качнула головой:

— Обычно ты раньше меня видишь картину в целом, а тут вдруг ослеп.

— Объясни.

Джиа на секунду отвела глаза, потом вновь на него посмотрела:

— Не хочу, чтоб ты думал, будто я заставляю тебя сделать нечто неприятное и невозможное.

— Сказать вовсе не значит заставить. Просто растолкуй.

— Если хочешь стать настоящим родителем, надо жить настоящей жизнью.

Джек было собрался ответить, что вообще-то живет, потом понял, о чем идет речь.

— Стать законным гражданином?

Она кивнула:

— Вот именно.

Господи Иисусе, на протяжении всей сознательной жизни он изо всех сил от этого уклонялся. И теперь ничего не хочет менять. Влиться в массы... немыслимо.

— Звучит радикально. Можно как-нибудь выкрутиться...

Она затрясла головой:

— Сам подумай. Если в ребенок завтра родился, кого бы я записала отцом?

— Меня.

— А кто ты такой? Где живешь? У тебя есть номер социального страхования?

— Номер, — проворчал Джек. — Вряд ли в свидетельстве о рождении нужен отцовский номер.

— Возможно, не нужен. Только ребенку нужен отец, который каждую неделю не меняет фамилию, не удирает от каждой полицейской машины...

— Джиа...

— Ладно, я преувеличиваю, но, хотя никому не известно о твоем существовании, ты живешь словно беглый разыскиваемый преступник. На здоровье, пока ты один, за одного себя отвечаешь, а для родителя это недопустимо.

— Это мы уже обсуждали.

— Верно. В контексте нашего общего будущего. Только раньше обсуждения были гипотетическими, без установленного расписания. — Она похлопала себя по животу. — Теперь действует расписание. Девять месяцев, часы тикают.

— Девять месяцев, — прошептал Джек. Боже, как мало.

— Может быть, даже меньше. Точно узнаем после ультразвука. Позабудем о девяти месяцах. Прыгнем на пять лет вперед. Допустим, ситуация не изменилась. Мы не женаты, живем здесь все вместе — ты, я, Вики, ребенок. Большая счастливая семья.

— Замечательно.

— Вдруг у меня обнаруживают рак груди или я падаю с платформы подземки под поезд...

— Перестань! — Что за мысли!

— Всякое бывает, как нам с тобой отлично известно. Если со мной *сейчас* что-то случится, Вики отправится к моим родителям.

Он кивнул.

Логично и, видимо, правильно. Единственными живыми кровными родственниками Вики останутся бабушка с дедушкой. Страшно даже подумать, что она переедет в Айову.

— А если со мной что-то случится *после* смерти стариков? Что будет с Вики и с нашим ребенком? С обоими детьми?

— Я их заберу.

— Нет. Тебе их никто не отдаст. Сирот суд возьмет под опеку.

— Черта с два!

— Что ты сделаешь? Выкрадешь их, убежишь, спрячешься? Дашь другие имена и фамилии, превратишь в беглецов? Такой судьбы желаешь детям?

Джек откинулся на спинку стула, хлебнул пива, которое показалось прокисшим. Перед глазами предстала необъятная запутанная проблема. Как же он ее раньше не видел? Наверно, ежедневные ритуалы неофициального существования, жизнь «под радаром», стали для него естественными, непроизвольными, как дыхание.

Неужели придется учиться дышать по-другому?

— Я смотрю, ты серьезно обо всем подумала.

Джиа кивнула:

— Целых три дня. — В глазах сверкнули слезы. — Я ни к чему тебя не принуждаю. Просто мне *надо* знать, что мои дети останутся под надежным присмотром, если меня не станет.

Он поднялся, обошел вокруг стола, поднял ее на руки, сел, посадил к себе на колени. Она прильнула к нему.

— *Наши* дети. Вики я люблю, как родную, и ты ни к чему меня не принуждаешь. Отцовство не входило в ближайшие планы, но это не важно. Я гибкий человек. Научился быстро приспосабливаться к неожиданным ситуациям на работе, приспособлюсь и в жизни. От ответственности уклоняться не стану.

— Что будешь делать?

— Как стать гражданином? Не знаю. У папы наверняка хранится где-нибудь свидетельство о рождении, значит, есть подтверждение, что я родился в США. Нельзя просто явиться в местное отделение социального страхования и попросить присвоить мне номер. Там обязательно спросят, где я провел последние тридцать шесть лет, почему ни разу не заполнял налоговую декларацию... Не скажешь, будто жил за границей. Где паспорт? Архивы покажут, что его никогда не выписывали. В худшем случае примут меня за какого-нибудь террориста. В лучшем несметное множество ведомств всех уровней — муниципальных, штатных, федеральных — начнут наперебой предъявлять обвинения в уклонении от налогов, расследовать, не торгую ли я наркотиками или оружием. Не знаю, что всплывет в моем прошлом при таком внимании властей. Не одна адвокатская фирма разбогатеет на моей защите. В конце концов либо останусь без гроша, либо окажусь за решеткой. Скорее всего, то и другое.

— Этого я не позволю. Лучше пусть все остается по-прежнему, чем рисковать свободой. Какой из тебя за решеткой родитель? Должен быть другой способ. Фальшивые документы?

— Если на них строить будущее, надо искать чертовски хорошие. Начну разведывать.

Джиа обняла его еще крепче.

— В какую кашу я тебя вляпала!

— При чем тут ты? Я сам вляпался в кашу. Рано или поздно это случилось бы. Ушел в двадцать один год из дома, от мира, вперед не заглядывал, на все плевал, не думал о возвращении. По правде сказать, не хотел беспокоиться, не надеясь долго продержаться.

— Искал смерти?

— Нет, хотя со стороны показалось бы. Действовал опрометчиво, бесшабашно... нет, как будто лишился рассудка. Вспоминая то время, вообще не пойму, каким чудом сумел уцелеть. Так верил в собственное бессмертие, что на все мог решиться. *Буквально.* В конце концов после нескольких громких звонков опомнился, но когда-то... — Он затряс головой, прогоняя воспоминания. — В любом случае, пока еще брыкаюсь, хотя при такой жизни даже не представляю, как в семьдесят лет буду прятаться по щелям.

Она коротко рассмеялась:

— Наладчик Джек в старческом слабоумии... Не совсем красивая картина.

— Воображаешь, как я захожу к Хулио выпить чашку теплого молока, потом бегаю в тапочках от представителей Налогового управления и Ассоциации пенсионеров? Какое зрелище!

— Есть выход?

— Должен быть. Есть дело, которое надо уладить. Я этим на жизнь зарабатываю. Что-нибудь придумаю.

Будем надеяться, слова звучат увереннее, чем на самом деле. Пожалуй, это самый серьезный заказ — наладить собственную жизнь.

Джек посмотрел на заднюю дверь, за которой в краснеющем небе гас свет, на старые часы в дубовом корпусе, висевшие на стене над раковиной.

— Ох, кстати, о наладке. Пора.

Джиа напряглась всем телом:

— Заказ на охрану, о котором ты рассказывал?

— Скорее на присмотр, вроде няньки.

Она отодвинулась, пристально на него глядя.

— Будь осторожен.

Он поцеловал ее.

— Обещаю.

— Помни, ты не дикарь, а будущий папочка. Джек и сам не знал в тот момент, кто он такой.

7

Устроившись за столиком на тротуаре в бистро рядом с магазином Илая Беллито, Джек уже видел дно своей первой «Короны» — без лайма, пожалуйста, — другим глазом поглядывая на дверь. В отличие от вчерашнего вечера без парика, без крикливой одежды. Волосы и глаза прячутся под бейсболкой, а в остальном практически нормальный Джек.

Из магазина вышла пожилая женщина, за ней новый продавец, хозяин запер дверь, направился к жилому подъезду. Сумерки превратились в ночь, только что ясное небо окутали облака, застыв плотной низкой крышкой. Подъезд при разбитом фонаре в той стороне квартала погрузился в глубокий темный омут.

По сравнению с прошлым разом сегодня движение интенсивнее. Прокатил побитый в боях доставочный фургон, заслуженный грузовик испустил за собой длинный хвост дыма, заглушив восхитительный запах жареного чеснока, доносившийся с кухни. Джек закашлялся. Прелести обеда под открытым небом.

Людей на улице тоже больше, поэтому он занялся любимым делом — наблюдением. Пара цыпочек-готтентоток с набеленными лицами, намазанными черной помадой губами, в шуршащих черных платьях до щиколоток. Необычная пара с детской коляской: черный как смоль мужчина в застегнутой на все пуговицы рубашке с галстуком, форменных военных брюках, с прямыми, как Пятая авеню, волосами, и фарфорово-белая женщина с длинными пушистыми светло-каштановыми косичками, болтавшимися на спине рабочего комбинезона. Проскакала троица девочек-подростков в сползающих с плеч блузках, брюках клеш, туфлях на платформах из пробки — вернулись семидесятые годы.

Джек полез под свободную клетчатую рубашку, нащупал хлыст. Конец с восемью унциями свинчатки оттопыривался, образуя небольшой животик. Классический черный двенадцатидюймовый «фрайс» висит на кольце, про запас автоматический пистолет 38-го калибра в портупее под правой подмышкой. Будем надеяться, что ни тем ни другим не придется воспользоваться. В квартале спокойно. По всему судя, очередной пропащий вечер, что не так уж и плохо, не считая скуки.

Он мысленно вернулся к разговору с Джиа и к своему пиковому положению. Как узаконить собственное существование, не рискуя свободой? Очевидный способ — стать другим человеком, присвоить себе личность законнорожденного, законопослушного гражданина с номером социального страхования, платящего налоги, вносившего отчисления в пенсионный фонд и так далее... Очевидный, но неосуществимый. Невозможный при жизни вышеупомянутого гражданина.

А после смерти?

Возможно. Но как? Сразу после регистрации свидетельства о смерти номер социального страхования примерного гражданина заносится в специальный указатель. Любая попытка воспользоваться номером покойного включает сирену тревоги в каждой кредитной организации, а со временем и в министерстве финансов.

Спасибо, не надо.

Идеальный кандидат должен быть чудаком, одиноким, не имеющим ни жены, ни детей, ни родни, ровесником Джека плюс-минус лет десять, незаметно отдавшим концы в заваленной газетами квартирке...

Постой-ка, лучше в хижине в непроходимом лесу. Наткнулся на труп, похоронил как следует и ушел под его личиной.

Знаете, у меня был нервный срыв, я скрывался, а теперь вернулся, готовый участвовать в крысиных бегах.

Джек фыркнул. Замечательно. Только кто меня приведет к той самой хижине? Пасхальный кролик?

Должен быть способ, черт побери.

Вдали послышался рокот. В воздухе пахло грозой, и по радио предупреждали, что ожидаются кратковременные дожди. К сожалению, он не придал прогнозу значения, видно, сегодня вечером предстоит не только скучать, но и мокнуть.

Очень хорошо.

Он уже собирался заказать вторую «Корону», может быть, даже немного вареных креветок, пока дождь не пошел, как заметил машину, остановившуюся на обочине у подъезда Беллито рядом с пожарным гидрантом. При включенных фарах и расстрелянном фонаре не опознать ни модель, ни марку.

Джек бросил на столик пятерку и двинулся вверх по улице. Вроде бы интересный автомобиль. Если нет — хорошо, если да — следует подобраться поближе, чтоб в дураках не остаться.

В конце квартала разглядел красно-коричневый «бьюик-парк-авеню». Беллито вышел из подъезда, из-за руля вылез водитель — высоченный мужик с выбритой головой, кожей цвета замазки и вовсе без шеи. Черная футболка со слегка завернутыми рукавами только подчеркивала невероятную длину рук — пальцы, как у гориллы, почти достают до земли. Видно, упорно качается, да и Бог позаботился, чтоб все сразу заметили бицепсы-трицепсы.

Свою машину Джек оставил за квартал на стоянке на углу Западной Хьюстон-стрит. Стараясь не привлекать внимания, сначала прошел мимо «бьюика», потом перешел на бег. Ботинки не беговые, но и не доставляют особых проблем. Рискнув оглянуться на регистрационный номер, увидел забрызганную грязью табличку. Случайно или нарочно? Вдобавок заметил, что Беллито садится за руль, а верзила рядом с ним спереди.

В сопровождении этого бугая вряд ли что-нибудь угрожает Илаю. Если, конечно, он сам не наедет на мистера-гориллу.

Эдвард в основном беспокоится, чтобы брат кому-нибудь не причинил вреда. Сговорившись, подобная парочка способна на всякое безобразие.

Джек махнул на стоянке служителю, вскочил в «краун-вик» и включил зажигание. Место оплатил заранее, чтобы сразу выехать в случае необходимости, которая как раз и возникла.

Взметнув на стоянке тучу пыли и гравия, он быстро догнал Илая Беллито со спутником, стоявших через три квартала у светофора. Подозрительна грязь на табличке — слишком уж хорошо прячет номер.

«Бьюик» двигался в нижнюю часть города. За Кэнэл-стрит на въезде в Китайский квартал пошел дождь.

Джек решил, что они направляются в Бруклин, но автомобиль миновал поворот на Манхэттенский мост. Проехали Бауэри, повернули на Кэтрин-стрит. Впереди справа выросли освещенные громады комплекса Эла Смита, «бьюик» резко замедлил ход, пополз вдоль тротуара, как бы что-то или кого-то выискивая. Наконец остановился.

Неужели ждут третьего? Это сильно осложнило бы дело.

Джек оглядывался в поисках вариантов. Если встать прямо за ними, Илай с длиннорукой гориллой заметят. Не так много народу на улицах в дождливый понедельничный вечер. Не будь дождя, скорее бы выяснилось, чего им надо.

Гориллоподобный гигант, кажется, оглянулся, поэтому Джек сразу мигнул дальними фарами, сигналя, что хочет проехать. Беллито осторожно высунул руку в окно и махнул, чтоб он ехал кругом.

Рассерженно загудев, он объехал «бьюик» и плавно покатил в конец квартала.

Что дальше?

В крошечной лавочке еще горел свет, под навесом у входа стояли стойки с газетами. Вполне можно держать Беллито в поле зрения.

Джек остановил машину с работающим мотором, выскочил, рысью перебежал мокрый тротуар. Подойдя к узкой витрине, не увидел ни одного английского слова ни на вывесках, ни в заголовках газет. Даже неясно, чьи иероглифы — китайские, корейские, вьетнамские... Ну, бог с ними. Надо лишь сделать вид, будто ему что-то нужно, купив в лучшем случае пачку жвачки.

У самой двери он посторонился, пропустив выбегавшего азиатского мальчика с белой полиэтиленовой сумкой в руке. Ребенок остановился под навесом, раскрыл маленький красный зонтик и выскочил под дождь.

Не слишком ли мал, чтобы в такое время выходить без взрослых на улицу?

Джек вошел, улыбнулся, кивнул старой сморщенной азиатке:

— Разрешите взглянуть.

Она ответила полупоклоном, махнула рукой, пробормотала что-то заведомо непонятное.

Он покосился в окно, видя через грязное, залитое дождем стекло, как «бьюик» вновь тронулся с места.

Проклятье!

Бросив на стойку доллар, схватил на выходе газету, поднял над головой импровизированным зонтом, заодно пряча лицо от Беллито со спутником, запрыгал обратно через тротуар, глядя попутно налево-направо. Пусто.

Куда делся мальчонка?

Между двумя стоявшими у обочины машинами, там, где недавно ждал «бьюик», что-то мелькнуло. Джек, инстинктивно встревожившись, побежал туда, сделав крюк, и увидел в дождевой воде в сточной канаве перевернутый красный зонтик. Ребенка нигде не было.

Неужели его схватили Беллито с гориллой? Он присел, заглянул под машины — одна вода, — взглянул вслед удалявшимся красным подфарникам.

Черт! Надо было догадаться... Негодяи похитили мальчика!

Скрипя зубами, он кинулся к своей машине.

Ясно теперь, почему Эдвард просил охранять брата не столько от других, сколько от себя самого. Боялся, чтобы Илай не причинил вреда невинной жертве. Знает, наверно, что он извращенец и готовится нанести удар.

Черт побери! Почему старший брат не обратился в полицию? Видно, хотел сохранить дело в тайне. Кому, в конце концов, хочется рассказывать о родственнике, склонном к педофилии? Поэтому он попытался убить двух зайцев — предотвратить преступление и избежать огласки. Замечательно. Надо отдать ему должное. Но, заранее зная факты, Джек действовал бы совершенно иначе. Просто не подпустил бы мальчика к автомобилю Беллито.

Проклятье! Проклятье! Проклятье!

Он вскочил в машину, развернулся, влился в трафик, вглядываясь через залитое дождем ветровое стекло, чувствуя закипающий гнев, сильно хватил кулаком по рулю.

Где они? Куда подевались мерзавцы?

Доехав до въезда на Бруклинский мост, покружил под мостом, не нашел. Рискнул предположить, что они возвращаются к дому Беллито, и помчался обратно.

Увидев в конце концов «бьюик», с облегчением расслабил напряженные плечи, дал себе минуту отдыха. Всего одну. Кто знает, что они успели сделать с ребенком?

Снова вспыхнула ярость. Если в только заранее знать!

Джек выключил фары, остановил машину, прикрыл голову той же газетой и вышел.

Беллито свернул к обочине перед своим подъездом, вылез из «бьюика», открыл заднюю дверцу перед гориллой, державшим в обеих руках завернутый в покрывало сверток. Размером с ребенка. Верзила пинком захлопнул дверцу, пошел за Илаем по темному тротуару. Понятно, зачем фонарь выведен из строя.

Приближаясь к ним, Джек старался уловить хоть какое-нибудь движение под покрывалом, с болью в сердце увидев, как из-под края свесилась ножка в маленькой спортивной туфле, раскачиваясь под дождем.

Неужели поздно, черт возьми?

Объявший душу мрак взорвался, кровь вскипела от злобы. Выхватить 38-й калибр, разрядить в разбитые морды... но противников двое против одного, между ними ребенок, которого, может быть, еще можно спасти. Поэтому он не пошел в атаку, а замедлил шаг и слегка зашатался. Сунул руку под рубашку, продел в петлю хлыста, стиснул твердую кожаную рукоятку.

Заметив его, мужчины замерли на ступеньке, рука Беллито остановилась на полпути к замочной скважине. Джек шаркал ногами, прикрыв газетой голову, якобы погруженный в алкогольный или наркотический туман, следя за ними краем глаза.

— Давай! — прошипел горилла. — Я до костей промок.

Пройдя мимо, Джек глянул через плечо и решил нанести удар в спину: выхватил хлыст, метнулся к крыльцу. Дверь слегка приоткрылась.

Первым делом вырубить длиннорукую гориллу. Он изо всех сил всадил под левое колено квадратный носок ботинка, глубоко ушедший в углубление, полное нервов, сосудов и связок.

Горилла громко коротко выкрикнул «ох-х-х», колено подогнулось, он рухнул, не выпустив свертка. Джек прицелился в бритую голову, как в бейсбольный мяч, находившийся на идеальной высоте для удара, привел в действие хлыст плечом, локтем, резким движением кисти. Обтянутая кожей свинчатка мясисто чмокнула, горилла со стоном свалился на тротуар. Сверток в покрывале упал на него сверху.

Беллито звонко выронил ключи, полез в боковой карман пиджака. Джек мгновенно нанес свинг в висок. Илай пошатнулся, споткнулся, упал на спину.

Горилла затряс головой, пытаясь опереться на локоть. Крепкий малый. Череп толщиной, наверно, в два дюйма. Другой удар, за ухо, послал его в чистый нокаут.

Джек подавил сильное желание отделать их по полной программе. Даже без разбитого фонаря света из квартирных окон вполне достаточно, чтоб его разглядели и бросились набирать 911. А тут еще малыш в покрывале, обмякший, как мешок с мукой. Некогда развлекаться. Надо звать на помощь... врача...

Он снова сунул хлыст под рубашку, склонился к ребенку, уловил краем глаза движение позади,

оглянулся, почувствовав острую боль в правом боку.

Беллито замахнулся ножом для нового удара, на этот раз в спину, но Джек среагировал вовремя, вскочил, боднул его головой, перехватил запястье, грохнул спиной в дверь, крепко навалился всем телом — грудью, животом, — правой рукой удерживая левую кисть Илая у бедра, левой схватившись за рукоятку ножа.

— Потанцуем? — процедил он сквозь зубы.

Беллито замотал головой. Из ноздрей текла тонкая струйка крови.

— Ты меня ранил...

В тоне слышалось изумление, недоверие...

— Это только начало.

Ножевой удар, хоть почти неболезненный, только добавил злости, разжег желание причинить ответную боль.

Джек посмотрел на длинное тонкое лезвие, похоже на семидюймовый стилет. На нем темные пятна *его* собственной крови.

— Я же непобедимый... неуязвимый...

— Да ну?

— Да!

Беллито собрался ударить его в пах коленом, но его ноги были надежно зажаты. Попробовал вывернуть нож, пыхтя от усилий, неприятно дыша в лицо.

Джек оказался сильнее, заставив его опустить руку со стилетом. Он сильнее задергался, пришлось снова двинуть его головой. Чертовски приятно. Вставить бы в лоб стальную пластинку и продолжать в том же духе. Расквасить физиономию в кровавую кашу.

Джек упорно тянул руку противника ниже, ниже. Тот вдруг понял и вытаращил затуманенные глаза.

— Нет!

— Сочувствую.

Еще ниже...

— Нет, пожалуйста! Ты этого не сделаешь!

— Посмотрим.

— Невозможно!

— На сей раз ты имеешь дело не с маленьким мальчиком. Знаю, мальчики тебе больше нравятся, потому что они полностью в твоей власти.

— Нет, ты ничего не понял!..

Еще ниже...

Беллито попытался бросить нож, но Джек крепко сжал его пальцы на рукоятке.

— Понял, понял, — проворковал он. — Теперь сам находишься в чужой власти. И как себя чувствуешь, кусок дерьма?

— Ты ошибся! Ошибся!..

Еще ниже...

— Тогда зови на помощь. Давай. Вопи во все горло.

Беллито тряхнул головой с прилипшими ко лбу редкими прядями мокрых волос.

— Правильно. Копы непременно поинтересуются, как тут очутился ребенок и что ты с ним сделал.

Полиция, скорее всего, уже едет. Надо завязывать и убираться отсюда.

Он сильней стиснул руку Илая с ножом.

— Надеюсь, ничего *плохого.*

Лезвие глубоко вошло в пах, пропоров ткань и плоть. Джек выпустил Беллито и выдернул нож.

Тот выпучил глаза, разинул рот, сложился пополам с болезненным долгим пронзительным стоном, зажимая руками промежность.

— Вспоминай об этом, прежде чем в другой раз посмотреть на ребенка, *каждый* раз, как посмотришь на мальчика.

Он сложил нож и сунул в карман. На лезвии осталась и его кровь. Не хочется, чтобы формула ДНК вечно тикала, как бомба, в какой-нибудь криминальной компьютерной базе данных. При движении огнем обожгло левый бок, на промокшей под дождем рубашке расплывалось темное пятно.

Проклятье. Нельзя было этого допускать!

Джек поднял сверток, лежавший на все еще неподвижном теле гориллы. Развернул покрывало, открыл круглое личико. Глаза закрыты. Кажется, спит. Пощупан лоб — теплый. Наклонился к приоткрытым губам, уловив теплое дыхание с примесью сладковатого химического запаха. Хлороформ?

Какое облегчение! Мальчик жив. Беллито с гориллой опоили его наркотиком, чтобы без помех затащить в дом и там уже начать свои грязные игры.

Игр сегодня не будет.

Однако что же делать? Инстинкт громко приказывал удирать и уже из машины звонить 911. Значит, оставить малыша наедине с подонками, на которых только зря тратится воздух. Вдруг кому-то из них придет в голову, что мертвые дети ничего не расскажут? Горилла отключился намертво, Беллито стонал на крыльце, лежа в позе зародыша. Вроде оба просто не в состоянии причинить кому-нибудь вред, но рисковать не хочется.

Джек поднял ребенка — в бок словно вновь впился нож, — оглядел улицу, по которой приближалась машина, пропустил ее, побежал под дождем по тротуару, свернул за угол, миновал еще квартал на восток, прячась за стоявшими автомобилями, и направился к Хьюстон-стрит. За полквартала до огней и потока машин нашел крытый подъезд, аккуратно уложил на ступень свою ношу. Мальчик шевельнулся и снова затих.

Он поспешил назад к своей машине за три квартала, выехал на мостовую, взял с переднего сиденья сотовый телефон, набрал 911.

— Слушайте, — сказал он взявшей трубку дежурной, — я сейчас обнаружил ребенка... без сознания. Не знаю, в чем дело. Лучше поскорей приезжайте. — Быстро сообщил адрес и отключился.

Потом оставил машину с работающим мотором за углом от квартала, где лежал мальчик, нашел другой подъезд, удобный для наблюдения. Сирена послышалась лишь через долгие двенадцать минут. Увидев завывавшую и мигавшую «скорую», бегом вернулся к машине.

Трогаясь с места, услышал другую сирену — еще одна «скорая помощь» с мигалкой направлялась к «Шарио Коппе». Должно быть, Беллито воспользовался своим собственным сотовым. Надо было конфисковать его вместе с ножом. Пускай еще чуточку полежал бы, истекая кровью.

Кстати, о кровотечении...

Джек ощупал бок — ладонь сплошь красная. Нечего даже рубашку снимать, и так ясно, тут не обойтись одной перевязкой. Рану необходимо зашить. Значит, придется нанести визит доктору Харгесу.

Он потянулся за телефоном, надеясь, что Харгес на этой неделе не пьет. Наверняка и во сне зашьет, но все-таки...

Доктор с лицензией ему не требовался. Харгеса ее, к счастью, лишили. Значит, он имеет возможность игнорировать правила, обязывающие любого врача сообщать куда следует о ранениях определенного рода. Тем не менее предпочтительно, чтобы иголкой в бок тыкал разумно трезвый человек.

Когда доктор закончил работу, Джек решил сразу ехать домой, найти номер телефона, позвонить брату Беллито. К Эдварду есть серьезные вопросы.

На рубеже

Наконец всплыло имя. Отдельные куски, обрывки жизни возвращаются, но этого мало. Очень мало.

Она жаждала этих воспоминаний в надежде получить объяснение, зачем здесь оказалась, почему переполнена яростью. Но обломки крушения в неведомом море не дают ответов, не несут утешения. Кадры из прошлой жизни, память о радостных днях только усугубляют горечь утраты.

Хотя открылись новые возможности. Можно выйти в окружающий реальный мир. Нынче утром она так и сделала. Можно издавать звуки, которые слышатся, пусть даже не так, как надо. С губ слетают не слова, а песня. Почему? Почему *эта* песня? Кажется, это была ее любимая песня. Почему — непонятно. Теперь она ее ненавидит.

Ненавидит все, всех и вся.

Особенно себя — тень среди живых. Она знает, что некогда была живой, а теперь мертвая. Это ей ненавистно. Ненавистны живущие, у которых есть то, чего нет у нее, — прошлое, настоящее, будущее...

Вот что хуже всего. У нее нет никакого будущего. По крайней мере, не видно. В данный момент она здесь с какой-то туманной, неопределенной целью, а что будет дальше, когда выполнит свое предназначение? Возвращение назад во тьму или забытое одинокое существование в этом месте?

Она плыла по течению... в ожидании.

В рассветный час

Чарли в темноте проснулся, прислушался.

Что это?.. Да, кто-то плачет. Плач разносится по коридору. Тоненький детский голос.

Не поймешь, мальчик или девочка. Он сел в кровати. Плач не тоскливый — испуганный и такой безнадежный, что сердце разрывается.

Нет, решил он, это не настоящий ребенок. Дух, бес, посланный, чтобы сбить нас с пути.

С головой закутавшись в покрывало, Чарли дрожал в теплой темноте.

Вторник

1

Джиа положила трубку телефона на тумбочке у кровати, смахнула слезу.

Узнав вчера вечером, как Джек спас ребенка, первым делом утром звякнула в лагерь, просто убедиться, что с Вики все в порядке. Надежный лагерь, охрана, воспитатели, только до смерти хочется услышать голос дочки.

Директор сообщил, что дети, в том числе Вики, завтракают. Дело срочное? Нет... Передайте, пожалуйста, пусть она позвонит домой после завтрака.

Следующие десять минут были посвящены размышлениям о растлителях, которые заслуживают стократных — нет, тысячекратных страданий, испытанных попавшими к ним в руки жертвами.

Когда она застилала постель, зазвонил телефон. Все прекрасно, чудно, замечательно, лучшие дни в жизни... Вики вылепила из глины бегемота — хотела слепить пони, который никак не стоял, потому что туловище вышло неправильно, тогда она начала делать ноги все толще и толще, короче, короче, пока пони не перестал падать, но так разжирел, что пришлось его выдать за бегемота. Смешно, правда мам?

Конечно смешно. До слез.

Боже, как она соскучилась по дочурке!

Давно не чувствовала одиночества, но, пока Джек занимается своими делами, а Вики отдыхает в горах Кэтскиллс, дом кажется не просто опустевшим, а голой пустыней, гулкой оболочкой без сердца, без жизни.

Джиа приказала себе успокоиться. Все не так уж и плохо. Вики скоро вернется. Точно говоря, через четыре дня и три часа. Целая вечность.

Надо ли ей сообщить о ребенке?

Слишком рано.

А когда? И как? Как объяснить дочке, что мамочка совершила крупную ошибку и забеременела, сама того не желая?

А кто папочка? Разумеется, Джек.

Значит, у нового малыша будет папочка, а у Вики не будет. Ее отец, Ричард Вестфален, официально считается пропавшим без вести. Джиа неофициально известно, что дочь никогда не увидит отца.

Не велика потеря. При жизни Ричард не принимал никакого участия в обременительной для него жизни дочери. В последние полтора года Джек заменил ей отца. Любит Вики до безумия — и взаимно. Отчасти потому, что сам во многом остается большим ребенком. Уделяет девочке много времени, разговаривает не поучая, играет в салки, ходит на бейсбольные матчи с ее участием, сидя вместе с другими родителями.

Он стал бы идеальным отцом, а теперь в Джиа зреет его настоящий ребенок. Вдруг Вики заподозрит, что малыш встанет между ней и Джеком, лишив ее его любви? Разумеется, этого никогда не случится, но поймет ли восьмилетняя девочка? Один отец ее уже бросил, почему бы второму не бросить?

Основательная причина для ненависти к новорожденному.

Невыносимая мысль. Единственное решение — выйти замуж за Джека. Безнадежно прозаическое, буржуазное, мещанское, однако только оно позволит ему официально удочерить Вики. После символического союза она будет видеть в малыше не соперника, а сестру или брата.

Впрочем, с браком возникает проблема. Дело даже не в согласии Джека, а в возможности регистрации. Он обещал найти способ. Безусловно... если доживет.

Какую же чертову кашу я заварила!

Расправив простыни, покрывало, она зевнула. Ничего удивительного после бессонной ночи.

Вдобавок к тревоге о Вики и будущем ребенке Джек явился вчера вечером с плотно перебинтованным боком. Мужчина, которого он должен был охранять, оказался каким-то педофилом и пырнул его ножом.

Утром при перевязке Джиа охнула при виде четырехдюймовой раны в боку. Рана длинная, но не глубокая, заверил Джек. Доктор Харгес зашил. Она осмотрела аккуратный шов, залатавший разрез. Ей сначала не нравилось, что Джек ходит к старому, лишенному лицензии доктору, но с прошлого лета верила Харгесу, исцелившему гораздо более серьезные раны.

Джиа рассердилась. Когда он научится осторожности?

А когда научится и переменится, останется ли прежним? Или горящее пламя погаснет и она останется с тенью любимого прежде мужчины?

Еще один вопрос в перечне, который не позволяет спать по ночам.

А когда сегодня наконец заснула... во сне снова явился образ таинственной маленькой девочки из дома братьев Кентон. Глаза... Джиа в них лишь на мгновение взглянула, когда девочка посмотрела через плечо, но страшная тоска в этих глазах преследовала ее во сне и наяву.

Кто эта девочка? Что это за тоска? Надо помочь, а как — неизвестно.

В тот самый дом непременно придется вернуться.

2

— Есть! — вскричал Джек, стукнув пальцем по заметке в газете.

В магазине Эйба он сразу схватил «Дейли ньюс», пролистывая страницы в поисках информации о маленьком азиатском мальчике и раненом Беллито.

Колонка длиной в два дюйма сообщала, что вчера вечером мистер Илай Беллито из Сохо получил ножевое ранение от неизвестного, избившего кнутом его спутника Адриана Минкина — безусловно, длиннорукую гориллу. Потерпевшие доставлены в больницу Сент-Винсент.

Хищники притворяются жертвами.

Известие о похищенном и спасенном вьетнамском мальчике подавалось гораздо эффектней, с изображениями маленького Дук Нго и его матери.

— Чего там? — проворчал Эйб, с удивительной ловкостью раскладывая коротенькими пухлыми пальцами ломтики копченой лососины на разрезанном поперек рогалике.

— С ребенком, похищенным вчера вечером извращенцами, все в порядке.

— С каким ребенком?

Эйб, не глядя на Джека, сосредоточенно мазал другую половинку рогалика сливочным сыром с пониженным содержанием жира. Хотя, судя по толщине слоя, не собирался себе отказывать ни в жире, ни в калориях.

— Эй, оставь что-нибудь на мою долю!

Джек, как обычно, принес с собой завтрак, разорившись на копченую лососину — не на любимую Эйбом соленую «Нову», а на нежирную «Филли», стараясь избавить лучшего друга от лишних калорий.

— Что за ребенок? — переспросил Эйб, не обратив внимания на просьбу. — Что за извращенцы?

Джек кратко описал события вчерашнего вечера, процитировав в заключение заметку из «Ньюс».

— Слушай, что говорит его мать: «Я очень боюсь. Малыш Дук каждый вечер бегает за мороженым. Сто раз бегал, все было в порядке. Страшно, что в городе детям грозит опасность». — Он бешено стукнул кулаком по газете, морщась от боли в ране. — Веришь в подобную чушь?

— Почему бы и нет?

— Да ему же семь лет! Черта лысого он пошел бы на улицу под дождем в десять вечера! Просто мать каждый раз выгоняет мальчишку из дома, чтоб развлечься с дружком. Разумеется, «Ньюс» она этого не объяснила!

Он еще сильней треснул в лицо матери на газетном снимке, надеясь, что она почувствует, где бы ни находилась. Рана снова болезненно екнула.

— Ты спас его от смерти или даже хуже. — Эйб громко чавкал сооруженным сандвичем из рогалика с лососиной, продолжая говорить с набитым ртом. — Совершил благородный поступок. Надо не злиться, а радоваться.

Конечно, он прав, но, глядя на зернистую черно-белую фотографию маленького Дука, сделанную недавно в школе, Джек неотступно видел неподвижное тельце, завернутое в мокрое покрывало.

— Разве это мать? Мать должна в первую очередь заботиться о ребенке, а не толкать его на опасный путь! Надо ввести экзамен на право стать родителем. Выстрелил миллионами сперматозоидов, один попал

в яйцеклетку, и — *на тебе!* — ребенок. Кто его будет растить и воспитывать? Это дело ответственное и серьезное. Его можно доверить только серьезным, ответственным людям.

Чего это ты разошелся, мысленно спросил он себя. Что за пафос? Хватит.

Эйб вытаращил глаза:

— Я что-то пропустил? Что это за рассуждения насчет родителей?

Сказать или нет? Джек решил рассказать. Дальше Эйба не пойдет. Он неразговорчив, как устрица.

— Я скоро стану отцом.

— Ты? Отцом? — Эйб с усмешкой вытер правую ладонь о рубашку, протянул через прилавок. — Поздравляю. Когда узнал?

Джек пожал скользковатую от жирной лососины руку.

— Вчера.

— Джиа не опасается принести в мир ребенка с половиной твоих генов?

— Ребенку она только рада. Вопрос в том, какой из меня выйдет родитель.

— Разве это вопрос? Ты уже прошел школу с Вики. Она тебе настоящая дочь.

— Есть еще правовые проблемы.

Джек изложил суть, пока Эйб прикончил рогалик и принялся за другой.

— Здраво мыслит твоя Джиа, — заключил он. — Надо отдать ей должное. По всему судя, с Наладчиком Джеком покончено.

От столь радикального заключения душа дрогнула, но...

— Пожалуй.

— Гражданин Джек... Вовсе не то же самое, что Наладчик Джек.

Он пожал плечами:

— Это не моя идея. Ты сам стал меня так называть.

— Больше не буду. И когда же ты собираешься стать гражданином?

— Сперва надо придумать *как.* Есть какие-нибудь соображения?

Эйб покачал головой:

— Дело непростое. Чтобы сделать из тебя новоявленного гражданина без нелегального прошлого... придется хорошенько поломать голову.

Он сунул Джеку половину сандвича. Тот откусил, наслаждаясь сочетанием вкуса и консистенции, несколько расслабляясь. Когда еще кто-то вместе с ним ищет решение, ноша частично падает с плеч.

— А пока звякну брату Илая Беллито, задам ему чертей.

После штопки у доктора Харгеса вчера вечером он направился прямо к Джиа. Утром по дороге к Эйбу заскочил к себе за номером телефона Эдварда Беллито. Вытащил из кармана джинсов «тракфон», листок бумаги, начал набирать...

— Что за черт...

— В чем дело?

— Тут записано всего девять цифр.

Джек уставился на бумажку. Эдвард написал номер в строчку, без черточек. Только сейчас выяснилось, что он на одну цифру короче.

Эйб наклонился через прилавок, заглянул в бумажку.

— Районный код два-один-два, значит, он в городе. Может быть, слишком спешил, может быть, волновался за брата, пропустил последнюю цифру. В конце концов, перепробуй все десять.

— А если она пропущена в середине, сколько надо будет перебрать?

— Не один миллион.

— Замечательно.

Интересно вообще, случайность ли это? Может, Эдвард не хочет вступать с ним в контакт? Заранее спланировал безнадежное дело? Тогда прощай вторая часть гонорара.

Заказчики почти никогда не пробовали его надуть, немногочисленные пытавшиеся потерпели провал. Возможно, Эдвард будет первым.

— Твой «тракфон» своих денег стоит? — кивнул Эйб на сотовый телефон.

— Пока вообще не прослеживается.

Джек купил сотовый телефон в магазине радиотоваров вместе с оплаченной абонентской картой, подключил с компьютерного терминала в Публичной библиотеке, не указав ни имени, ни адреса, ни финансовой информации. Плата за минуту выше, чем в «Веризоне» и прочих компаниях, но там требуется подписывать контракт и предъявлять кредитки. Анонимность «тракфона» бесценна.

— Пожалуй, и я куплю. Буду тебе звонить. Дашь номер?

— Тебе, Хулио, Джиа, больше никому.

Джек доел рогалик, и у него возникла идея. Он схватился за телефон.

— Знаешь, пожалуй, не надо делать миллионы звонков в поисках Эдварда. Можно просто спросить у его брата Илая.

— Думаешь, скажет?

— Попробовать не мешает.

Получив в справочной номер приемной больницы Сент-Винсент, Джек набрал его и попросил палату мистера Беллито.

Хриплый голос пробормотал:

— Алло?

— Мистер Беллито? Это Лоренцо Фулертон из больничной бухгалтерии. Как вы себя чувствуете?

Брови Эйба поднялись, лысина сморщилась, он беззвучно повторил: *Лоренцо Фулертон?*

Джек пожал плечами, давно пользуясь этим именем и фамилией при необходимости выдать себя за какого-нибудь чиновника.

— Что вам нужно? — спросил тот же хриплый слабый голос.

Будем надеяться, что ему очень больно. Отлично.

— Недостает кое-какой информации. Мы были бы очень признательны, если бы вы уточнили адрес

вашего брата Эдварда.

— У меня нет брата Эдварда и вообще нет братьев. Я единственный сын.

3

Илай Беллито бросил трубку, почувствовал острую боль в забинтованном паху, со стоном посмотрел на врача:

— Полные идиоты в вашей администрации...

— Не спорю, — с улыбкой сказал доктор Наджам Садык на приличном английском.

Доставленного в Сент-Винсент Илая принял доктор Садык, дежурный в тот вечер уролог.

Илай шевельнулся — вновь вспыхнула боль. Он перевел взгляд на капельницу с морфином над кроватью, которую можно включать самому, когда требуется обезболивание. Нажав кнопку на спинке кровати, сам себе вводишь определенную дозу лекарства, от чего он удерживался, чтобы не потерять рассудок и не наболтать лишнего. Долго ли удастся продержаться?

По крайней мере, вчера вечером ему хватило здравого смысла потребовать отдельную палату. Сколько бы это ни стоило. Сейчас абсолютно не нужен какой-нибудь чересчур любопытный сосед.

— Как я уже говорил, — продолжал доктор Садык, — вы счастливчик. Вам очень повезло, мистер Беллито. Если бы нож вошел на какие-нибудь четверть дюйма левее, проблемы были бы гораздо серьезней.

Ничего себе везение: в носу кислородные трубки, в левую руку капает морфин, в правой внутривенная капельница, из пузыря через трубку в мешок над полом течет кровавая моча...

— Нож вошел прямо над пенисом, чуть не задев мочеиспускательный канал. Пенис мы спасли без большого труда, но правое яичко, увы, не удалось сохранить. Оно было разрезано полностью. Его пришлось удалить.

У Илая в глазах потемнело. Не столько от деталей — он стал сексуальным калекой, уродом, ампутирована часть его тела, — сколько от происшествия в целом. Где его неуязвимость? Почему подвела?

Есть вопрос поважнее: кто вчера на них напал? Случайный встречный или человек, следивший за ним с Адрианом? Известно ли ему о Круге?

Он выдавил улыбку:

— Я не собираюсь заводить семью в таком возрасте.

— Не стоит слишком беспокоиться о сексуальной функции. Рубцы, конечно, останутся, возможно, затруднят эрекцию, но при должном лечении и терапии нормальная сексуальная функция восстановится через пару месяцев.

Плевать на сексуальную функцию. Вчерашние события с сексом вовсе не связаны, хотя агрессор, кажется, думал иначе. Упрекать его не в чем. Вполне естественное прозаичное обывательское заключение при виде подозрительной пары с безжизненным телом. Цели Круга гораздо глубже секса.

Не желая больше говорить о ранениях и о шансах на полное выздоровление, Илай сменил тему:

— Как чувствует себя мой друг мистер Минкин?

Адриан здоров как бык, однако нападавший разом сбил его с ног и с катушек.

— Не знаю, — покачал головой доктор Садык. — Он в неврологическом отделении. Это ваш... партнер?

Имеется в виду деловой партнер? Или доктор принял их за *любовников?* Скорее всего, последнее.

Илай разозлился. Что творится в этом мире? Неужели *все* сводится к сексу?

— Нет. Просто старый друг. — Он снова слегка изменил положение, захлестнутый несоразмерной волной боли, сразу чувствуя ужасную усталость. — Доктор, мне хотелось бы отдохнуть.

— Конечно. Загляну на вечернем обходе.

Как только дверь за ним закрылась, Илай, как заправский телеграфист, принялся нажимать кнопку капельницы с морфином. Вскоре пришла приятная слабость, прогнав боль и страхи перед выныривающими из темноты незнакомцами.

4

Джек стоял перед муниципальной монетной лавкой на Западной Пятьдесят четвертой улице. Еще вчера собирался зайти, но признание Джиа нарушило планы.

Золотые и серебряные монеты в витрине сверкали на полуденном солнце, а в голове вертелась последняя фраза Илая Беллито.

У меня нет брата Эдварда и вообще нет братьев. Я единственный сын.

Кто-то врет.

Илай Беллито, растлитель малолетних, скорее всего, убийца — похищение детей не шутка, типы вроде него с приятелем их обычно не отпускают, — привык врать. Но зачем ему лгать о брате представителю больничной администрации? Разве что он не желает его признавать.

Впрочем, по всему судя, Илай не соврал. С другой стороны, что касается Эдварда...

Он оставил ложный номер телефона, и вся его история — липа. У него был ирландский акцент, а Илай говорит без акцента. Друг на друга предполагаемые братья совсем не похожи.

Несомненно, лгал Эдвард.

Особенно обидно, что Эдвард — если это настоящее имя, хотя фамилия наверняка не Беллито — казался откровенным и честным. Заказчики иногда прибегают к обману, но Джек в большинстве случаев их раскусывает, не успев пострадать. Многие желают с кем-нибудь расквитаться, подразумевая по необходимости причинение незначительного вреда, поэтому он, прежде чем браться за дело, обязательно собирает довольно подробную информацию с обеих сторон. Эдвард же старался оградить других людей от опасности, и поэтому Джек поверил ему на слово.

Если он не брат Илая Беллито, то кто же? Может, просто хотел, чтобы Джек оказался свидетелем похищения ребенка? Похоже на то. Как он мог знать заранее?

Получить ответы на все эти вопросы нет практически никаких шансов.

Впрочем, рано списывать дело в убыток. Давая ложный номер, пишешь на листочке районный код и семь случайных цифр. Зачем надо одну пропускать? Какой смысл?

В голове кишмя кишит бессмыслица, вот еще одна до кучи.

Джек толкнул дверь и вошел в прохладное помещение магазина.

— Мистер Блейк! — воскликнул мужчина, переставлявший лотки в длинной витрине, бросился к посетителю, энергично пожал ему руку. — Очень рад вас видеть!

— Привет, Монте. Зовите меня просто Джек.

Он давно обращается к Монте с таким предложением, но тот, видно, родился с добавочным геном официальности, который не позволяет называть клиента по имени.

— Конечно, с удовольствием.

Муниципальная монетная лавка наполовину принадлежит Монте. Глядя на него, на ум приходит одно слово: *пышный* — пышное тело, пышные губы, пышные кудрявые черные волосы. Хотя движется он как хорек. Держит в памяти нумизматическую базу данных, на стене висит йельский диплом магистра по управлению частными компаниями, но единственной частной компанией, которой хотел управлять Монте, был магазин редких монет.

— Только что приобрел обширную коллекцию, — сообщил он, ведя Джека в конец торгового зала, где держал самые сливки. — На прошлой неделе прибыли невероятные вещи. Сейчас увидите. Абсолютное чудо.

Джек был постоянным клиентом Монте. Наверно, его здесь считают богатым коллекционером редких монет, но для него монеты не просто коллекция, а капитал.

Без номера социального страхования — настоящего — нельзя класть деньги в банк, покупать акции. Вдобавок это означает уплату налогов, от чего он пока успешно уклоняется. Поэтому, накопив значительную сумму наличными, покупает либо золотые монеты на вес, например крюгер-рэнды, либо редкие коллекционные экземпляры. Не слишком выгодное капиталовложение, но прочие стороны жизни дают столько адреналина, что не приходится волноваться насчет инвестиций. Резкий взлет на бирже в девяностые годы не принес ему прибыли, зато и падение не затронуло.

— Сегодня мне не нужны монеты.

И дальше не понадобятся, если позволю заказчикам себя дурачить.

— Значит, просто зашли поболтать? — Монте успешно скрыл разочарование. — Всегда рад вас видеть, мистер Блейк.

— Хочу купить футляр. Вы мне как-то рассказывали о выставочных шкатулках с отдельными секциями для монет.

Монте давно рекламировал новые футляры карманных размеров, последнюю новинку, незаменимую для коллекционера, желающего безопасно демонстрировать свои раритеты. Джек упорно отвергал предложение.

— Зачем они вам понадобились? — с улыбкой полюбопытствовал Монте, доставая с полки на стене картонную коробку. — Выставлять собираетесь? Или родственникам показать?

Джек ни в коем случае не собирался никому показывать свою коллекцию, но вынужден был скрепя сердце пожертвовать несколькими монетами ради мадам Помроль.

— Родственникам. Дяде Мэтту.

— Ему сильно повезло.

Монте вытащил из коробки пару ключей и металлический продолговатый футляр восьми дюймов в длину и примерно пяти в ширину, сверкнувший под лампами чистым хромом.

— Видите? С одной стороны утопленные петли, а с другой замок.

Он вставил ключ в замочную скважину, повернул. Под откинутой крышкой прозрачный пластик, под ним косые прорези в сером фетре для монет разных размеров.

— Вот что самое замечательное — твердый прозрачный пластик, который не позволяет дотрагиваться до монет. Помните старую песню: «Смотри, но не трогай»?

— "Ядовитый плюш", — кивнул Джек. — Киностудия «Атко», пятьдесят девятый год.

— Правильно. То же самое можно сказать и про этот футляр. Если его уронить, не дай бог, монеты не рассыплются во все стороны.

Джек повертел футляр в руках. Идеально.

— Как открыть пластиковую крышку?

— Еще одна выгодная особенность. Видите рычажок сбоку? Вставляете ключ, вытягиваете,

нажимаете. Нечаянно крышку открыть невозможно.

— Отлично. Беру два.

5

Джек вышел из спортивного магазина на Шестой авеню в Челси, сунув покупки в один пакет с нумизматическими футлярами. Все готово для встречи с мадам Помроль. Остается собрать инвентарь. На это уйдет максимум полчаса, значит, надо убить еще пару часов.

Вполне достаточно для визита в «Шарио Коппе». Поболтать с персоналом, осведомиться о самочувствии босса, осмотреть магазинчик...

Он решил идти пешком. Любил ходить по городу, особенно в теплые дни, когда на тротуарах толпы народу. Можно вволю понаблюдать за людьми, присмотреться, в чем ходит средний житель Нью-Йорка.

Впрочем, средний житель Нью-Йорка, если таковой существует, — чистая химера. Возьмем простые головные уборы. По пути через пару кварталов встретился сикх в сером костюме и красном тюрбане, черный парень весом в триста фунтов в крошечном французском берете, белый мозгляк в берете спецназа, какой-то раввин, одетый, несмотря на жару, в длинный лапсердак и широкополую черную шляпу из тюленьей кожи, мелькали привычные мотоциклетные шлемы, ермолки...

Приятно, что большинство вместе с ним ходит в бейсболках. Немножечко чаще в «янкис», чем в «метс». Джек носит бейсболку с оранжевой эмблемой «метс». Хотя девяносто процентов встреченных кепок надеты задом наперед или вбок козырьком, он, даже стараясь соответствовать общественным стандартам, носит ее нормально, вперед козырьком. Если повернуть назад, ремешок натирает лоб, а козырек спереди затеняет лицо.

Вряд ли кто-нибудь обращает внимание на парня в бейсболке «метс», темных зеркальных пилотских очках, белой футболке «найк», желтовато-коричневых рабочих ботинках.

Он вошел в «Шарио Коппе» около часу дня. Не видно никаких покупателей. Рыжий продавец за мраморным прилавком распаковывал коробку с адресом отправителя «Н. ван Рейн — импорт-экспорт».

— Где Илай?

— Вы с ним знакомы?

— Познакомились вчера вечером.

— Да? — прищурился продавец. — Когда?

— Я же сказал, вчера вечером. А что?

— Он в больнице.

— Да ну? Ох, как жалко. Ужасно! Сердечный приступ?

— Нет, его ножом пырнули, прямо здесь, за углом, буквально на пороге дома.

Джек всплеснул руками:

— Да что вы? Он цел?

— По-моему, да, — кивнул рыжий парень. — Звонил, обещал вернуться через несколько дней, но работать какое-то время не сможет. Ужас и кошмар!

— Еще бы. Что же это за мир, где в невинного человека ни с того ни с сего ножом тычут?

— Конечно, ужасно.

— В какой он больнице?

— В Сент-Винсенте.

— Надо будет заскочить, проведать.

— Ему будет очень приятно. — Продавец вновь тряхнул головой и глубоко вздохнул. — Чем я еще могу вам помочь?

— Да ничем. Просто так зашел. Вы один? — оглянулся Джек. — А где...

— Герт? У нее выходной, и я ее найти не могу. Завтра утром появится. — Он опасливо оглянулся на заставленные стеллажи. — Лучше в сейчас была рядом.

Вот уж нет. Идеальная ситуация.

Джек поставил на прилавок сумку с покупками.

— Приглядите?

— Охотно.

Еще бы. В таких магазинах пристально следят за людьми с сумками, куда легким движением пальца можно отправить дорогостоящую вещичку с полки. Оставив пакет, Джек усыпил бдительность продавца и освободил себе обе руки.

Его манил запертый шкаф справа в конце торгового зала, поэтому он начал слева, обнаружив старые деревянные часы в виде совы со шныряющими, как маятник, глазами. По крайней мере, они *должны* шнырять. Видно, завод испорчен. Цена не кусается. Дома есть черные пластиковые часы в виде кошки с такими же глазами — новые составят пару. Сова и кошечка.

Он принес часы к прилавку.

— Куплю, если наладите.

— Постараюсь, — с улыбкой обещал продавец.

На какое-то время займется. Джек небрежно повернул направо к старому дубовому шкафу, заранее изготовив отмычку. Брелок с кроликом Роджером по-прежнему лежал среди других безделушек на второй полке. Дверца заперта на замок.

Он заметил еще в прошлый раз, в воскресенье, что замок английский, штырьковый, хороший, надежный, однако без должной защиты. За пять секунд можно открыть. Две секунды на подбор отмычки нужного диаметра, одна, чтобы вставить стальной штырек в скважину, одна, чтоб его повернуть, и еще одна, чтобы открыть замок. Отмычки вновь отправились в карман, быстрый взгляд брошен за спину — продавец склонился над часами, никого больше не видно, — еще пять секунд: замок снят, дверца открыта, кролик схвачен, шкаф закрыт, заперт.

Удача.

Джек взглянул на дешевый брелок, необычно холодный на ощупь, словно только что из холодильника. Встретил тот же умоляющий взгляд голубых, широко открытых глаз.

Сначала хотел подарить его Вики. Теперь об этом не может быть речи: ее даже близко нельзя подпускать к тому, что принадлежало Илаю Беллито, чего он касался и на что смотрел. Неясно, зачем теперь нужен этот брелок. Впрочем, Беллито отверг непомерную сумму за дрянную вещицу. Видно, она ему дороже. А все, что ему дорого, не менее, если не более, дорого Джеку. Или, может быть, просто хочется переупрямить Илая, чтоб его черти взяли.

Он вновь окинул взглядом полки со старым хламом:опоссум Пого[22], машинка из спичечного коробка мяч с резиновыми шипами...

По коже пробежал тошнотворный мороз.

Детские игрушки... в магазине подонка, который вчера вечером похитил ребенка.

Голова пошла кругом при мысли, что Илай Беллито выставил напоказ сувениры, трофеи, вытащенные из детских карманов. Сотни, тысячи людей проходят мимо витрины, и никому даже в голову не приходит, что перед ними вещи погибших детей.

Джек не стал пересчитывать экспонаты, глядя на брелок у себя на ладони.

Чей ты? Где лежит твой маленький хозяин? Как и *почему* он умер?

Голубые глаза Роджера стали совсем пустыми. Возможно, умоляющий взгляд лишь привиделся, но не напрасно. Мы еще повидаемся с Илаем Беллито.

Будем надеяться, продавец на лице покупателя ничего не заметит, кроме спокойного непринужденного выражения.

Он глубоко вдохнул, выдохнул, направился к прилавку, рассеянно крутя брелок.

— Очень жалко. — Продавец легонько стукнул пальцем по лежавшим перед ним часам-сове. — Ничего не выходит.

— Все равно покупаю. — У знакомого часовщика через полминуты затикают. — Как вас зовут?

— Кевин.

— А меня Джек. — Они обменялись рукопожатиями. — Ты тут новенький?

— Да.

Один — ноль в мою пользу. В прошлый раз догадался, что новичок.

— Ну, желаю удачи. Хороший магазин. Кстати, — притворно спохватился он, бросив брелок на прилавок, — вот это я тоже возьму.

Кевин взял брелок, повертел, разглядывая со всех сторон.

— Никогда его раньше не видел.

Джек с облегчением выдохнул. Предположение оправдалось: даже если бы парень давно здесь работал, едва ли обратил бы внимание на содержимое запертого шкафа, который невозможно открыть.

— Вон там лежал на полке.

— Где?

— Дальше справа.

— М-м-м... На нем ценника нет. Вообще впервые вижу подобную вещь...

— Я бы дал десять баксов.

Продавец потянулся к телефону.

— Пожалуй, посоветуюсь с мистером Беллито. Джек напрягся:

— Зачем дергать Илая? Ему наверняка нужен покой.

— Ничего страшного. Он сам велел звонить, если возникнут вопросы.

Парень принялся набирать номер, Джек сдержал стон. Сначала хотел просто сунуть брелок в карман и уйти беспрепятственно. Теперь это уже невозможно. Впрочем, если придется, он его унесет вопреки возражениям Кевина. Без Роджера не уйдет в любом случае.

Видно, звонок был сделан прямо в палату.

— Алло, мистер Беллито, это Кевин. Извините за беспокойство, у меня тут товар без ценника, хочу спросить...

Даже за прилавком в трубке слышались гневные вопли.

— Да, сэр, но, понимаете...

Снова крик.

— Ясно. Да, сэр. Хорошо. — Он положил трубку. — Боюсь, потребуется время. Я должен заглянуть в опись и выяснить цену товара. — Кевин покачал головой, глядя на брелок. — Проблема в том, что я точно уверен...

— Давай я ее облегчу, — перебил Джек. — Плачу за часы и даю за брелок десять баксов. Если окажется что он стоит дороже, потом доплачу. Если дешевле — вернешь разницу. Справедливо?

— По-моему...

Он покачал брелоком у парня перед глазами.

— Согласись, речь идет не о китайской вазе эпохи Мин. Возьми листок бумаги и запиши: «Брелок с кроликом Роджером — десять баксов — Джек».

— Я в книгу запишу. — Кевин открыл гроссбух, покорно записал, поднял голову. — Просто Джек?

— Да. Илай поймет.

Возможно, не сразу, мысленно оговорился он, вытаскивая бумажник, но скоро. Очень скоро.

Пусть заметит пропажу брелока, начнет задаваться вопросами и беспокоиться.

Ему еще о многом придется побеспокоиться.

6

Илай Беллито снова нажал кнопку капельницы. Морфин снимает боль, но раздражение не облегчает. Чертов Кевин ничего лучшего не придумал, как звонить в больницу с такими вопросами. Не мог сам разобраться?

Может, не следовало его так сурово отчитывать. Герт сегодня выходная, на звонки не отвечает, он один в магазине. Нечего и говорить, сколько вреда может наделать обиженный продавец.

Он потянулся к телефону, чтоб перезвонить, но тут во второй раз за день явился детектив Фред Стросс в зеленой рубашке гольф под мятым бежевым костюмом, умудрявшийся выглядеть одновременно худым и пухлым. Закрыв за собой дверь, снял широкополую соломенную шляпу, продемонстрировав поредевшие темные волосы.

— Можно тут говорить без опаски? — тихо спросил он, пододвигая стул ближе к кровати.

Илай кивнул.

— Что-нибудь выяснил?

Стросс служил в полиции нравов в Южном Мидтауне и вместе с Адрианом принадлежал к Кругу.

— Проверил все отделения «Скорой» от Бэттери до Бронкса. Никто с таким ранением, как ты говоришь, никуда не обращался. Ты его точно достал?

— Конечно. — Илай отлично знает, как нож входит в плоть. — Может быть, он решил, что сам справится, но ему непременно понадобится профессиональная помощь.

— Если у него есть знакомые доктора, для чего идти в «Скорую»?

Все было бы иначе, если бы незнакомец не увернулся в последний момент. Нож вонзился бы в легкое раз, другой, много раз, Илай спокойно сидел бы себе дома, а Строссу оставалось бы лишь убрать тело.

— Что еще?

— Нашли свидетельницу, которая видела бежавшего со свертком парня, да в дождь в темноте даже цвета волос не разглядела.

Илай безуспешно старался припомнить какие-нибудь отличительные приметы агрессора. Скудный свет шел из-за его спины, лицо скрывалось в темноте. Волосы намокли под дождем. Сухие были бы темными или черными.

Голос помнится, холодный ровный голос, сказавший после удара ножом в пах:

Вспоминай об этом, прежде чем в другой раз посмотреть на ребенка, каждый раз, как посмотришь на мальчика.

Илай заскрежетал зубами. Он принял меня за насильника над детьми! За простого извращенца! Эта мысль просто бесит. Несправедливо, нечестно!

— Могу только сказать, что он не блондин.

Стросс придвинулся ближе, еще понизил голос:

— А местным ребятам ты сказал, что блондин.

Илай откинулся на подушки, чтобы не слышать запах лука у него изо рта. Местным детективам он не сказал ни слова правды. Описал нападавшего ростом шесть футов три дюйма, весом двести пятьдесят

фунтов, с длинными обесцвеченными волосами, не упоминая, что ранил его.

— Правильно. Нам же не надо, чтобы его поймали, правда? По крайней мере, чтобы поймали люди, не принадлежащие к Кругу. Вдруг он начнет болтать об агнце? Вдруг на моей одежде, на одежде Адриана, в машине остались волокна от покрывала?

— Кстати, та самая свидетельница видела, как он положил сверток у двери и побежал к машине.

Илай замер, чувствуя болезненный укол сквозь морфин.

— Номеров, конечно, не заметила...

— Заметила и записала. Только оказалось, что это номер машины Винни Донато.

— Кто это?

— Винсент Донато. Бруклинский умник.

— Ты имеешь в виду мафию? — испугался Илай.

— Не беспокойся. Это не он.

— Откуда ты знаешь?

— Винни свидетелей не оставляет. Скорее всего, дамочка в темноте пару цифр перепутала. Я перебрал другие возможные комбинации, да ничего не вышло.

— А телефон? Кто-то звонил в «Скорую» насчет агнца. Наверняка он. У них на коммутаторе определителя нет?

— Есть. Номер установили. Казалось, хорошая ниточка, пока не выяснилось, что у него «тракфон».

— Это еще что такое?

— Сотовый с поминутной оплатой. При подключении сообщается только почтовый индекс района, откуда ты будешь чаще всего звонить. Он указал индекс Таймс-сквер.

Проклятье!

— Не парень, а прямо какое-то привидение.

— Не привидение, уверяю тебя. Номер можешь узнать?

Стросс пожал плечами:

— Конечно. Зачем?

— Пока сам не знаю. Просто хочу иметь. Это у нас единственная к нему ниточка. — Илай очень осторожно шевельнулся в постели. — А Адриан что видел?

— От Адриана никакого толку. У него при малейшем движении голова кружится, вдобавок он не верит, что сейчас август. Последние воспоминания за июль.

— Ну и хорошо. Не сможет опровергнуть мои показания.

— Плевать на твои показания. — Стросс поднялся, встал в ногах кровати. — *Кто* этот парень? Вот что мне надо знать! Судя по твоим рассказам, человек опытный. В два счета вырубил Адриана. И похоже, пришел подготовленный, значит, следил за вами.

— Если и следил, то за Адрианом, — заявил Илай. — Заметил, наверно, как он выслеживал агнца.

Сколько трудов пошло прахом!

Адриан превосходный охотник, всегда присматривает очередного агнца. С приближением новой

церемонии все члены Круга оглядывают тротуары. А Адриан всегда настороже, даже за год до церемонии. Страшно радовался последней находке: возраст подходящий, как правила требуют. Идеальный агнец.

Они следили, ждали, вчера вечером пришла пора — дождь, близится новолуние. Успешно схватили добычу, почти вошли в дверь, и тут...

— Не важно, за кем он следил, — сказал Стросс. — Теперь знает тебя и Адриана. А еще что?

Илаю не нравилась спокойная уверенность детектива.

— Если следит за палатой, то и *тебя* знает.

Стросс перестал расхаживать.

— Черт! Я думал, лично надежней, чем по телефону...

— Правильно. Посмотрим в лицо фактам: насколько нам известно, он вполне может знать всех двенадцать членов Круга. Меня вот что больше интересует: зачем он на нас напал? У него при себе телефон. Мы с Адрианом были безоружными. Мог бы просто отойти подальше и набрать 911.

— А он этого не сделал. — Стросс растер шею костлявыми нервными пальцами. — Утащил мальчишку, потом позвонил. Стал бы героем, да взял и слинял.

— И нож с собой унес, — добавил Илай. — Зачем? На нем ведь не его, а мои отпечатки.

— Кровь *его* вместе с твоей.

Илая мороз прохватил по спине. Моя кровь... Ему нужен образец моей крови... Для какой-нибудь собственной церемонии?

Детектив хватил кулаком по спинке кровати:

— Сплошная бессмыслица. Разве что...

— Что?

— Разве что этот тип знает о Круге и о наших связях. Мне, например, этого не хотелось бы.

В самом деле. Двенадцать человек — Илаю хотелось завести *двенадцать* учеников, — составлявшие Круг, держат в руках очень важные разнообразные ниточки в средствах массовой информации, судопроизводстве, юриспруденции, даже в полиции. Он один не имеет влияния в обществе. Но создал Круг и руководит церемонией.

— С агнцем проблем не возникнет?

Стросс покачал головой:

— Помнит только, как его схватили, прижали к лицу пахучую тряпку, и все. — Он оглянулся на дверь, заговорил еще тише: — Кстати, насчет агнца. Запасной имеется?

— Грегсон одного присмотрел, хотя думает, что не пора еще брать.

— Ну так пускай ускорит дело. Если пропустим окошко...

— Знаю. До равноденствия остается еще одно новолуние.

Церемония ежегодно проводится в новолуние между летним солнцестоянием и осенним равноденствием.

— Впрочем, у нас еще есть время.

Катастрофическая и постыдная неудача с вьетнамчиком-ангцем. Вполне созрел, Круг собрался бы, церемония совершилась бы прошлой ночью, все успокоились бы до следующего года.

— Знаешь, что мне больше всего не нравится? — сказал детектив. — *Ты* на больничной койке. Благодаря церемонии должен быть неуязвимым. По крайней мере, сам так утверждаешь. Как это объяснить? — Он махнул рукой на капельницы.

Тот же вопрос мучил Илая с той минуты, когда в плоть вонзилось острие его собственного стилета.

— Не знаю. Двести шесть лет провожу церемонию, и никогда не случалось ничего подобного. Пережил войны, потопы и землетрясения без единой царапины. А вчера вечером...

— Да. Вчера вечером оказался беззащитным. Можешь растолковать?

Илаю его тон не понравился. Что там — нотка враждебности? Или страха?

— Дело, по-моему, не во мне, а в агрессоре. Лично испытав на себе превосходящую силу и слыша от тебя, что выследить его невозможно, прихожу к мысли, что это не простой человек...

Илай умолк, осененный прозрением. Все вдруг стало ясно.

— Что ты хочешь сказать? — Детектив напряженно склонился к нему.

— Единственное объяснение вчерашних событий заключается в том, что он сам проводит церемонию.

Разумеется. Иначе быть не может. Объясняется, почему он унес ребенка, почему не сдал Илая с Адрианом в полицию, даже зачем забрал нож. Не хочет разоблачать Круг — хочет взять его под контроль, занять место Илая, для чего ему требуется кровь вождя.

— Потрясающе! — воскликнул Стросс. — Просто здорово, черт побери! И как же мы с ним справимся?

Илай продолжал говорить тихим и ровным тоном. Не время для паники.

— Как со всеми другими. В твоем распоряжении ресурсы лучшего в мире полицейского департамента. Воспользуйся ими и отыщи его. Найдешь — веди ко мне.

— Я думал, ты один руководишь церемонией.

— То, что знаю я, могут знать и другие. Не беспокойся об этом. Твоя задача ясна: ищи его, Фредди. Найди и приведи ко мне. Я с ним сам разберусь.

7

Джиа вышла от «Мейси» с полными покупок сумками в обеих руках, направилась на край тротуара в поисках такси. Нахватала неплохого барахла, в котором Вики через месяц пойдет в школу.

Интересно, бросит ли на нее таксист по дороге домой такой же удивленный взгляд, каким смотрел тот, что вез ее сюда. Наверно. И не удивительно: женщины с Саттон-сквер не бегают к «Мейси» на бросовые распродажи.

Скорее всего, принял меня за няньку, живущую в доме, решила она.

Хоть я и живу в одном из лучших городских кварталов, ребята, но существую на заработок свободного художника. Имею энергичную дочку, которая все снашивает, из чего не вырастает. Поэтому, когда «Мейси» объявляет распродажу, я еду.

Шагая по тротуару, она увидела чернокожую женщину с микрофоном, рядом с которой стоял здоровый парень, пристально глядя в объектив телекамеры на плече. Женщина казалась знакомой, только одета была как-то странно: блузка и пиджак на верхней половине не гармонировали с нижней в джинсах. На Геральд-сквер было полно народу, а вокруг женщины толпа собралась еще гуще.

Наконец Джиа узнала в ней репортершу с местного телевидения, то ли со второго, то ли с четвертого канала. Женщина ее заметила и направилась к ней вместе с парнем.

— Простите, — сказала она, выставив микрофон. — Я — Филиппа Вилья, новости, четвертый канал. Не согласитесь ответить на «вопрос дня»?

— Смотря на какой, — бросила Джиа, не останавливаясь.

— Слышали о похищении и спасении маленького Дук Нго?

— Конечно.

— Очень хорошо. — Мисс Вилья ближе поднесла микрофон. — Вопрос дня таков: заслуживают ли насильники над детьми смертной казни?

Джиа вспомнила, что почувствовала нынче утром, вообразив похищение Вики. Или надругательство над ребенком, который в ней зреет.

— Имеется в виду, после кастрации? — уточнила она.

Журналистка заморгала, в наблюдавшей толпе послышался смех.

— Мы говорим только о смертной казни. Да или нет?

— Нет. — Джиа сдержала злость, отвращение. — Смерть — слишком большая милость для насильника над ребенком. Похитителя мальчика надо кастрировать... Потом руки отрезать, чтоб он никогда не касался другого ребенка, потом ноги, чтобы не гонялся, язык, чтобы не заманил в машину, потом глаза выколоть, чтоб больше не заглядывался на детей. Нос оставим, пусть нюхает свою гнилую вонь.

Толпа от души хохотала.

Что это я несу, спохватилась она. Сказывается долгое общение с Джеком.

— Кажется, у вас много сторонников. — Мисс Вилья оглядела толпу. — Дадим ваш комментарий в вечерних новостях. В *ночных,* — с улыбкой оговорилась она. — Пожалуйста, подпишите согласие...

— Нет, спасибо.

Не хочется появляться на телеэкране. Хочется домой. У бровки тротуара тормознуло такси, высаживая пассажира.

— Можно хотя бы узнать ваше имя? — Мисс Вилья с оператором следом за ней тянулись к такси.

— Нет, — через плечо отказалась она, скользнула на заднее сиденье, захлопнула дверцу, велела водителю ехать в центр города. И не оглянулась, когда такси тронулось с места.

Что толкнуло ее на подобные речи? Перед телекамерой, ни много ни мало. Она сказала правду, то, что в ту минуту думала, но об этом никому другому не обязательно знать. Видеть свое лицо на экране решительно не хочется. Если ей суждены пятнадцать минут славы, пусть их принесут картины, а не зубастые шуточки на местном телевидении.

8

Справлюсь ли я с отцовством? — гадал Джек, стуча в дверь Храма Вечной Мудрости мадам Помроль.

После приезда в город в него не один год стреляли, совали ножи, избивали, душили... Должен справиться. Будем, по крайней мере, надеяться.

По сравнению с перспективой ответственности за воспитание ребенка, который должен стать приличным человеком, не ступив на кривую дорожку, ножи и пули сущая ерунда. Там хотя бы выбор ясен.

Слава богу, на нем лежит частичная ответственность, всегда можно положиться на практический опыт Джиа.

А вдруг с ней что-нибудь случится?

Он содрогнулся, не понимая, зачем себя накручивает. Это на него не похоже. Неужели дело в отцовстве?

Оставим пока. Сосредоточимся на настоящем, ощупаем парик, проверив, закрывают ли длинные локоны уши, особенно левое, куда воткнут наушник.

Дверь открыл Карл Фостер.

— Ах, мистер Батлер! Точно вовремя.

Мистер Батлер? Джек чуть не оглянулся, вовремя припомнив, что это *он самый* и есть.

Сосредоточься, черт побери!

Лучше бы Джиа приберегла новость до завтра. Дело предстоит тонкое, требует точного расчета времени. Надо позабыть о будущем, думать о происходящем.

— Время и прилив никого не ждут, как говорится, — постарался он войти в роль.

— Хорошо сказано, — похвалил Фостер, приглашая гостя в дом.

Джек — на этот раз в джинсах, ковбойских сапогах, белой рубашке без воротника под спортивным пиджаком из шотландки с двумя глубокими внутренними карманами, нагруженными снаряжением, — проследовал за хозяином в кабинет.

— Займемся сначала земными делами, — сказал тот. — Гонорар мадам с вами?

— Чего? А, конечно. — Он вытащил из бокового кармана конверт, вручил Фостеру. — Держите.

Карл открыл его, быстро перебрал пять фальшивых стодолларовых бумажек, разочарованно взглянул на клиента.

— Кажется, я от вас слышал, что золото — лучший способ общения с миром духов.

— Угу, я сам это не раз слышал от дядюшки Мэтта, только сейчас жутко трудно собрать точную сумму в золотых монетах. Слишком много хлопот, если хотите знать.

— Я бы дал сдачу.

— Ух, а мне даже в голову не пришло. Ладно, в другой раз будет золото.

— Превосходно! — Фостер, просветлев, сунул конверт в карман. — Вы хотите вступить в контакт с дядей? С тем самым, что часто бывал у медиумов-спиритов?

— Правильно. С дядей Мэттом.

— Неужели с Мэттом Каннингемом?

Молодец, мысленно отдал ему должное Джек. Старается выудить побольше деталей. Ну, давай. С удовольствием поболтаю.

— Нет. Его фамилия Вест. Мэтью Вест. Потрясающий старикан. Жалко, умер.

— Давно?

Интересно, он сам запоминает или мадам лично сидит за компьютером, прислушивается к жучку и вносит имя Мэтью Томаса Веста в файл www.sitters-net.com?

— В начале года, то ли в конце января, то ли в начале февраля, помню только, что чуть не околел на похоронах. Стоял на ветру у могилы — с ума сойти! — Джек потер руки, сгорбился от неприятных воспоминаний. — Думал, больше никогда не согреюсь.

— Да что вы? — удивился Фостер. — По-моему, зима была довольно теплая.

— Тут у вас — может быть, а мы морозили задницы в Сент-Поле.

— В Миннесоте? Там в самом деле холодные зимы. Вы оттуда?

— Я? Нет. Родился и вырос в Вирджинии.

— Нравится вам Манхэттен?

— Еще бы! Никогда в жизни не видел столько ресторанов. И все битком набиты, — рассмеялся Джек. — Кто-нибудь там когда-нибудь ест?

— Конечно, — улыбнулся Карл. — Верхний Вест-сайд предлагает любую известную человечеству кухню.

Джек подозрительно прищурился:

— Откуда вы знаете, где я живу?

— Из анкеты, которую вы вчера заполняли.

— А, — виновато улыбнулся он, — совсем позабыл.

Фостеры, разумеется, его проверили. Вчера он был единственным новичком, при котором зажегся свет, и на него естественно падало подозрение. Карл наверняка съездил в башни «Миллениум», выяснил, что там действительно проживает Роберт Батлер. Если б встретил настоящего Батлера, парик сделал бы свое дело. Впрочем, он его явно не видел. Позвонив по указанному в анкете номеру — кто-то звонил вчера вечером и дал отбой, — услышал по автоответчику голос «Боба Батлера» с подтверждением номера и предложением оставить сообщение после гудка.

Вчерашний крюгер-рэнд и нынешний конверт с наличными должны разогнать последние подозрения. Будем, по крайней мере, надеяться. Эта парочка старается погубить конкурентов. Что они сделают с тем, кто попробует им помешать?

Несколько утешает угнездившийся в правом сапоге автоматический пистолет 38-го калибра.

— Вы были близки с дядей?

— Ну да. Классный старик. Разделил состояние по завещанию между мной и моим родным братом. *Хороший* мужик.

— Поэтому хотите с ним пообщаться? Поблагодарить?

— Ну. И еще спросить... — Джек полез в левый нагрудный внутренний карман пиджака, вытащил

приобретенный у Монте футляр, — насчет вот этого.

Взгляд Фостера остановился на хромированной коробке.

— Любопытно. Разрешите?

Он протянул руку, взял футляр, оказавшийся гораздо тяжелей, чем он думал. Впрочем, виду не подал пробежал по поверхности пальцами, ощупав швы, утопленные петли, замочную скважину с другой стороны.

— Ключ есть?

— В том-то и дело, что нет.

— Вот как... Очень интересно.

Джек скорчил виноватую мину и забрал футляр.

— Еще бы. Только это останется между мной, моим дядей и леди.

— Конечно. — Карл отдал коробку, взглянул на часы. — Посмотрю, готова ли мадам.

Он вышел в зал для сеансов, закрыв за собой дверь. Джек прислушался к торопливому стратегическому совещанию между мистером и миссис Фостер за дверью.

— *Не врет,* — послышался в левом ухе голос мадам. — *Дядя есть на сайте сидельцев. Собирал монеты.*

— *Коробка тяжеленная. Наверняка набита золотом. Одна проблема — заперта.*

— *Это для тебя не проблема. Загляни внутрь, прочее я беру на себя.*

Карл вышел, жестом пригласил гостя:

— Заходите. Мадам готова.

Джек вошел в зал, вновь почувствовав приступ клаустрофобии среди плотных занавесей. На этот раз у стола стояли только два стула.

— Эта вещь принадлежала вашему дяде? — кивнул Карл на футляр.

— Наверно. Это мне тоже хочется уточнить.

— Тогда попрошу положить ее вон туда на диванчик до конца сеанса.

Джек взглянул на красный бархатный диванчик у стены на расстоянии десяти футов. Известно, что за стеной находится командный пункт, такой же, как у Чарли, но хуже оснащенный, как выяснилось субботней ночью при осмотре дома.

— Зачем?

— Дар мадам проявляется в полную силу, когда она не соприкасается с принадлежавшими покойным предметами.

Неплохо, признал Джек, прижимая футляр к груди.

— Шутите? Я думал, это, наоборот, помогает.

— Конечно, конечно... После проникновения в Потусторонний мир оказывает неоценимую помощь, а в момент перехода аура подобных вещей препятствует контакту.

— Н-ну, не зна-аю, — протянул он.

Карл снова ткнул пальцем в диванчик:

— Пожалуйста, положите сейчас же. Вступив в контакт с духами, мадам вас попросит поставить футляр на стол. Не бойтесь, здесь с ним ничего не случится.

Джек изобразил нерешительность, потом пожал плечами:

— Ну ладно. Если так надо, согласен.

Он подошел к диванчику, положил футляр на сиденье, приглядевшись к стене. Швов не заметно, зато под сиденьем над плинтусом просматривается прямоугольник потайной дверцы, которую он в субботнюю ночь видел с той стороны.

Вернулся с пустыми руками за стол и уселся на стул, услужливо подвинутый улыбавшимся Карлом Фостером.

— Мадам скоро выйдет.

Джек остался один. Помня о видеокамере, нервно ерзал, барабанил по столу пальцами, одергивал пиджак, ощупывая при этом пачку фальшивых купюр в левом рукаве и другой металлический футляр в левом внутреннем нагрудном кармане.

Все на месте.

Через минуту вспыхнул верхний свет, и на сцену вышла мадам Помроль в пышно расшитой хламиде, на этот раз розовой.

— Месье Батлер, — молвила она с наигранным французским акцентом, протягивая унизанную кольцами руку, — рада снова вас видеть.

— Я тоже рад встретиться наедине.

— Как я понимаю, желаете пообщаться с дядей?

— Точно.

— Ну что же, приступим.

На сей раз никаких предисловий, никаких предупреждений насчет эктоплазмы, к которой нельзя прикасаться. Мадам просто уселась напротив.

— Пожалуйста, положите ладони на стол. — Он повиновался, она продолжала: — Сейчас я вступлю в контакт со своим проводником в мире духов Ксултуланом, древним жрецом майя.

Свет, как и в воскресенье, померк, горели лишь тусклые красные лампочки. Стол опять ушел в тень, освещенный сверху слабым красным светом. Джек взглянул на диван, на футляр, ничего не увидев во тьме.

Мадам Помроль замычала, уронила голову.

Мычание понятно: за ним не слышно, как открывается потайная дверца за диванчиком. Карл, наверно, уже забирает футляр.

Главное правило жуликов: хватай сумку, бумажник, ищи любые сведения — водительские права, номер социального страхования, номер банковского счета, записную книжку, семейные фотографии... В командном центре имеется ксерокс, станок для нарезки ключей, как у Чарли. За минуту можно скопировать ключи и документы.

Забавно было бы с помощью дистанционного переключателя зажечь свет, поймав Фостера с поличным, но в эти игры мы уже играли. Сегодня надо укусить побольнее.

Стол под руками наклонился, пришлось крикнуть:

— Ух!

Леди издала низкий гулкий стон. Включился микрофон-усилитель.

— О Ксултулан! Перед нами желающий пообщаться с ушедшим, связанным с ним кровными узами. Помоги нам, о Ксултулан!

Он перестал ее слушать, на минуту задумавшись. Фостер сейчас вскрывает коробку. Набор отмычек у него под рукой. Имея, разумеется, ключ, Джек сам пару раз поработал отмычками, нарочно оставив грубые царапины вокруг замочной скважины. Как и ожидалось, замочек легко открывался, проблема лишь в том что скважина очень уж маленькая. Обладая маломальским талантом, Карл сдвинул в данный момент язычок... поднял крышку... и замер при виде сверкающих золотых монет. Не слитков вроде вчерашних крюгер-рэндов, а нумизматических жемчужин из собственного собрания Джека, которые стоят гораздо больше своего золотого номинала. Хочет потрогать, а они закрыты пластиковой крышкой. Пробует открыть — не поддается. Заперто изнутри. Где-то должен быть потайной рычажок...

— Футляр! — воскликнул Джек, выпрямляясь и нервно ощупывая пиджак, словно только что обнаружил пропажу бумажника. — Где мой футляр?

— Месье Батлер, успокойтесь, пожалуйста, — проговорила мадам Помроль, разом насторожившись, очнувшись и выйдя из транса. — С вашим футляром все в полном порядке.

Он вскочил со стула:

— Я должен его найти!

— Сядьте, месье. — Она дала мужу сигнал пошевеливать задницей и немедленно положить на диван распроклятый футляр. — Я связалась с Ксултуланом, он ищет вашего дядю. Через пару минут вы возьмете футляр...

— Он мне сейчас же нужен!

Изображая растерянность, Джек метнулся не в ту сторону, дав Фостеру время закрыть футляр, вернуть на место, потом неуверенно побрел к диванчику.

— *Все в порядке,* — предупредил в наушнике голос Карла. — *Вещь на месте.*

В темноте Джек не видел диванчика, двигался наугад, постарался на него наткнуться, упал на сиденье, нащупал футляр.

— Вот он! Слава богу! — воскликнул он, сунув его в левый нагрудный карман и вытащив из правого точно такой же.

В первом покоились драгоценные сверкающие монеты, которые даже по весу каждый оценит. По датам Фостер понял, что они старые, а по сведениям на сайте о хобби Мэтью Веста заключил, что они редкие.

Во втором футляре лежали свинцовые бляшки.

— *Не получилось открыть до конца, черт возьми!* — продолжал Карл. — *Все равно дело стоящее. Ты бы только видела! Золотые монеты. Крюгеров больше нет, но вещи коллекционные, старые. Стоят целое состояние, будь я проклят! Знаешь что? Надо их заграбастать.*

Возвращаясь к залитому красным светом столу, Джек заметил, как сосредоточенно и задумчиво мадам Помроль слушает мужа.

Наверно, готова была обругать лопуха, но одарила теплой материнской улыбкой:

— Видите, месье Батлер? Не стоило волноваться. Теперь успокоились?

— Еще бы. — Он сел, успев вытащить из рукава тридцать фальшивых сотенных бумажек, бросив их на

колени. Положил на стол руки, держа между ними футляр. — Извиняюсь. Не знаю, что на меня нашло. В темноте перепугался и всякое такое.

— Абсолютно естественно, тем более при первом визите. — Мадам закрыла глаза рукой. — Я вступила в контакт с вашим дядей.

Джек вскочил со стула:

— Правда? Можно с ним поговорить?

— Связь прервалась, когда вы вышли из-за стола.

— Да что вы?

— Ничего страшного. Можно восстановить. Только она не очень хорошая, поэтому я должна задать кое-какие вопросы.

— Валяйте.

— Второе имя вашего дяди Томас, не так ли?

— По-моему, да... Мэтью Томас Вест. Откуда вы знаете?

— Он сам сказал, — улыбнулась мадам.

— Черт возьми! Даже жутко.

— Кажется, что-то его беспокоит. Не догадываетесь, что именно?

Джек виновато отвел глаза.

— Не имею понятия.

— Дело связано с наследством?

Он преисполнился благоговения.

— И это вам известно?

Хорошо помнится, что он сам сообщил Фостеру, будто унаследовал капитал вместе с братом, хотя лопухи частенько забывают, что успели выложить медиуму ценные сведения.

— Конечно, но потом связь прервалась... Кажется, упоминалось о вашем брате...

Джек заранее разработал легенду, включив всю информацию с веб-сайта, рассмотрев ее со всех сторон, не находя изъянов, надеясь, что мадам Помроль тоже их не обнаружит.

— Угу. Больше у дяди родных не осталось. Наши родители умерли, у него детей не было.

Детей не было... Старик, обреченный на одинокую смерть, ходил к медиумам в тщетной надежде связаться с покойной женой. Со мной ничего подобного не случится. Пока...

В груди всплеснулась теплая волна.

— Месье Батлер?

Он вздрогнул. Опять отключился. Господи Иисусе! Такого еще никогда не бывало. Нельзя этого допускать, иначе его больно ужалят.

— Извините, задумался о дяде Мэтте. В завещании он поделил капитал между мной и моим братом Биллом.

— Да, он сказал, что его жена Элис давно умерла. Теперь они снова вместе.

— Вы и про тетю Элис знаете? Потрясающе! И они снова вместе? Вот здорово!

— Они очень счастливы. Ну так что там с наследством?

— Я получил дом со всем содержимым. — Джек насупился, выпятил нижнюю губу. — А Билл коллекцию монет. Дядя Мэтт всегда его больше любил.

— Разве обе части не равноценны?

— В долларах приблизительно одинаково, — вздохнул он. — Но Биллу надо было только найти торговца монетами, и все дела. Знаете, сколько он выручил? Четверть миллиона. Вот так вот, — прищелкнул он пальцами. — Ни за что ни про что.

— А вам пришлось продавать дом. С большим трудом.

— Точно, черт побери. И еще мебель сбагрить. Выручил такую же сумму наличными да без конца до прошлой недели летал туда-сюда в Миннесоту. Почти полгода, будь я проклят!

Мадам Помроль по-французски пожала плечами:

— Все-таки у вас теперь много денег. Надо радоваться. Хотя я по-прежнему не понимаю, чем расстроен ваш дядя.

— Ну... — Джек снова отвел глаза. — По-моему, дело в этой коробочке.

— Да?

Он глубоко вздохнул:

— Я нашел ее на прошлой неделе, разбирая последнее барахло дяди Мэтта. Она заперта, ключа нет, хотел нести к слесарю, но...

— Что, мистер Батлер?

— Кажется, дядя Мэтт против.

— Почему вы так думаете?

— Не поверите, — нервно хихикнул Джек. — А может, и поверите, раз вы медиум и всякое такое. — Снова набрал в грудь воздуху, поколебался, постучал по футляру. — Кто-то или что-то ее утаскивает.

— Как это?

— Все время нахожу ее там, куда сроду не ставил. *Серьезно.*

— Может быть, ваша жена...

— Я один живу. Даже уборщицу не держу. Хоть ищу. Вы, случайно, не знаете?..

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ладно... Она без конца исчезает, я ругаю себя за беспамятство. А в субботу едва не взбесился. Знаете, собрался идти к слесарю и не могу найти. Обыскал всю квартиру, везде опоздал, мастерская закрылась, потом вижу чертов футляр под кроватью... Под собственной кроватью! Как будто его нарочно спрятали.

Собственно, точно спрятали, и я догадываюсь, кто это сделал, черт побери!

— Дядя Мэтт?

— Наверно.

— Нет, точно. Он мне признался.

— Неужели вы знали? Почему же сразу не сказали?

— Хотела проверить, правду ли вы говорите. Теперь убедилась. Ваши слова совпадают с признанием дяди.

Еще бы.

— *Скважина сплошь исцарапана,* — прозвучал голос Карла. — *Похоже, придурок хотел вскрыть футляр. Расспроси.*

Мадам Помроль прокашлялась.

— Впрочем, вы кое-что утаили.

Хорошо бы уметь краснеть в таких случаях. Хотя в полутьме все равно незаметно.

— То есть?

— Безуспешно пытались открыть футляр.

Джек закрыл глаза.

— Господи! Передайте дяде Мэтту мои извинения.

— Поняли, что в футляре ценные монеты, по закону принадлежащие брату?

— Эй, минуточку! Дядя Мэтт завещал Биллу коллекцию, а мне дом со всем содержимым. Этот футляр был в доме, значит, он мой по праву.

— Ваш дядя не согласен. Говорит, там серебряные монеты невысокой стоимости.

Она пристально смотрела на него, стараясь догадаться, известно ли ему о содержимом коробки. Удалось удержаться от слишком поспешного отрицательного ответа и не показаться чрезмерно сговорчивым.

— Правда? — Он хмуро взвесил в руках коробку. — Тяжеловато для серебра.

Леди мигом развеяла его сомнения:

— Я в этом не разбираюсь. Знаю только со слов вашего дяди, что эти первые собранные в детстве монеты дороги как память.

— Правда? — Вроде бы ясно, куда она клонит.

— Он не смог забрать их в Потусторонний мир, поэтому они остались в доме.

— Разве можно забрать с собой что-нибудь после смерти?

— К сожалению, нет, — покачала головой мадам. — Деньги там не нужны. Не всегда нужны, скажем так.

— Ладно, вопрос решен. Отдам Биллу.

— *Ни в коем случае!* — крикнул в наушнике Карл. — *Говорю тебе, там целое состояние!*

Джек хлопнул ладонями по столу, подхватил футляр, поставил на ребро. Что мадам дальше скажет? Позволит уйти с редкими золотыми монетами? Не похоже. Не верится.

— Минуточку, мистер Батлер. Ваш дядя просит меня переправить футляр в Потусторонний мир, чтобы он в последний раз поглядел на него.

— Да ведь вы говорите, это невозможно...

— Можно на секунду, потом он вернется.

— Ну ладно, давайте.

— К сожалению, в данный момент нельзя. Дело трудное, займет много времени, причем я должна остаться одна.

— Хотите, чтоб я просто оставил его и ушел? Ничего себе! Только не в этой жизни.

— Вы мне не доверяете?

— Леди, я вас всего два дня знаю.

— Я дала обещание вашему дяде. Нельзя нарушать обещание покойнику.

— Извините.

Мадам Помроль закрыла глаза и повесила голову. Молча сидя напротив нее за столом, Джек раздумывал, надо ли просить гарантий, и решил, что не надо. Пусть сама предлагает.

Наконец она подняла голову, открыла глаза с тяжким вздохом.

— Необычный случай. Почти удивительный. По мнению вашего дяди...

— Стойте. Вы с ним сейчас говорили?

— Да. И он велел вам доказать, что мне можно верить.

Еще лучше. Пусть идея исходит от дяди Мэтта.

— То есть как это?

— Я положу в конверт тысячу долларов и отдам его вам, пока переправлю футляр на ту сторону. Когда верну, вы мне его отдадите.

— Тысячу долларов? Маловато, по-моему. Вдруг футляр не вернется? Я все потеряю. Спорю: монеты стоят пару-тройку тысяч.

— Ну, две с половиной тысячи. Больше не просите — не дам.

Джек призадумался и кивнул:

— Ладно.

Мадам поднялась с оскорбленным видом:

— Пойду принесу.

— Надеюсь, вы в своем уме и так далее.

— Дядя на вас сердится, и, признаюсь, я тоже.

— Знаете, мне это тоже не нравится. Просто забочусь об интересах брата. Это же его монеты.

Она исчезла во тьме, не сказав больше ни слова. Молодец, мысленно похвалил ее Джек. Идеальное сочетание негодования и обиды. И полное спокойствие. Дверь закрылась, в ухе зазвучал женский голос:

— Даже не поверишь, какое дерьмо! Тысячи долларов мало тупому ублюдку. Требует две с половиной, гад долбаный. Найдется у нас столько наличными?

— Посмотрю, — проворчал Карл. *— С утренними пожертвованиями и его собственными пятью сотнями как раз хватит.*

Проклятье! Собираются вернуть фальшивку. Ладно, риск все равно был.

— Сунь в конверт. Сделаю ему финт ушами. — Послышался шорох бумаги. *— Так и хочется запихнуть двадцать пять сотен козлу в задницу!*

Фостер рассмеялся:

— *Какая разница, сколько он просит? Не унесет ни цента.*

Мадам тоже фыркнула.

— *Правда.*

Это вы так считаете, друзья мои.

Ерзая на стуле, Джек вынул пять фальшивок из пачки, снова сунул в рукав, оставив двадцать пять на коленях.

— *Дело в принципе, Карл. Он должен был мне поверить за тысячу. Дело в принципе, мать твою!*— Вновь зашуршала бумага. — *Хорошо. Я пошла. Представление начинается.*

Вспыхнул верхний свет в настенном канделябре.

Что за черт?

Джек взглянул на свою пачку. Рассчитывал на полутьму во время сеанса, а теперь придется работать при полном освещении. Дело осложняется.

Он наклонился к столу, пряча бумажки от мадам Помроль, вернувшейся с маленькой деревянной шкатулкой и белым конвертом, бросив его на стол с неподражаемым демонстративным достоинством.

— Вот залог. Пересчитайте.

— Да ладно.

— Пожалуйста. Я настаиваю.

Пожав плечами, Джек открыл конверт, заметив внутри предохранительную штриховку, чтобы содержимое не просматривалось сквозь бумагу.

Теперь самое трудное, тем более при проклятом свете... Надо действовать точно, спокойно, небрежно...

Он вытащил из конверта банкноты и принялся пересчитывать, держа их под крышкой стола. Мышцы на шее и на спине напряглись. Известно, что у Фостеров в канделябре камера наблюдения, но не помнится, то ли простая широкоугольная, то ли с дистанционным управлением. Если Карл заметит подмену, вполне может выкинуть грубую шутку. Скажем, выстрелить в спину.

Джек решил рискнуть. Слишком далеко зашел, чтоб назад поворачивать. Наушник подскажет, догадался ли Фостер.

Склонившись к столу, он подменил купюры мадам Помроль фальшивыми бумажками.

— Все точно.

Выложил деньги на стол и сунул в конверт, тщетно ожидая комментариев Карла. Проскочил?

Мадам взяла конверт, быстро в него заглянула, лизнула клейкую полоску.

— Убедитесь, пожалуйста, что футляр заперт. Я верну его точно в том виде, в каком получила.

Джек наклонился к футляру, присматривая за ее руками. Ага! Как только он опустил голову, она мгновенно подменила конверт с деньгами другим, вынутым из рукава.

Что ж, мы друг друга стоим. Только я все же на шаг впереди.

— Угу, — подтвердил он. — Закрыто как следует.

— Ну, — сказала она, открывая шкатулочку, — теперь я хочу запечатать конверт.

Вытащила красную свечку, коробок спичек и какое-то кольцо, чиркнула спичкой, зажгла свечу, капнула на конверт воском, припечатала кольцом.

— Вот. Я наложила на конверт спиритическую печать. Не вскрывайте его. Вскроете только в том случае, если футляр не вернется. Если раньше сломаете спиритическую печать, дядя вас накажет.

Джек испуганно охнул.

— Как накажет?

— Скорее всего, сделает так, что монеты исчезнут. А может, и хуже. — Она погрозила пальцем, передавая конверт. — Так что не открывайте, пока не вернетесь.

Очень умно. Перекрыты все выходы.

— Не беспокойтесь, не буду.

Он положил конверт на колени и быстро переправил вместе с двадцатью пятью сотнями долларов в боковой карман пиджака.

— Да, слушайте, мне завтра быстренько надо по делам смотаться туда и обратно в Чикаго, так что только в четверг приду. Успеете управиться?

— Надеюсь, к тому времени футляр вернется.

Имеется в виду, с пустым серебром вместо золота.

Джек подвинул к ней футляр:

— Ну, поторопитесь. Будь здоров, дядя Мэтт, где в ты ни был. — Он встал, помахал мадам Помроль и направился к двери. — До четверга.

По пути через приемную, по коридору, с трудом сдерживал смех. Не стоит возбуждать подозрения. Спускался по лестнице, не дожидаясь лифта, поскольку в вентиляционном отверстии скопилась куча дерьма — не хочется, чтоб оно на голову свалилось.

— *Закрой дверь,* — сказал в наушнике голос мадам Помроль, — *и взглянем на монеты.*

В вестибюле Джек услыхал голос Фостера:

— *Черт! С замком что-то не то...*

— *В чем дело?*

— *Похоже, заблокирован.*

Верный диагноз, Карл. Джек махнул привратнику, вышел на улицу. В замочную скважину второго футляра он сунул сломанную булавку. Желая послушать, затоптался на тротуаре.

— *Смотри,* — сказал Фостер. — *Как она туда попала? Ну ладно, уже вытащил. Теперь дай только пару секунд... Так... Ну, готовься полюбоваться. Ох, проклятье! Не может быть!..*

— *Дай-ка...* — Мадам Помроль охнула. — *В чем дело, мать твою? Ты же сказал, что футляр набит золотыми монетами! Ослеп, раздолбай?*

— *Был набит! Клянусь! Не знаю...*

— *А я знаю! Этот говнюк фокус выкинул. С самого начала нас дурачил. А ты его впустил!*

— *Я?*

— *Ты, ослиная задница! Ты должен проверять лопухов!*

— Я проверял... Адрес, номер телефона...

— Ну, могу тебя заверить, дурак долбаный, что проживающий по тому адресу Роберт Батлер не наш лопух, а телефон стоит не в его квартире. Мать твою так-перетак!

— Ладно, взгляни на дело с другой стороны. Он думает, будто унес два с половиной куска, а получил обрывки газетной бумаги. У нас остались его пять сотен. Хотелось бы мне на него посмотреть, когда он откроет конверт. Не он нас наколол, а мы его.

— Плевать мне на это дерьмо. Я крысиного хвоста не дам за вонючие пять сотен. Главное, что он нас одурачил. Расплатился, конечно, наличными, но меня бесит, что верх одержал. Явился в дом и провел нас, как долбаных идиотов, — в нашем собственном доме! Как слабоумных новичков! Если об этом пойдет слух, как нам людям в глаза смотреть? Мы для всех станем трахнутыми кретинами!

Правильно, мысленно подтвердил Джек, вынимая наушник. Потом вы себя еще лучше почувствуете.

Будем надеяться, они не скоро опомнятся, не скоро осознают всю силу удара.

Он махнул кулаком, поплясал через дорогу. Отлично, а дальше будет больше.

9

Джиа проснулась, увидев во сне голубые глаза.

Зевнула, потянулась в просторном кожаном шезлонге, где они часто устраивались вместе с Джеком, глядя его любимые ужастики.

Она снова зевнула. Никогда раньше днем не дремала. Присела, закрыла глаза на секундочку и вдруг отключилась на сорок минут. Может быть, из-за беременности, может быть, оттого, что поздно засиделась вчера с Джеком. Помнится, как было тяжело носить Вики.

Сон, в любом случае, не освежил. В нем неотступно присутствовал образ вчерашней светловолосой девочки с тоскливым умоляющим одиноким взглядом...

Чего ей надо? Почему эта девочка из головы не выходит?

Снова дело в беременности. Конечно, во всем виноваты гормоны. Вдобавок она одна в доме летним днем, без перспективы увидеть Вики до конца недели.

Джиа встала с кресла, схватила сумочку. Не хочется сидеть дома. Выйдя на теплую влажную улицу, сообразила, куда идти.

Она никогда не любила подземку, нервничала в темном закрытом туннеле, а сейчас пошла. Быстро прошагала по Лексингтон-авеню до станции «Пятьдесят девятая улица», где пересекались две линии. Не зная линий в Бруклине и Куинсе, посмотрела на схему. У справочной будки, отыскала поезд, который шел в самое сердце Астории.

Близился час пик, вагон был почти полон, от качки голова закружилась, пока поезд не вырвался из туннеля на воздух. Джиа облегченно вздохнула, когда в исцарапанные стекла глянуло солнце.

Поезд шел поверху до ее остановки на Дитмарс-бульваре. Она вышла из вагона, спустилась на улицу. Отсюда легко найти Менелай-Мэнор. Надо только свернуть у...

— Джиа?

Она вздрогнула от неожиданности, оглянулась на усатого мужчину с длинными рыжими волосами. Не узнала с первого взгляда...

— Джек?

— Что ты тут делаешь?

Каблуки звонко цокали по платформе. Ковбойские сапоги?

Он потянулся поцеловать ее, она махнула рукой:

— Пожалуйста, без усов.

— Ладно, — улыбнулся Джек, сдернув усы.

Они поцеловались, он обнял ее за талию, заглянул в глаза:

— Никак не ожидал тебя здесь увидеть. В чем дело?

— Не знаю.

Джиа совсем растерялась. Что это она задумала? Постучать в дверь братьев Кентон, спросить, не разгуливают ли сегодня по дому какие-нибудь светловолосые девочки? Импульсивный поступок, совсем ей не свойственный.

— Собираешься разузнать насчет той самой девочки?

Она вытаращила глаза:

— Господи помилуй, откуда ты знаешь?

— Со вчерашнего дня ты о ней постоянно твердишь. Видно, она у тебя из головы никак не выходит.

— Правда. Я о ней почему-то постоянно думаю. Может, не думала бы, если б она не исчезла, если в мы поговорили. А так... остается загадка.

— Вряд ли мы ее разгадаем. Скорее всего, тебе нечего беспокоиться и ездить в Асторию. Я хочу сказать, ты же беременна и все такое.

— Всего десяток остановок от дома.

— Да, но в подземке полно народу, много больных, заразных. Мне не хочется, чтоб ты что-нибудь подцепила.

— Раньше ты об этом не думал.

— Думал, а теперь вдвойне думаю, если ты меня понимаешь.

Трогательная забота о ней и ребенке, хотя Джек немножко хватил через край.

— Просто, наверно, хотелось еще раз взглянуть, — вздохнула Джиа.

— Что ж, раз я сам хочу заглянуть к Лайлу и Чарли, — он с подчеркнутой куртуазностью взял ее под руку, — позвольте проводить вас туда.

Она, стрельнув глазами, вступила в игру.

— Очень мило с вашей стороны, сэр, но я страшно боюсь за свою репутацию рядом с мужчиной с подобной прической. Как же мне после этого показаться в приличном обществе?

— Хотите другую прическу? Скажите лишь слово, мадам.

Джек с удовольствием сдернул жуткий парик, сунул в карман не менее жуткого спортивного пиджака. Джиа пригладила его взлохмаченные волосы.

— Кстати, кто вас нынче одевал?

— Стиви Уандер.

— Так я и думала. — Она ему позволила взять себя под руку, они направились к лестнице. — Вижу, ты в хорошем расположении духа.

— Пока день довольно удачный.

По дороге он рассказывал, как околпачил двух жуликов в Верхнем Вестсайде. Джиа давно не видела его таким оживленным. Прекрасно, что прежний Джек вернулся.

У Менелай-Мэнор встретили пару выходивших рабочих, должно быть вставлявших разбитые окна. Чарли пригласил их в дом, не спрашивая, зачем пришла Джиа. Джек не стал вдаваться в объяснения. В любом случае Чарли слишком заинтересовался его нарядом. — Обалдеть! — с ухмылкой ткнул он пальцем в спортивный пиджак. — Ну и клевый прикид!

Вдоволь насмеявшись, он сообщил, что Лайл ждет наверху, а не в канале, где идет ремонт.

Джек оглянулся на Джиа:

— Ничего, если тут обождешь, пока я поднимусь? Деловой разговор. На минуточку.

— Говори сколько хочешь. Поброжу... огляжусь.

Джек, подмигнув, проследовал за Чарли в приемную и вверх по лестнице. Когда они скрылись из вида, она бесцельно прошлась по коридору, заглянула на кухню, сунула голову в дверь соседней комнаты с раскуроченным телевизором. Впрочем, на экране светился рекламный плакат — «Дукакис — президент». Наверно, исторический или документальный канал. Пошла к черному ходу, выглянула на задний двор, заросший сухой жесткой травой с бордюром из кустов бирючины. Никакой девочки.

Джиа разочарованно вернулась в приемную.

Чего ждала? Все равно хорошо, что пришла. Возможно, совершив паломничество, перестанет думать о ребенке.

Она лениво потянула к себе брошюру о Менелай-Мэнор, чтобы снова почитать о доме. Оттуда выпал буклетик. На обложке было написано: «Кто — я?», в углу стояли инициалы «Дж.Т. Ч.». Раскрыв его, Джиа увидела изображение храма и надписи «Клуб рыбаков», «Пастыри мирян». Издательство Чика.

Ей сразу стало ясно, что это произведение «заново рожденных», уговаривающих читателей-христиан стать «пастырями мирян», «ловцами человеков», приводя неверующих к Иисусу.

Почему фундаменталистские секты считают себя обязанными заставлять других верить в то, во что сами верят? Откуда это стремление обратить людей в свою веру?..

Листая брошюру о доме, нашла другой буклет Чика под названием «Такова была твоя жизнь!». Открыв его, услышала, как детский голос запел:

— *Наконец мы одни...*

Она оглянулась, и сердце у нее екнуло. Вот она — светловолосая девочка. Стоит в дверях, смотрит горящими голубыми глазами. Та же вчерашняя кофточка в красно-белую клетку, те же сапоги и бриджи.

— Привет, — сказала Джиа. — Как тебя зовут?

Девочка не улыбнулась и не ответила. Стиснув перед собой руки, пела, глядя на нее.

— Ты здесь где-нибудь рядом живешь?

Она продолжала петь. Хороший слух, хороший голос точно выводит мелодию. Плохо лишь, что упорно поет, не говоря ни слова. На следующем куплете подняла руки, принялась расстегивать кофту.

Джиа замерла на месте.

— Что ты делаешь?

Без того пугает бесконечное пение и невидящий взгляд детских глаз, а тут еще это...

Может, она слабоумная?

— Пожалуйста, не надо! — воскликнула Джиа.

Воздух в комнате сгустился, из петли выскочила последняя пуговица, девочка вцепилась в полы, распахнула, обнажив плоскую голую грудь с широкой рваной красной раной посередине...

Нет, не с раной — с зияющей кровавой дырой, абсолютно *пустой,* где ничего не было на месте сердца...

10

Наполовину изложив историю о том, как он перехитрил мадам Помроль с ее вариантом «испанской куклы», Джек услышал крик Джиа и бессознательно ринулся вниз по лестнице, бросив ошеломленных слушателей. Скатился на первый этаж, почти не касаясь ногами ступеней, увидел ее посреди приемной, согнувшуюся, закрывшую лицо руками, плачущую. Огляделся, никого не увидел, схватил ее за руки, притянул к себе:

— В чем дело? Что случилось?

Она подняла залитое слезами лицо цвета устрицы, только что вытащенной из раковины.

— У нее сердца нет! Она кофточку расстегнула, а сердца нет.

— Кто?

— Девочка.

— Которую ты вчера видела?

Джиа кивнула, вытаращила глаза, ткнула пальцем в коридор:

— Смотри... Вон ее кровь!

Джек оглянулся как раз в тот момент, когда с лестницы сверзились братья, увидел на полу коридора сверкающий красный след, на который попал башмак Чарли. Поскользнувшись, парень упал, мгновенно вскочил, в ужасе глядя на окровавленные руки.

— Кровь? Господи боже, откуда...

Он вылупил глаза на Джека.

Замерший на последней ступеньке Лайл махнул рукой в сторону кухни:

— Оттуда!

Они с Чарли двинулись по коридору, осторожно обходя красные пятна, Джек инстинктивно шагнул за ними. Джиа схватила его за руку:

— Не оставляй меня!

Он обнял ее, прижал к себе, стараясь унять дрожь.

— Не бойся, не оставлю.

Однако всей душой рвался к кровавому следу. Надо обязательно выяснить, что испугало Джиа до полусмерти. Плевать, каким образом кто-то показал ей девочку без сердца, но тот, кто это сделал, должен за это ответить.

Глядя, как братья вошли на кухню, повернули по следу налево, Джек услыхал голос Лайла:

— Идет вниз по ступенькам.

Ноги затопали по лестнице, послышались испуганные крики.

— Джек! — кричал Лайл. — Посмотри, что тут... что... — Он не находил слов.

Джек взглянул на Джиа, она затрясла головой:

— Не бросай меня здесь одну! Пожалуйста...

Надо посмотреть, что там такое. Он повернулся и крикнул:

— Джиа тоже можно взглянуть? Не страшно?

— Нет... да... не знаю, кому на это можно взглянуть... Идите скорей, пока не пропало!

Джек снова посмотрел на нее:

— Пошли. Я буду рядом.

— Так я тебе и поверила, — пробормотала она, содрогнулась, скрепилась. — Ну ладно. Только если будет очень страшно, сразу уйдем, обещаешь? Поедем домой, а сюда никогда не вернемся.

— Обещаю.

Они пошли, как сросшиеся друг с другом сиамские близнецы, стараясь не наступать на кровавые пятна. На кухне повернули, спустились на несколько верхних ступенек узкой подвальной лестницы, над которой горела одна лампочка. По правой стене тянулись двухдюймовые перила. На нижних ступеньках стояли Лайл с Чарли, напрягшись, согнувшись, вглядываясь в подвал, которого не было видно за поворотом лестницы.

— Я первый пойду.

Джек начал спускаться, крепко держась за шаткие перила, чтобы не потерять равновесие, чувствуя рядом Джиа, которая чуть не сидела у него на спине, положив обе руки на плечи.

Братья Кентон снизу оглянулись. У Лайла лицо напряженное, у Чарли обмякшее, потное. Перепуганные дети. Интересно, что может привести в такое состояние взрослых мужчин?

Через несколько шагов стало ясно.

— Святители небесные...

— О господи! — охнула в ухо Джиа, прижавшись к спине и выглядывая из-за плеча.

Пол подвала по нижнюю ступень лестницы был залит ярко-красной жидкостью, которая уже выплескивалась на следующую ступеньку, медленно вращаясь против часовой стрелки.

— Неужели... — пробормотал Джек.

— Точно, будь я проклят, — подтвердил Лайл. — Запах слышишь?

Пальцы Джиа внезапно когтями впились в плечи.

— Там кто-то есть! — воскликнула она.

Джек подался вперед, прищурился на поверхность красного озера.

— Где?

— Вон! — Из-за правого плеча высунулся указующий палец. — Боже мой, разве не видишь? Вон там рука торчит. Детская... той самой девочки!..

— Чего это ты говоришь? — переспросил Чарли. — Нету никого.

Джек вынужден был согласиться. На поверхности только рябь от стены до стены.

— Я тоже ничего не вижу, Джи.

— Да вы что, ослепли? — в панике закричала она. — Девочка тонет! Руку тянет за помощью... Не видите? Ради бога, вытащите ее кто-нибудь! *Пожалуйста!*

— Я ничего не вижу, — сказал Лайл. — Допустим, ты видишь, спорить не буду, но, даже если там кто-то есть, тут глубина не больше фута.

Джиа, дико вытаращив глаза, принялась протискиваться мимо Джека.

— Я этого не вынесу, Джек! Надо что-то делать...

Он ее не пустил.

— Нет. Неизвестно, что тут происходит, а ты и так уже подошла слишком близко. — Кто знает, как это отразится на ребенке.

— Джек...

— Тебе ясно, что я имею в виду. Нельзя...

— Поднимается! — крикнул Чарли.

Джек оглянулся — кровь накрыла вторую снизу ступеньку.

— Давайте немножечко все отойдем, — предложил Лайл, сделал шаг назад, поскользнулся, испуганно вскрикнул, падая на спину, одной рукой схватился за стену, другую протянул к брату. Стоявший к нему спиной Чарли не успел среагировать вовремя.

Размахивая руками, Лайл упал, с головой ушел в жидкость. Чарли с воплем намерился броситься следом, Джек схватил его за плечо:

— Обожди!

В потрясенном безмолвии он пристально смотрел на поглотившую Лайла алую жидкость.

Что за чертовщина? Даже при быстро поднимавшемся уровне глубина не может превышать двух футов. И циркуляция вроде ускорилась...

Через секунду вынырнул Лайл, задыхаясь, колотя руками, с залитым кровью лицом.

— Слава богу! — охнул Чарли, схватился одной рукой за хилые перила, протянул другую. — Сюда греби!

Пока Лайл плескался, стараясь протереть глаза, поток начал уносить его от лестницы.

— На ноги встань! — крикнул Джек.

— Не могу, пола нет! Нету дна...

— И руки девочки больше не видно, — добавила Джиа. — Исчезла...

Кровь лизала уже четвертую ступеньку. Поток унес Лайла к дальней стене, на глазах превращаясь в воронку, которая все быстрее вращалась.

— Водоворот! — закричал Чарли, стараясь как можно дальше вытянуть руку. — Хватайся, когда тебя сюда принесет!

Бездонный кровавый водоворот, думал Джек. Крутится против часовой стрелки. Уровень не падает, а поднимается. В подвале дома в Куинсе.

Далеко не самая дикая вещь, какую он в жизни видел, но стоять за ней может только одно.

Впрочем, этим позже займемся. В данный момент надо вытащить Лайла и вывести из дома Джиа.

Лайла понесло в их сторону, и Джек крепко схватил Чарли.

— Я держу тебя, лови его.

Но Лайла затягивало в центр воронки. Он отчаянно пытался подплыть, безнадежно вскрикнул, на несколько дюймов не дотянувшись до протянутой руки брата, его понесло дальше.

— Плыви! — кричал Чарли. — К стенке плыви...

Лайл по-собачьи барахтался в густой жидкости. Пловец из него никудышный.

— Не могу, — выдохнул он. — Течение слишком сильное...

— Веревка есть? — спросил Джек.

Чарли в панике не сразу понял, а потом слегка успокоился.

— Нету... Бечевка есть.

— Ну ладно. — Решение под рукой. Джек оглянулся на Джиа: — Вернись на минутку на кухню.

— Никуда не пойду.

— Просто в дверях постой. Я хочу, чтоб ты ушла с лестницы. Поторопись. Может, другой возможности не представится.

Она поднялась на верхнюю ступеньку, повернулась, испуганно на него глядя. Джек тоже поднялся на несколько ступенек, схватился за перила обеими руками.

— Чарли, помоги отодрать.

Тот сначала насупился, а потом просветлел.

— Точно!

Через десять секунд Джек спустился с десятифутовой палкой в руке. Стремительно крутившаяся кровь поднялась до середины стены, протащила Лайла мимо дальней стены и несла теперь к ним, но еще ближе к черневшему центру воронки.

— Скорей, — обратился Джек к Чарли, ступив на залитую кровью ступень. В желудке у него екнуло — жидкость *теплая.* — Держи меня за ремень, чтоб я сам не свалился.

— Ох, Джек, осторожно, *пожалуйста!*— простонала Джиа.

Чарли придержал его сзади, он крепко стиснул палку, протянул другой конец Лайлу. Палка шлепнулась в жидкость, кровь брызнула Лайлу в лицо, он слепо молотил руками, хватая только воздух. Джек потянулся еще дальше, чувствуя мучительную боль в правом боку. Будем надеяться, швы не разойдутся.

Тут Лайл нашарил одной рукой палку, вцепился.

— Держись! — крикнул Джек, чуть не падая в водоворот. — А ты *меня* держи, — велел он через плечо Чарли.

— Не дрейфь, — заверил Чарли и крикнул брату: — Обеими руками держись!

Лайл так и сделал, они потянули, но водоворот не хотел его отдавать. Воронка завертелась быстрее, уровень стал падать, жидкость громко хлюпала в центре. Джек с Чарли совместными усилиями удерживали палку, проигрывая состязание по перетягиванию каната. Джек попробовал еще поднатужиться — боль в боку не позволила. Он дрогнул, поскользнулся в крови.

Нет! Если упасть в этот бешеный водоворот, они оба погибли...

— Джек! — завопила Джиа, затопала по лестнице, тоненькая рука обвилась вокруг шеи, удержала его.

С Джиа в качестве балласта Джек и Чарли сумели подтянуть Лайла поближе, он поймал руку брата. Джек швырнул палку в водоворот, помог Чарли его вытащить. Пока он лежал на ступеньках, тяжело дыша и отплевываясь, Чарли сложил перед собой руки, склонил голову, как бы в молитве.

Джек привалился к Джиа.

— Спасибо.

Она чмокнула его в ухо и прошептала:

— Ты его спас.

— А ты меня.

Взглянув на падавший уровень крови, он кое-что заметил.

— Посмотри на стены. Сухие... без единого пятнышка.

— Не совсем, — заметила Джиа, указывая за его плечо. — Что ты об этом скажешь?

Приблизительно посередине между потолком и полом на пекановой стенной обшивке вокруг всего помещения виднелись пятна причудливой формы, расположенные с одинаковым интервалом. Похоже на...

— Кресты! — воскликнул Чарли. — Слава Богу, мои молитвы услышаны! Он изгнал из дома дьявола...

Джек подобной уверенности не испытывал.

Поток замедлился, остановился, центр воронки вытянулся в ровную линию. Медленно возник оранжевый пол, кровь стремительно уходила в крупную трещину в центре.

— Будь я проклят! — охнул Джек. — Пол треснул!

— Нет, — сказал Чарли. — Он треснул вечером в пятницу от землетрясения.

Лайл, наконец, разогнулся и сел, весь в крови.

— Клянусь, пару минут назад пола не было, он просто *исчез...*

— Мы тебе верим, — пробормотал Джек.

Остатки крови как бы испарились, остался чистый сухой бетон.

Лайл спустился на пару ступенек, ткнул носком в оранжевый пол. Видимо убедившись в прочности, ступил на бетон, пошел, держась подальше от трещины.

— Что тут происходит? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — И почему? И что это *значит?*

Джек подумал, что знает ответ и он ему не нравится. Если ответ верный, надо как можно скорее и как можно дальше уводить отсюда Джиа.

— Попозже попробуем разобраться, — пообещал он и повернулся к ней: — Пошли.

— Нет, постой. — Она спустилась мимо него по ступенькам. — Я хочу посмотреть на кресты.

— Джиа, прошу тебя. Это нездоровое место, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Понимаю, — улыбнулась она своей уникальной улыбкой, — но я причастна к происходящему.

— Нет, не причастна.

— Причастна, — подтвердил Лайл.

Джек сурово взглянул на него:

— Ты не мог бы не лезть не в свое дело, Лайл?

— Не могу. Я уже сыт по горло. И Джиа это дело касается. Одна она видела девочку. Разве это ни о

чем не говорит?

— Говорит, что ей надо мотать отсюда ко всем чертям.

Джиа ступила на пол.

— Я только на кресты взгляну, ладно?

— Нет, не ладно, — проворчал Джек, следуя за ней, — хотя меня, похоже, никто не слушает.

Он остановился с ней рядом перед сверкающим красным отверстием крестообразной формы на дешевой панели. Вертикальная линия шириной дюйма два и длиной дюймов десять, над ней почти на самом верху восьмидюймовая перекладина, выступающая в обе стороны.

Джек насчитал на стенах по кругу одиннадцать таких выбоин, расположенных футах в шести друг от друга на высоте пяти футов от пола.

— Какая-то странная форма, — заметила Джиа. — И отверстия еще влажные, когда кругом все сухо.

— Не все, — вставил Лайл. Его одежда и волосы по-прежнему были покрыты густой красной кровью. — Мне надо переодеться и душ принять. — Он собрался идти, потом вновь оглянулся. — Это крест тау, кстати сказать. Похож на греческую букву. И на последнюю букву еврейского алфавита.

Джек вытаращил на него глаза. Откуда ему это известно?

— Тау... — пробормотал Чарли. — Я читал у пророка Иезекииля, что все истинно верующие будут помечены буквой тау на лбу. — Он огляделся, кивая. — Ясно, конечно, что нас спасла длань Господня.

Джек пригляделся.

— А вертикальная линия чуточку выступает, в отличие от заглавного "Т".

На каждом кресте наверху была шишечка.

Вдруг кровавые впадины, как по сигналу, исчезли.

— Смотрите! — крикнул Лайл, взмахнув руками. Одежда на нем была чистая и сухая, на коже и на волосах никаких следов крови. — Крови нет, будто никогда и не было...

— Была, — возразил Джек, указывая на обломок перил на полу. — Теперь пора идти.

— Нет, — сказал Лайл. — Надо поговорить. Обо всем, что тут происходило после землетрясения...

— Ты хочешь сказать, еще что-то происходило? — переспросил Джек.

— Очень даже многое. И по-моему, это связано с Джиа. Может, даже землетрясение.

Джек на нее оглянулся, встретив ошеломленный взгляд.

— Слушай, — сказал он Лайлу, — я понимаю, ты пережил тяжелый момент...

— Нет, это ты меня слушай. Все начинает укладываться по местам. Мы уже почти год тут живем, и ничего необычного раньше не происходило. Правда Чарли? — обратился он к брату.

— Правда, — кивнул тот. — А с вечера пятницы одно за другим повалило.

— Точно. Фантастика началась в пятницу вечером, когда Джиа переступила порог нашего дома. Как только она это сделала, произошло землетрясение, богом клянусь!

— Я его тоже переступил. Если помните, мы вошли вместе. Может, это из-за меня.

Разумеется, *из-за него,* только сейчас не хочется в это вдаваться. Надо увести Джиа.

— Ты же не видел девочку. В любой другой день я признал бы землетрясение при появлении Джиа

чистым совпадением, но после того, что со мной приключилось сегодня, не признаю. Она *одна* видела девочку. Говорю вам — нутром чую, что девочка имеет отношение к происходящему, а Джиа к ней. Хотелось бы знать, каким образом.

— Мне тоже, — вставила Джиа. — То есть если это действительно так. Потому что я видела руку в водовороте. Она была у вас прямо перед глазами, и никто ее больше не видел. Либо я свихнулась, либо связана с этим делом. В любом случае хочется получить какой-нибудь ответ.

— Ну ладно, — вздохнул Джек, зная, что Лайл ошибается, однако события принимали такой оборот, что быстро доставить домой Джиа ему не удастся. — Обсудим, но только не здесь. По-моему, Джиа вредно тут оставаться. Найдем какой-нибудь ресторан с отдельными кабинетами и потолкуем.

— Может, у Хасана на Дитмарс? — предложил Чарли.

Лайл кивнул:

— Годится. Во вторник вечером столик найдется. Только я сперва душ приму.

— Зачем? — спросил Джек. — Ты абсолютно чистый.

— Я этого не *чувствую.* Вы идите, это рядом. Я вас догоню.

Джек рассеянно кивнул. Теория Лайла начинала его беспокоить. Неужели *Джиа* спустила курок? Даже тень подобной возможности едкой кислотой плеснулась в грудь из желудка.

11

Заведение Хасана представляло собой небольшое ближневосточное кафе-ресторан. На оранжевом тенте над дверью из натурального дерева соперничали английские и арабские надписи. Внутри белые оштукатуренные стены в красных и зеленых полосах, телевизор с широким экраном настроен на какой-то арабский канал новостей.

Хозяева — улыбчивая супружеская пара средних лет с сильным акцентом — с подчеркнутым радушием приветствовали Чарли, как постоянного посетителя. Зал был заполнен на четверть, так что их, как предсказывал Лайл, сразу же посадили за столик. По настоянию Джека, не желавшего, чтоб их кто-то подслушал, Чарли выбрал в дальнем углу стол с мраморной крышкой и стульями с плетеными из соломки спинками.

Джек зашел в мужской туалет, снял рубашку, взглянул на бинты с просочившейся кровью. Рана болела, однако не слишком, учитывая пережитое. Он снова оделся, обмотав перевязку бумажными полотенцами.

Через несколько минут явился Лайл с еще влажными после душа косичками. Официантка принесла Чарли диетическую пепси, Джиа — «спрайт», Джеку с Лайлом по бутылке «Кильенса».

— Пожалуй, надо вам рассказать об Ином, — начал Джек.

Джиа нахмурилась:

— Надо ли?

— Ну, этим объясняется моя уверенность, что в происходящих в доме событиях виноват я, а не ты.

Что-то пробормотало в глубине подсознания — *вечно ты должен быть на первом месте, да?* Нет. В большинстве случаев на первом месте быть не хочется, за исключением нынешнего. Нельзя — страшно — верить альтернативной версии Лайла, будто причина в Джиа. Она не должна иметь к этому ни малейшего отношения.

— Понимаю... но дело, по-моему... чересчур фантастическое. Впрочем, после сегодняшнего...

— Правильно, — подтвердил Лайл. — После сегодняшнего ты готова признать, что понятие о «чересчур фантастическом» разлетелось в пыль. Вернее, растеклось в кровь.

Чарли пристально смотрел на Джека.

— Что это еще за «иное»?

Джек отметил, что события в подвале несколько утихомирили младшего Кентона.

Подошла официантка с меню.

— Давайте сначала закажем, потом поговорим, — предложил он.

Джиа на него покосилась:

— Неужели после всего случившегося тебе хочется есть?

— Мне всегда хочется.

Меню было напечатано на двух языках, слева по-английски, справа по-арабски. Вместо овощей везде значились «овосчи». У Хасана подавали зелень, фалафель, хумус, тахини, баба-гануш, фатуш, лебнех, жареных кальмаров, печеные баклажаны, разнообразные кебабы — с бараниной, говядиной, курятиной — и еще какую-то непонятную «кофту».

Джек подтолкнул Джиа локтем:

— Что возьмешь?

— Чуточку хумуса с питой сумею переварить. А ты?

— Хочу чего-нибудь особенного.

Взглянув на его указующий перст, она охнула.

— Язык с бычьими яичками? Не смей!

— Ты же знаешь, я всегда стараюсь попробовать новенькое.

— *Даже не думай!*

— Хорошо, исключительно ради тебя, дорогая, отказываюсь от эпикурейского деликатеса. — Он в любом случае не собирался испробовать сексуально извращенное блюдо. — Пожалуй, удовольствуюсь кебабом с барашком.

Когда заказы были сделаны, Джек склонился над столом:

— Позвольте начать сначала. Это займет всего пару минут, терпение вознаградится. Прошлым летом некий сумасшедший индус привел в Вестсайдскую гавань пароход, полный невообразимых тварей, которые зовутся ракшасами. Злобные гигантские чудовища угрожали всему, что мне дорого. — Он взглянул в глаза Джиа. Твари чуть не погубили Вики и самого Джека. — Однако они оказались смертными, и я их убил.

Не всех. Один ракшаса выжил, о чем он умолчал.

— Решил, что дело кончено. Ничего подобного никогда в своей жизни не видел, тем не менее выбросил из головы и забыл. А нынешней весной понял, что эти существа не совсем земные.

— Не инопланетяне, надеюсь, — хмыкнул Лайл.

— Нет. Хуже. Разыскивая некую пропавшую жену, я столкнулся с чокнутыми, которые утверждали, будто в ракшасах сосредоточены все дурные человеческие качества. Кто-то взял похоть, алчность, ненависть, злобу и вложил в них в чистом виде без сдерживающих рычагов. Они — воплощение зла в энной степени.

— Бесы, хочешь сказать? — уточнил Чарли.

— Похоже на то.

— Кто их сотворил? Сатана?

— Нет. Иное.

— Все равно Сатана.

— Не согласен. Сатану легко понять. Он низвергся с небес из-за своей гордыни и теперь переманивает души у Бога, отправляя их в ад на вечные муки. Правильно?

— Ну, — кивнул Чарли. — Хотя...

— Ладно. — Джек решил не отвлекаться. — Мне пару раз растолковывали, а я все-таки не до конца понял. Вроде бы две гигантские невообразимые космические силы вечно ведут войну, цель которой — мироздание в целом. На кону стоит наш мир, другие миры, измерения, *вообще бытие.* Только не загордитесь, думая, будто наш мир имеет особую ценность. Это лишь крошечная частичка целого, не играющая большой роли. Но победитель должен получить все. Даже наше ничтожное захолустье.

— Ох, не надо мне рассказывать о Добре и Зле, — презрительно отмахнулся Лайл.

— Это было бы слишком просто. Насколько я понимаю, наш мир держит в кармане не добрая и не злая, а просто одна из сил. Лучшее, на что можно надеяться, — милостивое пренебрежение с ее стороны.

— Не ставь передо мной ложного бога, — пропел Чарли.

— Это не бог, а сила, процесс, состояние... — Джек беспомощно развел руками. — Не знаю, можно ли дать представление о столь чуждом и необъятном понятии.

— Как оно называется? — спросил Лайл.

— Никак. Одни зовут эту силу Союзником, хоть это не совсем верно. Она сделает для нас ровно столько, сколько потребуется, чтоб сохранить наш мир при себе. Больше даже пальцем не пошевельнет.

— А что такое Иное? Другая сторона?

— Правильно. Она тоже не имеет названия, хотя те, кто знает о ее существовании, назвали ее так, потому что там все иначе. Она существует по иным законам, желая, чтобы и мы по ним жили. А это физически и морально смертельно для нас.

— Я же вам говорю, Сатана! — вскричал Чарли. Лайл сурово взглянул на него, он выдержал взгляд брата и наставил палец на Джека. — Он про Сатану толкует, и ты это знаешь! Кончай выдрючиваться, согласись...

Уклоняясь от туманной дискуссии, Джек его перебил:

— Возможно, Иное породило представление о Сатане. Говорят, будто это вампир, стремящийся превратить Землю в ад. Наверно...

— А как все это связано с нынешними событиями? — спросил Лайл.

— К тому я и веду. Весной на тяжком опыте понял что создавшие ракшас силы Иного требуют, чтобы я головой расплатился за убийство тварей. Меня они не достали, но стерли с лица земли нескольких человек и огромный дом.

— Ага, помню, читал, — кивнул Чарли. — Где-то на Лонг-Айленде, да?

— В городке под названием Монро, — подтвердил Джек.

— Точно, — вспомнил Лайл. — Я хотел этим воспользоваться или хоть приманить новых клиентов. Однако меня опередил пяток других медиумов. — Он посмотрел на Джека. — Значит, ты?..

— Не я это *устроил,* — ответил тот. — Случайно оказался на сцене. Причем не один. Там присутствовали представители обеих сторон. Со стороны Иного некий Сол Рома. Не настоящее имя, фальшивое. Видимо, это главный агент. С тех пор я пару раз натыкался на анаграммы этого имени.

— На анаграммы? — переспросил Лайл. — Занятно. Вполне возможно, что в них зашифровано настоящее имя. Я читал, древние чародеи всегда скрывались под псевдонимами из опасения попасть во власть того, кому известно настоящее имя.

— По-моему, он просто в игры играет. Но если я когда-нибудь узнаю его настоящее имя... — Джек сдержался. — Ну ладно.

— У тебя зуб на того самого Рому? — полюбопытствовал Чарли.

С мыслью о Кейт пришла прежняя боль.

— И так можно сказать.

Он посмотрел на Джиа, она сочувственно улыбнулась, стиснула под столом его руку. Они часто

говорили об этом в последний месяц. Она верит. Видела ракшас, поэтому вполне готова принять объяснения. А братья Кентон даже после нынешних событий считают его свихнувшимся.

— Вернемся к большой дыре в Монро, — глубоко вздохнул Джек. — На стороне Иного действовал Рома со своей злобной домашней зверушкой, на другой двое ребят, вроде как близнецов. Я очутился между ними, и близнецы собрались принести меня в жертву ради своей цели. Сразу стало ясно — «союзник» жалости не знает. Дело осложнилось, но кончилось благополучно. Мне удалось уцелеть, в отличие от близнецов.

— Слушай, — не выдержал Лайл, — все это очень интересно, только при чем тут наш дом?

— Сейчас дойдем. Недавно я получил предупреждение... от одного человека... что призван на службу другой стороне.

— Призван? — переспросил Лайл. — Хочешь сказать, твоего согласия не спросили?

— Абсолютно. По-моему, потому, что я отчасти виноват в гибели близнецов и теперь якобы должен их заменить. Впрочем, если та самая сторона думает, будто я покорно подставлюсь под огонь Иного, пусть еще раз хорошенько подумает. Не знаю, как мои предшественники, а я жить хочу.

— Что это за огонь Иного? — полюбопытствовал Чарли.

— Точно не знаю... Кажется, почти все необычное, непонятное, что у нас происходит и называется сверхъестественными явлениями, насылает Иное. Все, что нас искушает, пугает, смущает, толкает на дурные поступки, придает ему сил и уверенности.

Чарли хватил кулаком по столу:

— Это Сатана! Отец лжи, сеятель раздора!

— Возможно, — кивнул Джек, не желая вступать в теологическую дискуссию. — Хотя я не уверен. Однако точно знаю, что связан с другой стороной, и поэтому все случившееся в вашем доме произошло из-за меня.

Лайл пристально взглянул на него:

— И *землетрясение?*

— Если это не чистое совпадение. А мне было сказано, что совпадений в моей жизни больше не будет.

Лайл вытаращил глаза:

— Не будет совпадений? Значит, твоей жизнью кто-то распоряжается. Жуть какая...

— Даже не говори. — При этой мысли его всякий паз мороз пробирает. Он оглянулся на Джиа: — Ясно теперь, почему я хотел вывести Джиа из дома?

— Конечно, — кивнул Лайл. — Допустим, это правда а пока у меня нет оснований считать тебя шизофреником, примем за правду. Мне это всегда казалось глупой шуткой, но, к несчастью, придется признать — у нас в доме привидение. Может оно явиться из твоего Иного?

Джек разозлился:

— Во-первых, оно *не мое.* Я о нем никакого понятия не имел, мне его навязали, лучше б о нем вовеки не слышать. Во-вторых, мне никто не давал учебника с инструкциями, как себя вести и что делать. Сам до всего дохожу по дороге.

— Ладно, я неправильно выразился. Переформулирую: почему ты уверен, что привидение явилось из

Иного?

— Я этого не утверждаю. Впрочем, возможно, внимание Иного привлекли насильственные смерти в Менелай-Мэнор. Может, оно проникает в разлом под домом... Перешагнув порог, я задел проволочку, мина сработала...

Лайл покачал головой:

— По-моему, девочка все-таки связана с Джиа. — Он взглянул на нее. — Она тебе не показалась знакомой?

— Нисколько. Если это *привидение...* Я никогда не верила в привидения, но как еще ее можно назвать? По всему судя, девочка умерла в шестидесятых годах. Одета в костюм для верховой езды, годы по одежде определить невозможно, но поет песню...

— "Наконец мы одни"? — договорил Лайл.

— Да! Ты тоже слышал?

— Вчера. Хотя ее не видел.

— Песня шестидесятых годов... По-моему, конца шестидесятых.

— Точнее, шестьдесят седьмого года, — вставил Джек. — Томми Джеймс с группой «Шонделлс» на диске «Рулетка».

Лайл с Чарли удивленно уставились на него. Джиа скупо улыбнулась, привыкнув к подобным вещам. Джек постучал себя по виску:

— Кладезь бесполезной информации.

— На сей раз не такой бесполезной, — возразила она. — Теперь можно предположить, когда ее убили.

— Убили? — охнул Чарли. — Думаешь, ее кто-то убил?

Джиа страдальчески сморщилась, тяжело сглотнула.

— Ты бы ее видел! В груди рана... сердца нет...

— Может, это какой-нибудь символ? — Джек стиснул ее руку.

Джиа даже на милю не следовало подпускать к Менелай-Мэнор, черт побери! Во всем виновата Джуни Мун. И он, согласившийся отвезти ее к медиуму. Если в они остались на проклятой вечеринке...

— После всей той крови, которую мы только что видели? — усомнился Лайл. — Слишком большой перебор с символизмом.

— Расскажи им про субботу, — потребовал Чарли.

Лайл мрачно, неуверенно рассказал про неведомую фигуру под душем, из которого в сток лилась кроваво-красная вода.

Настоящий Хичкок, решил Джек.

Лайл процитировал слова, написанные на зеркале, прежде чем оно разбилось.

— Ночью в пятницу и в субботу я видел Чарли с окровавленной грудью. Пожалуй, не *видел.* Мне привиделось, померещилось... А в воскресенье у меня самого грудь была залита кровью, я распахнул рубашку, увидел на груди зияющую рану... — Он взглянул на брата. — Мы оба видели, как в дыре билось сердце.

— Господи помилуй, — прошептала Джиа.

— Всего на секунду, но если нас кто-то хотел напугать, то ошибся. После этого мы с трудом засыпаем, но все-таки держимся. Правда, брат?

Чарли кивнул — по мнению Джека, без особого энтузиазма.

— Думаешь, вас хотели напугать? — спросил он.

— А что еще? Не подружиться же. И похоже, вреда причинить не хотели...

— Час назад ты чуть не утонул, — рассмеялся Джек.

— И все-таки не утонул. Может быть, и не должен был утонуть. Если бы меня кто-то хотел убить, то легко бы управился ночью в субботу. Размозжил бы мне голову вместо зеркала в ванной.

— В том-то и дело, — заметил Джек. — Возможно, ты ему не нужен. Остается вопрос: почему все это происходит сейчас? По твоим словам, вы поселились в доме почти год назад. Зачем надо было дожидаться моего прихода в пятницу вечером?

— Не только твоего, — заметил Лайл. — Вместе с тобой пришла Джиа.

Джек взглянул на него:

— Никак не откажешься от этой идеи?

— Ничего не поделаешь, — пожал тот плечами. — Я по-прежнему думаю, что дело связано с ней.

— Перестаньте говорить о «деле»! — воскликнула Джиа. — Дело в маленькой девочке.

— Что нам точно известно? — продолжал Лайл. — Возможно, враждебная сила способна принимать любую форму. Возможно, приняла вид девочки, зная, что тебя это особенно тронет.

Джиа заморгала, обдумывая предположение, Джек тоже призадумался с беспокойством в душе. В конце концов, вполне вероятно...

Секунду помолчав, она тряхнула головой:

— Не верю. По-моему, она почти ничего не может сделать и пытается что-то сказать.

— Что?

— Где-то в шестьдесят седьмом году ее убили в вашем доме и закопали в подвале.

Все сидевшие за столом молча уставились на нее.

— Давайте посмотрим, что мы имеем. — Она принялась загибать пальцы. — Девочка с дырой в груди поет песню шестьдесят седьмого года, прокладывает кровавый след в подвал, залитый кровью, которая уходит в трещину. Протрите глаза, ребята. Истина перед вами.

Лайл медленно кивнул, покосившись на Чарли:

— По-моему, надо кое-что выяснить насчет дома.

— Как? — спросил младший брат.

— Может, у старика грека, который нам его продал? Я в свое время не обратил внимания, а он все рассказывал, как перепродавал его всякий раз. Как его зовут? Язык сломаешь.

— Константин Кристадулу, — усмехнулся Чарли. — Такого не позабудешь.

— Точно! Завтра первым делом позвоню, договорюсь о встрече. Может, прольет какой-нибудь свет на наше привидение.

— Мне бы тоже хотелось присутствовать при беседе, — вставил Джек. — У меня свой интерес.

Вы даже не представляете.

— Хорошо, — кивнул Лайл.

— Где вы сегодня переночуете? — спросила Джиа.

— У себя.

— Неужели не боитесь?

Он улыбнулся:

— Немножко. Хотя, думаю, оно...

— *Она.*

— Ладно, она попытается что-то сказать. Может, попросит нас что-нибудь сделать, а потом уйдет. Поэтому нам надо быть дома.

Джек счел рассуждения Лайла довольно логичными, хотя заметил что-то странное в его взгляде. Может быть, разрабатывает другой план? Интересно какой.

Потом разберемся. Сейчас надо препроводить Джиа в Манхэттен, чтобы она там и сидела. И так плохо, что Иное целится ему в спину, а при мысли, что она тоже станет мишенью, сердце замирает.

Сначала сестра, дальше Джиа с будущим ребенком... таков план? Убить его душу, отняв самых любимых, потом сокрушить самого?

Послушайте-ка настоящего параноика.

Эй! Я играю столь важную роль, что на меня и на всех моих близких обрушилась космическая сила!

Впрочем, вполне возможно, если он действительно втянут в предполагаемую теневую войну.

Джек вдруг задохнулся. Надо как-нибудь откосить от военной службы, пусть даже с позором.

А *первым* делом увести Джиа от греха подальше.

12

— Я тебе говорил, — почти прошептал Фред Стросс, — что это привидение, настоящее привидение, мать твою!

Илай Беллито лежал на койке в темной больничной палате, глядя на мерцающий цветной маяк телеэкрана.

— Какое привидение? — спросил Адриан.

Стросс сидел в ногах кровати справа, Адриан слева. Великан въехал в палату на инвалидной коляске с вытянутой левой ногой в шине, на бритой голове даже в слабом свете видна пара жутких лиловых шишек. Длинные руки висели по сторонам, почти доставая до пола.

— Парень, который тебя оглоушил и пырнул Илая ножом, — нетерпеливо объяснил Стросс. — Не слыхал?

К Адриану пока не вернулась память о последних событиях, он с трудом следил за объяснениями детектива, который явился с пустыми руками, не сумев разыскать нападавшего. Без конца переспрашивал, разозлив даже Илая. И теперь покачал головой.

— *Ничего* не помню. Последнее, что помню, — как вчера обедал, а дальше... полный провал. Если бы не колено и не адская головная боль, думал бы, что вы меня дурачите.

Он кое-что вспомнил — хотя бы признал, что на дворе не июль, а август, — но повторял одно и то же в десятый, как минимум, раз. Хорошо бы швырнуть в него чем-нибудь. По-настоящему пострадал только я, мысленно крикнул Илай. Тебя только огрели по голове! Он стиснул зубы, чувствуя в паху новый прилив раскаленной болезненной магмы. Протянул левую руку к кнопке капельницы с морфином, нажал, моля Бога, чтоб там еще что-то осталось.

Ну и денек! Чистый ад. Сестра — трехсотфунтовый носорог в белом по имени Хорган — явилась и приказала пройтись. Илай отказался, но она слушать ничего не хотела. Чернокожая фашистка таскала его туда-сюда по коридору вместе с внутривенной капельницей на колесиках, болтавшимся под коленями катетером, мешком с кровавой мочой на всеобщем обозрении... Не просто больно, но и унизительно.

Потом пришел доктор Садык, посоветовав *чаще* ходить, обещав завтра вынуть катетер — ягодицы сжались при мысли о том, как сестра Хорган выдернет трубку, опять причинив ему боль. Завтра утром доктор Садык собирается его выписать.

Лучше бы поскорее. И разрешили бы захватить с собой капельницу с морфином.

— Иначе говоря, — взглянул он на Стросса, когда морфин подействовал, — отбросив суесловие, остается единственный факт: у тебя для нас нет ничего.

Детектив развел руками:

— Я сделал все возможное. Не очень-то много вы мне рассказали — с чем работать?

Плохо, что нападавший еще не опознан.

Он меня знает, заключил Илай, а я его — нет.

Может даже сейчас явиться в больницу, прикинувшись посетителем, навещающим кого-то другого, дождаться ухода Стросса с Адрианом и завершить свое дело.

Если бы только узнать его имя... Тогда Круг начал бы действовать и быстро управился, благодаря

своим связям.

— Номер телефона достал? — спросил Илай.

— Угу. — Детектив выудил из кармана бумажку.

— Набери.

— Шутишь? Он же не прослеживается и...

— Сейчас же набирай!

Стросс, пожав плечами, настучал номер на висевшей у кровати трубке, протянул ее Илаю. После четырех гудков безличный голос ответил: «Абонент недоступен».

— Оставь номер на тумбочке.

— Говорю тебе, пустая трата времени. Он этот телефон не включает.

— Попробую. Кто знает, вдруг повезет.

Илай сам не знал, что говорит, но номер телефона оставался единственной ниточкой к напавшему на него человеку.

— Смотри-ка, — охнул Стросс, кивая на телеэкран. — Да это же...

Илай шикнул на него и прибавил громкость, узнав лицо вьетнамского мальчика. Он пропустил начало репортажа темнокожей женщины в толпе на тротуаре, явно сегодня днем снятого. Звали ее Филиппа Вилья, она брала на улице интервью у прохожих, задавая вопросы насчет недавнего похищения маленького Дук Нго и насильников над детьми.

Насильников над детьми! Почему все уверены, будто ребенку грозило сексуальное насилие?

На экране мелькали размытые физиономии манхэттенского люмпен-пролетариата, слышались предсказуемые заявления о чрезмерной мягкости наказаний за такие дела. Илай все сильней злился. Ничтожные невежды понятия не имеют об истинной цели Круга. Эта самая репортерша, Филиппа Вилья, их раскручивает. Круг имеет могучие связи в средствах массовой информации. Следует заняться ее дальнейшей карьерой.

Он уже собрался переключить канал, когда на экране всплыло крупным планом лицо репортерши.

«Если вы считаете опрошенных нами людей слишком жестокими, послушайте женщину, которая не пожелала предстать перед камерой. Мы записали ее слова».

Похитителя мальчика надо кастрировать...

Илай сдержал стон, вспомнив, как в сокровенную плоть вонзился его собственный нож.

Потом руки отрезать, чтоб он никогда не касался другого ребенка, потом ноги, чтобы не гонялся...

Стросс сделал шаг назад, как бы стараясь физически и эмоционально отстраниться от телевизора.

Потом язык, чтобы не заманил в машину, потом глаза выколоть, чтоб больше не заглядывался на детей...

Адриан сморщился, вытер лицо трясущейся рукой.

Нос оставим, пусть нюхает свою гнилую вонь...

Кнопка капельницы треснула в пальцах. Илай даже не понял, что нажал так сильно.

Забудем журналистку. Уничтожить надо кое-кого другого. Если удастся найти.

— Слышали? — обратился он к Адриану и Строссу. — Слышали, что говорит о нас эта женщина?

— Не о *нас,* — поправил его детектив. — Ей ничего не известно о Круге. Кроме того...

— Она думает иначе. Думает, будто знает о наших намерениях. Фактически ничего не знает, но считает себя вправе выступать публично и обвинять нас в насилии над детьми. Неужели мы это стерпим?

— Что тут можно сделать? — буркнул Стросс.

— Всегда можно что-нибудь сделать.

— Да ну? Например?

Недоверие Фреда взбесило Илая.

— Найти эту болтливую женщину и преподать урок.

— По-моему, ты хватил через край, Илай, — заметил Стросс.

— Думай, что говоришь! — прошипел тот. Хотел крикнуть, однако сдержался. — Не в тебя нож всадили...

— Если мы ее найдем, тебе легче не станет.

— Станет! Это я вам обещаю.

Илай хорошо понимал, что хватил через край, но он был чересчур уязвлен и испытывал острую боль, а Стросс лишал его возможности отомстить, не обещая найти обидчицу в обозримом будущем. Только это дало бы желанный выход накопившейся злости.

— Как я ее найду? Она ж не преступница.

— Свяжись с Грегсоном.

— Грегсон работает в Эн-би-си.

— Он знает, как надо действовать. — Ярость кипела, переполняя Илая. Надо водить Фреда за ручку? Илай сам должен *все* делать? — Если не можешь выяснить имя агрессора, узнай, кто эта женщина! Сделай хоть *что-нибудь,* черт побери!

13

Чарли закрыл Библию. Хотел прочитать в книге Иезекииля про крест тау, да ничего не вышло — слова в голове не укладывались.

Может быть, из-за гремевшей в наушниках музыки, веселой тараторки ансамбля «Блаженство» под названием «Начнем». Песня точно лирическая, да сегодня игривая аранжировка и натужные голоса раздражают. Он вытащил лазерный диск из портативного проигрывателя сунул в щелку «Дух века» в исполнении «Алабамских слепцов». Традиционная гармония облегчила головную боль, Чарли растянулся в постели, закрыл глаза, помолился об умиротворении души.

Какое сегодня умиротворение? Перед глазами до сих пор стоит брат, барахтающийся, словно тонущий кот, в море крови, голос Джека в ушах талдычит про Иное...

Где же тут Иисус? Почему это все происходит?

Может, ему — Чарли — послано испытание? Чего? Веры?

Вера его однозначно сильна и могуча, до того крепка, что не верится, как он жил без нее до второго рождения. Теперь она вроде кислорода. Без нее он на месте откинет копыта.

Хотя кто сказал, что испытание послано *мне?* Может, испытывается вера Лайла... в ничто?

Так же крепко, как Чарли верит в спасительную любовь Иисуса, Лайл не верит ничему, кроме своих пяти чувств. Может быть, Бог дает ему шанс увидеть, что в жизни есть не только ощущения, существует не только тело, в каждом человеческом теле живет бессмертная душа, которая предстанет перед судом по окончании земной жизни. Может, Лайл получает возможность изменить свою жизнь, принять от Иисуса спасение, увидеть свое имя, записанное в Книгу Жизни...

Но если это дело Господне, почему Он прячет Свою руку?

Потому что так хочет.

Не старайся угадать волю Господа, напомнил себе Чарли.

А при чем тут Джек и Джиа? Оба явно не получат спасения. Джиа верит в Джека, а еще во что?

Джек — загадка. Здорово тогда сказал, что надо отвечать делом на дело. Правильно, так и надо... А что они с Лайлом делают, чем на хлеб зарабатывают?

Джек не такой записной реалист, как Лайл, однако его рассказ про Иное, Союзника, вечный конфликт двух космических сил... колотун нагоняет. Где тут Бог? Библейский Бог даже не отрицается, просто не упоминается. Он отброшен, забыт, словно старая лавка на обочине скоростного шоссе.

А когда Чарли попробовал намекнуть, что под маской Иного прячется Сатана, Джек перевернул идею с ног на голову, высказав предположение, будто само Иное и породило понятие о Сатане.

Чарли протер глаза, не найдя ответа на вопрос, кому послано испытание, и опять открыл Библию. Тут все ответы. Верь — и Иисус приведет тебя к ним.

Что касается ухода от Лайла, развала команды — отложим. Да, он дал обещание преподобному Спарксу, но, если Бог испытывает *его* веру, нельзя просто взять и удрать. А если Он испытывает Лайла, надо привести к Нему брата, помочь ему спастись. Иначе для чего нужны братья?

14

Лайл сунул голову в комнату, как всегда, видя Чарли лежащим в кровати с Библией в руках, в наушниках с псалмами, махнул ему рукой.

— Я ложусь, — объявил он, когда младший брат сдернул наушники.

— Чего так рано?

— Надоело старье смотреть по телевизору.

Чарли взмахнул Библией:

— У меня есть кое-что поинтересней. Классно утешет а ты, брат, по-моему, очень даже нуждаешься в утешении.

Лайл грубовато отмел его прочь:

— Спасибо, обойдусь как-нибудь.

— Ладно, только попомни о предложении. — Он сел на край кровати. — Чудеса с нашим теликом. Если малышку кокнули в шестидесятых, чего он зациклился на восьмидесятых?

Лайл тоже об этом думал.

— Не знаю. И в данный момент знать не желаю, — зевнул он. — Завтра будешь готов к работе?

Чарли пристально посмотрел на него:

— А ты будешь готов отвечать делом на дело?

— Это еще что такое? Начал вместо Писания цитировать Джека?

Лайл собрался уходить, но брат схватил его за руку, глядя прямо в глаза:

— После того, что творится в последние дни, ты не думаешь, что есть что-то сильнее тебя?

Он отвел глаза. Старый довод, только теперь параметры изменились.

— Признаю, я столкнулся с событиями, не имеющими рационального объяснения. — Он заторопился, видя сверкнувшие глаза Чарли. — Хотя это не означает, что рационального объяснения не имеется. Просто информации не хватает.

У Чарли вытянулась физиономия.

— Никогда не сдаешься?

— Перед иррациональностью? Никогда. — Лайл улыбнулся, стараясь смягчить ответ. — Правда, начал темноты бояться. Надеюсь, не возражаешь, если оставлю свет?

— Валяй, — буркнул Чарли, надевая наушники и беря в руки Библию. — Мне другого света не надо.

Лайл махнул рукой и пошел, думая, как хорошо было б найти все ответы в единственной книге.

Завидуя спокойствию брата, он шел по коридору в полном смятении. В горле стоял тугой комок. Дом стал непредсказуемым минным полем, полным смертельной опасности. Дневные события взволновали его, испугали и полностью вымотали. Тем не менее нечего даже думать лечь в постель и закрыть глаза.

По крайней мере, в этом доме. Ночевка в мотеле обеспечила бы безопасный восьмичасовой сон, после которого можно утром вернуться ко всему готовым, набравшимся сил.

Только он не оставит *свой* дом.

Войдя в спальню, взглянул на будильник. 15.22. Ничего подобного. Сейчас около половины одиннадцатого. Лайл признал, что не просто измотан, а плохо себя чувствует. Будем надеяться, не наглотался зараженной крови, в которой сейчас чего только нет. Впрочем, это не настоящая кровь, а какая-то воображаемая эктоплазма...

Что это я несу? — удивился он. Слушаю свои бредни и начинаю им верить.

Но случившееся сегодня — не бредни, а истинный бред, по выражению Чарли.

Лайл почесался. Снова принял душ после обеда, и все равно кажется, что не смыл с себя следы кровавой бани. Кровь как бы впиталась в кожу — проникла *под* кожу, влилась в *его* кровь. Это чувствуется.

За последние несколько дней перспективы переменились. Рядом со светлыми надеждами глубже зияют темные пятна. Надо их обходить. Проблема в том, что они без конца умножаются и приходится чаще петлять. Пустишь дело на самотек — скоро целый день будешь плясать на цыпочках.

Ежеминутно ожидая смерти, сам меняешься. Он наверняка утонул бы сегодня в кровавом водовороте. Однако не утонул, вынырнул из ужасной купели, переосмыслив жизнь и решившись извлечь из нее все возможное.

В данный момент займемся привидением.

Смешно, если подумать: убежденному скептику, зарабатывающему на жизнь враньем насчет духов, достался дом с привидениями. Кино, да и только.

С другой стороны, дом выбран из-за мрачного прошлого... Если где-то должны завестись привидения, то именно в Менелай-Мэнор.

Итак, что можно сделать в такой ситуации? Как приготовить лимонад из призрачного лимончика?

Очевидный ответ неожиданно пришел на ум в ресторане. Если в доме действительно безобразничает убитый и погребенный в подвале ребенок, стараясь привлечь внимание, указать на убийцу или на место захоронения, чтобы негодяя выявили эксперты-криминалисты, Лайл не просто, а очень *охотно* поможет светловолосой девочке.

Не только потому, что она, удовлетворив жажду мести, скорее всего вернется восвояси, оставив дом в покое...

...но и ради неслыханного паблисити!

Медиум Ифасен предал суду убийцу с помощью духа мертвого ребенка!

Ему никогда в жизни не предлагали выступить в новостях или в ток-шоу. А после этого даже оперный канал позовет, черт возьми! Хотя он будет придирчиво выбирать популярнейшие программы с самым высоким рейтингом.

И клиенты валом повалят. Они с Чарли будут обеспечены до конца жизни. Откроют десять, двадцать пять кабинетов для индивидуальных сеансов, пока лопухи топчутся в очереди вокруг всего квартала до самого моста Трайборо.

Все равно что выиграть в лотерею пятьдесят миллионов долларов.

Опьяненный головокружительными фантазиями Лайл остановился посреди своей спальни и тихонько окликнул:

— Эй! Тут есть кто-нибудь?

Не то чтобы ждал ответа, просто хотел разрядить напряженную атмосферу.

По коже мороз прохватил. Кажется или действительно в комнате похолодало? Температура падает. Ничего страшного, если бы вентилятор работал. Тогда как он выключен. И холод необычный... пронизывает до костей. Чувствуется, что он здесь уже не один.

Что-то отвечает на вопрос. Лайл призывно взмахнул руками:

— Если хочешь что-то сказать, я готов...

Дверца платяного шкафа хлопнула.

Он вздрогнул и попятился. На глазах у него открылась и захлопнулась другая дверца, выехал и со стуком закрылся ящик комода, другой, третий, быстрее, быстрее и крепче, грозя брызнуть щепками.

Лайл краем глаза видел прибежавшего Чарли с Библией в руках, видел, как брат шевелит губами, но за стуком ни слова не мог разобрать.

Все прекратилось столь же внезапно, как началось.

— В чем дело? — шепнул Чарли в гулкой тишине.

Замерзший Лайл растер голые руки.

— Понятия не имею...

И замолчал, глядя на темную полосу на пыльной крышке комода. Вполне можно было позволить себе уборщицу, но не хотелось, чтобы чужие видели в доме то, что не следует видеть. Сами делают уборку, хоть и нечасто.

Может быть, к лучшему.

Лайл шагнул вперед, поманив за собой Чарли, указывая на медленно возникавшие в пыли слова.

Где...

— Смотри, — шепнул он, — как в субботу на зеркале. *...та самая милая...*

Чарли ткнул пальцем в надпись.

— Если она поет, почему сказать не может?

Хороший вопрос. Безответный.

— Пишет прямо как наши липовые духи, — заметил Чарли, — только в сто раз лучше.

— Потому что не липовая.

Изображая пишущего духа, надо лишь прикрепить графит к кончику пальца, но сейчас перед ними не фокус.

В конце фразы встал вопросительный знак.

Где та самая милая леди?

Чарли охнул.

— Джиа. Ты не ошибся. Это из-за нее.

— Домой ушла, — сказал Лайл громче, чем нужно.

Почему?

— Она здесь не живет.

Когда снова придет?

— Я не знаю. Хочешь, чтоб она снова пришла?

Наверняка придет, если попросим.

Она добрая.

— Да, мы ее тоже любим. — Лайл взглянул на Чарли. — Ты кто?

Тара.

Он перевел дух. Имя для начала известно, надо разузнать больше.

— Тара... а фамилия?

Портмен.

Тара Портмен... Лайл зажмурился, потряс в воздухе кулаками. Есть!

— Тара, как ты сюда попала? Что тебе надо?

Маму.

— Ты маму ищешь?

Ответа не последовало. Холод ушел, напряжение разрядилось.

— Тара! — воскликнул Лайл. — Тара!

— Исчезла, — пробормотал Чарли. — Не чуешь?

Он кивнул:

— Что ж, мы хотя бы узнали, кто она такая. Более или менее.

Лайл зажмурился, снова напрягшись. Теперь перед ними не безымянное и безликое нечто. Когда у проникшего в дом привидения есть имя, оно не так страшно. Это когда-то жившая на свете девочка, от которой что-то осталось. С оставшимся можно работать.

Ей надо помочь. И она им может помочь.

— Точно, — кивнул Чарли. — Знаем, как ее зовут. Дальше чего будем делать?

— Во-первых, спросим у Джиа, говорит ли ей что-нибудь имя Тара Портмен.

15

— Тара Портмен? — повторяла Джиа, в десятый раз роясь в памяти. — Знаю нескольких Тар, пару Портменов, а Тару Портмен не припоминаю.

Они только вернулись из ресторана в Астории, не заходя в Менелай-Мэнор по настоянию Джека, и уселись смотреть кино. Джиа отыскала «Мачеху» на кабельном канале, объявив, что нынче ее черед выбирать. Он ворчал и бурчал, требуя что угодно, кроме «Мачехи», но в конце концов сдался, искупая горечь поражения фырканьем и отрыжкой в лучших эпизодах.

Прежде чем лечь в постель, проверил автоответчик, услыхав срочное сообщение Лайла Кентона — привидение назвало свое имя.

Джек записал продиктованные Лайлом по буквам имя и фамилию, написанные в пыли. Джиа смотрела на запись, трясясь от озноба. Ею интересуется нечто бесплотное, призрак мертвой маленькой девочки. Она содрогнулась.

— Как бы там ни было, — заключил Джек, — ты ей нравишься. По крайней мере, так она утверждает.

Джиа сидела за кухонным столом, склонившись над листком с именем и фамилией, он стоял рядом.

— Сомневаешься, что я милая?

— *Точно* знаю, что милая. А ты точно знаешь, что *для меня* важнее всего. Нам ничего не известно об этом явлении.

— Ее зовут Тара.

— По ее словам.

Джиа вздохнула. До чего ж он иногда упрямый!

— Собираешься шум поднять из-за этого?

— Если ради твоей безопасности придется поднять шум, то да. Я досконально должен разобраться. Не доверяю ей.

— Кажется, она хочет, чтоб я вернулась.

— Нет, — отрезал Джек. — Не может быть даже речи.

— Да что ты?

Понятно, что он за нее беспокоится, только все равно неприятно, когда тебе диктуют, что делать и чего не делать.

— Слушай, Джи, перестань. Мы тут снова столкнулись с Иным, которое прислало ракшас, помнишь?

— Конечно помню. Хотя насчет Иного ты точно не знаешь.

— Правда, — признал Джек. — Но по-моему, лучше ждать худшего, пока не убедишься в обратном.

Она откинулась на спинку стула.

— Как разузнать об этой Таре Портмен?

— Заглянуть в газеты. Завтра просмотрим архивы «Таймс» и так далее. Начнем с шестьдесят седьмого и порыщем туда-сюда.

— В Интернет можно прямо сейчас заглянуть.

— В шестьдесят седьмом не было Интернета.

— Знаю. Все равно не мешает попробовать.

Джиа повела Джека в библиотеку особняка к семейному компьютеру. Они с Вики все чаще им пользовались — дочка делала уроки, мать наводила справки для работы. Сайт выдал тысяч десять имен Тара Портмен. После первого десятка выяснилось, что дело гиблое.

— Попробуй поискать пропавших детей, — подсказал Джек.

Она застучала по клавишам и застонала, когда на экран выплыл чуть ли не миллионный список. Однако в его верхней части перечислялись организации, занимающиеся розысками пропавших детей. Джиа вызвала один файл, прочитала о целях организации, с огорчением видя, что ее создали в 1995 году.

— Ничего не получится. К тому времени она давно умерла.

— Может быть, — промычал Джек. — Но все-таки попробуй ткнуть поисковую клавишу слева.

Она ткнула. Поиск можно вести по регионам, по возрасту и описанию, по имени и фамилии. Выбрав последнее, написала в окошечках «Тара Портмен», нажала на ввод. Экран мигнул, на нем появилось цветное изображение, сначала размытое, потом набравшее резкость.

Волосы... При виде белокурых волос пересохло во рту.

Глаза... При виде голубых глаз перехватило дыхание.

Нос... губы... подбородок...

Джиа с криком шарахнулась от монитора, чуть не упав, если в Джек не поймал.

— Ты что?

— Это... она. — Слова не сходили с окаменевшего языка. Она ткнула пальцем в экран. — Я *ее* видела в доме...

Он упал на колени, держа ее за руку, вглядываясь в экран.

— В самом деле? Точно?

— Точно, — шепнула Джиа.

Джек потянулся к забытой мышке.

ТАРА ЭНН ПОРТМЕН

Похищена неизвестными

Дата рождения: 17 февраля 1979 г.

Рост: 5 футов 4 дюйма = 135 см.

Вес: 60 унций = 28 кг.

Глаза: голубые.

Волосы: светлые.

Родители: Джозеф и Дороти Портмен.

Обстоятельства: в последний раз Тару видели в районе Кенсингтонских конюшен в Бруклине у Проспект-парка после занятий верховой ездой.

Дата исчезновения: 16 августа 1988 г.

Район: Бруклин.

Город: Нью-Йорк.

Страна: США.

Выше фото Тары во время исчезновения. Ниже реконструкция в восемнадцатилетнем возрасте, сделанная в 1997 г.

Ниже изображалась потрясающая красавица, классическая королева.

Тара Портмен не исполнила обещаний. У Джиа перехватило горло. Девочка даже не перешла в среднюю школу.

— Все это мне совершенно не нравится, — объявил Джек.

Разумеется. Что же тут может нравиться? Хотя его никогда нельзя понимать буквально.

— Что именно?

— Похищенные дети. Сперва я с одним сталкиваюсь, потом ты... Нехорошо. Слишком близкое...

— Совпадение?

— Да. Помнишь, что мне было сказано?

— Совпадений в твоей жизни больше не будет, — кивнула Джиа.

От одной этой мысли ей делалось плохо.

— Думаешь, Тара связана с Дуком?

— Не знаю. То есть между этими случаями прошло много лет, а с другой стороны... совпадений не будет. — Джек передернул плечами. — Посмотрим, что можно еще раскопать.

На страничке значился номер электронной почты и три телефонных: бесплатной сети розыска пропавших детей, местного бруклинского участка и домашний.

— Исчезла в восемьдесят восьмом году, — пробормотал Джек. — Написанная в шестидесятых песня не вяжется, но, если ты видела эту самую девочку, с песней потом разберемся.

— Эту самую.

Джиа всмотрелась в лицо девятилетней девочки, гадая, что за бездушное чудовище погубило такое прекрасное невинное создание.

— Посмотри, — указал Джек на экран. — Сообщение девяносто седьмого года, когда ей стукнуло бы восемнадцать. Родные продолжали ее разыскивать через девять лет после исчезновения.

— Или хотели отвести от себя подозрения, — заметила она. — Джек, мы должны что-то сделать.

— Мы? Запомни, ты с ребенком будешь держаться подальше от дома в Астории!

— Ну ладно, тогда ты или кто-то еще должен найти останки, чтобы родные их похоронили...

— Хорошо. Только пообещай, что ты близко не сунешься.

— Посмотри на нее. Посмотри ей в лицо. Неужели, по-твоему, этот ребенок кому-нибудь повредит?

— С этим ребенком произошло что-то страшное. Похищения и убийства достаточно, а откуда ты знаешь, что произошло между тем? Это уже не невинное дитя. Даже не человек. Вдобавок мне не нравится что, кроме тебя, ее никто не видел.

— Вспомни, она написала, что ищет маму — меня, мать одного ребенка и будущую мать другого. Ей нужна мать, а в том доме на нее похожа одна я.

— Может быть, — протянул Джек. — И все же мне это не нравится.

— Если в она отца искала, выбрала бы тебя.

— Почему ж она *не ищет* отца?

— Может, он умер, или родители развелись, или ее растила мать-одиночка...

— Или отец виноват в происшедшем.

Мысль омерзительная, но приходится допустить и такую возможность.

— Самое главное — найти ее. Об остальном пусть полиция позаботится.

— Я все сделаю, — заверил Джек. — Поговорю завтра с Лайлом, посмотрим, на что он решится. Может, уговорю его раскопать подвал.

— А я?

— А ты пиши картины, занимайся делами, назначенными на среду.

— Слушаюсь, папочка.

Он чмокнул ее в щеку.

— Пожалуйста, Джиа, сиди на месте, веди себя тихо.

— Ладно, — кивнула она.

Но не сводила глаз с номера домашнего телефона в нижнем углу экрана... Районный код 212, здесь рядом, в Манхэттене...

На рубеже

Бывшая Тара Портмен плавала в темноте, зная, кто она такая, кем была, зачем здесь очутилась, зная, кому еще суждено умереть.

А потом, после очередной гибели в этом гиблом месте, что будет?

Возвращение в небытие?

Нет... Что-то еще должно быть, обязательно и неизбежно.

Когда она себя вспомнила, вернулись надежды, не успевшие осуществиться в недолгой жизни.

Мысль о том, что она потеряла, невыносима...

Невыносимо думать о том, чего никогда уж не будет.

Бывшей Таре Портмен хочется большего.

Среда

1

— Что это? — Эйб насупился на покрытую изморозью чашку, которую Джек поставил перед ним на прилавок.

— Чай. В кофейной сказали, лучше не найдете.

— Какой чай?

— По мнению Джиа, индийский.

— То есть с субконтинента?

— Точно. Говорят, с молоком, с сахаром, с прочими удобрениями.

В самом деле. Стоявшая перед ним утром в кофейне женщина взяла этот чай, и он попросил то же самое. Черт возьми, обязательно надо хоть раз все испробовать. Все, что отвлекает от мыслей о Таре Портмен, Джиа, Дук Нго и о возможных связях между ними.

— Я взял для тебя обезжиренный.

Эйб сильнее нахмурился:

— Что это значит?

— Туда налито обезжиренное, а не обычное молоко, поскольку тебе хочется похудеть.

Тогда как ты все толстеешь, мысленно добавил Джек.

Эйб смотрел на чашку, словно загипнотизированный.

— Как ты сказал?

— Чай.

— Допустим. Почему я его должен пить?

— Пишут, что это любимый холодный напиток рассудительных современных серьезных людей. Мне тоже хочется быть рассудительным, современным, серьезным.

— Для этого нужен не только чай. Чего там у тебя еще в сумке? Которая на полу стоит.

— Пока не имеет значения. Позабудем о ней. Выпьем чаю.

Джек поднял чашку, чокнулся с Эйбом.

— Будем здоровы. — Хлебнул, попробовал, поискал, куда плюнуть, ничего не нашел, проглотил.

Эйб тоже кисло сморщился.

— Отходы производства с парфюмерной фабрики.

Джек кивнул и закрыл чашку крышкой.

— Ну, попробовав чай, могу тебе сказать, что чувствую себя современным, серьезным, хотя не понимаю, зачем для этого пить подобную дрянь.

Эйб протянул ему свою чашку:

— Попробуй еще раз. Кстати, что там у тебя в другой сумке?

Джек поднял с пола сумку, вытащил две чашки кофе.

— На случай, вдруг чай не понравится. — Быстро хлебнул, смывая вкус чая, пролистал «Пост», отыскивая конкретную фамилию. — Слышал что-нибудь о Карле и Элизабет Фостер, она же — мадам Помроль?

— Дама-медиум? — уточнил Эйб. — Нынче о них никаких новостей.

Джек закрыл газету.

— Наверно, слишком рано. — Он потягивал кофе, радуясь знакомому вкусу. — Есть какие-нибудь идеи, как сделать меня гражданином?

— Пока нет. Думаю.

Джек поделился собственной идеей присвоить себе личность какого-нибудь покойника.

— Можно рассмотреть и такую возможность, хотя вдруг, упаси боже, возникнет давно пропавшая сестра? Что тогда будешь делать?

— Сымпровизирую.

— Нехорошо. Если избрать такой план, надо искать покойника без друзей и без живой родни.

— Непростая задача.

Весьма. До того непростая, что руки опускаются. Эйб взглянул на него:

— Что думаешь насчет отставки?

— Не знаю, — пожал Джек плечами. — Возможно, пора. Мне везло. Столько лет разрабатывал жилу, остался живой, даже не покалеченный. Может быть, это знак не испытывать больше удачу, кончать дело. Я хорошо зарабатывал, скопил приличные деньги. Может, пора отвалить, наслаждаться плодами трудов своих.

— Тебе сорока еще нет. Чем будешь заниматься?

— Не знаю. Что-нибудь придумаю. Тебе помощник на складе, случайно, не нужен?

— Ой!

— Нет? А ты сам как относишься к закрытию моего бизнеса?

— Учитывая грядущее отцовство, очень хорошо, — вздохнул Эйб. — Это просто абсолютно необходимо.

Джек удивился, никак не ожидая услышать от него подобное заявление.

— Почему?

— Потому что ты расслабляешься.

Он расхохотался:

— Видно, чай тебе сильно на мозги подействовал. Я расслабляюсь? Ничего подобного!

— Уже расслабился. По-твоему, я слепой? Не вижу? Процесс пошел, хоть и медленно. С тех пор, как ты встретился с Джиа. Год назад, да?

— В этом месяце стукнул год.

— Видишь? Я прав. До прошлого лета ты был колючим лангустом.

— А теперь кто? Мягкотелый рак?

— Ш-ш-ш! Дай договорить. Лангуст Джек сидел в своей раковине. Люди видели колючки, торчащие во все стороны, и держались подальше. Никто его пальцем не трогал, чтоб не наколоться. А теперь... — Эйб театрально пожал плечами, взмахнул руками, надул губы. — Теперь, смею сказать, в раковине открылись окошечки, чтобы дальше видеть. Таков результат любви славной женщины.

— Ты прав, она действительно славная, — улыбнулся Джек.

— До Джиа ты ни о ком не заботился. На всех плевал, ни о ком совершенно не думал. Теперь тебе есть к кому возвращаться, тебя кто-то ждет. Это все меняет. Требует осторожности.

— Я всегда осторожен. Таков закон бизнеса.

— А будешь чересчур осторожен, — возразил Эйб. — Поэтому я рад, что выходишь из дела. Ребенок заставит тебя чрезмерно осторожничать.

— Ну и что тут такого?

— Для твоего дела плохо. Я тебя знаю, Джек. Как только ребенок родится, он сразу же превратится в пуп земли. Ты почувствуешь ответственность за его здоровье и благополучие. Не просто почувствуешь, а будешь одержим этой мыслью. Тебе захочется постоянно быть рядом, каждую ночь спокойно спать дома, чтобы ему не пришлось расти без отца. Поэтому станешь слишком осторожным. В конце концов дрогнешь в такую минуту, когда малейшее колебание смертельно. Мне будет жалко Наладчика Джека, но, по крайней мере, папочка Джек будет забегать к завтраку, может быть, принесет что-нибудь вкусненькое.

— Тебе не кажется, что ты чуточку преувеличиваешь?

Эйб покачал головой:

— Если не бросишь или радикально не ограничишь круг своей деятельности, отказавшись от дел, не похожих на детские игры, по-моему, не проживешь и года после рождения ребенка.

Джек замолчал, задумался. Не может быть, не верится, но убежденные рассуждения Эйба поистине поразительны.

Впрочем, какая разница в долгосрочной перспективе? Все равно решено выйти в отставку. Стать Гражданином Джеком.

Кишки переворачиваются при этой мысли.

В его жизни часто бывают моменты, когда волосы встают дыбом, тяжеловато семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки уворачиваться от радаров, устаешь без конца оглядываться через плечо, но, черт возьми, приятно просыпаться утром, не зная, что принесет тебе день.

Очень непривычно будет жить нормальной жизнью.

Впрочем, это окупится. Его ребенок сможет стоять где угодно и с кем угодно, махнуть рукой и сказать: вон мой папа.

2

Дорога домой обошлась не так плохо, терпимо удалось сесть и выйти из машины, но подъем в квартиру по узкой лестнице даже с помощью Адриана был смертной мукой.

Наконец Илай осторожно уселся в шезлонг и, закрыв глаза, отдышался.

Приятно выйти из больницы, избавившись от трубок, хотя в животе до сих пор екает при воспоминании, как сестра Хорган вытаскивала нынче утром катетер. Приятно вернуться в квартиру, обставленную, в резком контрасте с забитым магазином внизу, в минималистском стиле: голые стены, голые деревянные полы, легкая светлая мебель. Шезлонг — вопиющее исключение. В доме необходимо хотя бы одно удобное сиденье.

— Вот, прими.

Илай открыл глаза. Перед ним стоял Адриан со стаканом воды и двумя таблетками перкоцета на огромной ладони.

— Ты добрый человек, Адриан. Спасибо. Как твоя нога?

Гигант согнул колено.

— Гораздо лучше. Голова болит адски. И до сих пор не помню вечер понедельника. Последнее, что помню, — как пообедал...

— Да-да, — перебил Илай, не желая больше этого слышать. — Врач говорит, возможно, никогда не вспомнишь. Ну и хорошо.

— Ничего хорошего, — возразил Адриан, обхватывая себя невероятно длинными руками, которые вполне могли сойтись на спине. — Я боюсь.

Даже невозможно представить, чтоб такой великан испугался. Впрочем, Адриан не разбойник с большой дороги, а дипломированный юрист, заместитель судьи Маркуса Уоррена в Верховном суде штата Нью-Йорк.

— Боишься, что он снова на нас нападет?

— Нет. Фактически, мне этого даже хочется. — Адриан стиснул огромные кулаки. — Расплатился бы за то, что со мной сотворил. Нет, боюсь, что не успеем вовремя провести церемонию, знаешь... до равноденствия.

— Успеем. Я ни одной не пропустил за двести шесть лет. И сейчас не намерен.

— А вдруг не успеем?

Кислота плеснулась в груди у Илая при мысли о подобной возможности.

— Для тебя последствия будут минимальными. Просто начнешь новый цикл.

— Но я уже пять лет потратил!

Посвящаемый должен непрерывно участвовать в двадцати девяти годичных циклах, после чего перестанет стареть и становится неуязвимым. Как только цепочка прервется, отсчет вновь ведется с нуля.

— И ничего больше не потеряешь, кроме пяти лет участия в церемонии. Ничего. Тогда как мне грозит катастрофа. На меня сразу обрушатся все болезни, страдания, старость, от чего церемония охраняет меня два последних столетия.

Смерть будет долгой, медленной, чрезвычайно мучительной. Удар стилетом покажется булавочным уколом.

— А кто будет вести церемонию, когда тебя не станет? — поинтересовался Адриан.

Илай покачал головой, чуть не спросив, думает ли он когда-нибудь о ком-нибудь, кроме себя, но придержал язык. Адриан ничем не отличается от других членов Круга. Не больше эгоист, чем я сам, признал он.

— Никто. — Раздражение неуместным вопросом облегчилось. — Разве что агрессор возьмет тебя в ученики.

— Не понял, — нахмурился Адриан.

Илай вздохнул. Об этом уже был разговор, а этот дурень ничего не помнит.

— По-моему, на нас напал адепт, знакомый с церемонией. Иначе никак не смог бы меня ранить.

— А, вспомнил.

— Однако, на мой взгляд, его цель — уничтожить наш Круг. У него имеется свой, и ему не нужны конкуренты.

— Тогда, пожалуй, я лучше с тобой здесь останусь, — поспешно заявил Адриан. — То есть пока ты совсем не поправишься.

Илай обдумал предложение, и оно ему понравилось. Безусловно, в течение нескольких дней ему потребуется определенная помощь — переодеться сумеет, а с готовкой и текущими делами охотно воспользуется услугами.

Впрочем, не следует проявлять чрезмерный энтузиазм. Адриан явно до полусмерти боится, как бы с Илаем чего не случилось до следующей церемонии. Ему даже полезно немножечко попотеть.

— Не стоит. Я привык жить один, едва ли вытерплю постоянного компаньона.

— Да я и на глаза попадаться не буду. Позволь остаться до конца недели. Мне только на следующей надо вернуться в суд, а пока тут займусь чем-нибудь...

Настоящая собачонка. Вернее, гигантский мастиф. Пора бросить косточку.

— Ну ладно. Несколько дней потерплю.

— Вот и отлично! Заеду домой, кое-что прихвачу и через час вернусь.

Он захромал к дверям.

— Стой, — окликнул его Илай. — Сначала принеси телефон.

— Пожалуйста. Ждешь звонка?

— Фредди позвонит, когда выяснит личность женщины, которую вчера вечером цитировали по телевизору. Я действительно с нетерпением жду звонка, — улыбнулся он. — Надеюсь, у нее был удачный день, ибо жизнь ее после этого превратится в кошмар.

— Не нравится мне этот Стросс, — заметил Адриан. — Вчера болтал о тебе всякую дребедень.

— Когда?

— Когда вез меня в коляске в палату. Говорит, у него появились сомнения, так ли ты стар, как утверждаешь.

— Правда? — Очень интересно.

— Говорит, покопался в архивах и выяснил, что родился ты в сороковых годах — точно не помню, — в семье итальянских иммигрантов.

— Он мне уже докладывал, я объяснил, что это было сделано для отвода глаз. Я специально разыскивал небогатые пары по фамилии Беллито, и одна, наконец, согласилась за соответствующее вознаграждение зарегистрировать меня как сына. Они уже умерли, не смогут подтвердить, так что придется верить мне на слово.

— Да я верю, — кивнул Адриан. — Ты меня неправильно понял, я лишь повторяю разговоры Стросса. Он говорит, невозможно проверить, действительно ли ты фантастически стар или попросту сумасшедший. Это снова его слова, не мои. А вчера вечером он сказал, что склоняется к последнему варианту после того, как тебя ранили.

— Правда? — переспросил Илай. — Неблагодарный. С Фредди, пожалуй, надо потолковать.

— Не говори, что я проболтался.

Илай окинул его взглядом. Для умного человека порой слишком наивен.

— Неужели ты не понимаешь, что он завел с тобой разговор, *зная,* что ты мне расскажешь. *Желая,* чтобы рассказал. *Надеясь,* что я рассею зародившиеся сомнения. Одного он не знает — мне на него плевать. Однако его связи в полиции полезны Кругу, поэтому придется поговорить и уладить дело.

— Сначала сил наберись хорошенько, — посоветовал Адриан.

Раньше было гораздо проще, думал Илай. Я не нуждался в Круге. Отлавливал раз в год агнца, совершал церемонию и шел своей дорогой. Теперь все осложнилось. Детективы вооружились такой техникой, что с каждым годом для похищения ребенка требуется все больше сил, связей, подготовки.

Круг нужен ему нисколько не меньше, чем он нужен Кругу. Только его члены не должны знать об этом.

Илай откровенно протяжно зевнул, протер глаза.

— Может быть, распущу Круг. Останусь один, как в самом начале.

Он прищурился сквозь пальцы, следя, произвело ли это замечание надлежащий эффект. Адриан пришел в полный ужас:

— Что ты, что ты, даже не думай! Я поговорю со всеми... Мы...

— Не надо. Я сам все улажу. Дам Кругу еще один шанс. Отправляйся теперь за вещами, а я пока кое-куда позвоню.

После его ухода Илай развалился в шезлонге, закрыл глаза.

...невозможно проверить, действительно ли ты фантастически стар или попросту сумасшедший...

Иногда он и сам не уверен.

Помнятся детские годы в Италии в восемнадцатом веке, помнится, как он прочел о церемонии на каменном своде Риомаджоре в Чинкве-Терре на Лигурийском побережье, долгая череда столетий, сотни принесенных в жертву детей, но воспоминания были смутными, словно все это ему приснилось. Хорошо бы припомнить побольше деталей.

А если Стросс прав? Вдруг он попросту сумасшедший убийца-маньяк, пытающийся повернуть часы вспять, постоянно рассказывая себе и другим сказки, в которые уже сам начал верить?

Нет! Илай хватил кулаком по подлокотнику. Что за мысли? Он не сумасшедший и не слабоумный. Дело в боли, в лекарствах... в ране...

Да, в ране. Вот откуда сомнения. Его вообще не должны были ранить. Для того и проводится церемония, гарантируя вечную жизнь и личную неприкосновенность. Не ограждает, конечно, адепта от любой царапины, но от ножевой раны... Лезвие стилета должно было скользнуть по коже.

Если удар наносит не другой адепт.

Илай нашел номер, который Стросс дал ему вчера вечером, нерешительно набрал. Агрессор по-прежнему «временно недоступен».

Он разъединился, кипя от злости. Надо ввести номер в повторный набор и без конца звонить. Когда-нибудь ответит, когда-нибудь они свяжутся, побеседуют. Он узнает агрессора, развяжет ему язык и покончит с ним.

3

Лайл, подавляя зевок, проводил предварительную процедуру с новой рыбкой. Не то чтоб ему надоело болтать с проводником в мире духов — Ифасен всегда рад пообщаться с древним мудрецом Огунфидитими, — но он просто смертельно устал. Словно всю ночь участвовал в триатлоне штангистов.

Тара Портмен, или кто она там такая, вчера вечером быстро угомонилась после представления с пишущим духом. Ни шума, ни крови, ни разбитых вещей. А сон все равно не шел. В ожидании грохота, кровопролития и прочих безобразий постель превратилась в утыканное гвоздями ложе пыток.

С другой стороны, Чарли выглядел нынче утром полным сил, абсолютно спокойным. Разумеется, благодаря Библии.

Впрочем, Лайл себя чувствовал плохо не только из-за усталости. Невозможно понять. Не столько плохо, сколько *непривычно.* Он стал каким-то... другим. Мир видится и воспринимается по-другому. Тени глубже, свет ярче, воздух наэлектризован, будто вот-вот произойдет что-то необычайно важное.

Он встряхнулся. Надо работать.

Отремонтировав комнату-канал, братья снова начали проводить сеансы, перекроив расписание. Лайл освободил дневные часы для свидания с Константином Кристадулу. Сегодня утром первым делом позвонил старику агенту, договорился о встрече в час дня. Оставил Джеку сообщение с указанием места и времени.

Встреча состоится попозже. А в данный момент он не очень доволен. Мельба Туми далеко не идеальная рыбка. Лайл проклинал себя, что в рассеянности как следует не проверил ее. Клиентка вообще нежелательная, а тем паче в начале дня.

Однако она заплатила за индивидуальный сеанс и теперь сидит напротив него в домашнем платье, соломенной шляпке с цветочками, с горящими надеждой глазами на черном лице.

Судя по анкетным данным, ей пятьдесят три года, на жизнь зарабатывает уборкой квартир. Нетипичная клиентка для Ифасена, безусловно, не из желанного слоя общества.

Лайл поморщился, представляя себе, сколько времени она копила деньги на частный сеанс. Указала в анкете, что пришла к нему как к черному. Не к афроамериканцу, а к *черному.*

Мельба Туми хочет узнать, жив или мертв ее муж Кларенс. Если мертв, ей хотелось бы с ним побеседовать.

Лайл изо всех сил избегал клиентов с запросами, которые не позволяют лавировать. С Мельбой дело обстоит как нельзя хуже. Жив или мертв, черное или белое, да или нет... Тут не выкрутишься.

Чтобы высказать более-менее обоснованное предположение, жив Кларенс или мертв, необходимо прочесть ее мысли, понять, что он собой представляет...

Зарабатывая сегодня на хлеб, придется попотеть хорошенько.

Лайл положил на стол два камня размером с картошку, сообщив рыбке, что они взяты с места рождения Огунфидитими. Поскольку Огунфидитими встречается с ней впервые, для прочного контакта надо крепко зажать их в руках. Которые к тому же останутся на виду у медиума.

Создавая соответствующее настроение — и убивая время, — Лайл разыграл представление с качающимся столом и стульями, потом перешел к делу.

Вытаращил в притворном трансе глаза, пристально наблюдая за женщиной. Лицо ее слегка

расплывалось в слабом красном верхнем свете, но он ясно видел красноречивые телодвижения, взгляды, дрогнувшие губы, дернувшуюся щеку... Читается как букварь.

Сначала кое-что уточним. В анкете написано, что Кларенс исчез 2 июня. С того и начнем.

— Почему-то мне кажется... вы с ним не виделись... с начала июня...

— Второго! — воскликнула Мельба. — В последний раз видела Кларенса как раз 2 июня. Утром, как всегда, на работу ушел и больше не вернулся. С тех пор я его не видела и не слышала. — Она вытащила из кармана грязный носовой платок, промокнула глаза. — Господи боже, да у вас действительно дар.

А как же, мысленно подтвердил Лайл. Дар помнить то, что ты сказала и забыла.

— Держите, пожалуйста, камни в руках, Мельба, — напомнил он. — Иначе контакт ослабляется.

— Ох, простите. — Она вновь стиснула камни. Молодец, так и держи.

Нельзя допустить, чтобы она полезла в сумочку на полу рядом со стулом, которую в данный момент должен утащить Чарли, прокравшийся из командного пункта весь в черном с головы до пят.

— Я заявила в полицию, там сказали, что вряд ли найдут. Даже не заинтересовались.

— Они очень заняты, Мельба.

Чувствуя ее горе, Лайл устыдился. Он ей поможет не больше, чем копы.

Отвечай делом на дело...

Он прогнал эту мысль, приступая ко второй попытке. Первая предназначалась просто для разогрева, чтобы разбить лед, завоевать доверие. Дальше будет круче.

Женатый на уборщице в купленном на базаре наряде Кларенс вряд ли занимал руководящее положение в крупной корпорации. «Утром, как всегда, на работу ушел» — скорее всего, штатный рабочий, может быть, член профсоюза.

Испробуем такой вариант.

— Кем он работал?

— Электриком.

— Состоял в местном профсоюзе?

— Нет, — нахмурилась Мельба. — Никогда не входил ни в какой профсоюз.

Ух ты! Ладно, легко поправить.

— Но по-моему, очень *хотел* войти.

— Правда! Откуда вы знаете? Бедняга много раз пытался, а его так и не приняли. Без конца говорил, что член профсоюза гораздо больше зарабатывает.

Лайл понимающе кивнул:

— Так я и понял.

Прикинем... обиженный рабочий... наверно, любил опрокинуть пару рюмок после работы... Даже если не пил или бросил, *искушение* выпить быстро приходит или возвращается.

— Вижу какое-то темное заведение, чувствую запах дыма, слышу звон стаканов...

— Ужас! Это кабак Леона! Он ходил туда после работы, а когда возвращался домой, от него несло пивом! Порой являлся за полночь... и тогда мы скандалили...

Пьянство, обида — ничего конкретного.

— Я вынужден спросить, он вас не обижал?

Мельба отвела глаза.

— Нарочно никогда. Бил иногда, когда я его донимала упреками из-за позднего возвращения. Только он... никогда сам того не хотел... А теперь, — она всхлипнула, снова прижала платочек к глазам, — пускай лучше в поздно возвращался, чем совсем никогда...

— Контакт пропадает! — крикнул Лайл. — Крепче держите камни!

— Извиняюсь...

— Понятно, но вы должны держать их в руках.

— *Бумажник у меня,* — раздался в наушнике голос Чарли, вернувшегося в центр управления с сумочкой.

— *Ее фото, какого-то жирного парня на официальной бумаге, детских нету.*

— Я не вижу детей... — пробормотал Лайл, надеясь, что она сама закончит фразу, как практически все лопухи.

— А у нас их и нет. Бог весть, мы старались, да так и не получилось, — вздохнула она.

— *Ну и больше почти ничего,* — докладывал Чарли.

— *Ключи, помада... гляди-ка, губная гармошка! Наверняка не ее — старика. Щас верну сумку на место.*

Лайл в ожидании, укрепляя доверие, сделал несколько замечаний насчет проблем Кларенса с весом.

На мысленном портрете Кларенс нарисовался в виде недовольного безденежного пьяницы с дурным характером. Ответ на вопрос о том, жив он или мертв, склонялся к последнему. Может, ввязался в темное дело, чтобы быстро денег срубить, теперь кормит червей или рыб.

Он почувствовал толчок в ногу: Чарли принес сумку.

Лайл прокашлялся.

— Слышу музыку... Вроде губной гармошки...

— Точно! Кларенс любил играть на гармошке. Соседи сердились, — улыбнулась Мельба, — и правда, играл он ужасно. Но все равно играл.

— Звучит где-то близко...

— Да я ж ее с собой принесла, — охнула она. — Как вы догадались?

Пускай сама додумается.

— Пожалуй, если я возьму в руки предмет, принадлежавший искомому, контакт облегчится.

— Гармошка у меня в сумочке. — Мельба взглянула на камни в своих руках, потом на Лайла. — А можно?..

— Одну руку можно опустить.

— *Неужели мы возьмем деньги с бедной женщины, брат?* — спросил в наушнике Чарли. — *Это не наша рыбка.*

Лайл ничего не ответил, думая о том же с начала сеанса.

Мельба опустила правую руку, поставила сумочку на колени, вытащила, покопавшись, гармошку, положила на стол.

— Его любимая.

Лайл потянулся к гармошке и замер, чувствуя что-то неладное. Почему? Почему он не может до нее дотронуться?

Пролетело несколько неловких секунд. Мельба вопросительно хмурилась. Лайл выпятил челюсть, схватил гармошку...

...и вскрикнул — комната перевернулась, исчезла, он очутился совсем в другом месте, в апартаментах отеля «Белладжио» в Вегасе, глядя на толстяка, известного ему как Кларенс Туми, храпевшего рядом со снятой на ночь блондинкой. Лайл все сразу понял — выигрыш в лотерею полумиллиона долларов, который Кларенс утаил от жены, решение безвозвратно бежать из дома...

Где-то вдали Мельба крикнула:

— В чем дело?

— *Ты чего, Лайл?* — гаркнул в ухо Чарли.

Губная гармошка в руках... Он один за другим разжал пальцы, уронил ее на стол, вдруг вернулся в комнату-канал, глядя в вытаращенные глаза Мельбы, зажавшей рот руками.

— *Лайл! Отвечай! Все в порядке?* — кричал Чарли.

— Все в полном порядке, — заверил он одновременно Мельбу и брата.

Ни о каком порядке речи быть не может.

Что это с ним только что было? Он действительно видел Кларенса Туми? Картина казалась абсолютно реальной, хотя... быть такого не может.

До сих пор не бывало ничего подобного. Не знаешь, что и думать...

— Ифасен, что случилось? — выдавила Мельба. — Вы что-то видели? Кларенса?

Что ответить? Даже если поверить, будто это правда, — чему он совершенно не верит, — как сказать женщине, что ее муж спит в Вегасе с уличной девкой?

— Пока точно не знаю. — Лучше не придумаешь. Лайл откинулся от стола. — Боюсь, придется прервать сеанс. Я... неважно себя чувствую. — Тоже правда. Самочувствие адское.

— Нет, пожалуйста, — охнула Мельба.

— Простите. Я верну вам деньги.

— *Молоток, старик,* — одобрил в ухе Чарли.

— Не надо мне денег! — воскликнула Мельба. — Мне нужен Кларенс! Где его искать?

— Лотерея, — пробормотал Лайл.

— Какая лотерея? Ничего не пойму...

— Я тоже, но так сказал мудрейший. Обратитесь в лотерейное управление штата Нью-Йорк, наведите там справки о Кларенсе. Больше ничего не могу сказать.

Если она это сделает и видение подтвердится — большой вопрос, — узнает о крупном выигрыше, наймет сыщика, тот его выследит, возможно, получит остатки...

Хотела найти мужа, а успех принесет только лишнюю боль.

Явился Чарли, удивленно глядя на брата. На языке наверняка вертится масса вопросов, которые он не осмеливался задать при Мельбе.

— Кехинде проводит вас и вернет деньги, — сказал Лайл. — Помните мой совет насчет лотереи. Сегодня же свяжитесь.

Мельба огорченно смотрела на него.

— Ничего не пойму, но вы все же старались помочь. В отличие от полиции. — Она протянула руку. — Спасибо.

Лайл ответил рукопожатием и чуть не охнул, охваченный целым вихрем эмоций — недолгая злоба, тоска, одиночество года полтора, не больше двух, — а затем темнота, *жадная* темнота, поглощает Мельбу и все вокруг.

Он быстро выпустил ее руку, словно получив удар током. Неужели это ее ждет? Неужели ей остается меньше двух лет?

— До свидания, — пробормотал Лайл и вышел.

Чарли повел ее в приемную, бросив через плечо на него странный взгляд.

— Ифасен сегодня сам не свой, — объяснил он клиентке.

Совершенно верно, мысленно согласился Лайл, чувствуя медленно проползавшие по спине мурашки. Если сам не свой, то чей, черт возьми?

4

Джек убьет меня, если узнает.

Джиа в нерешительности стояла перед облупленной дверью квартиры. Вопреки рассудку, вернулась на сайт пропавших детей, настучала домашний номер со странички Тары Портмен. Спросила ответившего мужчину, не родственник ли он девочке, — оказалось, отец, — представилась свободной журналисткой, сотрудничающей в разных газетах. Задумала цикл статей о детях, исчезнувших лет десять назад, не сможет ли он уделить ей несколько минут...

— Конечно, почему бы и нет, — последовал лаконичный ответ. — Пожалуйста, забегайте в любой момент, я почти всегда дома.

И вот она стоит на раскаленной площадке третьего этажа многоквартирного дома на дальних Западных Сороковых, боясь сделать следующий шаг. Надела строгий синий деловой костюм, в котором обычно встречается с менеджерами, сунула в сумочку блокнот и магнитофон.

Надо было спросить насчет миссис Портмен: жива ли она, дома ли, женаты ли они до сих пор...

Может быть, стоит учесть, что Тара ищет мать, не упоминая отца. Не намекает ли это на их отношения, не подтверждает ли предположение Джека о причастности отца к исчезновению дочки?

Однако мысль о том, что призрак Тары Портмен явился одной только ей, зудит в голове, словно пойманная оса. Она не будет знать покоя, пока не выяснит, что нужно Таре Портмен. Кажется, девочке нужна мать.

— Ну, я уже далеко зашла, — пробормотала Джиа, — не стану останавливаться.

И постучала.

Через минуту дверь открыл мужчина лет сорока пяти. С небритой скуластой физиономии смотрят голубые глаза Тары, крупная фигура втиснута в обтрепанную футболку, пожелтевшую под мышками, испещренную спереди пятнами от пролитого кофе. Босые ноги в шортах, длинные светлые волосы торчат во все стороны.

— Что вам нужно?

Джиа сдержала стремление убежать.

— Я... та самая журналистка, которая с вами связывалась по электронной почте.

— А, да-да. — Он протянул руку. — Джо Портмен. Входите.

Шагнув в крошечную квартирку, она постаралась не выдать реакцию на ударивший в нос запах кислого застарелого пота, объедков, готовки. Джо Портмен суетливо выключал телевизор, подбирал с пола, с продавленного дивана разбросанную одежду, комком запихивая в шкаф.

— Извините. Не ждал вас так скоро. Кофе?

— Нет, спасибо, я только что пила.

Он сел на диван, указав ей на стул у телевизора.

— Знаете, до чего странная вещь... Сижу вечером, смотрю игру «Янкис» и вдруг вспомнил о Таре!

Джиа осторожно уселась.

— Вы не часто ее вспоминаете?

Мужчина пожал плечами:

— Слишком долго *только* о ней и думал. Видите, до чего это меня довело. Больше стараюсь не думать. Врач в клинике говорит: что было, то прошло, надо жить. Я живу. Только медленно привыкаю. С трудом.

— Когда именно вспомнили Тару? — поинтересовалась Джиа, осененная неожиданной мыслью.

— Собственно, даже не вспомнил. На секунду, на долю секунды почуял, что она здесь, в этой комнате. Потом это чувство развеялось.

— И когда это было?

Портмен поднял глаза к потолку:

— Дайте сообразить... «Янкис» играли в Окленде, значит, в пятницу вечером.

— Поздно?

— Довольно поздно. По-моему, часов в одиннадцать. А что?

— Просто интересуюсь. — Она подавила ледяную дрожь.

Джо Портмен почуял присутствие дочери в момент землетрясения под Менелай-Мэнор.

— В том-то и дело, что в пятницу вечером мне это почудилось, а сегодня утром вы говорите, что собираетесь писать о Таре... Неужели синхронное совпадение?

От типа вроде этого самого Портмена не ожидаешь таких выражений.

— В жизни случаются странные вещи, — сентенциозно заметила Джиа.

— Правда. — Он со вздохом взглянул на нее. — Ну, милая газетчица, что вы хотите от меня услышать?

— Может, начнем с самого происшествия?

— С исчезновения? Исчерпывающие подробности найдете в старых газетах.

— Лучше бы от вас услышать.

Джо Портмен прищурился, ленивый голос зазвучал резче:

— Вы действительно журналистка? Не из полиции?

— Упаси боже. А что?

Он откинулся на спинку дивана, глядя на свои руки, сложенные на колене.

— Одно время я был подозреваемым. Вместе с Дот.

— С вашей женой?

— С бывшей... Дороти. Копы бегали с пустыми руками, газеты без конца талдычили о сатанинских культах, ритуальных жертвоприношениях... Возникли подозрения, не связаны ли мы как-нибудь с этим гнусным lерьмом. Выяснилось, слава богу, что нет, иначе нам предъявили бы обвинение. Было бы еще хуже, если можно такое представить.

— Что же произошло с Тарой?

— Кратко могу повторить, — вздохнул Портмен. — Записывать не будете?

Какая глупая промашка! Джиа поспешно полезла в сумочку за портативным магнитофоном.

— Разрешите?

— Пожалуйста. Мы жили в бруклинском районе Кенсингтон, знаете?

— Нет. Я выросла не в Нью-Йорке.

— Звучит как бы шикарно, а на самом деле простой старый квартал для среднего класса, ничего особенного. Я служил в корпорации «Чейз» здесь, в центре. Дот работала секретарем школьного совета Двадцатого округа. Вполне прилично. В Кенсингтоне нам нравилось — рядом Проспект-парк, Гринвудское кладбище... Верьте не верьте, мы его очень любили. Необычайно красивое место. — Он снова перевел взгляд на собственные руки. — Может быть, если бы поселились в другом квартале, Тара осталась бы с нами.

— Почему?

— Когда дочке исполнилось восемь лет, мы повезли ее посмотреть лошадей в Кенсингтонских конюшнях у парадного плаца. Она один раз проехалась и мигом неудержимо влюбилась в верховую езду, поэтому мы записали ее на уроки. Тара была прирожденной наездницей, целый год занималась три раза в неделю, днем по вторникам и четвергам и утром по субботам. По четвергам немножечко дожидалась, пока Дот приедет за ней. Ей было строго-настрого велено оставаться в конюшнях, *ни при каких* обстоятельствах не выходить. Целый год так и было. А однажды в четверг Дот приехала — точно вовремя, обратите внимание, — Тары нет... — Голос прервался. — С тех пор мы ее больше не видели и ничего не слышали.

— Ни свидетелей, ни следов?

— Ни единого. Впрочем, стало известно, что дочь нас не слушалась. По словам служителей конюшен, по четвергам на несколько минут выбегала за большим пряником, которыми с тележек торгуют разносчики. Копы отыскали запомнившего ее лоточника.

Он рассказал, что Тара каждый четверг прибегала в костюме для верховой езды и в тот день ничего необычного не было. Купила пряник и пошла обратно к конюшне. Так и не дошла... — Джо Портмен ущипнул себя за ногу. — Если в она нас послушалась...

— Как она выглядела? — спросила Джиа. — Что любила, кроме лошадей?

— Хотите знать? — Он сорвался с дивана. — Пожалуйста. Сейчас сами увидите.

Поманил ее за собой к черному сундуку с медными накладками, пододвинул его ближе к окну, поднял крышку.

— Вот. Идите взгляните. Это все, что осталось от моей девочки.

Джиа наклонилась, взглянула, но ни до чего не дотронулась, словно боясь совершить насилие, святотатство. Увидев пачку фотографий, заставила себя взять, перебрать снимки Тары в разном возрасте. Красавица, даже в младенчестве. Остановилась на фотографии девочки верхом на крупной гнедой кобыле.

— Ронда, ее любимица, — пояснил Портмен, глядя через плечо.

Она разглядывала костюм: кофточка в красно-белую клетку, бриджи, сапоги... Точно так был одет призрак в Менелай-Мэнор.

— Она... часто носила этот костюм?

— В нем исчезла. В холода надевала спортивную куртку и кепку, вроде какой-нибудь англичанки, богатой наследницы. Без памяти любила эту лошадь. Верите ли, пироги ей пекла, большие, пышные, зернистые. Лошади нравилось... Необыкновенный ребенок!

Джиа взглянула в мужское задумчивое горестное лицо, удостоверившись, что отец не может быть виновен в пропаже дочери.

Одна из следующих фотографий запечатлела Тару рядом с подтянутым аккуратным красивым мужчиной лет тридцати. У обоих одинаковые голубые глаза и светлые волосы. Она с изумлением сообразила, кто это.

— Это действительно я в свое время... Потом меня стали пичкать лекарствами... — Джо шлепнул себя по животу. — Не найдется антидепрессанта, которого я не испробовал. В них куча углеводов. К тому же физическая нагрузка для меня сводится к беготне по квартире. — Он развел руками. — Дистанция небольшая, как видите.

— Вы работали в «Чейз»?

— Верно. Занимал не крупную, но солидную должность. Зарабатывал приличные деньги. Собирался получить степень магистра делового администрирования, да... не вышло.

На другом снимке вместе с Тарой позировала стройная привлекательная брюнетка.

— Дороти, — пояснил Портмен.

Мать...

— Она пережила исчезновение Тары тяжелее, чем я, если это возможно. Они были ближайшими подружками. Всегда все делали вместе. Дот так и не оправилась.

— Где она сейчас? — почти со страхом спросила Джиа.

— В лечебнице... на аппаратах и трубках.

— Ох, нет!

Портмен как бы переключился на автопилот, взгляд стал рассеянным, голос звучал механически.

— Автомобильная катастрофа. В девяносто третьем году, в пятую годовщину исчезновения Тары, она врезалась в опору моста на лонг-айлендском шоссе. Неизлечимая травма мозга. Поскольку ехала с большой скоростью, страховая компания настаивала на попытке самоубийства. Мы доказывали, что произошел несчастный случай. Сошлись где-то на середине, но компенсация близко даже не покрывает расходы.

— Как считаете, что это было?

— Что было — *не знаю,* что *думаю* — останется между нами с Дот. В любом случае я не мог полностью оплатить необходимое лечение и уход и не мог продать дом, потому что должен был думать о Джимми, которого с тех пор растил один.

— Это ваш сын?

— Вот его фотография.

На очередном снимке Тара стояла с темноволосым мальчишкой с щербатой улыбкой.

— Он выглядит младше...

— На два года. На этой фотографии ему пять.

— А сейчас он где?

— В исправительной колонии. Виски, крэк, героин — всего не перечесть. — Джо тряхнул головой. — Это наша вина, не его.

— Почему?

— Джимми было шесть с половиной, когда Тара пропала. Мы о нем совсем забыли. Только о ней и

думали.

— Естественно... понятно.

— Для шестилетнего мальчика — нет. И для семилетнего. Потом восемь, девять, десять, и вся семейная жизнь заключается в бесконечном оплакивании сестры. А в одиннадцать он лишился матери. Наверняка слышал толки о самоубийстве. Для него это значило, что мать его бросила, тоска по умершей дочери пересилила любовь к живому сыну. Он по молодости не понял, что она, может быть, не замышляла покончить с собой, просто пережила худший день в своей жизни, и какой-то безумный импульс взял верх.

На горле у него запрыгал кадык, он опустил глаза. Джиа не знала, что сказать, кроме: «Ох ты бедняга, и несчастный мальчик...» Но это прозвучало бы снисходительно, поэтому она ждала в тяжелом молчании.

Наконец Джо Портмен шмыгнул носом и продолжал:

— Знаете, надежда в конце концов умирает. Когда минуло пять лет, а Тара не нашлась, нам пришлось признать... худшее. Может быть, если в я был с ней рядом в тот день, Дот пережила бы его и осталась бы с нами. Но жизнь показалась ей слишком черной — на час, на минуту, и этого оказалось достаточно. Теперь у Джимми нет матери, а отец *по-прежнему* не обращает на него внимания, обеспечивая все, что ей необходимо. — Портмен растер лицо. — Его впервые арестовали в тринадцать лет за торговлю марихуаной, дальше жизнь под откос покатилась.

У Джиа сильней сжалось сердце. Какие страдания выпали ему и его семье... Неудивительно, что он сидит на лекарствах.

— Потом пришлось с Дот развестись.

— Почему?

— Чтобы дом уберечь. Я тогда еще надеялся спасти Джимми. После развода она осталась без средств, ее поместили в благотворительную лечебницу, оплачивая лечение. По иронии судьбы, через два года необходимость в разводе отпала.

— То есть изменились законы?

— Нет. — Вместо улыбки вышла страдальческая гримаса. — Я перестал ходить на работу. Джимми в то время сидел в детской исправительной колонии, я остался один в доме, не мог себя заставить подняться с постели. Когда каким-то чудом вставал, не мог выйти из дому. Шторы не открывал, свет не включал, сидел в темноте, боясь шевельнуться. Наконец меня уволили из банка. После этого я потерял дом и теперь, точно так же, как Дот, живу на пособие и медицинскую страховку.

Почти онемев от боли, Джиа положила в сундук фотографии, оглядываясь в поисках какой-нибудь вещи, которая пробудила бы более светлые воспоминания. Под руку попался альбом с виниловыми пластинками. На первом конверте крупным планом изображалась хорошенькая рыжеволосая девушка с задумчивым взглядом.

Портмен коротко рассмеялся:

— Хе! Это Тиффани, любимица Тары. Она без конца крутила эту пластинку, как только возвращалась домой.

Джиа перебирала пластинки, хорошо помня Тиффани. В начале карьеры все полки были завалены ее дисками. Какие у нее были хиты? Новые переработки старых песен... Ранние мелодии «Битлз»?.. Она пробежала глазами список на конверте... и охнула.

— Что там? — спросил Портмен.

— Да нет, ничего. — Джиа с трудом сглотнула, стараясь смочить пересохший язык. — Я просто забыла, что Тиффани заново исполняла песню «Наконец мы одни»...

— Ох уж мне эта песня, — простонал он. — Тара пела ее днем и ночью. Голос, слух у нее был замечательный, ни одной нотки не пропускала, но сколько раз можно слушать одну и ту же песню? С ума сойти! Хотя знаете... — Он говорил с трудом. — Я бы отдал все на свете — вплоть до собственной жизни, — чтобы еще раз услышать, как она ее поет. Только раз.

Если и оставались какие-то подсознательные сомнения, что в Менелай-Мэнор обитает Тара Портмен, теперь они исчезли.

Джиа глубже залезла в сундук, вытащила плюшевую игрушку, которую мгновенно узнала.

— Кролик Роджер!

Портмен протянул руку, взял у нее игрушку, повертел перед глазами, полными слез, и шепнул:

— Роджер... Я про тебя почти позабыл. — Он бросил быстрый взгляд на Джиа. — Давненько в сундук не заглядывал. Фильм вышел тем летом, когда она пропала. Я ее трижды водил... Верите ли, с каждым разом она хохотала все громче. Наверняка напросилась бы и в четвертый, да...

Он снова сунул ей куклу.

Джиа взглянула в широко открытые голубые глаза кролика, чувствуя, как по щекам катятся слезы, быстро смахнула и все-таки не успела.

— Будь я проклят! — удивленно воскликнул мужчина.

— Что?

— Чуткий репортер! Не перечесть репортеров, с которыми я разговаривал с восемьдесят восьмого года, но вы первая реагируете как живой человек.

— Возможно, у них больше опыта. Или эта история слишком меня задевает.

— У вас дочка есть?

Джиа кивнула:

— Восьмилетняя... Только что посмотрела на видео «Кролика Роджера». Ей ужасно понравилось.

Снова накатили слезы. Она их глотала, а они текли. Тару Портмен вырвали из счастливой жизни, убили или того хуже. Слишком жестоко... чересчур жестоко.

— Не спускайте с нее глаз, — посоветовал Портмен. — Каждую минуту будьте рядом, потому что никогда не знаешь... никогда не знаешь.

Ее обуял ужас. Вики далеко, в лагере. Господи боже, как можно было ее отпускать?

Впрочем, нельзя растить девочку в стеклянной колбе. Хорошо бы, конечно, но несправедливо.

Джиа положила в сундук Роджера, поднялась с закружившейся головой.

— По-моему, достаточно.

— Пришлете мне статью?

— Конечно. Если напечатают.

— Напечатают. У вас чуткое сердце, я вижу. Мне очень хочется, чтоб напечатали. Хочется снова видеть имя Тары. Знаю, ее больше нет. Знаю, она никогда не вернется. Но не хочу, чтоб ее забыли. Сейчас она лишь статистическая единица. Пусть опять обретет имя.

— Постараюсь, — пообещала Джиа.

Невыносимо стыдно врать. Никакой статьи не будет. С жгучим чувством вины она поспешила к дверям, прочь из душной вонючей коробки с тесными стенами.

Портмен пошел за ней следом.

— Знаете, что вышло бы сейчас из Тары? Она пела, играла на пианино, скакала верхом, обладала острым как бритва умом, радовалась жизни — каждой минуте, — имела любящих родителей, перед ней была целая жизнь, прекрасная, счастливая... И все мигом рухнуло. Вот так вот. — Он щелкнул пальцами. — Не по несчастной случайности, а умышленно. Умышленно! А Джимми? Кто знает, каким бы он стал? Наверняка не таким, как сейчас. Мы с Дот жили бы вместе, старились, нянчили внуков... Ничего этого уже не будет.

Никогда. — Голос его прервался. — Пусть люди знают, что похититель моей Тары убил не просто девочку, а всю семью!

Джиа только кивнула, выскочив в коридор, не в силах выдавить ни слова сквозь невидимый кляп, глубоко засевший в горле.

5

— Значит, Фредди, — начал Илай, — ты считаешь меня сумасшедшим, как я понимаю.

Стросс заскочил с новостями насчет расследования, предпочитая докладывать лично, а не по телефону, но Илаю больше хотелось поставить на место зарвавшегося копа из полиции нравов, возомнившего, будто знает ответы на любой вопрос.

Фред окаменел.

— Да что ты... никогда. — Пружинистый детектив сердито оглянулся на Адриана. — Вижу, кто-то язык распустил.

— Если не ошибаюсь, тебе только того и требовалось.

— Слушай, пойми, пожалуйста...

— Я понял, детектив Стросс, что ты нечестный человек. Я тебе предлагаю фактическое бессмертие — и что получаю в ответ? Шепотки за спиной. Пожалуй, распущу Круг, останусь, как прежде, один.

— Да ты что, серьезно? — воскликнул Стросс. — Из-за какого-то пустякового замечания...

— Это не пустяковое замечание! Это угроза единству Круга!

Фреду, судя по физиономии, не хотелось нести ответственность за разгон Круга. Легко представить, что с ним за это сделают прочие члены. Однако он принял презрительный дерзкий вид, расправил узкие плечи, обжег Илая взглядом.

— Я проверял тебя со всех сторон десять раз, черт побери, и везде сказано, что ты родился в Бруклине в сорок втором году.

— Я не одну сотню лет старался скрыть свое происхождение, — улыбнулся Илай. — Хорошо поработал.

— Я тоже. Не только у меня возникли сомнения. Ты утверждаешь, будто живешь на свете двести с лишним лет, практически бессмертен, пока руководишь церемонией, потом на тебя кидается какой-то парень и протыкает твоим же собственным ножом!

— Я тебе говорю...

— Знаю, но что я должен думать? И другие тоже?

В самом деле, подумал Илай. С этим немедленно надо покончить.

— Пойди на кухню, — велел он к Адриану, — принеси нож для мяса.

Адриан как-то странно взглянул на него, впрочем, выполнил просьбу, вернувшись с восьмидюймовым столовым ножом, совсем маленьким в его огромной руке. Илай взялся за стальное лезвие из высокоуглеродистой стали с тупым закругленным концом, протянул Строссу вперед рукояткой:

— Держи.

— Зачем? — неуверенно переспросил детектив.

— Возьми, потом скажу.

Коп, нерешительно поколебавшись, взял нож.

— Ну, дальше что?

Илай расстегнул рубашку, обнажил грудь.

— Бей.

— Ты с ума сошел? — воскликнул Адриан. — Не слушай его! — обратился он к Строссу. — Этот нож насмерть бьет...

— И ты, Адриан? — с горечью спросил Илай. Никто больше не верит? — И ты тоже не веришь?

— Верю, конечно. — Минкин был отчасти польщен. — Просто...

— Давай, Фредди. Сейчас же. Я требую. Когда останусь целым и невредимым, оповестишь сомневающихся, что не я сумасшедший, а *вы.*

Детектив замахнулся, прицелился, переводя сверкающий взгляд с ножа на грудь Илая. Тот ничуть не боялся, зная, что неуязвим для Фреда, Адриана, для всякого, кроме таинственного мужчины. Сейчас это будет доказано.

Стросс шагнул вперед, крепко стиснув губы. Илай закрыл глаза.

— Нет! — крикнул Адриан. — Слушай, а вдруг агрессор лишил тебя неуязвимости? Вдруг ты из-за полученной раны потерял силу, которая восстановится лишь после следующей церемонии?

— Не смеши меня.

— Есть же такая возможность, правда? Ведь с тобой раньше ничего подобного не было, да? Неужели действительно согласишься рискнуть?

Илай холодел, пока до него доходили слова Адриана. Быть не может. Случай беспрецедентный. Тем не менее в понедельник вечером он был ранен. Если Минкин прав...

Надо немедленно проводить церемонию! Прежде чем закроется окно новолуния.

Он снова взглянул на застывшего в нерешительности детектива.

Осмелиться?

Обязательно.

— Возможно, ты прав, Адриан. Но единственный способ это проверить — посмотреть, к чему приведет удар Фредди. — Он взглянул в глаза детектива. — Давай проведем эксперимент.

— Нет, — промычал Стросс, тряся головой, отступая назад. — Слишком рискованно. Не хочу экспериментировать с убийством.

— Слава богу! — вздохнул Адриан, привалившись к стене.

Илай тоже чувствовал облегчение, не желая себя выдавать, и поэтому просто сказал:

— Пожалуй, ты прав. Необходимо как можно скорей провести церемонию.

— Да ведь времени нет! — крикнул Минкин. — Окно открывается на три ночи до и после новолуния. Надо еще достать нового агнца...

— К вечеру пятницы, — уточнил Илай. — Причем чтобы к нам от него не вела ни единая ниточка. — Практически невозможно. Впрочем, надо сохранять спокойствие, прежде всего *казаться* спокойным. — Попросим членов Круга предложить подходящие кандидатуры. Кстати, — обратился он к детективу, — удалось продвинуться в поисках нападавшего?

Тот мотнул головой:

— Нет. Зато я нашел бабу, которая выступала вчера вечером по телевизору.

— Превосходно. Весьма отрадно видеть, что ты для разнообразия приносишь пользу. И как же ты ее отыскал?

— Да фактически запросто. Грегсон выдал мне копию видеозаписи, которая не пошла в эфир. Они сняли ее интервью, а она не подписала согласия на трансляцию. Симпатичная, кстати сказать. К счастью, оператор тащился за ней до самого такси. Я разобрал номер, сделал несколько звонков, разузнал, где таксист ее высадил.

— Очень хорошо. — Женщиной Илай собирался заняться попозже, но воспоминание о ее речах вновь разожгло злость. — Кто она такая?

Стросс вытащил блокнот.

— Джиа Ди Лауро. Вроде художница. Только тут что-то не вытанцовывается. Я заглянул в декларацию о доходах — она близко не заколачивает столько денег, чтоб жить даже рядом с таким шикарным кварталом.

— Художница?.. — промычал Илай. — Ну, для начала надо посмотреть, где продаются ее картины, на кого она работает, выяснить источники дохода, а потом...

— У нее есть ребенок.

Илай затаил дыхание. Ребенок! Трудно поверить в такую удачу.

— Продолжай.

— Снова странное дело. Дочка родная, но с другой фамилией: Вестфален. Виктория Вестфален.

— Сколько ей лет?

Пожалуйста, пусть будет меньше десяти, мысленно попросил Илай. Умоляю.

— Восемь.

В комнате воцарилась тишина. Мужчины переглянулись.

— Восемь, — выдохнул Адриан. — Идеально...

Более чем идеально, подумал Илай. Если удастся вовремя отловить, будет агнец для следующей церемонии. Жертвоприношение подрежет матери слишком острый язык.

Прекрасно. Открывшаяся возможность разогрела кровь.

— Разузнай все об этом ребенке, Фредди. Все. Немедленно. У нас не так много времени.

6

Джек явился в риелторскую контору Кристадулу чуть раньше назначенного времени. Поскольку она стояла на Стейнвей-стрит, решил убить двух зайцев, добежав по пути до абонентского почтового ящика в Куинсе. Есть у него еще ящики в Хобокене, на Манхэттене, но вся почта оттуда дважды в неделю пересылается сюда, в Асторию. Сунув под мышку пару плотных желтых конвертов, решил убить оставшиеся десять минут, осмотревшись вокруг.

Агентство Кристадулу располагалось в старом каменном здании в сердце одного из самых оживленных торговых кварталов с витринами, сплошь заставленными снимками предлагаемой на продажу недвижимости. Остаток улицы застроен трехэтажными домами — внизу магазины, выше квартиры.

Он направился к югу по западной стороне мимо старушек гречанок с хозяйственными сумками, многочисленных черноусых парней, болтавших по сотовым телефонам, смеявшихся тараторивших парочек, практически не слыша английской речи.

Деловая жизнь — образцовый пример этнического разнообразия. Кричащая фасадная вывеска «Медицинское обследование иммигрантов», кафе-кебаб, деликатесная лавка «Нил», восточные ковры, какая-то «Исламская мода, инкорпорейтед», чуть дальше египетское кафе, «Арабский общественный центр», педиатрический центр «Фатима», дальше колумбийская булочная и китайский массаж, специализирующийся на подошвах и спинах.

Джек пересек улицу, свернул назад на север мимо ирландской пивной Сисси Макгинти, ресторана «Рок-н-ролл», кафе с аргентинскими бифштексами, египетской кофейни рядом с итальянским «Эспрессо», остановился перед витриной исламской лавки с молитвенными ковриками, кадильницами и специальными часами: «Будильник пять раз полностью читает азан, самый крупный светящийся циферблат с календарем на 105 лет». Ничего не поймешь.

Из такси вылез Лайл в виде стопроцентного африканца в черно-белом кафтане-батике, белых хлопчатобумажных штанах, сандалиях, яркой вязаной ермолке, мигом растворившись в экзотической местной толпе, где Джек, напротив, выделялся в «ливайсах» и рубашке гольф.

— Явился, — проворчал Лайл, заметив его. — А то я не знал, получил ли мое сообщение.

— Получил. — Он махнул вокруг рукой. — Неужто тут все ладят между собой?

— Вполне.

— Надо бы ООН сюда перенести, пускай посмотрели б, как люди живут.

Лайл только кивнул, не испытывая подобного энтузиазма. Хотя глаза прятались за темными очками, на лице застыло напряженное выражение.

— Ты в порядке?

— Я? В порядке? Даже близко речи быть не может.

— Ясненько. Что стряслось?

Лайл взглянул на часы:

— Потом расскажу. Сейчас пойдем к старику. Только я тебе сперва объясню, как намерен сыграть, хорошо?

— Разумеется. Ты устраиваешь представление. Валяй.

— Надо, чтоб *он* подумал, будто *я* думаю, что в доме привидение.

— Так и есть.

— Да, но он не должен знать, что там на самом деле творится. И ни слова о Таре Портмен, или как она там себя называет.

— Тара Портмен была реальной личностью, — сообщил Джек. — Мы с Джиа вчера вечером отыскали ее в Интернете.

— Что значит «была»?

— В девять лет ее похитили. Летом восемьдесят восьмого года. Никто никогда ее больше не видел. На снимке та самая девочка, которую видела Джиа.

— О господи! — Лайл расплылся в ухмылке, захлопал в ладоши. — Ох, боже, боже мой!

Джек ожидал изумления, благоговейного страха, но не откровенной радости.

— Что тут такого хорошего?

— Не имеет значения. Ну, пошли к великому старикану.

Интересно, что творится в него в голове, думал Джек. Похоже, разрабатываются какие-то личные планы. Ну и пусть — у меня свои личные планы. Будем только надеяться, что они не пересекутся.

Константин Кристадулу ждал их в конторе, секретарша проводила в дальний кабинет, где они познакомились с главой фирмы. В тот момент Джек сполна оценил замечание Лайла насчет «великого старикана». Они уселись на два хромых стула за другим концом стола.

Видно, контора обходится без ненужных излишеств. Может быть, потому, что все излишества достались ее владельцу. С виду, по крайней мере. В талии Константин Кристадулу дважды превосходил даже Эйба. По мнению Джека, ему уже стукнуло семьдесят, хотя точно не скажешь — на пухлом лице с четырьмя подбородками все морщины разглажены. Длинные редеющие седые волосы гладко зачесаны назад, падая на воротник.

— Итак, — сказал он с легким акцентом, оглядывая Джека темными глазами с тяжелыми веками и останавливая взгляд на Лайле. — Вы желаете расспросить о приобретенном доме, мистер Кентон? В чем дело? Надеюсь, никаких проблем.

— Мы слегка пострадали от землетрясения, — объявил Лайл.

— Серьезно?

— Несколько мелких трещин.

Ничего себе мелких, мысленно хмыкнул Джек. Пол в подвале пополам расколот. Лайл мельком на него покосился, как бы предупреждая, что сам справится.

— Я пришел к вам потому, — продолжал он, — что в последнее время мы слышим в доме непонятные звуки... голоса, а никого не видим.

Кристадулу кивнул:

— Многие думают, что в Менелай-Мэнор являются привидения. Не подумайте, не потому, что их кто-то когда-нибудь видел, а в связи с историей дома. Надеюсь, помните, что я вам рассказывал перед покупкой.

— Разумеется. — Лайл взмахнул руками. — Я пришел не жаловаться, а разобраться, подробнее познакомиться с историей дома. То есть если Менелай-Мэнор где-то по дороге съехал с катушек, то

хотелось бы выяснить где. Как знать, может быть, дело можно поправить.

— Съехал с катушек? — повторил Кристадулу. — Забавное выражение. — Он откинулся назад, не имея из-за живота возможности наклониться в другую сторону, и уставился в потолок. — Подумаем... Если Менелай-Мэнор и съехал с катушек, я бы сказал, в то время, когда принадлежал Дмитрию.

— Кто такой Дмитрий? — уточнил Джек.

— Единственный сын Кастора Менелая. Кастор купил дом в пятидесятых годах. Асторию называли тогда «маленькими Афинами», эллинским раем в центре Нью-Йорка, куда после войны перебралась масса греков. Я приехал после постройки дома, но о семействе мне кое-что известно. Дмитрий был младше меня, поэтому близко мы никогда не сходились и, даже если бы были ровесниками, не сдружились бы. Странный был человек.

— В каком смысле? — спросил Джек. — Был приверженцем нетрадиционных культов? Придерживался иной веры?

Кристадулу бросил на него непонятный взгляд:

— Нет. Он был одиночкой. Всегда держался в стороне. Ни друзей, ни подружек. Как в ресторан ни заглянешь — один сидит.

Джек надеялся услышать какой-то намек на Иное, на Сола Рому, или как там его настоящее имя, какую-нибудь изощренную анаграмму вроде последней — «М. Аролос», но Дмитрий Менелай даже близко не подходил.

— Почему вы считаете, что с домом что-то произошло при Дмитрии? — спросил Лайл.

— Потому что он его перестроил. Старик Кастор умер в шестьдесят пятом. От рака поджелудочной железы. Мать Дмитрия скончалась в шестьдесят первом году, дом перешел к нему. Я тогда служил агентом в другой фирме, он явился ко мне за советом, просил порекомендовать каменщиков и плотников для перестройки подвала, выбрал пару рабочих из составленного мною списка. Я считал своим долгом следить за работой, частенько забегал... Странное было дело, — покачал он головой.

Давай, давай, давай, мысленно подгонял его Джек.

— А именно?

— Он велел облицевать подвал огромными гранитными плитами, импортированными из Румынии, из какой-то «силовой точки», по его словам, что бы это ни значило. Когда-то из них будто бы была сложена старая, давно рухнувшая крепость, но, если хотите знать мое мнение, я считаю, не крепость, а храм.

— Почему? — спросил Лайл.

— Потому что в некоторые плиты были врезаны кресты.

Джек покосился на Лайла, застывшего на стуле, словно штык проглотил.

— Какие кресты?

— Любопытный вопрос. Необычные. Похожи на заглавное "Т" с горизонтальной перекладиной над вертикальной опорой.

— Тау, — шепнул Лайл.

— Точно! — воскликнул Кристадулу, ткнув в него пальцем размером с кувалду. — Как буква тау. Откуда вы знаете?

Лайл бросил быстрый взгляд на Джека.

— Видели в доме. Разрешите спросить: вы считаете, эти самые плиты с крестами из греческого православного храма?

Кристадулу отрицательно покачал головой:

— Я немало поездил по свету, бывал во многих православных церквях и никогда не видел подобных крестов. Нехорошо таскать камни из храма. Все равно что напрашиваться на неприятности. Это самое и случилось с Дмитрием.

— Имеется в виду самоубийство? — расспрашивал Джек, вспомнив, что Джиа читала об этом в брошюре Лайла.

— Да. У него обнаружили рак поджелудочной железы, он видел, как страдал отец, наверно, не мог вынести мысли...

— Когда это было? — спросил Джек.

— По-моему, в девяносто пятом.

Дом принадлежал ему тридцать лет, думал Джек. В том числе во время исчезновения Тары Портмен. Наверняка причастен к похищению.

— Он не позаботился составить завещание, — продолжал Кристадулу, — поэтому возникли проблемы. У него не было ни детей, ни жены, дом завис в ожидании официального судебного решения. После нескольких лет юридических споров Менелай-Мэнор отошел одному из двоюродных братьев Дмитрия, который не желал иметь с ним дело, обратился ко мне и велел поскорее продать.

— И его приобрел доктор Сингх? — вставил Лайл.

— Очень многие потенциальные покупатели приходили осматривать. Препоной был тот самый подвал, облицованный плитами. Кстати, когда я обследовал дом, прежде чем выставлять на продажу, спустился в подвал и заметил, что все кресты выбиты.

— Почему, не догадываетесь?

— Абсолютно. Точно так же, как насчет земляного пола.

— Постойте, — спохватился Джек. — Там был земляной пол?

— Да. Можете себе представить? Дмитрий выложил кучу денег за импортные плиты, а пол оставил земляной.

Может быть, чтобы легче было закапывать то, чего никто не должен видеть.

— Племянник не желал на ремонт тратить деньги, поэтому мы постоянно сбавляли цену. Наконец дом купил сосудистый хирург по фамилии Сингх буквально за гроши.

— Насколько я помню, за ломаные, — добавил Лайл.

Кристадулу кивнул.

— Они с женой обновили интерьер, обшили гранитные плиты в подвале стенными панелями, пол залили бетоном. Однажды он не явился ни на операцию, ни к себе в кабинет. Полиция занялась расследованием, обнаружив его с женой дома в постели. Обоим перерезали горло.

Это Джек тоже вспомнил.

— Кто?

— Убийцу так и не нашли. Даже подозреваемых не было. Не осталось никаких следов.

— Неудивительно, что люди видят там привидения, — вздохнул Джек.

— Дальше было еще хуже, — продолжал Кристадулу. — Исполнитель завещания доктора Сингха попросил меня продать дом. Я думал, что после самоубийства и двойного убийства его никогда не продать. Потом, к несчастью, явились молодые супруги и выразили желание купить Менелай-Мэнор.

— Несмотря на историю? — уточнил Джек. — Или благодаря ей?

— Знаете, — Кристадулу хлопнул себя по животу, — я их не особо расспрашивал. Очень уж мне не нравилась история дома. Никак не повышала покупательский спрос. Помню, муж, Герберт Лом, сказал, что он не суеверен, а делом, кажется, заправляла прелестная женушка Сара. Они собирались усыновить ребенка, хотели купить дом на семью. И я им его продал. — Он снова откинулся, подняв глаза к потолку. — Лучше бы не продавал.

Дойдя до этого, Джиа перестала читать вслух брошюру, объявив историю «тошнотворной».

— Только не говорите, что им перерезали горло, — охнул Джек.

— Хуже, — с гримасой отвращения сказал Кристадулу. — Вскоре после переезда наверху в спальне был обнаружен зверски изувеченный ребенок, которого они только что усыновили.

Джек зажмурился, понимая реакцию Джиа.

— Получили какие-нибудь объяснения?

— Нет. Герберт сидел в доме в бессознательном состоянии, позже умер в больнице.

— От чего? — спросил он.

— Не знаю. Справлялся в больнице — в медицинском центре Даунстейт, — никто так и не сообщил, от чего он умер. Говорят, что имеют право знать только родственники, но, по-моему, дело не просто в этике. Они боялись.

— Чего?

Кристадулу пожал плечами:

— Возможно, судебного иска. Хотя, думаю, причина глубже. Думаю, она заключается в том, *как* он умер. — Толстяк махнул рукой. — Не будем больше говорить про Герберта Лома. Я вам рассказал все, что знал.

— А жена? — поинтересовался Лайл.

— Никто Сару больше не видел, не слышал. Как бы вовсе исчезла с лица земли. Или словно ее вообще не было. Ни одного ее родственника не нашлось, а Герберт завещания не оставил, поэтому дом стоял пустой несколько лет, потом снова вернулся ко мне вроде старого долга, опять его пришлось продавать, только теперь уже его не брали ни за какие деньги. Пока вы не пришли, — с улыбкой указал он на Лайла.

Тот ухмыльнулся:

— Я купил его именно из-за *истории.*

— Однако не очень-то рады, правда?

— Дело не в радости. Просто стараюсь справиться с ситуацией.

Еще пару минут побеседовали, поблагодарили агента, что уделил им время, и удалились.

— Наверняка Дмитрий в игры играет, — заключил Джек, как только они зашагали по жаркому солнечному тротуару.

— Он же умер!

— Угу. — Джек прищурился на солнце, вытащил темные очки. — Очень плохо. Ну, что дальше будешь делать?

— Пожалуй, начну подвал перестраивать.

— То есть сорвешь стенные панели, заглянешь под них?

Лайл кивнул:

— И бетонную плиту сорву, посмотрю, что под ней.

— Хочешь сказать, *кто?*

— Верно. Кто.

— Расскажешь, что увидишь?

— Нет, не расскажу.

— То есть как?

— Разве не ты утверждал, что эти безобразия из-за тебя начались?

— Ну...

— Ну тогда не желаешь ли сам приложить руку и лично выяснить? Готов?

Кроме отравления жизни Илаю Беллито и его приятелю Адриану Минкину, неотложных дел в ближайшие дни не предвидится, однако остается один любопытный вопрос.

— Допустим, под плитой обнаружится детский скелет. Что тогда?

— Звякну копам, явится бригада криминалистов, возможно, поймают убийцу. Потом, может быть, дух успокоится и вернется, откуда пришел.

— А по дороге весь мир услышит, как Ифасен общается с духом Тары Портмен?

— Имеется такой шанс, — кивнул Лайл.

Картина сложилась полностью.

— Пожалуй, смогу пару дней потрудиться при одном условии: если ты соберешься предать историю публичной огласке, никогда не упоминай мое имя.

— То есть Ифасен один предстанет в свете прожекторов? — Лайл скривил губы в сухой усмешке. — Ладно, с трудом, но как-нибудь переживу. — Усмешка погасла. — Пикник с пирожными по сравнению с другими вещами.

— Например? — спросил Джек, припомнив озабоченный вид Лайла перед визитом к Кристадулу. — В доме что-то случилось?

— Потом расскажу. — Он оглянулся на прохожих. — Не стоит обсуждать на людях.

— Ладно, обожду. Пойду домой, переоденусь, встретимся в подвале. Дай мне час.

— Отлично. — Лайл выпрямился, словно сбросив с плеч ношу. — Раздобуду кирки и лопаты.

— А я пива.

— Добро пожаловать в разнорабочие, — улыбнулся Лайл.

7

— Хорошо, Чарльз, — сказал преподобный Спаркс, опускаясь в кресло за обшарпанным письменным столом.

Пружины старого кресла страдальчески заскрипели под тяжестью тела. Стол казался слишком маленьким для проповедника, равно как и сплошь заставленный кабинетик с полками, провисшими под книгами, журналами, рукописными проповедями, со стенами, облепленными памятками на клейких желтых листочках.

Он указал Чарли на хилый стул с другой стороны стола:

— Садись и рассказывай, зачем пришел.

Тот сел, сложив перед собой липкие от пота руки.

— Преподобный, мне нужен совет.

Как никогда в жизни. На утро у них было назначено четыре сеанса. После первого Лайл засбоил, понес чепуху, на двух следующих совсем слетел с катушек, четвертый вообще отменил вместе с прочими, запланированными на день и вечер. Почему — не сказал, только вид у него был какой-то испуганный.

Испуганный... еще бы. В доме страшно. Чарли сам боится.

Он пытался расспросить, в чем дело, Лайл молчал, стиснув губы, глядя неизвестно куда. Не стал говорить с ним, не злился — боялся. Лайл никогда ничего не боится. Видя старшего брата в таком состоянии, Чарли трясся с головы до ног.

Пробовал читать Писание — не помогло. Надо было с кем-нибудь потолковать. Поэтому отправился к преподобному.

— Насчет твоего брата?

— Не совсем.

— А о чем?

— Даже не соображу, как бы это...

Преподобный вздохнул. Чарли чувствовал его нетерпение.

— Ладно, — решился он. — Дело вот в чем. Нам дозволяется верить в духов?

— Что значит «дозволяется»?

— Я имею в виду, в Писании против этого что-нибудь сказано?

Преподобный откинулся в кресле, глядя на него сквозь толстые стекла очков без оправы.

— Почему ты спрашиваешь?

— Вот тут самое трудное. — Чарли набрал в грудь воздуху. — У нас в доме привидение.

Преподобный по-прежнему пристально смотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

Чарли коротко описал творимые привидением безобразия.

— Поэтому мне надо знать, — заключил он, добравшись до конца, — чего делать.

— Уходи, — сказал преподобный, подавшись вперед, ставя локти на стол. — И немедленно. Тебе

давно следовало уйти от брата, теперь надо бежать. Не уходи — *беги* из этого дома.

Чарли вовсе не собирался бросать брата и удирать, но обрадовался, что преподобный не думает, будто у него поехала крыша.

— Значит... вы мне верите?

— Конечно верю. И после твоих рассказов о брате уверен, что это его вина. Это он вызвал беса.

— Нет, преподобный, это не бес, а дух. Девчонка... Называется Тарой Портмен...

Преподобный медленно покачал массивной головой:

— Духов не бывает, Чарльз. Ими лишь притворяются бесы.

— А...

— Мертвые не возвращаются, не посещают живых. Подумай: праведных принимает Иисус, а тем, кто предстал перед Господом, ничего больше не требуется. Никто о живых не тоскует, даже о самых любимых, ибо купается в любви Божией перед светлым ликом Господа нашего Иисуса Христа. Вспомни Послание к коринфянам: «...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Отказаться от этого... совершенно немыслимо.

Чарли согласно кивнул:

— Ну ладно, а неправедные?

— Горят в аду, Чарльз. О, каждый грешник очень даже хотел бы вернуться. Они бы все отдали хоть за секунду, за долю секунды, но, как бы ни жаждали, им этого не дано. Они навечно ввергнуты в ад на вечные муки. «...И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью...»[23]

— Тогда кто это?..

— Бес, Чарльз, — серьезно кивнул преподобный. — Смотри, как все логично и просто. Ангел не станет лжесвидетельствовать перед живыми, прикинувшись вернувшимся покойником. Только бес способен на подобный обман.

— А зачем?

— Чтобы обманом увести праведников от Господа, толкнуть на путь к вечному проклятию. Твой брат вызвал беса, но он явился за тобой, Чарльз. — Проповедник ткнул через стол пальцем, словно кинжалом. — За тобой! Хочет соблазнить твою слабую душу, преподнести своему хозяину Сатане на серебряном блюде!

Неужели за мной охотятся сверхъестественные сатанинские силы? — ужаснулся Чарли. Молю, Господи, только не я!.. Он вздрогнул, когда преподобный стукнул кулаком по столу.

— Теперь оставишь своего брата, прислужника Сатаны?

— Он... — Чарли прикусил язык.

Преподобный прищурился:

— Что? Снова скажешь, будто не прислужник, после того как он вызвал беса?

Именно это Чарли собирался сказать. Лайл никакого беса не вызывал. По крайней мере, специально. Никакой он не прислужник, просто слетел с катушек. Однако преподобный наверняка не согласится.

— Он ведь тоже в опасности. То есть его душа. Разве мы не должны постараться спасти его душу?

— Судя по твоим рассказам, боюсь, эта душа навеки погибла.

— Но не вы ли всегда говорите, что ни одна душа не погибла навеки, если еще может искать спасения у Иисуса Христа?..

Преподобный сверкнул глазами.

— Воистину. А ты действительно веришь, что твой брат это когда-нибудь сделает?

Лайл? Не похоже, однако...

— Бывают чудеса, преподобный.

— Да, бывают. Чудеса творит Господь. Оставь Ему чудо спасения брата и позаботься о собственном, немедленно покинув дом.

— Хорошо, преподобный.

— Сегодня. Даешь слово?

— Да, преподобный.

Но только вместе с Лайлом. Чарли не собирается оставлять брата в когтях свихнувшегося беса.

Преподобный поднялся.

— Тогда лучше иди.

Чарли тоже встал.

— Пойду. Э-э-э... — поколебался он, — Шарлин дома?

Проповедник строго посмотрел на него:

— Я вижу, как ты поглядываешь на мою дочь. И вижу, как она на тебя поглядывает. Но держись от нее подальше, пока не расстанешься с дьяволом. Сейчас ты стоишь на опасном перепутье. Посмотрим, какой выберешь путь, прежде чем подойти к Шарлин. Понятно?

— Понятно. — Уязвленный, Чарли отвернулся. — Вполне.

Преподобный Спаркс считает его опасным для своей дочери. Надо доказать обратное. Ладно, докажем. Сегодня же.

8

— До сих пор не могу поверить, — возмущался Джек.

Джиа потягивала зеленый чай, стараясь разгадать, что написано у него на лице. Потрясение? Раздражение? Гнев? Страх? Пожалуй, всего понемногу.

— Все в порядке. Вдобавок у меня особого выбора не было.

— Разумеется, был. — Он слегка отошел после первого взрыва и расхаживал теперь вокруг обеденного стола на кухне особняка, сунув руки в карманы джинсов. На столе стояла почти нетронутая бутылка пива с запотевшим кружком вокруг донышка. — Стоило только сказать себе: очень глупо отправляться одной к, возможно, психически ненормальному отцу убитой девочки, никому об этом не сообщая. Или я чего-то не понимаю?

— Я должна была выяснить, Джек, а иначе бы просто с ума сошла.

— Надо было предупредить меня о подобном намерении.

— Ты устроил бы точно такой же скандал, как сейчас.

— Я не устраиваю скандалов. Постарался бы отговорить тебя... Если в не смог, то пошел бы с тобой для надежности.

— Кого ты собираешься обмануть? После того как я сообщила тебе о беременности, ты стал так осторожничать, что наверняка запер бы меня в чулане и пошел бы один.

— Может быть, я вдруг стал чересчур осторожничать, потому что теперь ты — Наладчица Джейн.

Его не переспоришь. Она снова хлебнула чаю — слишком сладко. Меду переложила.

— Хочешь знать, что я выяснила?

— Хочу. — Он взял свою бутылку, опустошил ее жадным глотком на несколько дюймов. Хорошо бы только найти другой способ для выяснения. — Расскажи, пожалуйста.

Джиа рассказала о Джо Портмене, о матери и брате Тары, о том, что они пережили после ее похищения. Описала день исчезновения: девочка в той же самой одежде вышла из конюшен, прошла вниз по кварталу за пряником, и больше ее никто не видел.

— Она делала это каждый четверг? — уточнил Джек.

Джиа кивнула.

— А что? Это важно?

— Возможно. Значит, следовала определенному распорядку. Возникает хорошая вероятность, что похищение не случайное. За ней кто-то следил. Ее наметили.

Джиа мороз прохватил. Невинная девочка, бегавшая каждый четверг одной и той же дорогой за лакомством, даже не подозревала о слежке. Сколько раз похититель смотрел, как она покупает пряники, прежде чем совершил прыжок?

Она растерла руки, покрытые гусиной кожей.

— Просто бред сумасшедшего.

— Потому что мы имеем дело с сумасшедшими. Вроде... — Он вдруг замолчал и нахмурился.

— Что?

— Вроде Беллито с его дружком. Мальчик, которого они схватили в тот вечер...

— Дук.

— Верно... тоже придерживался определенного распорядка, по крайней мере по словам его матери. Каждый вечер примерно в одно время выбегал за мороженым. Был уже в магазинчике, когда подъехали Беллито с Минкином и остановились у входа. Знали, что он должен выйти. Поджидали его.

— Точно так же, как кто-то ждал Тару между конюшнями и кондитерской тележкой. Одинаковый способ?

Джек вытаращил глаза:

— Ты хочешь сказать, похитители действуют одинаковым способом, намечая жертвы, которые придерживаются какого-то распорядка?

— Неужели ты думаешь, будто Беллито причастен и к похищению Тары?

— Было бы потрясающее совпадение, черт побери!

— Но...

— Да. Помню, — мрачно кивнул Джек. — Совпадений больше не будет.

— Все равно ничего не ясно.

— Мне тоже. Давай согласимся: не обязательно принимать за истину утверждение лишь потому, что оно прозвучало из уст сумасшедшей старухи. — Джек мысленно слышал голос с русским акцентом, сказавший, когда он склонился к могиле Кейт: «Это не совпадение. Совпадений у тебя больше не будет», и встряхнул головой, прогоняя воспоминания. — Что еще удалось узнать?

Джиа прищелкнула пальцами:

— Ох, оказывается, песня, которую она поет, на самом деле не шестидесятых, а восьмидесятых годов! Это Тиффани...

— Точно! Тиффани пела «Наконец мы одни»... Как же я мог забыть? Особенно во время выступлений в «Плейбой-клубе».

— Правда? Когда это было?

— Не помню. Слышал по радио или еще где-нибудь.

— Ну, по словам отца, Тара без конца пела эту песню. А знаешь, что меня по-настоящему потрясло? Она была поклонницей кролика Роджера.

Джек не то чтоб побелел, но его загар вдруг слинял на три тона.

— Господи Иисусе...

— Ты что?

Он поведал о запертом шкафе в магазине Илая Беллито, полном детских игрушек, включая брелок для ключей с кроликом Роджером, с которым хозяин не желал расставаться ни за какие деньги.

Джиа снова покрылась мурашками.

— Он у тебя с собой?

— Нет, дома. Давай не будем делать скоропалительных заключений. В восьмидесятых годах было продано миллиона два таких брелоков.

— Ты можешь пойти с ним в полицию и...

Он заморгал.

— Я?!

— Извини. — Совсем позабыла, что Джек несовместим с полицией.

— Хорошо бы точно выяснить, ее это брелок или нет. Беллито пока можно только подозревать.

— Может быть, принести его в дом, посмотреть, как она среагирует?

— Потрясающая идея! — охнул Джек. — Как я сам не подумал?

— Ты же просто Наладчик Джек. До этого может додуматься лишь Наладчица Джейн.

— Один — ноль, — улыбнулся он, взмахнув в ее честь пивной бутылкой. — Думаешь, среагирует?

— Для проверки есть единственный способ. Когда пойдем?

— "Пойдем"? — Он встал, тряся головой. — «Мы» больше туда никогда не пойдем. Ни за что. Одна половина останется тут, а другая пойдет и вернется, представив свидетельства очевидца.

Чего и следовало ожидать.

— Нечестно. Идея моя.

— Это мы уже обсуждали, Джи. Неизвестно, зачем явилось непонятное существо.

— Не «существо», Джек, а девочка.

— *Мертвая* девочка.

— Но ведь она *мне* явилась. Не тебе, не Лайлу, не Чарли, а мне. Это наверняка что-то значит.

— Безусловно. А что — неизвестно. И поэтому ты на тысячу миль не подойдешь к тому самому дому. У него поганое прошлое, гораздо страшнее и хуже, чем даже в брошюре Лайла.

Хуже, чем истерзанный ребенок? Разве это возможно?

— Что рассказал агент по недвижимости?

— Очень многое. Я потом тебе перескажу, а пока договоримся, что ты держишься подальше от дома.

— Но она же со мной контактирует!

— Правильно. Передаст сообщение, и ты его получишь. Мы сейчас собираемся раскапывать ее могилу. Если найдем и сумеем обвинить в убийстве Беллито, ты уже много сделала. Путь указала.

— А вдруг улик не найдется?

— Ну, хотя бы достойно ее похороним. Может, отец после этого к жизни вернется.

Джиа в данный момент не интересовал Джо Портмен. Она думала только о Таре. Умоляющий взгляд девочки, словно петля на шее, тянул в Менелай-Мэнор. Если воспротивиться, она ее задушит.

— Она написала, что ищет «маму», Джек. И по-моему, вряд ли имела в виду свою мать — мозг Дороти Портмен мертв. Думаю, она имела в виду меня. Пусть с момента рождения Тары прошло двадцать с лишним лет, она остается ребенком. Ей по-прежнему девять, и она напугана. Ей нужна мать. Я могу ее утешить.

— Как утешить призрак? — спросил Джек, обнял ее, крепко стиснул. Она чувствовала запах его мыла, колючую дневную щетину на щеках. — Пожалуй, если кто-то на это способен, то именно ты. Скажи только, если бы Вики была здесь, а не в лагере, ты точно так же стремилась бы вернуться в дом?

Это еще что такое? Намек, что кипучий порыв вызван тоской по собственной дочери? Конечно, стрела

не совсем мимо цели, но тут все-таки нечто большее.

— Не знаю, однако...

— Еще один вопрос: будь тут Вики, ты повела бы ее с собой?

Застигнутая врасплох Джиа мигом решила: конечно же нет! Хотя вслух ничего не сказала.

— Не в том суть. Вики нет, и...

Джек крепче ее обнял.

— Повела бы или нет?

Она поколебалась.

— Ладно, нет.

— Почему?

— Точно не знаю.

— А я знаю. Потому что в доме сложилась неопределенная ситуация, и тебе не хотелось бы, чтобы Вики столкнулась с непредвиденными последствиями. Так?

— Так, — кивнула она через его плечо.

— Зачем же подвергать опасности другого твоего ребенка?

Джиа вздохнула, попавшись в ловушку неопровержимой логики.

— Пожалуйста, — слегка отстранился Джек, — держись подальше. Дай нам с Лайлом пару дней на поиски останков. Может быть, кое-что прояснится, наладится, и проблема решится.

— Ох, ну хорошо. — Ей это не по душе, но она загнана в угол. — Пожалуй, два дня ничего не меняют.

— Замечательно. — Джек шумно выдохнул. — Какое облегчение!

— Пожалуй — для тебя. Для меня — никакого.

— Что ты хочешь сказать?

— Если дом для меня потенциально опасен, то и для тебя тоже.

Он улыбнулся:

— Забыла? Опасность — моя профессия.

— Я серьезно, Джек.

— Ладно, буду регулярно докладываться.

— Включи телефон, если мне вдруг понадобится позвонить.

— Обязательно. — Он вытащил сотовый из кармана, нажал кнопку, послышался писк. Джек взглянул на дисплей. — Надо идти. Решай, где будем обедать, — кроме дзен-буддистского ресторана, — и ты полностью выслушаешь рассказанную Константином Кристадулу историю подвала в Менелай-Мэнор, и познакомишься с результатами археологических раскопок.

Джиа вздохнула — все из вторых рук, но и на том спасибо.

— И насчет брелока, — напомнила она. Вот что хочется в первую очередь знать. — Обязательно расскажи мне, что будет, когда ты переступишь порог вместе с ним.

— Угу, — тихонько буркнул Джек. — Интересно будет посмотреть. Впрочем, не интереснее

землетрясения...

9

— *Что?* — переспросил Лайл, не веря собственным ушам. — Шутишь? Дергаешь меня за уздечку?

Чарли, тряся головой, вытаскивал из шкафа вещи и сваливал на кровать, сосредоточившись на своем деле, стараясь не смотреть в глаза брату.

— Нет. Правда, брат, я отваливаю.

Сперва сумасшедшее утро с тремя первыми лопухами, когда перед ним открылась их жизнь, прошлое и будущее — у всех очень недолгое, — а теперь еще Чарли. Мир рушится в пух и прах.

— Ты *не можешь* уйти. Мы — команда. Братья Кентон всегда составляли команду. Кто тебя настропалил, Чарли?

Тот, наконец, посмотрел на него полными слез глазами:

— Думаешь, мне самому хочется? Нет. Мы команда, Лайл, но не в этой игре, однозначно. И не в этом доме.

— Что это значит?

— Значит, оба чешем отсюда и начнем сначала, отвечая делом на дело, как Джек говорит.

Хорошо бы никогда не слышать о том самом Джеке!

— То есть выйдем из игры?

— Угу. Да какая вообще игра, когда ты все сеансы похерил?

Лайл поморщился. Правда. Отменены четыре утренних сеанса и все дневные. Сил больше нет. Не стал объяснять брату причину. Сейчас сказать? Нет. Тем более сразу же удерет.

— Да ведь мы ничего больше *не умеем!* Умрем с голоду!

— Вот еще! Два башковитых парня — управимся.

— Что значит «управимся»? Этого мало. Я хочу преуспеть, Чарли! Ты тоже.

— Уже нет. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»[24] Я хочу спасти свою душу, Лайл. И твою. Поэтому зову тебя с собой.

— А если я не пойду?

— Тогда один пойду своей дорогой.

— *Своей* дорогой? — Лайла охватила волна желчной злобы. — Почему ж не думаешь *своей* головой?

— Чего?

— Это не твои слова, а того самого рехнувшегося проповедника, пышущего серой, с раздвоенным языком, укротителя змей!

— Мы никаких змей не укрощаем.

— Ты легкая добыча для этих ребят! В Дирборне преподобный, как его там...

— Роулинс.

— Правильно... преподобный Роулинс велел тебе бойкотировать фильмы о Гарри Поттере.

— Потому что там восхваляется колдовство.

— Откуда ты знаешь? Ты их не видел. Книжки ни одной не читал. И Роулинс тоже. Ему кто-то другой велел, кто сам не читал и не видел. А вы выстроились в шеренгу, замаршировали в ногу против Гарри Поттера, о котором понятия не имели!

Чарли выпятил подбородок.

— Нечего мне смотреть, я и так знаю.

— Прочитать книжку, вынести обоснованное суждение вовсе не равнозначно убийству. Теперь тут повторяется то же самое! Как зовут проповедника из твоей новой церкви?

— Преподобный Спаркс.

— Его рук дело, правда? Он заставляет тебя уйти?

— Ничего он меня не заставляет! Говорит, это вовсе не привидение, а бес, который явился за нашими душами!

Бес? Хорошо, что Чарли не знает о прочих странностях. Вполне может признать одержимым старшего брата и потащит изгонять из него бесов.

— Тот самый преподобный здесь был? Видел, слышал, чувствовал то же, что мы? Рассмотрел доказательства, что это призрак девочки, убитой в восьмидесятых годах? Просиживая задницу в своем Бруклине, каким-то чудом понял, что творится в нашем доме, удостоверился, что это не Тара Портмен, а сам Вельзевул. Ты берешь под козырек и маршируешь. — Лайл огорченно тряхнул головой. — Такой умный малый вешает мозги на вешалку, как только проповедники рот откроют.

— Не хочу тебя слушать. — Чарли отвернулся и снова принялся вытаскивать вещи из шкафа.

— Вижу, — вздохнул Лайл. — Что там написано у тебя на значке? «Делай то, что сделал бы Иисус», да? Почему же ты себя не спросишь, пошел бы Иисус против брата?

— У Иисуса не было брата.

Лайл едва не заметил, что некоторые специалисты считают апостола Иакова братом Христа, но не стал сейчас вдаваться в этот вопрос.

— Тебе ясно, что я имею в виду. Пошел бы?

— Ты кто такой, чтоб говорить об Иисусе?

— Брось, Чарли, отвечай. Знаешь, что не пошел бы. Может, побудешь со мной еще пару дней?

— Зачем? — Чарли не смотрел на него. — Зачем мне рисковать даже одной минутой?

— Затем, что я твой брат. Затем, что мы кровные братья, и в семье никого больше нет. Давно мы составляем команду?

— Кто знает, — пожал он плечами.

— Ты знаешь. Скажи.

— Ладно. — Чарли оглянулся, надев на себя равнодушную маску. — Пятнадцать лет.

— А в этом доме давно живем?

— С год. И что?

— И ради стольких лет ты не дашь мне двух дней?

— Зачем? Для чего? Мы уперлись в тупик, Лайл.

— Не знаю. Минуту подумай самостоятельно вместо того, чтобы слушаться преподобного Спаркса.

Помоги мне раскопать подвал.

— Нет-нет. Там бесовское логово.

— Кто это тебе сказал? Тот, кто там никогда не был?

— Преподобный Спаркс знает.

— Вдруг он ошибается? Не ошибается один Бог, правда? Подумай минуточку. Вдруг он ошибся, и это не бес, а действительно призрак убитой девочки? Разве мы не сделаем доброе дело, если найдем останки, передадим родителям, чтоб они ее достойно похоронили?

Чарли хрюкнул и отвел глаза.

— Ну... Дело богоугодное.

— Пойдем дальше. Разве не доброе и не богоугодное дело, если останки помогут полиции найти убийцу, который получит заслуженное наказание?

Прежде всего, интересно, как Бог допустил убийство ребенка, но, видя колебания брата, Лайл решил не смущать его.

— Два дня, Чарли. Могу поспорить, будь у Иисуса брат, сбившийся с пути, Он по его просьбе дал бы ему пару дней.

Чарли покачал головой, скривив губы в нерешительной усмешке:

— Слыхал я о дьяволе-искусителе с золотыми устами, теперь вижу, что мы с ним родня. Ладно. Два дня, и ни минуты больше. Только договор подпишем с обеих сторон: если к вечеру в пятницу ничего не найдем, я отваливаю. И ты тоже.

Лайл заколебался, не ожидая такого условия, но, с другой стороны, без Чарли роль Ифасена не сыграешь. А если продолжатся утренние события, у Ифасена вряд ли есть будущее, по крайней мере в этом доме. Так что, согласившись, он практически ничего не теряет.

И в душе точно верит, что они *найдут* Тару Портмен или то, что от нее осталось.

Лайл протянул руку:

— Идет.

10

— Мистер Беллито! — воскликнула Гертруда привычным гулким басом, когда Илай шагнул в дверь. — Вы же должны отдыхать наверху!

Совершенно верно. В паху ворочалась колючая проволока, пока он ковылял к прилавку из каррарского мрамора. Надо было лежать, но, когда после ленча и краткого сна полегчало, Илай поддался побуждению заглянуть в магазин, посмотреть на товары, проверить торговые книги. Добравшись до тротуара, понял свою ошибку, однако возврата назад к тому времени не было: страшно подумать о перспективе вернуться в постель, преодолев, даже с помощью Адриана, узкую лестницу-Эверест.

— Ерунда, Герт. — Он тяжело оперся на трость, дойдя до прилавка. — Прекрасно себя чувствую. Если в вы еще подали стул из-за стойки...

— Конечно! — В верхнем флуоресцентном свете ее туго собранные сзади волосы блестели, как отполированный оникс. Она схватила стул, словно он весил всего пару унций, ловко выскользнула из-за прилавка. — Вот.

Герт поддержала его за локоть, Адриан за другой, и Илай осторожно уселся, даже не сел — откинулся на спинку. Вытер рукавом рубашки лицо в холодном поту. Новый помощник — как его, кажется, Кевин — явился с метелкой для пыли в руках, разинув рот при виде хозяина.

— Я вам очень сочувствую, — пробормотал он вроде бы искренне.

В самом деле?

Илай взял его в помощники и через несколько дней получил ножевой удар. Нет ли связи?

Вообще-то сомнительно, однако никогда не мешает обдумать возможности.

Служащие засыпали хозяина вопросами о нападении. Адриан сослался на потерю памяти, предоставив ему отвечать. Он ограничивался короткими туманными объяснениями и, наконец, не выдержал.

— Знаю, сейчас мертвый сезон, но у вас наверняка есть дела поважнее.

Оба немедленно сорвались с места. Кевин снова отправился стирать пыль с товаров, Герт принялась вносить в компьютер новые поступления, Адриан бродил по залу, шаря на полках.

— Какова выручка, Герт? — спросил Илай.

— Как и следовало ожидать. — Она протянула черный гроссбух. — Вы сами говорите — мертвый сезон. В августе дела всегда идут ни шатко ни валко и намертво замирают перед Днем благодарения, когда Нью-Йорк превращается в призрачный город.

Илай открыл старомодный гроссбух, предпочитая видеть слова и цифры, написанные от руки на бумаге, чем на компьютерном экране, просмотрел перечень немногочисленных ежедневных продаж. В одном месте глаза его вспыхнули.

— Мы продали осетра?

Безобразное чучело торчало в витрине с момента открытия магазина. Он уже приходил к мысли, что оно там останется до закрытия.

— Я не просто его продала, а даже за указанную на ценнике сумму. — Герт просияла от гордости. — Верите ли? После стольких лет буду скучать по страшной старой рыбе.

Илай перелистал страницы до вторника, того самого дня, когда зеленый помощник был тут в одиночестве, буквально и фигурально плюя на магазин. Почти страшно смотреть. К его удивлению, в тот день было продано довольно много товаров. Похоже, Кевин воспользовался случаем. Может быть, парень все-таки...

Он застыл, пробежав глазами последнюю строчку, где значилось:

Брелок для ключей — $10 — Джек.

Нет! Нет... не может быть... невозможно!

Схватившись за прилавок, Илай сполз со стула, лихорадочно зашаркал в конец зала к выставочному шкафу — его собственному.

— Осторожно, мистер Беллито! — крикнула вслед Герт. — Скажите, что нужно, я вам принесу.

Он ее проигнорировал, проигнорировал острые вспышки боли в паху, налегая на трость, находясь на грани отчаянной паники, стараясь не переступить эту грань, уверяя себя, что случилась ошибка, речь идет об антикварном кармашке для часов, который олух Кевин принял за брелок.

Однако воспоминание о шутовски наряженном рыжем мужчине, который в субботу вечером предлагал смехотворно огромную сумму за пустяковую безделушку, влекло его дальше. Он не обратил особого внимания на дурака покупателя, записав его в бездельники, которые от нечего делать играют в глупую игру: если вещь продается, выясни, сколько хозяин сбавит, если нет — посмотри, за сколько с ней расстанется.

А теперь... инцидент грозно, мрачно встал в памяти.

Илай завернул за угол. Вот и шкаф. Он позволил себе улыбнуться. Добрый старый латунный висячий замок на месте, как всегда, крепко заперт.

И брелок для ключей с мультипликационным кроликом...

Нет!

Он привалился к шкафу, вцепился в дубовую дверцу — стекло запотело под потной ладонью, — пристально глядя на пустое место на второй полке.

Нет! Страшный сон! Какое-то недоразумение!

Илай дернул замок — прочно держится.

Воздух как бы наполнился звоном бьющегося стекла, легкие разрывались при каждом дыхании.

Как? Как это могло случиться? У него единственный ключ. Через сплошные стекла ничего не достанешь...

— Мистер Беллито! — прозвучал за спиной голос Герт.

— Илай! — воскликнул Адриан. — В чем дело? Все вдруг его окружили — Герт, Адриан и молчаливый Кевин... Хорек, сопливое дерьмо!

Илай прожег его взглядом:

— Ты продал что-то из этого шкафа?

— Что? — Кевин побледнел и затряс головой. — Нет...

— Да! Брелок для ключей с кроликом! Признавайся!

— Ах да... Только он не отсюда. У меня и ключа нет от этого шкафа...

— Нет, отсюда! — рявкнул Илай. — О чем тебе отлично известно, черт побери! Говори, как ты его достал?

— Ничего не доставал! — Парень чуть не плакал. — Покупатель пришел с ним к прилавку, я смотрю, на нем ценника нет...

— Вот именно! — Илай затряс палкой перед лицом Кевина. Разнести бы башку слабоумной скотине! — Тут и надо было пошевелить мозгами! Как ты мог продать вещь без ценника? Отвечай!

— П-позвонил вам в больницу...

— Врешь! — Он занес трость еще выше. Терпение лопнуло, надо убить его здесь и сейчас.

— Правда! — На глазах Кевина выступили слезы. — Хотел спросить, вы сказали, сам думай, и бросили трубку...

Илай опустил палку, вспомнив.

— Значит, ты за этим звонил?

— Ну конечно!

Он проклял себя за то, что не выслушал.

— Как тот покупатель выглядел? Волосы рыжеватые, длинные сзади?

Кевин покачал головой:

— Нет. У него были темные волосы, глаза, кажется, карие. Вид самый обыкновенный. Он назвал вас по имени, сказал, что вы дружите. Даже сам представился...

Угу, мрачно кивнул Илай. Джек. Что толку? Он не знает никакого Джека.

Наверняка незнакомец — кем бы он ни был — подобрал отмычку к замку. Тогда... зачем расплачиваться? Почему просто не сунуть вещицу в карман?

Или хотел, чтоб хозяину стало об этом известно?

Издевается.

Как агрессор перед ударом...

Один хочет в субботу вечером купить брелок, другой в понедельник вечером нападает на них с Адрианом и освобождает агнца, третий на следующее утро крадет кролика Роджера...

Неужели это один человек?

По спине побежал мороз. Его кто-то преследует, как он преследует агнцев?

— Отведи меня домой, — велел Илай Адриану. — Немедленно.

Надо добраться до телефона. Номер есть.

11

Джек опасливо подходил к Менелай-Мэнор, крепко зажав в кулаке брелок с кроликом Роджером на цепочке. Шагнул мимо мертвых кустов на переднюю веранду, остановился в ожидании.

Ничего не дождавшись через полминуты, кроме ощущения собственной глупости, позвонил в дверь. Никто не ответил. Сквозь жалюзи слышался слабый деревянный треск, бряцание железа по камню. Видно, Лайл с Чарли начали без него.

Он толкнул створку, помедлил, вспоминая, как впервые перешагнул порог, — нечеловеческий вопль, землетрясение... Что будет на этот раз, когда при нем вещь, может быть принадлежавшая проникшему в дом непонятному «нечто»?

Лучше перестраховаться. Бросить брелок в прихожую и отступить назад.

Ни толчков, ни криков. Ничего.

Джек стоял, глядя на Роджера, который с ухмылкой лежал на полу, уставившись в потолок, растопырив руки-ноги.

Еще немного выждал — опять ничего.

Разочарование сменилось раздражением. Он подобрал брелок, подавляя желание размахнуться и швырнуть его на газон. Черт возьми, была же полная уверенность!

Ну ладно, все равно неплохая попытка. Надо признать, отсутствие прямых доказательств причастности Беллито к смерти Тары Портмен доставляет определенное облегчение. Совпадения начинают пугать.

Сунув Роджера в карман, он пошел на шум к кухне, к лестнице в подвал. По пути послышались другие звуки — музыка, джаз... Майлс... Какой-то фрагмент из «Прокисшего пива».

Джек встал на нижней ступеньке, разглядывая братьев Кентон за работой. Сбросив рубашку, они оказались на удивление мускулистыми для мошенников, черная кожа блестит от усилий, листовые панели сорваны и уложены в штабеля. Под ободранным куском в десять — двенадцать футов открываются пыльно-серые ряды гранитных плит. Его прихода никто не заметил.

— Я смотрю, без меня приступили, — констатировал он.

Лайл вздрогнул, оглянулся, замахнувшись киркой. Узнав его, шумно выдохнул и опустил орудие.

— Никогда так больше не делай! — предупредил он. — Особенно в этом доме.

— Привет, Джек, — махнул рукой Чарли. — Чего новенького?

— Много чего. Джиа ходила к отцу Тары Портмен.

— Одна? — охнул Лайл.

— Даже мне не сказала.

— Убойная девчонка, — оценил Чарли. — Узнала что-нибудь?

Джек кратко пересказал, что Джиа услышала от Джо Портмена.

— Значит, — медленно заключил Лайл, — Тара исчезла в том верховом костюме, в каком ее видела Джиа.

— Не валяй дурака, — хмыкнул Чарли. — Это не Тара Портмен.

Лайл закатил глаза.

— Ой, только больше не надо!

— Не хочешь слушать — не надо, может быть, Джек послушает. Ты ведь тоже сомневаешься, правда, Джек?

— М-м-м... — Это еще что такое?

— Я рассказал своему проповеднику, он говорит, никаких духов нету, а бесы в их обличье сманивают у Бога праведников.

— Мне беспокоиться нечего, — буркнул Лайл. — Я не праведник.

— Потому что ни во что не веришь, — с некоторой горячностью заявил Чарли. — Кроме своего неверия. Неверие — твоя религия.

— Может быть. Ничего не поделаешь. Видно, уродился скептиком. Объясни теперь, — обратился Лайл к брату, — где справедливость? Бог сотворил меня скептиком, а тебя верующим, значит, ты станешь праведником, а я нет. Если вера служит входным билетом в вечное блаженство, меня явно заранее обделили. Бог дал мне ум, способный задавать вопросы, но я буду проклят, если им воспользуюсь?

Темные глаза Чарли грустно на него взглянули.

— Обратись сердцем к Иисусу, брат. Кто поверит в Него, не погибнет, а обретет жизнь вечную.

— Не могу. В том и суть. Мне обязательно надо *знать.* Я не просил, чтоб меня таким сделали, просто такой уж есть. Не могу строить жизнь по тому, что приходится принимать только на веру, веря на слово тем, кто умер тысячу лет назад, кого я никогда не видел. Не могу я так жить. Это не для меня. — Лайл передернул плечами. — До сих пор не совсем верю в чертово привидение...

— Секундочку, — перебил Джек. — То есть как не веришь в привидение? Для чего тогда стены ломать?

— Не то чтобы совсем не верю. Середка на половинку. Не укладываются кое-какие аспекты.

— Например?

— Скажем, песня. Слышу детский голосок. Разве дух может петь? Или разговаривать, если на то пошло.

— Раз может расколачивать зеркала и писать в пыли, почему петь не может?

— Потому что у призрака нет ни связок, ни легких, подающих воздух. Откуда звук идет?

Джек решил, что знает ответ.

— Я недавно слышал, что звук — воздушная вибрация. Если то самое привидение заставляет зеркало разбиться, то и воздух заставляет вибрировать.

Лайл с ухмылкой кивнул и обратился к Чарли:

— Видишь? Вот что мне требуется. Объяснение, которое можно на зуб попробовать. А не просто услышать: такова воля Божья. Этого недостаточно.

— Достаточно, брат, — возразил Чарли. — Будет достаточно, когда грянут трубы Страшного суда.

— Это ты так думаешь.

— Знаю, Лайл.

— То-то и оно, что *не знаешь.* Я тоже не знаю. И ни один из нас не узнает до собственной смерти.

Дело становится скучноватым. Джек прошелся вдоль гранитных плит, проводя ладонью по камню.

Холодный. И липкий. Он отдернул руку. На миг показалось, будто под поверхностью что-то шевельнулось. Он посмотрел на ладонь, на стену — все по-прежнему. Снова попробовал, вновь почувствовал незнакомую щекотку...

— Что ищешь? — спросил Лайл.

— Просто плиты рассматриваю.

Шагнув к другому камню, он, оглянувшись, заметил, что Лайл пристально на него смотрит. Не просто пристально, а прищурившись, как бы стараясь навести резкий фокус.

— В чем дело?

— Ни в чем, — сморгнул Лайл.

Джек снова повернулся к камням, отыскал на одном крестообразное углубление, разглядел царапины на граните.

— Кажется, грек говорил, что в какие-то плиты были врезаны кресты?

— Точно. — Лайл подошел поближе. — Медные и серебряные.

Джек провел по царапинам пальцем.

— Видно, Дмитрий их выколачивал без особых предосторожностей.

— Угу, я уже заметил. Интересно, что он с ними сделал.

— Может, могилы метил.

— Или хотел, чтоб бесам тут было удобней, — вставил Чарли. — Они крестов боятся.

Стараясь предотвратить дальнейшие споры, которые все равно ничего не решают, Джек взмахнул киркой.

— Как считаете, не доломать ли обшивку?

— Чего убиваться? — буркнул Чарли. — Скорее всего, то же самое.

Джек ударил по панели тупым концом, слыша, как металл звякнул по камню. Перевернул, всадил в отверстие острый конец, вывернул кусок клееной фанеры. Несмотря на тупую боль в боку, неплохая попытка. Иногда ломать что-нибудь очень даже приятно.

— Не обязательно. Взглянем поближе, заметим другие швы в кладке. Откроется потайная дверь, за ней склеп... Неизвестно, что там обнаружится. Вдруг скелет Тары Портмен...

— Я тебе говорю, — уперся Чарли, — это не Тара Портмен...

— Стойте. — Лайл поднял руку. — Что-то происходит.

Джек огляделся, ничего не слыша.

— Что?

— Не чувствуете?

Джек посмотрел на Чарли, пребывавшего точно в таком же недоумении.

— Что именно?

Лайл медленно повернулся вокруг.

— Что-то приближается.

Тут он тоже почувствовал. Холодок, повышение *плотности* воздуха, все тепло в помещении как бы

стало засасывать в центр, в невидимую черную дыру, вместо него оставался медленно сгущавшийся комок холода.

Правую ляжку обжег нестерпимый холод. Джек ухватился за ногу и нащупал в кармане застывшую ледышку. Брелок! Скрипнув зубами, упал на колени — о боже, как больно! — вцепился в карман, полез внутрь, стараясь ухватить кольцо, к которому пальцы липли, как язык к топору на морозе, выдернул руку с облезшей кожей, вцепился в подкладку, дернул, вывернул. Наконец фигурка кролика Роджера вылезла, падая на пол.

Но так и не упала — нырнула, подскочила, стрелой понеслась к центру подвала, зависла в воздухе. Видно было, как изморозь покрывает руки, ноги, голову, туловище...

Джек поднялся, и вдруг резко зазвучал тонкий вой, эхом отзываясь вокруг, набирая высоту и громкость. Изморозь сгущалась на кролике, казалось, что замерзшая пластмасса трескается и раскалывается.

Вой внезапно превратился в яростный вопль. Голова Роджера отскочила, понеслась, ударилась в гранитную плиту, разлетелась кружившейся снежной пылью. Потом оторвалась рука, метнулась в другую сторону, чуть не попав Чарли в голову. Джек нырнул, когда вторая рука чуть его не прострелила. Брызнули другие куски под оглушительный крик. Обстрел вдруг прекратился, а яростный визг нарастал, пришлось заткнуть уши. Звук набирал физическую силу, нападал, боролся... и, наконец, умолк.

Тишина возникла столь же неожиданно, как раздался крик. Ощущение *присутствия* ослабло, Джек, Лайл и Чарли вновь остались втроем в подвале.

Джек затряс головой, безуспешно прочищая уши.

Лайл с Чарли были потрясены, а он вдруг ощутил спокойствие. Смертельное спокойствие.

— Что это такое, *черт побери?* — выдавил Лайл.

— Угу, — пробормотал Чарли. — Чего там у тебя было в кармане? Вроде кролик из мультяшки...

— Кролик Роджер.

— А.

— Кролик Роджер... — фыркнул Лайл. — Что еще может довести до бешенства обыкновенного беса?

Чарли шагнул к брату:

— Лайл, я тебя предупреждаю...

Джек перебил его:

— Отец Тары Портмен говорит, что девочка обожала кролика Роджера. Я предположил, что это ее брелок.

— По всему судя, — подытожил Лайл, наклоняясь и трогая пыль от одной из ног кролика, — она очень громко подтвердила предположение.

— Да, — кивнул Джек. — И вдобавок опознала убийцу.

Однако удовлетворение от раскрытия тайны омрачал безответный вопрос, как и зачем он сам вляпался в эту историю.

12

Джиа сидела под сводчатым куполом в третьем ряду от алтаря, ожидая умиротворения.

Медленно дошла от Саттон-сквер до собора Святого Патрика. Не совсем понимала, зачем пошла, бессознательно направилась в ту сторону, выйдя погулять, отдохнуть от работы. На Пятой авеню прошла мимо Святого Патрика и вернулась, стремясь окунуться в спокойную, мирную религиозную атмосферу. Только пока ничего не выходит.

Впрочем, приятно сидеть в уединении в огромном каменном пространстве, отрезанном от суетливой реальности за высокими дубовыми дверями, огражденном от всяких призывов из дома в Астории.

Сидя в одиночестве, она смотрела на толпы шнырявших туристов, католики осеняли себя крестным знамением у купели со святой водой и ставили свечи, другие торчали вокруг, разевая рты на готические арки, кресты вдоль боковых стен, статуи выше человеческого роста, гигантское распятие, золоченый алтарь...

Память вернулась к годам учебы в начальной школе Богоматери Упования в Оттумве. Не особенно католический городок, хотя ведь и Айова не особенно католический штат. Детей католиков вполне хватало для местной церковной школы, где преподавали сестры из монастыря. Из всей команды в черном облачении навсегда запомнилась сестра Мэри-Барбара, известная под прозвищем Мэри-варвар. Не потому, что Джиа ее сильно любила, ровно наоборот — потому что до смерти боялась.

Сестра Мэри-варвар была католическим двойником баптистского проповедника, грозящего всем и каждому адскими муками, вечно живописующего уготованные грешникам страсти, ужасные кары, которым любящий милосердный Господь подвергает ослушников. Нескончаемые страдания за пропущенную субботнюю мессу, за нерадивое участие в пасхальной службе... Маленькая Джиа безоговорочно верила, жутко боясь умереть со смертным грехом на душе.

К счастью, при монастыре не было средней школы, что позволило ей окунуться в море беззакония, именуемое муниципальной школьной системой. Тем не менее она осталась католичкой, посещая лекции и танцы Молодежной католической организации.

А в восьмидесятых раз навсегда откололась. Не утратила веру в Бога, не увлекаясь ни атеизмом, ни даже агностицизмом. Бог есть, как ей отлично известно. И не менее точно известно, что Он не особенно интересуется происходящим в мире. Может быть, наблюдает, только определенно не вмешивается.

Представлявшийся детскому взгляду строгим и величественным ветхозаветный Бог теперь кажется капризным вспыльчивым подростком, не умеющим держать себя в руках, устраивая потоп, насылая чуму, уничтожая перворожденных младенцев целого народа. Новозаветный Бог гораздо симпатичнее, но где-то по дороге понятия спасения и проклятия утратили смысл. Ты не просишь, чтоб тебя родили на свет, но уж если родился — либо верь, либо терпи в аду вечные муки. Легко было верить в ветхозаветные времена, когда Он зажигал кусты, разверзал моря, посылал заповеди на каменных скрижалях. Потом Бог отстранился, перестал взвешивать человеческие деяния, но по-прежнему требует веры. Как-то несправедливо.

Богу, конечно, и нечего быть справедливым. Все карты у Него на руках. Как скажет, так и будет.

Однако...

Джиа пробовала вернуться в церковь после рождения Вики. Ребенок должен иметь некую нравственную основу, которую, как известно, дает только церковь. В глубине души она надеялась, что,

когда отправится к праотцам, Вики Бог сохранит.

Но ничего не вышло. Стало ужасающе ясно, что Бог не охраняет детей. Они умирают от рака мозга, лейкемии и прочих злокачественных заболеваний, их избивают, расстреливают, бьют электрическим током, сбрасывают с крыш, обливают кипятком, сжигают, растлевают, насилуют, подвергают прочим бесчисленным невообразимым мучениям, и никакой невинности недостаточно, чтоб заслужить покровительство Бога.

Где же Он?

Может, правы «заново рожденные»? Иисус — персональный спаситель — следит за каждым твоим шагом, отвечает на твои молитвы. Они просят Его, чтобы морозным утром завелся старый драндулет, и, если заводится, целый день поют Ему хвалы, возносят благодарности. Невозможно свыкнуться с понятием о Боге, Творце Мироздания, как о космическом мальчике на побегушках, прислуживающем «истинно верующим». Дети умирают от голода, Тару Портмен — и не одну — похитили и убили, политических заключенных пытают, жен избивают, но Бог не слышит их мольбы о помощи, с готовностью откликаясь на просьбу «истинно верующих» обеспечить хорошую погоду во время церковного пикника. Бессмыслица.

Тем не менее, вспоминая немногочисленных знакомых «заново рожденных» — достойных, искренне верующих людей, — завидуешь их уверенности, душевному покою. Они говорят «Бог поможет» с несокрушимой верой, что Он о них позаботится и в конце концов все уладит. Очень хочется подобной уверенности, но совестно прийти к спесивому убеждению, будто ты так дорога Создателю, что Он к тебе прислушается.

Другая крайность — Бог, который устроил Большой Взрыв, повернулся, ушел и больше не вернулся.

Видимо, истина где-то посередине. Но где?

И как сюда вписывается Тара Портмен? Сама вернулась или ее прислали? Зачем? Откуда ощущение близости с ней?

Джиа вздохнула и встала. В чем бы ни заключались причины, здесь их не найти.

Она вышла на яркое солнце, направилась домой. На Саттон-сквер наткнулась на Роуз, горничную Силверменов, живших через два дома от особняка Вестфаленов.

— Встретились с полисменом? — спросила Роуз, плотная, широколицая, сменившая рабочую одежду на выходное платье.

У нее сердце замерло.

— С каким полисменом?

— С тем, что недавно к вам в двери стучал.

О господи! Вики! Что-то случилось...

Джиа лихорадочно нашаривала ключи в сумочке.

— Что он сказал? Что ему было нужно?

— Спрашивал, дома ли вы... Не остается ли девочка дома одна, когда вы уходите...

Она нашла ключи, отыскала один от парадного.

— Не объяснил, зачем ему это надо знать?

— Нет. Я ему говорю — никогда. Говорю, мисс уехала в лагерь. Спрашивает в какой — я сказала, не знаю.

От облегчения подогнулись колени. На секунду подумала, копа прислали из лагеря со страшным известием. А если он даже не знает, что Вики уехала...

Стоп. Зачем же тогда приходил? Зачем расспрашивал про дочку?

— Роуз, это действительно был полисмен?

— А как же! В полицейской машине и... — горничная замахала руками, — в этой... как ее...

— В форме?

— Правильно. Сплошь синяя. Точно коп.

— Случайно, не заметили номер жетона?

Роуз замотала головой:

— Нет... Даже не посмотрела. — Она вдруг прищурилась. — Если подумать, жетона у него вроде не было.

— Он называл меня или Вики по имени?

— Нет... По-моему, нет.

— Спасибо вам. — С первого раза не удалось попасть ключом в скважину. — Я выясню, в чем дело.

Ворвавшись в дом, Джиа первым делом позвонила в лагерь. Нет, в нью-йоркскую полицию никто не обращался. Вики и все прочие дети в полнейшем порядке.

Следующий звонок в местное 17-е отделение. Нет, никаких вызовов с Саттон-сквер не было, никого туда не посылали. Может, приехал наряд из другого района, но зачем он явился, никто не имеет понятия.

Она положила трубку с облегчением, что Вики в целости и сохранности, и с тревогой, что кто-то — коп или не коп — интересуется дочерью.

Самозванец? Нет, Роуз сказала, приехал в полицейской машине.

На память пришла Тара Портмен. Вдруг ее увезли в полицейской машине? Коп объявляет, что с матерью случилась беда, предлагает отвезти к ней девочку... Вики в такую ловушку попалась бы. Любой ребенок попадется.

Кем бы тот самый коп ни был, узнал лишь одно — Вики в лагере. Роуз не знает, где именно.

Позвонить Джеку? Что он сможет сделать, меньше всех на свете имея возможность проникнуть в тайны нью-йоркской полиции?

Остается только молиться...

Джиа нахмурилась. Как только грядут неприятности, начинаешь молиться. Даже если утратишь веру, старые привычки живучи.

Помолимся, чтобы все это оказалось недоразумением — коп просто ошибся адресом.

Сойдет, пока Джек не вернется.

13

— Давайте посмотрим, — предложил Лайл, — правильно ли я себе представляю последовательность событий.

Они успели содрать со стен почти всю обшивку и теперь трудились над косяками. Пока так и не обнаружено ни единого слабого камня. Каждый плотно прилегает к соседним.

Джека от этих камней почему-то мороз по коже пробирал. Они источали нечто чужое, внушая желание вновь их закрыть, спрятать с людских глаз долой. Камни словно понимают, что они нездешние, хотят вернуться назад, откуда пришли, — из Румынии, что ли? Хуже всего те, откуда вырваны кресты. Пустые углубления пристально смотрят, как глазницы черепа.

За работой Джек рассказал, как к нему в руки попал брелок Тары Портмен, — не упоминая, конечно, имен и побочного эпизода с поножовщиной в стычке с Илаем Беллито.

Лайл принялся загибать пальцы:

— Ты впервые встретился с Джини Мун, привез ее сюда, переступил порог, разбудил Тару Портмен. Через два дня тебя кто-то нанял присматривать якобы за своим братом, который впоследствии оказался единственным сыном в семье. Карауля брата без братьев, ты тиснул у него брелок, случайно когда-то принадлежавший Таре Портмен. — Он тряхнул головой. — Ничего себе клубочек.

И больше никаких совпадений, мрачно думал Джек, гадая, что за всем этим кроется. И при чем тут Джиа? Ситуация в целом очень тревожная.

Лайл сорвал с косяка остаток обшивки, швырнул в растущую кучу мусора у задней стены.

— Но из того, что у него оказался брелок Тары, еще не следует, что он ее убил. Может, он его на тротуаре нашел или на распродаже купил.

Джек раздумывал, что можно этим ребятам открыть, и с учетом того, что они живут по ту сторону закона, решил кое в чем довериться.

— А если я скажу, что во время слежки видел, как он похитил маленького мальчика?

Чарли широко вытаращил глаза:

— Шутишь?

— Хотелось бы. Если и этого недостаточно, то у того самого типа целый шкаф набит детскими игрушками. Вроде трофеев.

— Ух ты, — пробормотал Лайл. — Господи помилуй... Что стало с мальчишкой?

— Я его утащил.

— Эй-эй! — Чарли ткнул в Джека трясущимся пальцем. — Вьетнамчик! Так это был ты?

— Не стану утверждать.

— Точно, — ухмыльнулся Чарли. — Ты герой, Джек!

Джек, пожав плечами, повернулся к косяку, отдирая его от камней. Его смущают слова вроде «героя». Нынче им слишком легко разбрасываются, как и словом «искусство».

— Вы оба сделали бы то же самое. Любой сделал бы так же. — Он переключился на другую тему: — Что угодно на кон поставлю — есть связь между тем типом и покойным Дмитрием Менелаем. Если я прав,

боюсь, тут найдутся останки не одной Тары Портмен.

Что очень даже выгодно для рекламы. Лайл привалился к стене.

— Маньяк-убийца, — горестно охнул он.

— Не один, — кивнул Джек. — Может, целая шайка. Если сумею найти связь с Дмитрием...

— Что тогда?

Он нашел щель между двумя камнями за косяком, сунул туда ломик, сильным рывком вывернул косяк под протестующий скрип гвоздей и деревянный треск.

— Тогда кое-кто пожалеет, что на свет родился.

Лайл удивленно посмотрел на него:

— Тебя кто-то нанял для этого дела?

— Нет.

По-прежнему интересно узнать, кто поручил ему наблюдать за Илаем Беллито, но за разборку с Белли-то и его командой никто не заплатит.

— Зачем же за ними гоняться? Я думал, ты за деньги работаешь. Почему на этот раз бесплатно?

— Потому.

— Это не ответ.

— Нет, ответ.

— Хвала Господу! — воскликнул Чарли с сиявшими, как солнце, глазами. — Вознесем хвалу Господу! Видите?

— Вот чего я боялся, — буркнул Лайл.

— Джек, ты орудие Божие!

— Да ну? — За время наладческой деятельности его называли по-разному, но так еще никогда.

— Воистину! Тебя кто-то нанял следить за убийцей? Тоже Божий посланец... Отправил тебя за ним, чтобы в нужный момент помочь пацану.

— Правда? А как насчет других убитых детей? Как насчет Тары Портмен?

— Ты чего, не сечешь? Господь выбрал тебя, чтобы счеты свести!

— Эй, — рассмеялся Лайл, — вот тебе бог, которого придумали твои ослиные задницы! Куда он делся, когда был нужен Таре? Ничего не заметил? Взял бы да помог, и не пришлось бы счеты сводить. Теперь этого слишком мало, слишком поздно, если хочешь знать мое мнение.

— Не хочу. — Чарли испепелил брата взглядом.

— Кстати, ты там про беса мне толковал, — продолжал Лайл. — Сначала объявляешь, будто Сатана прислал к нам беса, а теперь выходит, что Бог послал Джека. Что выбираем?

Джек хотел было ему посоветовать оставить брата в покое, потом решил, что это его не касается. Впрочем, что это с Лайлом? Взвинченный до упора, как купленные вчера часы.

— Ну, хватит. — Чарли швырнул кирку. — Я пошел.

— Ничего подобного. Мы же договорились. Два дня.

— Я не буду торчать тут и слушать, как ты поносишь Господа. О богохульстве мы не договаривались.

Джек наблюдал за ними, не понимая ни слова из всей этой чертовщины.

Лайл примирительно поднял руки:

— Ладно, прошу прошения. Виноват, сорвался. День был тяжелый. Мир?

— Лучше бы помириться, — вмешался Джек, — и заняться делом. Немножко осталось.

— Ладно, — проворчал Чарли. — Закончим.

— Тогда, может, музыку сменим? — Бесконечная череда записей Майлса, Берда, Колтрейна действовала на нервы.

— Только не говори, что «Трейн» не любишь, — нахмурился Лайл.

— Пожалуй, я не большой любитель джаза. Или не сильно умный.

— Псалмы пойдут? — сухо усмехнулся Чарли. — У меня наверху полное собрание сочинений.

Джек прислонился к стене.

— Знаешь... если это музыка со словами, я бы не отказался.

— Давайте вообще выключим, — предложил Лайл. — Поработаем, как мужчины, под стук инструментов.

— Годится.

Джек набросился на следующий косяк, через минуту-другую почувствовал взгляд на затылке и, оглянувшись, увидел, что Лайл на него снова щурится, уже в третий-четвертый раз.

— Я тебе сильно нравлюсь?

Тот моргнул.

— Вовсе нет. Ты не в моем вкусе.

— Почему ж ты на меня так смотришь?

Он покосился на Чарли, опять взглянул на Джека.

— Если хочешь знать, стараюсь навести фокус.

Теперь Джек заморгал.

— Это еще что такое?

— Когда я на тебя смотрю, ты как-то... расплываешься.

— Очки купи.

— Не в том дело. Чарли я вижу четко и ясно. Посмотрю на тебя — лицо и прочее в полном порядке, а по краям... *расплывчато,* другого слова не подберу.

— Может, такой уж у меня характер? — улыбнулся Джек.

— Тут нет ничего смешного, старик. — Взгляд у Лайла был испуганный.

— И когда ты это впервые заметил? У грека, по-моему, не присматривался...

— Тогда еще не замечал. Может быть, дело в доме. Со мной тут происходит жутчайшая чертовщина.

— Например? — Чарли шагнул вперед, пристально на него глядя; недавняя враждебность сменилась братской заботой. — Потому сеансы отменил?

Лайл с затравленным видом кивнул:

— Со мной что-то случилось. По-моему, из-за вчерашней кровавой бани. Она... на меня как-то подействовала.

— Как? — спросил Джек.

— Я вижу и знаю то, чего никак не могу и не имею права знать.

Он признался, что на утренних сеансах видел сбежавшего мужа одной женщины, пропавшую собачку другой — мертвую, сбитую машиной на Двадцать седьмой улице. С покойной женой третьего клиента не сумел связаться — да, она умерла, но *исчезла.* За могилой никаких контактов.

— Со мной словно кто-то или что-то играет. Я как бы действительно приобрел кое-какие способности, которые много лет имитировал, дурача клиентов. По крайней мере, в доме они проявляются.

— И я в твоих глазах расплываюсь? — Неизвестно, что это значит, хотя наверняка не к добру.

Лайл кивнул:

— У Кристадулу не расплывался, а тут... расплываешься. Больше того. На утренних сеансах я думал, что просто читаю и чувствую то, что лопухи пережили, о чем они думают. Но мне еще приоткрылось их будущее. По крайней мере, похоже на то... — Он покачал головой. — Не знаю. Видел что-то нехорошее... невозможное...

— Верно сказано, брат, — кивнул Чарли. — Один Бог видит будущее.

В глазах Лайла снова мелькнул затравленный взгляд.

— Надеюсь, ты прав. Если мне привиделась правда, то будущего не так много осталось.

— Что это значит? — насторожился Джек.

Лайл передернул плечами:

— Хотелось бы знать. Когда я брал за руки трех сегодняшних клиентов, передо мной представала их жизнь, разная на протяжении следующих полутора лет, а в определенной момент они все одинаково уходили во тьму. Когда я говорю *«тьма»,* это не просто отсутствие света, а холодная, сильная, *живая* чернота, которая как бы всех их поглотила.

У Джека екнуло в желудке при воспоминании о похожих словах из любимых уст, предупреждавших в последний раз о наступающей тьме, которая вскоре «все перевернет». На пути ее встанет лишь горстка людей, и одним из них будет он.

Неужели Лайл говорит о том же?

— И когда это будет?

— Скоро. Похоже, всем троим меньше двух лет осталось.

— Трое разных случайных людей, — размышлял Джек, — ушли в темноту приблизительно одинаково, приблизительно одновременно. Может быть, объяснение заключается в том, что новая способность не позволяет тебе заглядывать вперед дальше некоего предела, или...

— Или на нас надвигается чудовищная катастрофа.

— Хвала Господу! — Чарли снова сверкнул глазами. — Вознесение! Ты видел Вознесение! Бог возьмет праведников на небеса и оставит всех прочих во тьме!

Твои клиенты не спасутся — иначе не валяли бы дурака, не таскались бы к медиуму-спириту. Ты общался с пропащими душами, Лайл.

— Как тебе будет угодно...

— Конец света! Преподобный Спаркс перечислял приметы, которые указывают на близкий конец света. Хвала Господу, он прав! — Чарли протянул руку. — Ну-ка, возьми меня за руку, брат.

Лайл фактически не шевельнулся, но показалось, будто отпрянул.

— Эй, Чарли, брось. Я думал, ты в этот бред не веришь.

— Пути Господни неисповедимы. — Чарли шагнул к нему. — В Писании сказано, мертвые восстанут, когда придет конец света. Может быть, время настало. Давай, Лайл. Дотронься!

Джек смотрел, как Лайл нерешительно тянется к руке брата. Его пронзила тревога, стремление предупредить, остановить его, однако он сдержался. Они братья. Вреда не будет. Что может случиться?

Лайл крепко стиснул пальцы Чарли. Они стояли, глядя в глаза друг другу.

— Ну! — нетерпеливо бросил Чарли.

Лайл зашевелил губами, издал страдальческий крик, глаза у него закатились, он рухнул на колени, закашлялся, задохнулся, схватился за горло свободной рукой.

— Отпусти его! — крикнул Джек.

— Не могу! — Чарли с обезумевшим взглядом старался освободиться из мертвой хватки. — Он мне пальцы сломает!

Лайл начал брыкаться и корчиться, как в смертельной агонии. До ужаса страшно. Джек бросился вперед, готовый помочь Чарли вырваться, когда Лайл вдруг затих. Хриплое дыхание на мгновение пугающе прервалось, потом он кашлянул, вдохнул, наконец, выпустил руку брата и всем телом обмяк на полу.

Джек наклонился к нему:

— Лайл, ты меня слышишь?

Тот перевернулся, открыл мутные, налитые кровью глаза, огляделся, прищурившись, словно только что выбрался из пещеры, остановил взгляд на брате, который стоял над ним, застыв в шоке.

— Лайл! Ты в порядке? — еле слышно вымолвил Чарли.

— Дурацкий вопрос, — прохрипел Лайл, приподнявшись на локте. — По-твоему, хорошо выгляжу?

Он сел и начал отплевываться.

— В чем дело? — спросил Джек.

— Какая-то земля во рту.

— Плохо, — тем же слабым шепотом заключил Чарли.

Лайл подтянул колени, уткнулся в них лбом.

— Началось плохо, могу вас заверить. Видно было неясно, я вдруг задохнулся по-настоящему, насмерть, а потом прошло. Все кругом затянулось каким-то туманом, смешалось, и тут я увидел ту самую жадную тьму. — Он посмотрел на брата. — Но мы оба через нее прошли. То есть похоже на то, раз мы с тобой по-прежнему вместе.

— Хвала Господу, — несколько уверенней пробормотал Чарли. — Значит, ты спасешься перед Вознесением. — Он поднял обе руки, возвел глаза к потолку. — Великий милосердный Боже, смилуйся над моим братом и надо мной!

Лайл со вздохом на него покосился, протянул руку, чтобы Джек помог ему встать.

Тот заколебался.

— Может, не стоит? — Решительно не хочется, чтобы кто-нибудь заглянул в *его* будущее. Если на то пошло, в прошлое и в настоящее тоже.

— Конечно. — Лайл сам поднялся на ноги, пошатнулся, выпрямился. — Господи, — помотал он головой. — Может, лучше на сегодня покончим?

— Пожалуй, хорошая мысль, — кивнул Джек. — Во всей распроклятой стене ни одного шаткого камня. Значит, завтра возьмемся за пол. Наверно, сразу надо было с него начинать.

— Угу, — согласился Лайл. — Если Дмитрий связан с исчезновением Тары Портмен и других ребятишек, мне лично становится ясно, почему тут столько лет был земляной пол.

Джек подошел к трещине в полу, осмотрел бетонные края.

— Особенно потеть не придется. Толщина всего дюйма два. Можно взять напрокат пневматический молоток и в два счета покончить.

— Лучше не надо, если можно обойтись, — возразил Лайл. — Слишком много шуму. Не хочется привлекать внимание.

— Пока, во всяком случае, — добавил Джек.

Он ответил бледной улыбкой:

— Точно. Пока. Если не возражаешь, сначала руками попробуем.

— Ладно. Раз ты будешь завтра готов к работе — я тоже.

— Буду. Только до конца дня. Завтра у меня выступление в женском клубе в Форест-Хилл. Произнесу спич перед обедом для леди.

— Надеешься расширить клиентуру?

— Угу, — вздохнул Лайл. — Надеялся, когда затевал это мероприятие. — Он с трудом старался приободриться, стоя перед Джеком. — Завтрашние сеансы все равно отменились, так что примемся за дело свеженькие с утра пораньше. Если опять ничего не найдем, то хоть зарядку сделаем.

Вот именно, зарядку. Хорошо было б также — хотя далеко не приятно — найти останки Тары Портмен и дать ей покой. Может, после этого Джиа забудет девочку. Заодно, может, выяснится, что все это значит и при чем тут Наладчик Джек.

Может быть.

14

Джек топал по Дитмарс к подземке мимо рядов этнических лавок, увенчанных жилыми этажами из серого камня. Час пик в полном разгаре, тротуары забиты, машины ползут и стоят. Он свернул на Тридцать первую улицу, направляясь к маячившей станции, когда услышал звонок своего телефона. Выудил сотовый из кармана, нажал кнопку.

— Привет, детка. В чем дело?

Однако звонила не Джиа.

— Это *Джек?* — проговорил мужской голос с легким акцентом, сделав на имени хлесткое ударение.

Он замер на месте.

— Кто говорит? Кто вам нужен?

— Тот, кто хотел убить меня вечером в понедельник. Не ты ли это, *Джек!*

Беллито! Откуда у него этот номер? Джек встревожился, но позабыл обо всем, охваченный бешеной злобой при мысли об убийце Тары Портмен. Оглядевшись, нырнул в дверь восточной закусочной.

— Илай! — выдавил он, с трудом шевеля губами и скалясь. — Если в я хотел убить тебя, ты звонил бы сейчас из могилы. Не узнал по голосу. Наверно, потому, что в прошлый раз ты скулил, как перепуганный ребенок. Хорошо знаешь, как плачут испуганные дети, правда?

— Ты тоже.

— Что это значит?

— Брось, Джек, или как тебя там. Не держи меня за дурака. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь.

Беспокойство взяло верх над злостью. Беллито блефует? Откуда-то знает имя — нет, постой, продавец записал в книгу имя покупателя брелока Тары. Вот откуда. А номер «тракфона»? Что еще известно Илаю?

— Например?

— Знаю, что ты практикуешь.

— Что именно? — К чему он ведет?

Последовало секундное колебание, словно собеседник решал, что ему можно открыть.

— Проводишь церемонию.

Джек ничего не понял, но слово прозвучало так многозначительно, что пришлось продолжить игру. Он изобразил удивленный вздох.

— Как ты догадался?

Беллито тихо рассмеялся:

— Я провожу ее гораздо дольше, чем ты, гораздо дольше любого другого. Твой жалкий расчет абсолютно понятен.

— Неужели?

— Конечно. Хочешь завладеть моим Кругом.

Джек не имел представления, о чем идет речь, но старался поговорить подольше. Может быть, выяснится, из-за чего Илай суетится, и частично воспользоваться открытием для атаки. Ибо он будет

наказан. Жестоко. Вопрос только в том, где и когда.

— У меня свой круг, зачем мне твой?

— Затем, что мой гораздо могущественней. Я провожу церемонию сотни лет...

— Стой-ка... Сотни?

— Сотни. Мне двести тридцать два года.

Джек только покачал головой. Явный клиент психушки.

— Я не знал.

— Теперь знаешь, против кого выступаешь. Мой Круг связан со всеми властными и влиятельными структурами. И ты хочешь взять его себе.

— Мой круг тоже широкий, глубокий...

— Твой ничего не стоит! Ничего! — Голос отвердел. — В понедельник вечером ты застал меня врасплох, больше этого не повторится. Круг поймает тебя в сети. Ты умен, но со мной не сравнишься. Мы отыскали номер твоего «тракфона», скоро узнаем, кто ты такой, и тогда тебе конец!

Джек довольно быстро сообразил, как был установлен номер телефона. После встречи тет-а-тет с Беллито был сделан только один звонок — в службу 911 с сообщением о ребенке. Там его записали. Нетрудно выяснить, что это номер «тракфона», но, чтобы получить его в фирме, требуются определенные связи в официальных ведомствах, возможно, в самом нью-йоркском департаменте полиции.

Пожалуй, Беллито пыль в глаза не пускает. Пожалуй, у него действительно хорошие связи.

Может быть, наоборот, Илай старается подольше продержать собеседника на телефоне. Возможно, у «круга» имеется пара машин с локаторами, которые вьются поблизости, перехватили звонок и сейчас окружают его с трех сторон...

Хорошо, что он далеко от дома.

Джек выскочил из магазина и влился в толпу пешеходов, тянувшихся к станции. Еще немного подержал телефон на паузе, прыгнул в поезд и снова включился.

— В чем дело? — спросил Беллито. — Язык проглотил?

Он выдавил смешок:

— Типичная банальность. Ты не имеешь понятия, кто я такой и чего добиваюсь. Никогда не узнаешь. Твое время вышло, Илай. На смену идет новое поколение. Отойди в сторону или умри.

— Никогда! Это моя церемония! Не знаю, как ты о ней проведал, но никакой лапоть Джонни не узурпирует мою власть!

Лапоть Джонни? Узурпатор? Ну, это уж слишком.

Возникает тошнотворное ощущение, что пресловутая церемония связана с убийством детей... Если так, стоит перевернуть дело с ног на голову и быстро нанести Беллито пинок в уже пропоротую мошонку.

— Пускай первая старая церемония будет твоя, Илай, а у меня свой вариант. Церемония номер два только моя.

— Что? — В голосе прозвучала нотка неуверенности. — Что это ты несешь?

— Я *перевернул* церемонию.

— Не понял...

— Они возвращаются.

— Что? Бред! Это невозможно!

— Неужели? Это я в воскресенье хотел купить в магазине брелок с кроликом Роджером.

— Ты?.. Зачем он тебе нужен?

— Он нужен не мне, а Таре.

— Кому?

— Таре Портмен. — Джек поклялся бы, что в трубке прозвучал резкий вздох. — Помнишь? Хорошенькая маленькая блондиночка девяти лет, которую ты поймал у Кенсингтонских конюшен в восемьдесят восьмом году. — Он старался сдержать гнев и ярость.

Надо говорить спокойно и холодно, изображая такого же гнусного извращенца, как Илай Беллито. — Вернувшись, она захотела вернуть свой брелок. Я пошел и принес. Тара здесь. И очень сильно сердится.

На том он отключился, с такой силой нажав на кнопку, что чуть не выдавил ее насквозь.

Теперь пережевывай этот мешок дерьма до утра.

15

— Притормози, — приказал Илай, вглядываясь через переднее окно в сгущавшиеся сумерки. — Чуть дальше. Номер 735.

Адриан сидел за рулем черного «мерседеса»-седана Илая. Несмотря на возраст — выпуск 1990 года, — километраж небольшой. Хозяин выезжал в нем нечасто и недалеко. Предпочитал старый классический автомобиль за простор, комфорт, силуэт. Новые модели его не привлекают.

Раны сегодня вечером гораздо лучше, хотя не настолько, чтоб вести машину. Нажимая ногой на тормоз, на газ, вновь почувствуешь жгучую боль, поэтому он вручил ключи Адриану. У того еще были проблемы с коленом, к счастью с левым, так что он вполне справлялся с вождением.

Физическая причина не садиться за руль очень кстати, поскольку и эмоционально Илай на это сегодня не способен, чересчур взвинчен, слишком рассеян... В таком состоянии вполне можно выехать на встречную полосу, слишком поздно опомнившись.

Ни в коем случае нельзя выдавать неуверенность и тревогу перед Адрианом и Строссом. Илай никогда еще не был в такой ситуации. Необъяснимый поворот событий вывел его из себя почти полностью. Столько лет дело шло превосходно, и вот...

Сначала он с большим удовольствием говорил с нападавшим — загадочным Джеком. Позвонил с намерением потрясти его, пригрозив неизбежной расплатой за подлую атаку из-за спины.

Вместо этого потрясен сам Илай.

Оказалось, Джек знает, что он похитил Тару Портмен, сохранив у себя ее брелок. Откуда? Разумеется, ни на миг невозможно поверить в перевернутую церемонию, и все-таки... как ему стало известно о Таре?

Загадка терзала Илая, пока он не поддался желанию вернуться к тому дому, где умерла малышка Портмен. Просто взглянуть...

— Повторяю: глупая, опасная затея, — пробубнил Стросс, сгорбившийся на заднем сиденье. — Опасная потому, что нас, может быть, просто хотят заставить явиться на место действия. А глупая потому, что Тара Портмен не вернулась и никогда не вернется. Мы вырезали у нее сердце и съели. Не может девчонка воскреснуть и искать брелок для ключей!

Илай поморщился при неосторожном упоминании о деталях. Подробности церемонии не оглашаются.

— Во-первых, — возразил он, — мы не явимся в дом Дмитрия, просто мимо проедем, как любая другая машина на улице. По второму пункту полностью согласен: Тара Портмен вернуться не может, но необходимо выяснить, откуда агрессору о ней известно.

— Очень просто, — с прежним раздражением бросил Стросс, наклонившись вперед, выставив голову над спинкой переднего сиденья. Изо рта несло чесноком. — Кто-то проболтался.

— Никто не болтал, — заявил Илай. — Я сегодня расспрашивал других членов, весь десяток. Никого не брали, не пытали, не вырывали признание. Все в прекрасном расположении духа, с нетерпением ждут церемонии. Вдобавок подумаем: если кто-то болтает, почему именно о Таре Портмен, а не о последнем, не о предпоследнем агнце? После Тары Портмен прошла целая вечность.

— Пожалуй, — подтвердил Адриан, непривычно молчавший весь день. — Только она была первым агнцем, принесенным в жертву в доме Дмитрия.

— Действительно, — согласился Илай. — Как ни странно, я сам вчера вечером вспоминал Тару Портмен.

Вот почему его так потрясло ее имя, произнесенное неизвестным Джеком. Наверняка совпадение, хотя очень уж удивительное.

— Да ну? — переспросил Адриан. — Почему именно ее из всех агнцев?

— Я задаю себе тот же самый вопрос после нынешнего разговора с агрессором.

— Потому, что он хотел купить брелок?

— Нет. Я уже давно позабыл, чей он. По правде сказать, вряд ли вспомню владельцев многих сувениров из шкафа. Вдобавок Тара Портмен мне вспомнилась раньше.

— Когда? — уточнил Стросс.

— Ночью в пятницу.

Илай лежал в постели, углубившись в роман Пруста «В поисках утраченного времени», почти засыпая, как вдруг она предстала перед глазами. На кратчайшую долю секунды мелькнуло лицо, спокойное под глубоким наркозом, накачанное эфиром худенькое белое тельце, неподвижно распростертое на столе, ожидая любовного касания ножа. Видение исчезло столь же стремительно, как возникло. Он приписал его случайному капризу памяти, возможно под влиянием прозы Пруста.

— Вот и дом, — кивнул Адриан.

Мимо Менелай-Мэнор проехали молча. Свет горит. Чей он теперь?

Илай чувствовал острую грусть, переживая прустовский момент, охваченный вихрем воспоминаний о Дмитрии Менелае, блистательном, одержимом, страдающем человеке, которого он привел в Круг в восьмидесятых годах.

Сначала Дмитрий был просто очередным покупателем в магазине Илая, но вскоре доказал, что обладает чутьем настоящего знатока на редкие и необыкновенные вещи. Начал подсказывать, где их достать, они ближе познакомились и подружились. Дмитрий рассказывал о поездках по свету в поисках так называемых «силовых точек». Побывав в прославленных местах — в храмах майя в Чичен-Ица на Юкатане, в Мачу-Пикчу в Андах, в заросшем деревьями Ангкор-Вате в Камбодже, — он нашел их холодными, мертвыми. Если они некогда и обладали силой, ее унесло время, затоптали туристы. По пути слышал рассказы о других сокровенных местечках, которые тоже безрезультатно отыскивал.

Наконец пошли слухи, разжегшие воображение, легенды о развалинах древней крепости на затерянном альпийском перевале в Румынии, где некогда творилось несказанное зло. Никто не мог указать точное местонахождение перевала, но Дмитрий на основании более или менее совпадающих сведений сузил круг поисков. Впрочем, шел старыми тропами по крутым скалам в полной уверенности, что дело кончится точно так же, как раньше, — безнадежным разочарованием.

Однако на этот раз вышло иначе. Крепость отыскалась в ущелье возле руин деревни. Шагнув в провал разрушенного подвала, очутившись в его стенах, он сразу понял, что поиски завершены.

Немедленно приказал отправить камни в Штаты для облицовки подвала собственного дома. По его словам, плиты впитали силу прежнего владельца, и теперь она частично передается ему. Дом становится силовой точкой.

Со временем Илай понял причину одержимости Дмитрия такими вещами: боязнь вслед за отцом умереть от рака поджелудочной железы. Он видел, как тот разлагается изнутри, поклявшись, что с ним никогда не случится ничего подобного.

Илай знал способ гораздо лучше и надежнее импорта камней из крепостей Старого Света. Постепенно осторожно прощупал, на что готов Дмитрий во избежание судьбы отца. Удостоверившись, что тот на все пойдет, все отдаст, ввел его в Круг. Двенадцатым учеником.

Дмитрий быстро превратился в правую руку Илая. Чувствовалось, что у него чистые цели. Возникли подозрения, что для слишком многих членов Круга похищение детей и последующие процедуры над ними важны не меньше самой церемонии и со временем гарантируемого ею бессмертия. Даже у самых высокопоставленных деятелей видны низкие побуждения. Ежегодно Илай подмечал сладострастные взгляды на агнцев, разложенных обнаженными на церемониальном столе под глубоким наркозом. Его это так угнетало, что он стал укладывать жертвы одетыми, обнажая лишь кусочек плоти, минимально необходимый для вскрытия грудной клетки, откуда надо вынуть еще трепещущее сердце. При кровавой процедуре никто не отворачивался. Кое-кто предлагал даже не подвергать агнцев наркозу, а привязывать к столу, оставляя их в полном сознании.

Как они смеют? Во время церемонии агнец не должен чувствовать боли. Иначе ритуал нарушится. Цель не в боли, а в обретении вечной жизни. Ежегодная гибель ребенка — прискорбная, но необходимая, вынужденная цена бессмертия.

Ужасно, что приходится иметь дело с такими людьми, однако в нынешние времена, когда Большой Брат[25] приобретает все больше власти, для ежегодного безопасного совершения церемонии необходимы обширные и серьезные связи.

С другой стороны, Дмитрий сосредоточился не на средствах, а на цели, вскоре став незаменимым членом Круга. Церемония переместилась в подвал его дома. Идеальное место. Камни действительно источали необыкновенную силу, земляной пол служил замечательным местом упокоения агнцев. Похороны трупа, даже раз в год, всегда оставались головоломной проблемой.

Будь Дмитрий жив, церемония по сей день проводилась бы в Менелай-Мэнор. В то время, когда врачи обнаружили у него рак, его еще не могли спасти ни медицина, ни церемония, которая лишь в двадцать девятый раз предоставляет бессмертие и неуязвимость.

Не в силах представить мучительной смерти, постигшей отца, он сел на земляной пол подвала и пустил себе пулю в лоб. Страшная, ужасная потеря! Илай относился к Дмитрию, как к сыну. До сих пор его оплакивает.

— Интересно, кто там сейчас живет, — пробормотал Адриан, ведя вперед машину.

— Я уже выяснил, — ответил Стросс. — Два брата по фамилии Кентон. Купили дом год назад.

Илая охватило волнение. Не они ли напали на след мстительницы?

— Как считаете, не из них ли наш Джек?

— Едва ли. У меня в сто четырнадцатом мало контактов, однако удалось выяснить, что эти парни не просто братья, а *«черные братья».*

Волнение сменилось разочарованием.

— Черные?

— Так мне сообщили. На вас точно белый напал?

— Не могу утверждать, не помню, — ответил Адриан. — Последнее, что помню...

— Белый, — перебил Илай осточертевшую тягомотину. — Значит, братья исключаются.

— Как знать, — хмыкнул Стросс. — Воскресивший Тару Портмен из мертвых вполне может сделаться

белым.

Илай собрался заметить, что это не тема для шуток, но его опередил Адриан:

— Плевать мне, кто они такие, пока не полезли копаться в подвале.

В салоне автомобиля воцарилось молчание. Самое страшное, что после смерти Дмитрия новые хозяева дома могли заняться перестройкой подвала. Илай хотел, чтобы дом приобрел кто-то из членов Круга, тогда им и дальше можно было бы пользоваться, но никому не хотелось связываться с подвалом, где закопаны останки восьми убитых детей.

— Очень мало шансов, — заявил он. — Я перестал тревожиться на этот счет. Посмотрим со стороны объективно. Часто ли домовладельцы, даже при серьезном ремонте, вскрывают пол в подвале?

— Практически никогда, — подтвердил Адриан. — Удачно, что прошлые хозяева залили земляной пол бетоном, — заметил детектив.

— Хотя им это особого счастья не принесло, — добавил Илай.

Фред издал лающий смешок.

— Угу! Глотки перерезаны, и до сих пор никто ничего не нашел. Если не раскрыть убийство через сорок восемь часов, оно, скорее всего, никогда не раскроется. Тут прошло уже столько лет, что его, по-моему, можно назвать идеальным.

Илай был потрясен, прочитав об убийстве супружеской пары, боясь, как бы исследование места преступления не завело полицию слишком глубоко в подвал.

Потом зверски замученный мальчик, усыновленный следующими владельцами... Он начал подумывать, не наложила ли на дом проклятие церемония вкупе с облицовкой подвала чужими камнями.

— А еще меня беспокоит брелок, — продолжал Адриан.

— Меня тоже, Илай. — Детектив хлопнул его по плечу. — Эта ниточка тянется от тебя к девчонке и может привести ко мне. Плохо. Очень даже нехорошо.

Адриан остановился перед светофором на красный свет и заметил, по-прежнему глядя вперед:

— Я давно опасался чего-то подобного из-за твоего шкафа с трофеями, выставленного в магазине на всеобщее обозрение. По-моему, рискованная и... глупая затея.

Илай пристально посмотрел на него. Неужели он не ослышался? Неужели Адриан, почтительный и раболепный, несмотря на свой рост и силу, в самом деле посмел назвать его глупым? Видно, совсем взбесился и умирает от страха.

Глупая затея? Он не стал сердиться. Адриан прав. Выставлять шкаф с трофеями действительно было рискованно и даже глупо, хотя по дерзости и глупости этот поступок близко не сравнится с субботним.

Видимо, под впечатлением от непрошеного ночного воспоминания о Таре Портмен или просто от скуки возникло непреодолимое желание испытать свою неуязвимость. Поэтому в субботу Илай признался одному человеку, что убил сотни детей и в ближайшее новолуние убьет следующего, просто чтобы заставить его принять какие-то меры.

Он позволил себе слегка улыбнуться при мысли, что Адриан, узнав об этом, наложил бы в штаны.

— Даже если так, — сказал он, — шкаф не имеет ни малейшего отношения к насущным проблемам.

Стросс снова откинулся на спинку заднего сиденья.

— Имеет или не имеет, а мысль вообще неудачная. Дерьмовая шутка ставит всех под угрозу. Тебе,

может быть, наплевать, а нам нет.

— Сочувствую и в будущем постараюсь учитывать ваше мнение, — пообещал Илай. Если у Круга есть будущее.

Они вновь замолчали в потоке машин, потом Адриан прокашлялся.

— Слушай, Илай, ты не думал о том, почему ни с того ни с сего вспомнил в пятницу ночью о Таре, а в субботу в магазин заскочил незнакомец, желавший купить брелок, а в понедельник вечером кто-то — возможно, он самый — напал на нас, а во вторник брелок был украден? Теперь он заявляет, что Тара вернулась, что бы это ни значило. Может быть, он вернул ее в пятницу?

— Нет! — Илай невольно повысил тон.

— Тогда почему ты вспомнил ее из всех агнцев?

— Во сколько это было? — спросил Стросс, опять наклоняясь вперед, распространяя чесночный дух. — То есть когда ты ее вспомнил?

— Не знаю. Не смотрел на часы. По-моему, довольно поздно.

— Знаешь, что еще случилось поздно вечером в пятницу? Землетрясение.

Действительно, что-то где-то об этом писали.

— Я ничего не почувствовал.

— А местные почувствовали. В газетах сказано, эпицентр находился в Астории.

— Господи помилуй, — прошептал Адриан.

— Ну, хватит, — оборвал их Илай. — Неужели вы действительно видите связь? Чепуха!

В самом деле? Сердце сковал арктический холод. Собеседники ни за что не должны догадаться, как его взволновала набросанная ими картина, усугубившая ощущение, что он полностью зависит от милости случая и сил самой природы.

— Возможно, — признал Адриан, — только все-таки стоит задуматься.

Правда, мысленно согласился Илай.

Единственный способ облегчить болезненное состояние, преодолеть неуверенность, набраться сил — очередная церемония.

— На минуточку позабудем о бывших агнцах, сосредоточимся на настоящем. — Илай оглянулся на Стросса. — Что выяснилось насчет ребенка миссис Ди Лауро, Фредди?

— Есть кое-что. Вчера я немножечко потоптался у дома. До сих пор влезаю в старую синюю форму, — усмехнулся он. — Вижу, она одна вышла, подваливаю к подъезду. Думаю, если малышка там, преподнесу обычную белиберду — мамочка пострадала... Не вышло. Соседская горничная сказала, что девчонка в лагере.

— Вот как? — Илай почувствовал прилив надежды.

— Почему вы на ней зациклились? — спросил Адриан. — Можно любого другого ребенка взять...

— До сих пор мы успешно справляемся исключительно потому, что не доверяем случайности. Открывается неплохая возможность. Сообрази: девочка исчезает из лагеря, который стоит в лесу, так что все первым делом подумают, что она заблудилась. Пока будут прочесывать лес, уйдет драгоценное время, мы уже далеко увезем ее, уложив под наркозом в машину.

— И правда, — кивнул Адриан. — Где лагерь?

— Вот тут возникает проблема. Горничная не знает.

Адриан застонал.

— Знаешь, сколько летних лагерей в трех окрестных штатах? Нам ее никогда не найти.

Илай упал духом. Действительно, сотни, тысячи...

Стросс шлепнул по спинке сиденья.

— Никогда не говори «никогда», дружище. Я работаю в нескольких направлениях. Привлеку Уильямсона, завтра он мигом вычислит маленькую Викторию Вестфален.

Весли Уильямсон — давний член Круга, заместитель директора банковской комиссии штата. Непонятно, чем он может помочь. Впрочем, Стросс лучше знает.

— Пусть поторопится. Если не совершить церемонию в полночь пятницы, придется ждать следующего месяца.

Невозможно прожить целый месяц в нынешнем состоянии. Не так опасен страх и неопределенность, как уязвимость. У безымянного врага будет месяц для новой атаки.

— Сделаю все, что смогу. Времени мало, но мы ее возьмем. Точи к пятнице ножик.

На рубеже

Бывшая Тара Портмен огорченно парила во тьме. Той, за кем ее послали, нет. У нее имеется кое-что очень нужное Таре.

Необходимо ее залучить. Кажется, способ есть. В доме с ней возникает контакт, можно, наверно, наладить его и за стенами, заставив ее вернуться.

Что потом? Что будет с Тарой после достижения цели? Возвращение в небытие? Даже такое полусуществование лучше.

Или она останется здесь? Да... только не одна. Одной здесь оставаться не хочется...

Четверг

1

Перерыв.

Джек взглянул на часы над раковиной на кухне у Кентонов. 10.15. Только-то? Казалось, будто проработали гораздо больше двух часов. Потягивая «Гаторейд»[26], он оценивал достижения.

К его приходу Лайл с Чарли уже начали рушить бетон по краям трещины. То есть, если в земле под ним и была трещина после землетрясения, она исчезла. Теперь просто глухая канавка. Джек захватил с собой несколько лазерных дисков с блюзом в качестве компромисса между предпочитаемой им и братьями музыкой, поставил Джимми Рида, не услыхал возражений, взял кирку и принялся ритмично размахивать.

Утром поднялся с болезненно окаменевшим телом, натрудив вчера мышцы, которые обычно редко работали и теперь напряглись, плохо слушались, но через десять минут упражнений с киркой расслабились.

Через два часа трещина расширилась фута на четыре. Долгое, тяжелое дело. И жаркое. Сначала в подвале было прохладно, потом три разгоряченных тела повысили температуру. Теперь тут как в сауне. До конца дня понадобится немало «Гаторейда», а вечером много светлого пива.

Они с Лайлом в пропотевших футболках сидели, выпивали за кухонным столом под слегка холодившим ветерком из окон и открытой двери. Чарли схватил пончик и удалился с утренней газетой в тень на заднем дворе. За все утро почти ничего не сказал.

— Что стряслось с Чарли?

В глазах Лайла ничего не читалось.

— Почему ты спрашиваешь?

— Слишком тихий.

— Проходит определенную фазу. Можешь не беспокоиться.

И правда. Чего беспокоиться, что братья Кентон не ладят друг с другом? Впрочем, парни ему нравятся, и он все-таки беспокоится.

Оставив эту тему, он задрал подол футболки и вытер лицо.

— Про кондиционеры когда-нибудь слышал?

— Что толку, когда окна-двери до сих пор не закрываются.

— До сих пор?

Лайл кивнул:

— До сих пор. Когда закрываешь, распахиваются не так быстро, как прежде, но все равно со временем открываются.

— Думаешь, Тара?

Он снова кивнул:

— Наверно, чувствует себя тут как в ловушке. Хочет выйти, старается и не может.

В дверь вдруг ворвался Чарли, размахивая газетой:

— Эй, Джек! Гляди сюда! — Он бросил на стол «Пост», сложенную вдвое в длину и еще пополам вроде авиабилета, ткнул пальцем в заголовок. — Это ты? Твоя работа?

Джек взял газету, Лайл зашел сзади, заглядывая через его плечо.

ЯСНОВИДЯЩАЯ НЕ ПРЕДВИДЕЛА!

У Элизабет Фостер, больше известной как медиум-консультант мадам Помроль, вторично на одной неделе возникли проблемы с нью-йоркской полицией. Утром в прошлое воскресенье Элизабет и ее муж Карл бродили раздетыми догола по финансовому кварталу. На сей раз обвинения гораздо серьезней. Делом заняты федеральные власти. Вчера супруги Фостер пытались расплатиться фальшивой стодолларовой купюрой в бутике «Ла Белль» на Мэдисон-авеню. Министерство финансов ведет расследование.

Дальше — больше. При обыске их квартиры в Верхнем Вестсайде, именуемой также «Храмом Вечной Мудрости мадам Помроль», были обнаружены не только фальшивые бумажки на несколько тысяч, но и неопровержимые доказательства, что дама-медиум — обыкновенная мошенница".

Джек не мог сдержать ухмылку, читая о найденных в приемной подслушивающих устройствах, о спрятанных в головных уборах мадам электронных наушниках мониторах, потайных дверцах и, самое страшное, о досье на клиентов, о папках, битком набитых отснятыми на ксероксе копиями водительских прав, карточек социального страхования, банковских документов, записей с перечислением их слабостей, склонностей и пристрастий. В результате окружной прокурор Манхэттена готовится предъявить обвинение в мошенничестве и нарушении федерального закона о фальшивомонетничестве.

— Все, хана! — вскричал Лайл. — Конец! Погорели! Финита! Мадам Помроль будет гадать по ладони за курево в Рикерсе или в федеральной тюряге! Это ты устроил?

— По-моему, да.

— Подкинул фальшивки?

— К сожалению, это профессиональная тайна.

— Молоток, Джек, — впервые за все утро ухмыльнулся Чарли. — Пригвоздил ее!

Джек пожал плечами:

— Иногда дела идут по плану, иногда нет. Это пошло.

Он смотрел на статью, купаясь в теплой радости от образцово сделанной работы. Фостеров рано или поздно должен был постичь крах. Хорошо, что рано.

В данном конкретном случае стоял большой вопрос, как они распорядятся наличными. Положат на депозит и будут выписывать чеки или начнут тратить? Имея неплохой приток наличных — настоящих наличных, не чеков, не долговых расписок, — которые наверняка не декларируются, скорее предпочитают расплачиваться живыми деньгами, за которыми трудней проследить, если Внутренняя налоговая служба примется разнюхивать.

Лайл хлопнул Джека по плечу:

— Запомню, что с тобой никогда нельзя ссориться. С *таким* парнем лучше не связываться.

Если выйдет по-моему, думал Джек, с Илаем Беллито скоро будет то же самое. Только хуже. Гораздо хуже.

Все направились обратно в подвал в более приподнятом настроении, снова взялись за кирки, снова

вместе набросились на бетонную плиту, сваливая обломки в кучу содранной обшивки.

К середине дня раздолбили половину пола, быстренько перекусили в греческой деликатесной на Дитмарс, вернулись к работе.

— Слушайте, — сказал Лайл, оглядывая полный разгром на месте бывшего подвала, — может, лучше двоим теперь землю копать, а третий займется бетоном?

— Хочешь приступить к поискам Тары?

— Конечно. Чем скорее найдем, тем скорее из разнорабочих станем праздными джентльменами.

— А как мы ее опознаем?

Лайл пристально взглянул на землю:

— По-прежнему думаешь, что она там в компании?

— Могу поспорить.

— Ну, это препятствие мы как-нибудь преодолеем. — Он поднял глаза на Джека. — Хочешь покопаться в землице?

— Я вообще-то не страстный искатель сокровищ, — признался тот, — но могу.

Лайл обратился к брату:

— А ты, Чарли? Земля или бетон?

— Я уж как-то к плите приспособился.

— Ладно. Будем меняться, когда кто захочет. — Он шагнул ближе к Джеку и театрально прошептал: — Если вдруг наткнешься на останки «недостающего звена»[27], не говори Чарли. Он не верит в эволюцию и будет недоволен.

— Кончай, Лайл, — буркнул Чарли.

И я бы сказал то же самое, мысленно поддержат его Джек.

Лайл схватил лопату, всадил в землю.

— Да ведь это же правда. Ты веришь, что мир сотворен за шесть дней?

— Как в Библии сказано, так я и верю.

— Как и епископ Ашер, который выписал из Библии все даты и возраст упомянутых персонажей. По его расчетам, земля была сотворена 26 октября 4004 года до Рождества Христова. — Он бросил в сторону полный совок земли и принял задумчивую позу. — Интересно, до или после полудня? Так или иначе, я бы сказал, земля за шесть тысяч лет чертовски разрослась и прожила богатую жизнь.

Джек тоже взял лопату.

— Очень интересно. Давай копать.

— Как сказано, так и верю. Мы говорим о слове Божьем, однозначно, — не уступал Чарли.

— Да ну? — Лайл поднял палец. — Что ж, у меня тоже есть несколько слов...

Ох, нет, вздохнул Джек. Как с цепи сорвались.

— Слушайте, в чем вообще дело? — вмешался он. — Я не всегда зарабатывал на оплату счетов, улаживая чужие проблемы. Занимался садовым делом, работал в вольнонаемных ремонтных бригадах и слышал вокруг одни разговоры о девках и выпивке. А вас что обуяло, ребята?

— Чарли не пьет, — усмехнулся Лайл, — и мы оба давно уж не ходим по девкам.

— А ты, Джек, чего думаешь? — спросил Чарли.

— О чем? — уточнил он, заранее зная ответ.

— О вере, — сказал Лайл, — о Боге и прочее.

По мнению Джека, это слишком личный вопрос. Никому не открывая даже своей фамилии, он вовсе не собирается толковать о вере с ребятами, с которыми знаком меньше недели. Вообще не особо об этом раздумывает. В его мире то, чего нельзя понять, увидеть и пощупать, не имело большого значения.

До недавнего времени.

— В общем, я за то, что позволяет прожить день, пока мне не указывают, что каждый должен проживать день именно так.

— Это не ответ.

— Тогда скажу, что вся моя вера, какой бы она ни была, практически перевернулась с ног на голову за последние несколько месяцев.

Лайл взглянул на него:

— Из-за того самого бредового Иного, о котором ты нам рассказывал?

Джек кивнул.

— Вот в чем для меня проблема, — продолжал Лайл. — Мне так же трудно верить в твое Иное, как в персонального Бога Чарли.

— А как насчет Тары Портмен? — спросил Джек. — С тем, что творится в доме? Это не болтовня, не бредовые слухи. Ты при этом присутствовал, лично видел.

Лайл шумно выдохнул, надув щеки.

— Знаю. Для меня это terra nova[28]. Никогда не верил в привидения, в жизнь после смерти, даже в су-шествование души. Думал, умер — значит, умер. А теперь... не уверен.

— Тогда хватит трепать языком. Давайте копать terra nova.

— Отличная мысль! — рассмеялся Лайл.

Пришла очередь диска с хитами Мадди Уотерса. Джек прибавил громкость, чтобы заглушить всякий треп, и взялся за работу.

К концу дня, сделав где-то посередине еще один перерыв на «Гаторейд», накопали в земле множество ям, не наткнувшись ни на одну косточку.

— Углубились всего на три фута, — заметил Лайл. — Наверно, надо глубже.

Джек оперся на лопату.

— Страшно подумать, что они закопаны на шести по обычаю.

— Скорее всего. Особенно если убийцы старались, чтоб запах не пошел. Значит, придется копать до шести.

Футболка Джека пропотела насквозь. Он оглянулся на кучу деревянных обломков и кусков бетона, занимавшую целый угол. Скоро не поместится.

— Будет еще очень много земли.

— Без тебя знаю. Слушайте, день, конечно, был долгий, но я бы еще покопал.

— Всегда остается завтра, — изрек Джек.

Чарли перестал копать и посмотрел на брата:

— Нет, не остается.

Джек открыл было рот, Лайл его оборвал:

— Не спрашивай. Может быть, снова сделаем перерыв, разработаем план систематических поисков?

Джек взглянул на часы:

— Надо сбегать по делу часа на полтора.

— Мне самому скоро надо идти. В тот самый женский клуб в Форест-Хилл.

— Клево, — хмыкнул Чарли. — Все отваливают, а младший братишка пусть вкалывает.

Джек рассмеялся:

— Постараюсь как можно скорее вернуться на помощь.

— Куда ты? — спросил Лайл.

— Хочу убедиться, что последний кусочек головоломки с Тарой Портмен ложится на место.

2

По дороге в поезде подземки к Манхэттену Джек размышлял, не заскочить ли к себе или к Джиа, чтоб принять душ, в котором он чертовски нуждался. Решение надо было принять на станции «Пятьдесят девятая улица», но в тот момент он понял, что потеряет слишком много времени, и остался в вагоне.

Доехав до Сохо, быстро пробежал мимо магазина Беллито, заметив исчезновение осетра в витрине. Жалко, рыба как-то ему полюбилась. Заглянул в застекленную дверь, видя женщину в возрасте с угольно-черными волосами, занятую с покупателем. С ней-то и хочется поговорить. Кажется, она работает в магазине с момента открытия. Однако и Кевин торчит за прилавком.

Джек огорченно прошел мимо.

Проклятье. Была надежда, что у парня выходной. Впрочем, никаких признаков Беллито и длиннорукой гориллы Минкина, что уже хорошо. Вряд ли они его узнают после краткой стычки в потемках, но судьбу испытывать не стоит. Поездка чисто разведывательная, хотя и небольшой выигрыш не помешал бы. С этой парочкой обязательно придется иметь дело, пока они не укокошили очередного ребенка. Беллито временно обезврежен, поэтому есть время на разработку плана.

Он нашел темный подъезд с видом на дверь магазина и принялся ждать, глядя, как удлиняются тени, редеет поток машин. Наступает вечер, времени мало, но есть шанс, что Кевин закончит работу или побежит в закусочную. Надо побеседовать с леди наедине. Если лично не получится, можно позвонить, только это уже второй вариант.

Вспомнился рассказ Джиа о загадочном копе из неизвестного участка. Нехорошо, когда кто-то — пожалуй, особенно коп — стучится к ней в дверь и расспрашивает о дочке. Черт побери, никто не должен интересоваться Вики, кроме Джиа... и отчасти Джека.

Он вытащил «тракфон», звякнул ей и спросил, возвращался ли коп. Нет, в Истсайде все спокойно. Джек сообщил, что в Менелай-Мэнор ничего пока не найдено, пусть она его к обеду не ждет, он сегодня допоздна задержится. Голос у нее был усталый — спала плохо. Он велел ей прилечь, она пообещала, что так и сделает.

Попрощавшись, Джек отключил телефон, не желая услышать звонок от Беллито. Пусть поварится в собственном соку.

В конце концов терпение вознаградилось: Кевин вышел и торопливо засеменил по тротуару. Надолго ли ушел — неизвестно, поэтому он быстренько шмыгнул в дверь.

— Слушаю вас, сэр, — гулким басом проговорила из-за прилавка женщина с мужеподобной широкоплечей костистой фигурой и черными волосами, блестевшими, будто смоченные слюной. С плохо скрытым отвращением она окинула взглядом пропотевшую футболку, грязные джинсы и черные руки. Клиент явно нетипичный для «Шарио Коппе».

Знаю, душ надо было принять, мысленно согласился Джек.

Он решил и вести себя соответственно внешнему виду, сгорбился, стараясь почти не смотреть ей в глаза.

— Э-э-э...

— Желаете что-то *купить,* сэр?

— Гм... ну, знаете, — робко промямлил он, — хочу только спросить...

За спиной звякнул дверной колокольчик, и Джек, оглянувшись, увидел хромавшего гиганта без шеи, с необычайно длинными руками. Адриан Минкин собственной персоной. В черных брюках и белой рубашке с длинными рукавами. Он напрягся и отвел глаза.

— Илаю опять нужна книга, — бросил Минкин, проходя мимо него к прилавку.

Женщина скорчила гримасу:

— Уже в третий раз. Мог просто позвонить.

Минкин склонился над прилавком всего в двух футах от Джека, который впервые получил возможность разглядеть его руки при хорошем освещении. Массивные, сплошь поросшие черными курчавыми волосами вплоть до третьей фаланги длинных толстых пальцев.

— Вы же его знаете, Герт. — Минкин придвинулся, понизил голос: — Сильно нервничает, ждет звонка и, по-моему, из ума выжил.

— Нехорошее сочетание, — вздохнула Герт, протягивая ему черный гроссбух. — Только сразу верните, когда он закончит.

— Конечно.

Повернувшись, он оказался лицом к лицу с Джеком. Остановился, присматривался несколько секунд, которые показались минутами. Джек смотрел в холодные голубые глаза, выискивая искру прозрения и готовясь при первом же признаке сделать свой шаг. Однако Минкин только моргнул, кивнул и пошел.

— Извините, сэр, нас перебили, — сказала Герт. — Чем могу вам помочь? Вы ищете конкретную вещь?

— Э-э-э, ну, я... — Джек зашаркал к прилавку, потянув время, пока не услышал звон колокольчика и стук закрывшейся за Минкином двери. Глянул через плечо, удостоверившись, что тот ушел, стараясь произвести впечатление, будто боится, чтоб их не услышали. — Ищу мистера Менелая... Дмитрия Менелая.

— Мистера Менелая? — прищурилась Герт. — А зачем он вам?

Лучше бы сбавила громкость. Неудивительно, если Беллито с Минкином слышат ее наверху.

— Гм... понимаете, несколько лет назад я работал у него каменщиком, подвал перестраивал, и он мне велел тут с ним встретиться.

Герт пристально на него посмотрела:

— Правда? Когда это было?

— Э-э-э... гм... нынче утром по телефону.

— Утром? Сильно сомневаюсь. Он давно умер.

— Да бросьте! Врете!

— Я не лгу, сэр. Он был нашим постоянным клиентом. Близким другом хозяина.

— Так я и думал.

Джек глубоко вдохнул, выдохнул. Ну вот. Последнее звено между домом Менелая, Тарой Портмен и Илаем Беллито.

— Трагическая смерть, — покачала головой женщина.

— Вовсе не трагическая, — возразил он, выйдя из роли. — Наверняка давно заслуженная.

Она вытаращила глаза, расправила широкие плечи.

— Что?

Джек повернулся, направился к двери.

— Благодарю вас, леди. Сообщите Илаю, что я расспрашивал про Дмитрия.

— Вы знакомы с мистером Беллито? Кто вы такой?

— Просто скажите. Он поймет.

Он выскочил на тротуар и побежал к подземке.

3

— Это невыносимо!

Илай швырнул телефонную трубку, почти утратив дар речи. Что за наглость! Какой дерзкий мерзавец!

— В чем дело? — спросил Адриан, поднимаясь.

— Опять он! Таинственный «Джек»! Только что заходил в магазин и расспрашивал Герт о Дмитрии!

Адриан охнул.

— Только что? Значит, я его видел. Прямо на него смотрел, не узнал. Хотя, конечно, и не мог узнать, поскольку до сих пор не помню, что было в пятницу вечером. Последнее, что пом...

— Как он выглядит?

— Как... простой рабочий. Грязный, потный... Не могу поверить...

— Поверь! Он сказал, будто Дмитрий ему позвонил и назначил встречу в магазине.

Адриан побледнел.

— Да ведь Дмитрий мертв...

Илай посмотрел на него. Кроме габаритов, его всегда поражала мгновенная сообразительность Адриана, но, видно, удары по голове сильно отразились на скорости мыслительного процесса.

— Мне это хорошо известно. Он просто пытается нас завести. — Фактически, Илай имел в виду не «нас», а «меня». — Хочет вывести из равновесия.

— Зачем?

Илай вдруг увидел, понял план загадочного мужчины во всей его ужасающей простоте.

— Чтобы помешать провести церемонию в этом цикле. Тогда нам придется чертовски спешить до последнего новолуния перед равноденствием, или...

Он умолк, представив себе последствия.

Адриан пристально смотрел на него.

— Или — что? Что будет?

— С тобой? Ничего особенного. Твоя цепочка прервется, придется начинать все сначала.

— Ох, боже, нет, — простонал великан.

— А вот мне будет хуже, гораздо хуже. В случае неудачи на меня обрушатся все болезни и травмы, от которых я был огражден двести лет, и раздавят.

Страх холодным кулаком сжал трепетавшее сердце. Медленная смерть в невообразимой агонии. После чего этот выскочка спокойно завладеет Кругом.

Вот почему неизвестный Джек не убил его в пятницу вечером. Чтобы он целый месяц мучился от боли и ужаса перед страшной смертью.

— Подумать только, я же был совсем рядом! — Адриан скрипнул зубами. — Если бы знал... — Он взмахнул перед собой огромными кулаками.

— Ему не победить! — вскричал Илай. — Он думает, будто, украв нашего агнца, помешал церемонии в этом цикле. Не догадывается о дочке той самой Ди Лауро — до вчерашнего дня мы сами о ней не знали.

Его еще можно побить.

Он схватил телефон, набрал номер пейджера Стросса, велел перезвонить. Телефон зазвонил через пару минут.

— Есть успехи? — рявкнул Илай, как только узнал голос Фреда.

— Кое-какие. Дело идет не так быстро, как хочется. Что случилось?

Илай поведал о последней выходке агрессора, умолчав о своей теории по поводу его планов.

— Что предпринимаешь? Чем занят?

— Пожалуй, лучше говорить не буду, — ответил детектив. — Этот парень слишком много знает. Откуда тебе известно, что твой телефон не прослушивается?

У Илая сжалось сердце. Это ему даже в голову не приходило.

— Можешь проверить?

— Только не сегодня. У нас тут такая запарка, что я буду в нужном месте не раньше завтрашнего вечера.

Плохо. Надо знать немедленно. Илая осенила мысль.

— Сообщи о положении дел по факсу.

— Что?

— Ты слышал. Напечатай и пришли. Пользуйся любым шифром — я тебя вполне понимаю, — но обязательно напиши. Оригинал уничтожь, я сожгу копию, и никто, кроме нас, не узнает.

На другом конце возникла пауза.

— Ладно, — наконец согласился Стросс. — Можно, пожалуй. Только ты непременно сожги.

— Спички уже приготовил.

Илай продиктовал номер своего личного факса и положил трубку. Через двадцать минут аппарат звякнул, и из него выползло краткое нацарапанное каракулями сообщение.

«Наш друг финансист просмотрел чеки, выписанные со счета леди, лагерного среди них нет. Просматривает кредитки, на что уйдет больше времени. К завтрашнему вечеру буду знать и сообщу по факсу. Сожги!»

Вечный параноик Стросс даже не подписался.

Илай передал листок Адриану:

— Найди спички, выполни его просьбу.

Проверка счетов и кредиток... очень умно. Для чего прочесывать тысячи летних лагерей в поисках конкретного ребенка, когда можно заглянуть в платежные бумаги матери? Конечно, у Большого Брата есть свои недостатки, но в данном случае он просто дар Божий.

Илаю стало чуть лучше. Завтра вечером будет известно местонахождение агнца, можно подумать, как лучше заманить малышку. Если все пройдет удачно, к рассвету они ее получат.

4

Лайл стоял в торжественной позе на нижней ступеньке подвала, вымытый, выбритый, в черном костюме. Ифасен готов отправиться в Форест-Хилл.

— Ну, как я выгляжу?

Чарли оглянулся из ямы:

— Прямо волк перед охотой на овечек.

— Большое спасибо.

Лайл вообще-то не отказался бы от такого сравнения, хотя знал, что брат относится к нему иронически.

— Джек звонил, — сказал он. — Предупредил, что задержится. Хочет перед возвращением перекусить.

Может быть, отдохнешь до его появления? Потом я приду, втроем пару часов поработаем.

Чарли покачал головой:

— Нет. Я тебе два дня обещал, так и сделаю. Чтоб ты меня обманщиком не обзывал. Катись. Я один буду вкалывать.

— Чарли...

— Вали, старик. Как чего-нибудь найду, звякну. Если к полуночи ничего не найдем, сваливаем. Такой был уговор, правда? Правда?

— Правда, — вздохнул Лайл.

Надо было б, конечно, перенести выступление в женском клубе или совсем отменить. Для чего приманивать новых рыбок, даже самых жирненьких, если дело завтра прикроется? Не стоило заключать договор с Чарли, или следовало хотя бы выторговать не два дня, а три.

Хватит ныть, приказал он себе. Сегодня мы найдем Тару. Я знаю.

Дамочки из Форест-Хилл передерутся, как кошки, записываясь к нему на сеансы.

5

С холодным сандвичем в фольге под мышкой Джек зашел к Хулио. После рабочего дня собиралась толпа, дым густо висел в воздухе. Направляясь к дальнему столику, он махнул хозяину, выставив палец с просьбой чего-нибудь плеснуть.

Через минуту Хулио поставил на стол откупоренную бутылку «Роллинг рок» с длинным горлышком, встал, наблюдая, как Джек разворачивает промасленную фольгу. Послышался уксусный запах. Завернув к «Маме и папе Костин» в соседнем квартале, он на бегу схватил из холодильника готовое сооружение из губчатого хлеба с рублеными мясными субпродуктами, увенчанными сырообразной субстанцией, которая и за сто миль не видала корову. Зато быстро и сытно.

— Слушай, друг, люди увидят, подумают, будто сюда надо со своей едой приходить.

Джек сделал долгий глоток пива. Чертовски вкусно Он заскочил домой, принял душ, переоделся в чистые джинсы, свежую футболку от братьев Оллмен, купленную на распродаже, почувствовав себя наполовину новым человеком, вновь готовым копать.

— Никто не увидит, а я слишком голоден, слишком спешу, чтобы ждать твоих крылышек и прочих конечностей.

Коротышка ощетинился, напряг впечатляющие бицепсы.

— Эй, мы подаем лучшую еду, какую можно купить за деньги!

— На автоответчике сказано, у тебя что-то есть для меня?

Пока Хулио выуживал конверт из заднего кармана, Джек впился зубами в сандвич. Паштет со вкусом подсолнечного масла и уксуса. Замечательно. По крайней мере, голод утолит.

— Старик утром забросил. — Хулио поднес конверт к носу. — М-м-м... Деньгами пахнет.

— Какой старик?

— Тот, что в воскресенье с тобой тут встречался.

Джек чуть не подавился сандвичем, вскакивая и оглядываясь вокруг.

— Он еще здесь?

— Нет. Зашел и ушел, вот так вот. — Хулио прищелкнул пальцами. — Будто не хотел, чтоб его заметили.

— Проклятье!

— Он тебе нужен?

— Не то слово.

— Обсчитал?

Джек вскрыл конверт, перебрал банкноты. Вроде точно.

— Нет. Просто обязан дать кое-какие ответы.

К примеру, зачем меня нанял и зачем наврал про себя. Возможно, теперь никогда не узнать.

Среди купюр мелькнула желтая бумажка. Он ее вытащил, развернул, прочел написанную от руки записку.

"Спасибо за заботу о брате. *Эдвард".*

Шутит или серьезно? Невозможно сказать. Несмотря на огорчение, Джек подавил желание скомкать листок и швырнуть в другой конец зала. Вместо этого снова свернул и положил в конверт.

— Слушай, — спохватился Хулио, — Барни его, по-моему, знает. Мне послышалось, проворчал: «Ох-ох-ох, поглядите-ка, кто пришел». Что-то вроде того.

— Да? — Джек пристально оглядел зал. Барни обычно торчал с Луи у стойки бара. — Где он?

— На работе. В ночной смене на этой неделе. Утром явится.

— И я тоже. — Он отправил в рот остатки субпродуктов, запил остатками пива и встал. — Побегу. Не отпускай завтра Барни до моего прихода. Корми, пои за мой счет, делай что хочешь, только пусть дождется.

Джек направился к выходу, чувствуя определенное удовлетворение. Оставались еще два вопроса: действительно ли Тара Портмен закопана под Менелай-Мэнор и кто его нанял для слежки за Илаем Беллито. Будем надеяться, завтра утром придут ответы на оба.

6

Даже сквозь тяжелый ритм музыки «Пойнт оф Грейс» Чарли услышал шум и перестал копать. Где-то наверху... Громкий стук, хлопки, как будто захваченный ритмом гигант топает ногами по дому.

Он бросил лопату, взобрался по лестнице, успел увидеть, очутившись на кухне, как окна шумно захлопываются сами собой. Потом грохнула задняя дверь.

На секунду мелькнула паническая мысль, что его кто-то запер. Чарли метнулся, схватился за ручку, повернул — дверь открылась. Он испустил облегченный вздох. Только выпустил — створка снова закрылась.

Что за дела? Видно, то, что раньше распахивало двери и окна, теперь передумало и накрепко все закрывает. Нет, не все. В передней комнате окна закрылись, а парадная дверь нараспашку. Чарли закрыл ее — замок открылся, дверь распахнулась.

Интересно — пару дней назад этот фокус до жути его напугал, а сейчас как бы просто обычное дело. Видно, почти со всем можно свыкнуться.

Чарли было задумался, почему эта дверь открыта, а остальные закрыты, потом решил, что это его не касается. С завтрашнего утра ему на это плевать. Лайлу тоже.

Он вернулся в подвал к своей яме. Углубился фута на четыре и тут, как во всех прочих ямах, ничего не нашел. Еще фут прокопать — и шабаш.

Как только лопата вонзилась в землю, музыка смолкла.

— Уже теплее.

Чарли задохнулся от ужаса, услыхав за спиной детский голос, уронил лопату, обернулся так быстро, что ноги запутались, и он упал на спину, крикнув:

— Нет! — лежа на холодной земле, глядя на стоявшую перед ним девочку со светлыми волосами в костюме для верховой езды, зная, кто она такая, кто принял ее обличье. — Бес! Иисусе сладчайший, спаси, сохрани!

— От меня? — улыбнулась девочка, накручивая на палец прядь белокурых волос. — Не говори глупостей.

— Сгинь!

С тяжело прыгавшим в груди сердцем он крабом пополз назад на пятках и ладонях.

Лицо девочки сморщилось, голубые глаза весело вспыхнули, раздался мелодичный смех.

— До чего потешно!

— Ты меня не обманешь! Знаю, кто ты есть!

Она шагнула ближе:

— Правда?

Чарли полз, пока не стукнулся в стену затылком. Все. Дальше отступать некуда.

— Ты... ты бес!

Она опять засмеялась:

— В самом деле дурак!

Душа взвыла диким воем. Что делать? Что *делать?*

Он напрочь лишился рассудка. Не ожидал такого, не приготовился, никогда в жизни не верил, что ему явится бес. Надо было послушаться преподобного последовать его совету, собирать манатки и улепетывать.

Молитва! Конечно! На память пришел 22-й псалом.

Он повысил голос:

— "Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох..."

— Долиною смертной тени, — повторила она, оглядываясь и кивая. — Да, там мы и есть. — Девочка указала на яму. — Ты в семи дюймах от моей головы. Копни и найдешь.

Чарли замахал рукой:

— Нет! Меня не обманешь! Ты не Тара Портмен! Она нахмурилась:

— Зачем же тогда ты копаешь?

Вопрос застал Чарли врасплох. В самом деле, зачем? Затем, что заключил сделку с Лайлом. И затем, чтобы...

— Затем, что здесь может быть похоронена Тара Портмен, только ты не она.

Взгляд голубых глаз стал холодным.

— Это я. И я там не одна. — Она кивнула на яму, выкопанную Джеком футах в пяти левее. — На фут глубже найдешь Джерри Шварца. Ему было всего семь. Прямо под тобой в пяти футах Роуз Говард. Ей, как мне, девять лет.

Чарли хотел вскочить, но не смог заставить себя шевельнуться.

Девочка внезапно исчезла, мгновенно очутившись в дальнем углу.

— Вот тут Джейсон Московски.

Чарли сморгнул — она в мгновение ока перенеслась в другой угол.

— А тут Кэрри Мартин.

Указала еще три места, называя имена детей. С каждым разом глаза леденели, в подвале холодало.

Вдруг она оказалась прямо перед ним, и трех футов не будет.

— Нас восемь.

Чарли, прости Господи, начинал верить. Может быть, преподобный ошибся. Может, это никакой не бес. Может, правда взбесившийся призрак убитой девчонки.

Или бес, родня Отца лжи, хочет, чтоб он так думал.

Стало по-настоящему холодно. Дыхание облачками клубилось в воздухе. Он растер голые руки. Пропотевшая футболка примерзла к спине. Свитер валялся возле кучи обломков.

Чарли нерешительно поднялся:

— Свитер возьму, ладно?

— Зачем спрашиваешь? — удивилась она.

Хороший вопрос. Она не угрожает, ничего не делает, а он, просто глядя на нее, становится слабаком.

Чарли схватил свитер с капюшоном, натянул через голову. Лучше, но все равно холодно.

— Хочешь, чтоб мы нашли тебя и других, да? За этим вернулась?

Она отрицательно покачала головой.

— А зачем тогда? — Страх снова вдруг накатил, как грузовик. — За моей душой?

Она засмеялась, словно услышала глупую шутку, однако веселый смех не соответствовал ледяному взгляду.

Рука Чарли наткнулась на значок на рубашке. Что сделал бы Иисус в *таком* случае?

Очень просто: велел бы духу или бесу убраться восвояси. Хоть у него самого нет такой силы, все-таки стоит попробовать.

— Уходи, откуда пришла! — крикнул он.

Девочка заморгала.

— Я не знаю, откуда пришла.

Чарли удивился:

— Врешь! С небес или из ада, одно или другое. Должна знать!

— Не помню, — покачала она головой.

То ли правду говорит, то ли врет... Он не собирается тут валандаться, выяснять. Либо она уйдет, либо он. Прямо по лестнице. Вот что сказал бы Иисус: сторонись зла в любое время дня и ночи.

Чарли начал пробираться сторонкой, а она исчезла и снова возникла у лестницы.

— Ты пока не уйдешь.

— Почему?

— Можешь испортить дело.

Если кинуться на нее, что потом? Свалить с ног? Если это настоящая девочка — без проблем. Жалких семьдесят фунтов. Только она не настоящая. Даже не знаешь, есть ли чего сбивать. Может, просто пройдешь сквозь нее. А вдруг она сквозь него пройдет и застрянет внутри? Страшно подумать.

Чарли с содроганием отступил. Девчонка его запросто кинула и еще высекла. С ней ничего не сделаешь.

— Чего ты от меня хочешь? — Собственный голос ему не понравился — писклявый, ноющий, жалобный.

Она вытаращила глаза:

— От тебя? Ничего.

— Тогда...

Она махнула рукой, и он замолчал, не в силах выдавить ни звука.

— Помолчи теперь. Я кое-кого поджидаю, не хочу, чтоб ты ее спугнул.

Неожиданно снова ожили голоса «Пойнт оф Грейс».

7

Джиа сразу услышала голоса, шагнув в дверь. Детские голоса, плач, отчаянный, жалобный, разрывающий сердце... Узнала приемную для клиентов в Менелай-Мэнор, голоса слышатся со второго этажа. Взбежав по лестнице, очутилась в длинном коридоре с дверями по обе стороны. Дверей всего восемь. Голоса зазвучали громче — чем дальше по коридору, тем громче и громче. Все двери, кроме одной, открыты, за каждой посреди пустой комнаты стоит ребенок — мальчик или девочка, — всхлипывает, зовет маму. Джиа с перехваченным горлом хотела забежать, утешить и не могла остановиться, неудержимо стремясь к закрытой двери в конце коридора. Замерла перед ней, не успела нашарить ручку, как дверь широко распахнулась, Тара Портмен, в окровавленной кофточке, с полным ужаса взглядом, крикнула: «Помоги! Помоги! Случилась беда! Иди сюда! Сейчас же иди!»

Она вздрогнула и очнулась, еще слыша в ушах слово «иди», огляделась в потемневшей спальне. Солнце за окном садилось, быстро сгущались сумерки.

Заснула... Плохо спала прошлой ночью. Сны обычно не запоминаются, кроме очень тяжелых. Видно, беременность добавляет усталости. Впрочем, несмотря ни на какую усталость, она не собиралась следовать совету Джека прилечь отдохнуть, пока не стали закрываться глаза. Наконец разрешила себе прикорнуть ненадолго, всего на несколько минут... И увидела страшный сон. Что там было? Кажется, Менелай-Мэнор...

Джиа разом вскочила, все вспомнив: испуганное лицо Тары, кричавшей, что с кем-то случилась беда, призывающей ее на помощь. *Сейчас же иди...*

Джек?

Охваченная тревогой, она побежала по темному дому на кухню, где на дверце холодильника висел под магнитной защелкой номер его сотового, набрала, механический голос сказал: абонент недоступен. Включив свет, схватила сумочку, вывалила на стол содержимое, отыскала среди всякого хлама брошюру Ифасена, нашла телефон Менелай-Мэнор, позвонила, слыша длинные гудки, потом голос автоответчика Кентонов. Бросила трубку, не сказав ни слова.

Неизвестно, то ли кто-то действительно попал в беду, то ли это был просто сон, но ужасное предчувствие несчастья не покидало ее. В любом случае нельзя сидеть на месте. Конечно, она обещала держаться подальше, однако, если с Джеком что-то стряслось, надо быть рядом. Так или иначе, надо ехать и выяснить. Несмотря ни на какие обещания, необходимо ехать в Менелай-Мэнор. Сейчас же.

Она снова схватила трубку и вызвала такси.

8

Уступив побуждению забежать к Джиа, Джек вышел из поезда на станции «Пятьдесят девятая улица» и пошел к Саттон-сквер. Целый день ее не видел.

Имея ключ, все равно постучал, и еще раз, не получая ответа. Странно. Свет горит... Открыл своим ключом, вошел, увидел включенную сигнализацию, понял, что Джиа нет дома. Набрав код, отключил систему охраны, постоял в прихожей, гадая, куда она подевалась. Может, после предупреждения, что он не придет обедать, отправилась одна в ресторан? На нее не похоже...

Джек прошел по коридору на кухню взглянуть, не оставлена ли записка, и замер на месте, видя на столе брошюру Ифасена.

Ох, нет! Она обещала держаться подальше от дома. Неужели...

Он схватил телефон, нажал кнопку повтора последнего звонка, услышал автоответчик Лайла.

Точно. Отправилась в Менелай-Мэнор. Наверно, уже там.

Он ринулся к входной двери. Нехорошо. Джиа не нарушила бы обещания без дьявольски веской причины. Произошло что-то очень плохое.

9

Джиа нерешительно остановилась при виде темной фигуры посреди дорожки к парадному Кентонов. Небо безлунное, дом залит светом, словно там званый вечер. Фигура слишком маленькая для Джека, Лайла и Чарли.

Тут она заметила собаку.

Ох, нет, больше не надо!

— Прошу тебя, не ходи, — горячо и в то же время успокоительно молвила женщина. В слабом свете из окон дома было видно, что сегодня она в оранжевом сари. Вместо кольца в ноздрю продета крошечная булавка с драгоценным камнем. — Я тебя предупреждала, а ты не послушалась. На этот раз слушайся.

Джиа разозлилась. Она должна быть там, а не торчать тут, слушая женщину, у которой наверняка не все дома.

— В чем дело? Зачем вы это мне говорите?

Пальцы в серебряных кольцах перебирали длинную косу, переброшенную через плечо.

— Потому что тебе опасно входить в этот дом.

— Я это от вас уже слышала, но со мной ничего не случилось.

Черные глаза пронзили ее.

— Не хочешь о себе подумать, подумай о ребенке, которого носишь.

Потрясенная, Джиа попятилась.

— Что? — *Откуда* она знает? — Кто вы такая?

— Твоя мать, — ответила она обыденным тоном, как нечто само собой разумеющееся. — Матери знают подобные вещи.

Ясно — сумасшедшая. Джиа на миг дрогнула при упоминании о ребенке, но это фантастическая случайная догадка. Впрочем, с сумасшедшими никогда нельзя спорить.

— Спасибо за заботу, — сказала она, повернув к дому, — мне действительно нужно зайти туда.

Женщина шагнула ближе.

— Пожалуйста, — умоляюще проговорила она в искренней тревоге, вцепившись в косу обеими руками, — не ходи. Особенно сегодня.

Джиа замедлила шаг. В душе что-то криком кричало, требовало прислушаться. Но это невозможно, когда в доме Джек. Вдруг с ним что-то случилось? Она заставила себя взбежать на веранду, влетела без стука в открытую нараспашку парадную дверь, захлопнула ее за собой и почувствовала...

...что ее с нетерпением ждут.

Странно... Дом словно непомерно обрадовался ее приходу. Быть не может. Скорее всего, просто чувствуется облегчение, что удалось отделаться от сумасшедшей.

— Эй! — окликнула Джиа. — Джек! Лайл! Чарли!

И услышала музыку. Слов не разобрать, но звучит что-то приятное, душевное. В подвале... Она заспешила по лестнице, остановилась, увидев разгром. В подвале будто бомба разорвалась — стенная обшивка сорвана, бетонный пол разбит, обломки свалены в кучу, в земле кругом раскопаны ямы...

У дальней стены скорчился Чарли, испуганно машет руками, шевелит губами, не произнося ни слова. Что хочет сказать? Вид абсолютно безумный. Сперва индианка, теперь он... Все, что ли, с ума посходили?

— Чарли! Где Джек?

Музыка смолкла, и в тот же миг Чарли обрел дар речи, ткнул пальцем влево:

— Джиа! Она... тут!

Джиа шагнула в подвал и охнула, заметив маленькую девочку.

— Тара? — После визита к отцу, поведавшему ее историю, показавшему фотографии, казалось, будто она давно ее знает. — Это действительно ты?

Светловолосая головка кивнула.

— Привет, мама.

Мама? Какой-то сплошной бред.

— Нет, я не твоя мама.

— Знаю.

— Тогда почему...

Чарли оттолкнулся от стены, рванулся к ней:

— Уходи! Она тебя ждет!

— Успокойся, все в порядке. — Несмотря на холод и сырость в подвале, Джиа было тепло и приятно. — Я не боюсь. Где Джек?

— Они с Лайлом оставили меня тут одного. Потом она явилась. — Чарли кивнул на Тару.

— Моя мама... — нахмурилась Тара, — обо мне больше не думает.

— Она не может, детка...

— Знаю. — Слово было сказано равнодушно, без всяких эмоций.

Чарли холодной дрожащей рукой схватил Джиа за локоть, захрипел едва слышно:

— Чешем отсюда. Если она нас выпустит.

Джиа взглянула на Тару:

— Ты ведь не собираешься нас тут держать, правда?

Девочка печально улыбнулась:

— Я хочу, чтоб мама ненадолго осталась.

— Нет! — крикнул Чарли. — Мертвым нечего делать рядом с живыми!

— Может быть, выйдешь? — предложила Джиа. — Я останусь.

— Еще чего. — Он мотнул головой. — Без тебя никуда не пойду. Тут плохо... *она* плохая. Не видишь?

Джиа стало его жалко. Весь прямо трясется от страха. Она, как ни странно, была абсолютно спокойна. Трудно поверить, что говорит с духом убитого ребенка, совершенно не чувствуя страха. Потому что понимает бедную пропащую душу, знает, что ей нужно.

— Со мной все будет в полном порядке.

Чарли снова покачал головой:

— Либо оба уйдем, либо оба останемся.

— Я тебе вот что скажу. — Она взяла его под руку, повела к лестнице. — Давай оба поднимемся, а потом я спущусь на несколько минут.

Дойдя до ступеньки, Джиа остановилась — не по своей воле, а словно наткнувшись на невидимую стену. И оглянулась с дурным предчувствием:

— Тара?

— Не уходи. — Девочка надула губы. — Я хочу, чтобы мама осталась.

Вот в чем дело. Ей *нужна* мать.

В душе взыграли материнские чувства, стремление утешить, утолить нужду. Впрочем, надо быть реалисткой.

— Слушай, Тара, — медленно, мягко заговорила она, — знаю, тебе нужна твоя мама, но она не может прийти. Я не способна ее заменить, но если еще чем-нибудь...

Тара покачала головой:

— Нет. Ты не понимаешь. Мне не нужна мать.

Джиа озадаченно взглянула на нее:

— А что тебе нужно?

Все вдруг все изменилось. Нахлынула холодная волна, на лице Тары вместо милой невинности возникло выражение злобной ярости. Она оскалила зубы.

— *Я* хочу быть матерью.

Земля вдруг провалилась под ногами у Джиа, она вскрикнула и вместе с Чарли полетела в открывшуюся черную яму.

10

Выходя из такси, Лайл сразу почуял нечто необычное. Увидев бегущего по тротуару мужчину, напрягся, готовый нырнуть обратно в машину, и тут узнал Джека.

— Эй! Что за спешка?

Тот затормозил рядом, шумно, но не слишком тяжело дыша.

— По-моему, Джиа здесь.

— Зачем ей... — Лайл прикусил язык. — Ладно. Давай посмотрим.

Оба зашагали к дому.

— От самого Манхэттена бежал?

— Нет, только от подземки.

— Почему такси не взял?

— В подземке в такой час быстрее.

Глядя на него, Лайл отметил, что контур больше не расплывается. Может быть, новая необычная сила пропала или только в доме работает. Впрочем, чем ближе к дому, тем сильней кажется, будто что-то неладно. Непонятно, в чем дело...

— Будь я проклят! — Он замер на месте, вытаращив глаза.

Джек тоже остановился.

— Что?

— Окна... двери... закрыты! — Лайл расхохотался. — Замечательно! Теперь и кондиционер можно ставить.

— Не нравится мне это, — заметил Джек и пошел вперед.

— Почему? Может быть, то, что там завелось, вернулось восвояси.

— Сомневаюсь.

Лайл шагал следом за Джеком, который ступил на первую ступеньку веранды, отлетел и едва не упал на спину.

— Ты чего? Поскользнулся?

Однако сам Лайл не сумел дальше сделать ни шагу, уставившись на свою ногу, зависшую в воздухе над первой ступенькой. Чувствуя холодок на спине, попробовал силой ее протолкнуть — безуспешно. Ледяные пальцы стиснулись в животе.

— О боже, — охнул он. — Ух ты! Что за дерьмо?

— Не знаю.

Джек ткнул кулаком в воздух — и кулак не прошел. Лайл повторил тот же номер, почувствовав резкую боль в плече.

Все равно что бить в стенку. Нет, не бить — нет отдачи. Рука просто... остановилась. Бей с любой силой, ни на миллиметр не продвинешься.

Он оглянулся на Джека, который отошел назад, наклонился, взял камень и бросил. Камень по дуге

полетел к дому, завис в воздухе, упал на землю.

Джек с утробным ревом разбежался, бросился, шарахнулся назад.

— Эй, полегче!

— Там Джиа!

— Неизвестно.

— Известно, черт побери! Вот что надо было Таре — заманить туда Джиа одну!

— Она не одна, а с Чарли... — Сердце оборвалось, замерло. — Господи помилуй, с Чарли! Что там происходит, как думаешь?

— Не знаю... Наверняка ничего хорошего, раз дом опечатан. Проверим со всех сторон.

И с других сторон то же самое. Они обошли вокруг дома, толкаясь и швыряя камни в окна, в заднюю дверь. Любой прохожий принял бы их за подвыпивших хулиганов. Кричали, звали Джиа и Чарли, не получив ответа.

В гараж вошли свободно, а в дом через гаражную дверь не попали.

Лайл привалился спиной к непроницаемой воздушной стене и почувствовал себя очень плохо. Такого не может — *не должно* быть. Что в этом мире творится?

Джек, побагровев от усилий, пытался пробить барьер ручкой метлы.

— Ну, дошло до тебя, наконец? Низ вверху, верх внизу, нерушимые законы нарушены, невозможное возможно. — Он рыкнул в отчаянии, швырнул метлу через весь гараж. — Добро пожаловать в *мой* мир.

Лайл заметил у стены лестницу.

— Слушай, может, сверху влезем?

— Не тратьте зря время, не выйдет, — произнес женский голос.

Лайл оглянулся на индианку в оранжевом сари. Черные глаза женщины и стоявшей с ней рядом огромной немецкой овчарки были устремлены на Джека.

— Почему?

— Стена далеко уходит.

— Куда? — спросил Джек.

— В вечность.

Кто эта женщина и откуда явилась?

— Откуда вы знаете? — спросил Лайл.

— Знаю. Он поверил.

— По-моему, не просто знаете. — Джек шагнул к ней и остановился, услышав рычание пса.

Она сверкнула на него глазами:

— Разве я не предупреждала, что этот дом опасен для тебя и твоей женщины? А вы оба слушать не пожелали!

Почему я об этом ничего не слышал? — удивился Лайл.

— Предупреждали. Видно, надо было послушаться. Ну и что? Напоминание «я же вам говорила» не решает проблему. Если вам столько известно, скажите, что там происходит.

— Твоя женщина и ребенок в смертельной опасности.

Ребенок? Джиа беременна? Лайл видел, как Джек обмер с испуганным видом, что он прежде считал невозможным.

— Откуда... Ну ладно, не важно... В какой опасности? Почему?

— "Почему" не имеет значения. Причина изменилась. Но опасность смертельная.

У Лайла пересохло во рту.

— А Чарли?

Индианка не оглянулась на него.

— Любой в этом доме в смертельной опасности. Откуда ей известно? Либо она ошибается, либо не в своем уме.

Джек, похоже, купился, завертелся, взмахнул кулаками, вот-вот взорвется.

— Должен быть способ прорваться! Должен!..

Женщина не сводила с него глаз, обращая на Лайла не больше внимания, чем на неодушевленный предмет.

— Надо либо получить *разрешение,* либо отступиться.

— Получить разрешение? Как?

— Не знаю. Может быть, предложить обменять твою женщину на нечто более ценное.

Джек ничего не сказал, просто стоял, тараща глаза.

— А именно? — спросил Лайл. Чарли тоже в опасности. Чего для родного брата не сделаешь? — Посоветуйте, что предложить взамен, и мы это раздобудем, будь я проклят.

— Не что, а кого, — пробормотал Джек и направился к двери с глазами горящими странным огнем, столь угрожающим, что Лайл чуть не попятился. — Причем я его знаю. Пошли.

Лайла вдруг осенила догадка, о ком идет речь, и он жутко обрадовался, что не о нем самом.

11

— Как ты там? — спросил Чарли, стоя рядом на четвереньках.

Джиа приземлилась на левую ногу сильней, чем на правую, и чувствовала боль. Попробовала наступить, прислонившись спиной к земляной стене. Ничего.

— Кажется, все в порядке. — Она отряхнула джинсы. — А ты?

Чарли легко поднялся.

— Цел.

Сверху шел свет. Джиа, подняв голову, увидела потолок подвала, но кругом одна земля. Они с Чарли упали в яму-колодец глубиной футов десять и пять шириной.

Ее охватила паника — стены как бы наклонились, сдвинулись... Она закрыла глаза, стиснула зубы, пережидая ужасный момент. Никогда не страдала клаустрофобией, впрочем, и в колодцы никогда раньше не падала.

— Тара! — крикнула она. Из пересохшего горла вырвалось какое-то карканье. — Тара!

Нет ответа.

— Зачем ты это сделала? Мы тебе не желаем ничего плохого. Хотим отдать твоего убийцу под суд. Пожалуйста, выпусти нас!

Наверху стояла тишина.

Джиа с тяжело колотившимся сердцем принялась ощупывать гладкую круглую стену. Земля плотно утрамбована, никаких выступов и углублений для рук и ног.

Она оглянулась на Чарли, который деловито оглядывался, тараща глаза, потом облизнулся, уткнулся правой подошвой в одну стену, обеими ладонями в другую, подтянул левую ногу, полез дюйм за дюймом к свету и свободе.

Прополз полфута, руки соскользнули, он упал на четвереньки, как кошка. Не говоря ни слова, еще раз попробовал с тем же результатом. Встал, прислонился к стене, запрокинул голову, закрыл глаза, тяжело дыша.

— Господи, молю Тебя, дай мне сил. Пожалуйста!

На сей раз удалось подняться почти на фут. После очередного падения Чарли сел к стене, уронил голову на колени — олицетворение отчаяния.

— Будь стенки на фут ближе, хоть на полфута, вылез бы. Точно.

— Ничего, — ласково сказала Джиа. — У тебя и так здорово вышло.

— Да не так уж и здорово. — Он встал и посмотрел на нее. — Мы в ловушке.

Она снова взглянула вверх. Не встать ли Чарли на плечи? Нет, до краев все равно не достать.

— Может, Тара нас выпустит, хорошенько подумав.

— А когда это будет? И вообще, зачем она нас сюда зашвырнула?

Джиа пожала плечами:

— Не знаю. Может, просто хотела с дороги убрать.

— Нету смысла.

Джиа согласилась, но стоит ли ждать от призрака здравого смысла? Достаточно вспомнить дикую фразу, прозвучавшую перед тем, как разверзлась земля: «Я хочу быть матерью». Что это значит? Как она может стать матерью? Она мертва. Видно, это ей не мешает желать невозможного.

— По крайней мере, мы целы. — Она ткнула пальцем в свою сумку, лежавшую на земле, свалившись с плеча при падении. — И с голоду не умрем. У меня там пара калорийных батончиков и... — Джиа бросилась к сумке. — Боже мой! Сотовый!..

Порывшись в сумке, выхватила телефон, включила... Ничего — дисплей не засветился, писка не слышалось.

— Черт, не работает...

Чарли опустился рядом на колени.

— Говорю тебе, мы в ловушке. Она не дала нам подняться по лестнице и, спорю, никому не позволит спуститься. Остается только молиться.

— И надеяться, что Джек догадается, где я. — Джиа проклинала себя, что не оставила записку, думая, будто спешит *к нему* на помощь. — Как только сообразит, сразу нас вытащит.

Чарли взглянул на нее:

— Можно подумать, что дело решенное.

— В определенном смысле. Он находчивый, неутомимый, меня не оставит в беде. Никогда.

Простая истина пролила бальзам на взвинченные нервы.

— Дела пока не видно. Это просто надежда.

— Нет... вера, — улыбнулась Джиа и вновь оглядела земляные стены. — Тем временем мы сами должны что-то делать. — Она протянула руку, дотронулась до значка на свитере Чарли. — «Делай то, что сделал бы Иисус». Неплохая мысль в подобной ситуации.

— Правда. Что сделал бы Иисус?

— Я скорее спросила бы, что сделает Джек... Кстати, где Лайл? — вдруг вспомнила она.

— Пошел лапшу вешать на уши какой-то дамской компании. Должен бы уже вернуться.

— Надеюсь, ты веришь, что он сделает все возможное, чтобы вытащить тебя отсюда, правда? Что сделает Лайл?

Чарли отвел глаза.

— Все возможное. Он еще никогда меня не бросал и сейчас не бросит... — Чарли слегка замялся. — Что бы там ни говорил.

— Я тебя не совсем понимаю.

— Долгая история.

— Кажется, у нас есть время.

Чарли смущенно покачал головой:

— Не хочется рассказывать.

Он сложил перед собой руки, склонил голову, читая молитву, Джиа принялась пристально разглядывать стены. Вспомнила, как Джек однажды предложил заняться скалолазанием, а она его

высмеяла. В последнюю очередь согласилась бы тратить свободное время, ползая, словно муха, по стенкам. Зря отказалась. Толку все равно было б мало, когда нет никаких зацепок для рук, но хотя бы...

Что это?

В стене дюймах в шести над головой что-то блеснуло. Не сводя глаз с того места, она дотянулась, пощупала. В земле торчало что-то твердое, на ощупь металлическое. Попробовала раскопать, но земля слишком твердая.

— Чарли, я что-то нашла.

Он мигом вскочил:

— Чего? Где?

— Какая-то железка.

Непонятный предмет оказался прямо перед глазами высокого парня.

— Больше похоже на медь, на латунь... Какой-нибудь обломок после ремонта.

— Давай выкопаем. Вдруг пригодится, кто знает?

— Ладно, поглядим.

Чарли начал рыть землю руками, Джиа снова полезла в сумочку, отыскала и сунула ему пилочку для ногтей.

— Вот, попробуй.

Он долбил землю пилочкой, выгребал пальцами, и вскоре показался металлический стержень. Наконец возникла возможность схватиться за кончик.

— Ну, давай, — бормотал Чарли, расшатывая железку в осыпавшейся со всех сторон земле, — есть!

Стержень внезапно выскочил, Чарли отлетел к противоположной стене. Стряхнул с предмета землю, поднял повыше...

— Крест! — охнула Джиа.

Памятный крест без верхнего выступа. Точно такой, как углубления в стенах после водоворота. Горизонтальная перекладина слегка согнутая, перекрученная, то ли никелевая, то ли серебряная, а вертикальная — медная.

Чарли не сводил с него глаз.

— Должно быть, крест тау из тех самых плит в стенке. Наверно, их выломали и закопали. А мы нашли... — Он высоко поднял крест. — Это знак!

— Это инструмент, которым можно копать!

— Копать? По-моему, мы и так глубоко.

— Не вниз! Выкопаем в стенке ямки и вылезем.

— А я и не подумал, — ухмыльнулся Чарли, схватился за горизонтальную перекладину, вонзил крест в стену. Земля поддалась. — Есть! Пошло! Мы еще побьем это самое привидение!

12

— Черт! — Джек разогнулся, отошел от двери. — Засов не поддается. Придется рискнуть.

Рискнуть? По мнению Лайла, они уже достаточно рискуют. Он стоит в носках на крыше в Сохо, пока его компаньон пытается залезть в дом. У всех на виду, как на сцене. Луны, правда, нет, но город сияет огнями. Если кто-нибудь из живущих в соседних домах просто выглянет в окно верхнего этажа, то сразу увидит, как они взламывают чердачную дверь. Один звонок в службу 911, и их арестуют за проникновение со взломом и бог весть за что еще.

Тем не менее лучше бы сейчас поймали, чем после завершения дела. Обвинение в похищении человека гораздо серьезней.

Полчаса назад Джек оставил Лайла в баре Хулио, через несколько минут вернулся, переодетый в другую одежду, со спортивной сумкой, где звякали и громыхали какие-то металлические инструменты. Приехали сюда в его машине, остановились поблизости. Джек пару минут постоял на противоположном тротуаре, разглядывая здание, потом пошел дальше. Через полквартала влезли по пожарной лестнице на крышу, перебрались с нее на другую, на третью, добравшись, наконец, до нужного дома. Хорошо, конечно, переодетому Джеку, а Лайл по-прежнему в парадной рубашке, костюмных брюках и черных кожаных туфлях, ни много ни мало. На последней крыше Джек велел ему разуться.

Если *это* не риск, то что же?

Джек задрал свитер, разматывая намотанную вокруг туловища длинную нейлоновую веревку. Это еще откуда?

Он протянул конец Лайлу, шепнув:

— Привяжи вон там к вентиляционной трубе.

Лайл больше привык отдавать приказания, чем выполнять, однако представление устраивал Джек, поэтому он доверился его опыту. Похоже, парень знает, что делает. С любым другим подобная вылазка укрепила бы узы дружбы, но Джек сильно переменился, покинув Менелай-Мэнор. Умолк, замкнулся в себе, общительность и веселость исчезли, сменившись холодным отточенным мастерством под непроницаемой маской. Целеустремленный мужчина, намеренный любой ценой принести домой добро. Лайл его даже немножко побаивался. Он словно запер все теплые человеческие эмоции в маленьком заднем чулане, обнажив неприкрытую темную грубую сторону.

— Зачем?

— Надо лезть по стене.

У Лайла сжалось сердце. Он подошел к парапету, посмотрел вниз. Третий этаж. Все равно что в окошко выпрыгнуть. Переждав приступ головокружения, оглядел стену, вопреки ожиданию не кирпичную, а гладкую, с железной обшивкой и скульптурными колоннами.

— Ты с ума сошел. Тут ухватиться не за что!

— Угу. Старый броненосец, настоящий сукин сын.

В животе грянуло землетрясение, докатившись до рук и до ног.

— Я... наверно, не смогу, Джек. — Фактически, через край абсолютно точно не перелезть.

Джек сурово взглянул на него:

— Хочешь меня бросить?

— Нет, просто... высоко...

— Думаешь, я на стену тебя потащу? Ни в коем случае. Будешь тут стоять, присматривать за веревкой и за трубой, чтоб не выскочила.

Лайл вздохнул с облегчением. Это ему по силам.

Джек натянул рабочие перчатки, взял у него веревку, привязал к вертикально торчавшей из крыши стальной трубе, проверил узел, скользнул к парапету, сел на краю.

— Даже неизвестно, дома ли он, — заметил Лайл.

— Неизвестно. Но на третьем этаже, где, по-моему, располагается спальня, темно, а на втором кругом свет горит, телевизор включен.

— Откуда ты знаешь?

— Свет другой, — нетерпеливо объяснил Джек. — Кроме того, после нашей последней встречи он не склонен к прогулкам. — Он взглянул вниз. — План такой...

Лайл выслушал, кивая, помог ему перелезть через край. Поглядывая то на Джека, то на трубу, он наблюдал, как тот спускается по железной стене, останавливается у расположенного прямо под ним окна. Внизу проезжают машины, спешат пешеходы...

Пожалуйста, вверх не смотрите!

Джек поставил ногу на подоконник и поднял оконную створку. Отлично — окно не заперто. Впрочем, кто запирает окна третьего этажа? Особенно летом.

Джек исчез в оконном проеме, через секунду вылетел свободный конец веревки. Лайл быстро ее вытянул, отвязал другой конец от трубы, смотал, вернулся к чердачной двери, сунул моток в спортивную сумку Джека. Следуя полученным инструкциям, натянул латексные перчатки и принялся ждать, когда дверь откроется изнутри.

Джек тоже сменил рабочие перчатки на латексные и шепнул:

— Сейчас все решится. Если Беллито один, наша взяла. А если с ним тот самый громила, про которого я рассказывал...

Он полез в сумку и вытащил пистолет с каким-то тусклым покрытием. Лайл не особенно разбирался в оружии, но узнал однажды виденный полуавтомат, предположительно девятимиллиметровый. Точно можно сказать лишь одно: толстая цилиндрическая насадка на конце ствола — это глушитель.

Он поежился при виде оружия, с которым Джек слишком легко обращался.

Дома мысль обменять убийцу Тары на Джиа и Чарли казалась простой и прекрасной. Но чем дальше они уходили от сюрреализма, царившего в Менелай-Мэнор, погружаясь в знакомую суровую реальность Манхэттена, тем безумнее выглядела идея захватить убийцу детей — предполагаемого, в отсутствие неопровержимых доказательств, — в его собственной квартире.

А тут еще... пистолет.

Лайл тяжело сглотнул.

— Ты же не собираешься стрелять, правда?

— Собираюсь, если понадобится, — равнодушно ответил Джек. — Мертвец нам ни к чему, мне он нужен живой. Но я на все пойду, чтобы его достать. — В Лайла впились не утренние светло-карие, а темные

холодные глаза. — Может, тут обождешь?

— Нет. — Чарли заперт в доме, как в ловушке. Брат. Кровный брат. Надо помочь Джеку, а потом уже думать о нравственности и законе. — Я далеко зашел. Пойду дальше.

Джек кивнул.

— Хочешь «глок»?

«Глок»? Ах да, пистолет.

— Лучше не надо.

— Ну, все равно не стоит с пустыми руками идти.

Он снова полез в сумку, вытащив знакомую Лайлу вещь — черную кожаную дубинку.

— Умеешь обращаться?

Тот только кивнул. Он совсем не умел обращаться с дубинкой, сильно сомневаясь в собственной способности хоть кого-нибудь стукнуть по черепу утяжеленным концом, но взял ее и сунул в карман.

Потом Джек вытащил липкую ленту, оторвал несколько длинных, несколько коротких полос, сунул себе под свитер.

Наконец все было готово. Джек передернул пистолетный затвор, подхватил сумку и начал спускаться по лестнице.

— Эй, стой, — шепнул Лайл, кое-что вспомнив. — Может, маски наденем? Какие-нибудь чулки или что-нибудь вроде...

— Зачем?

Странно, что Джек не видит очевидного, все детально продумав.

— Чтоб он нас не увидел.

— Какое нам до этого дело?

— Вдруг Тара не захочет меняться? Тогда останемся с похищенным, который нас знает в лицо. Пойдет в полицию...

— Не пойдет.

— Почему? Потому что он детоубийца и боится полиции больше, чем мы? Может быть. Но ведь мы привезем его в *мой* дом, а не в твой. Он узнает, где *я* живу...

— Не имеет значения.

— Для меня имеет значение, черт побери.

Взглянувшие на него глаза потемнели и похолодели пуще прежнего, и Джек очень медленно проговорил:

— Не имеет... значения.

Смысл этих слов сокрушил Лайла, как поезд подземки.

— Ох, слушай, мне как-то не хочется в этом участвовать...

Джек отвернулся.

— Ты и не будешь. Не твоя проблема. Пошли. Возьмем выродка.

Он двинулся вниз по лестнице, Лайл за ним, заторможенный свинцовым комом в желудке.

Подстегивала лишь мысль о Чарли.

Спустились в темный коридор с закрытыми дверями с обеих сторон. В щели свет не просачивался. Здесь прохладней. Кондиционеры работают. Пахнет жареным луком. Свет идет с другой лестницы в дальнем конце, оттуда же доносится неестественный смех — развлекательное телешоу.

Джек передал Лайлу сумку и направился к дальней лестнице, выставив перед собой пистолет. Лайл потащился следом. На верхней ступеньке Джек жестом велел обождать и с мучительной медлительностью принялся переступать со ступеньки на ступеньку, ставя ноги на самый краешек у самой стены. Спустился до конца, на секунду скрылся из вида, вернулся, махнул рукой. Лайл в носках — кожаные туфли в сумке — последовал его примеру, держась как можно ближе к стене.

Внизу он огляделся. Они очутились в маленькой столовой почти без мебели. На столе из красного дерева еще стоят обеденные тарелки. Справа кухня, рядом другая комната. Судя по светящемуся компьютерному экрану, нечто вроде кабинета. Справа гостиная с включенным телевизором.

Лайл вздрогнул: в кабинете зазвонил телефон. Посмотрел на Джека в ожидании указаний, но тот уже кошачьим шагом крался к гостиной. Подобрался к двери в тот самый момент, когда из нее вышел мужчина в серых брюках и белой рубашке с воланами вместо манжет, пожилой, шести футов ростом, с бледной кожей, редеющими волосами, неуверенной, словно от боли, походкой. Наверно, тот самый, кто им нужен, — Илай Беллито, о котором рассказывал Джек.

Джек воткнул ему под подбородок глушитель, схватил за волосы на затылке, рванул назад голову.

— Привет, Илай! — тихо прохрипел он. — Клеился нынче к очередному мальчику?

Лайл никогда в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так пугался. Мужчина чуть не упал в обморок от шока и страха, когда Джек толкнул его обратно в гостиную.

— Ч-что... к-как...

Лайл, по-прежнему со спортивной сумкой в руках, последовал за ними, держась на расстоянии. В гостиной большой «сони» — тридцать с чем-то дюймов — крутил старую юмористическую программу.

— Ложись! На пол!

Джек подрубил его под колени, Беллито со страдальчески перекошенной физиономией принял молитвенную позу.

— Нет! Не надо, пожалуйста... Больно!

Телезрители расхохотались.

— Это еще не самое страшное, — все так же тихо предупредил Джек.

Он швырнул его лицом вниз на голый деревянный пол, сел верхом, уперся в поясницу коленом. Беллито утробно стонал.

Лайл упорно напоминал себе, что этот подонок убил Тару Портмен, еще невесть скольких детей... Джек лучше знает, в конце концов, сам был свидетелем похищения мальчика. Конечно, он действует грубо, однако мерзавец того заслуживает...

Джек вытащил короткий кусок пластыря, заклеил мужчине рот, оглянулся на Лайла:

— Иди сюда.

Он нерешительно подошел. Джек подмигнул и сунул ему пистолет.

— Если выкинет фокус, стреляй в ягодицу.

Телезрители снова загоготали.

— Угу. — Лайл прокашлялся. Слюна рот залепила, как клей. — Верное дело. В левую, в правую?

Джек мельком улыбнулся — впервые за нынешний вечер — и выставил ему большой палец. Завернул руки Беллито за спину, связал длинными полосами липкой ленты. Встал, протянул руку, и Лайл охотно вернул пистолет.

— Один готов, — заключил Джек. — Может, найдется еще один. А может быть, и нет.

Будем надеяться, что не найдется. После телефонного звонка и тридцати секунд не прошло, а Лайл за это короткое время из простого мошенника стал уголовным преступником первого или второго разряда. Он просто не создан для перестрелок и мордобоя, для оружия и насилия. Весь трясется от макушки до кончиков пальцев.

Джек ткнул дулом пистолета в сторону Беллито:

— Помоги мне его поднять.

Они с обеих сторон подхватили связанного мужчину под руки, посадили в мягкое кресло сливочного цвета. Беллито морщился от боли, но на Джека это нисколько не действовало.

Лайл вытащил туфли из спортивной сумки, обулся, чувствуя себя гораздо увереннее, чем в носках.

— Здесь еще кто-нибудь есть, Илай?

Беллито не ответил, Джек шагнул ближе, схватил его за волосы, задрал голову так, что они оказались нос к носу.

— Где твой дружок Минкин? Рядом? Кивни — да или нет. *Сейчас же.*

Беллито отрицательно мотнул головой.

— Он или еще кто-нибудь должен скоро прийти?

Илай подал тот же самый знак.

Джек его выпустил.

— Ладно. Допустим, я поверил. Вытащи дубинку, — велел он Лайлу, — и стой рядом с ним. Попытается встать — усади.

Абсолютно не хочется оставаться наедине с этим типом.

— Куда ты?

— Пройдусь по комнатам. Просто удостовериться. Есть у меня нехорошее подозрение, что Минкин где-то прячется. Может быть, наверху. Не стоит оставлять его у себя за спиной, если он тут. Заодно поищу, во что завернуть этот хлам. — Он оглядел голую гостиную. — Господи боже... Ты про ковры когда-нибудь слышал, Илай?

Джек ушел с пистолетом на изготовку, Лайл вытащил из кармана дубинку и занял позицию за спиной у Беллито, чтобы не смотреть в ледяные глаза. Хорошо, рот заклеен, не слышно ни слов, ни мольбы. Понимает ли он, что это последняя ночь в его жизни?

Вдруг послышался хриплый крик — голос Джека, — эхом донесшийся из другого конца дома.

Что еще, черт побери?

Он крепче стиснул в потной руке дубинку, сердце заколотилось втрое быстрей. Проклятье, надо было взять предложенный пистолет!

И тут Джек влетел в комнату с побелевшим лицом и оскаленными зубами, с пистолетом в одной руке и листком бумаги в другой.

Лайл съежился, взглянув ему в глаза. Невозможно представить, чтобы у человека был такой взгляд... Как у самой Смерти.

Он шарахнулся, когда Джек приставил пистолет к виску Беллито, развернув у него перед глазами бумагу.

— Что это? Кто прислал? — Он бросил листок Илаю на колени, сорвал с губ пластырь, опустил пистолет, целясь в ногу. — Отвечай немедленно, или я разнесу тебе ко всем чертям колени одно за другим, пока не услышу правду!

13

— Как бы ни хотелось мне видеть Джека, — сказал Чарли, — надеюсь, он прямо сейчас не заскочит. Трудновато было бы объясниться.

Джиа рассмеялась:

— Я даже трудиться не стану. Просто спрошу, где он так долго шлялся.

Сунув носок кроссовки в ямку футах в четырех от дна и до предела вытянув над головой нывшую руку, она копала в земляной стене другую. Чарли пристроился ниже, поддерживая ее ладонями под мягкое место. Он выкопал четыре первые ямки в рекордное время — возможность заняться делом наэлектризовала его, превратив в экскаватор, — последнюю на максимально доступной высоте. Затем пришла очередь Джиа, которую легко подсаживать выше.

— Господи, до чего земля твердая!

Она закрывала глаза, отворачивалась от земли, сыпавшейся под вонзавшимся в стену крестом, тем не менее вся перепачкалась, особенно короткие светлые волосы. Чувствуя себя грязной, липкой, упорно продолжала копать. Они продвигаются, лезут вверх...

Крест на что-то наткнулся. При следующем ударе вновь послышался стук, земля почти не осыпалась.

— Ох... Кажется, камень.

— Ногу в ямку уже можешь сунуть?

Глубина всего дюйма три, не больше.

— Нет пока.

— А если вокруг обойти?

— Вдруг он слишком большой?

Чарли внизу шевельнулся.

— Встань мне на плечи и посмотри. Если слишком большой, выкопаем дыру в сторонке, если нет, попробуем вывернуть.

— Удержишься?

— А то. По башке только камнем не хряпни.

Вцепившись в выкопанную ямку, Джиа нерешительно поставила ему на плечо одну ногу, другую, выпрямила колени, подняла голову, глянула...

...прямо в пустые глазницы детского черепа.

Вскрикнув от неожиданности и отвращения, отшатнулась, потеряла опору, полетела вниз, размахивая в страхе руками, но схватиться было не за что. Чарли чудом умудрился ее поймать.

— Чего там?

— Детский скелет, — всхлипнула Джиа. — Может быть, самой Тары... Ужас! — воскликнула она и расплакалась, думая, что лишь по счастливой случайности это не череп Вики. — Такого никто не заслуживает, особенно ребенок! — Она вытерла слезы тыльной стороной ладони, размазав по щекам грязь. — Какое чудовище...

Земля дрогнула. Чуть-чуть, но Джиа обернулась.

Чарли тоже озирался, оглядывал стены.

— Слышала?

Она кивнула:

— Наверно...

Часть стены наверху откололась, обрушилась, Джиа закашлялась, задохнувшись в облаке пыли, другой кусок рухнул ей на спину, свалил с ног.

— Обвал! Нас засыплет!

Лавина ширилась. Чарли схватил ее за руку, вздернул на ноги:

— Скорей топай! Лезь наверх, пока падает!

Под земляным водопадом Джиа сообразила, что он имеет в виду. Пока колодец осыпается небольшими кусками, есть шанс...

Она вскрикнула — что-то холодное обвилось вокруг щиколотки... детская призрачно бледная ручка... Попыталась вырваться — безуспешно. Маленькие пальцы держали крепко, как стальные щупальца.

Чарли охнул — такая же рука схватила его за ногу. Груды земли вокруг начинали расти, он лихорадочно дергался, стараясь освободиться.

— Это Тара! — крикнула Джиа.

Он выпучил глаза:

— Почему? Мы ей ничего плохого не сделали...

— Тара! — закричала она, тщетно вырывая ступню из безжалостной хватки. — Прекрати сейчас же! Мы тебе не враги...

По-прежнему держа в руке крест, она в отчаянии замахнулась, ударила по руке над запястьем. Крест беспрепятственно прошел сквозь призрачную плоть, а потом...

...рука исчезла. Джиа освободилась.

— Чарли! Крест... помогает!

Он ушел в землю по щиколотки. Она присела рядом, принялась разгребать, раскопала руку, махнула крестом — та пропала.

— Восславим Иисуса! — вскричал Чарли, отскочив в сторону. — Ничто не устоит перед силой креста Его!

В тот же миг другие руки поймали Джиа за одну ногу, потом за другую. Еще две змеями вылезли из стены, ловя ступни Чарли.

Земля посыпалась с удвоенной силой.

Не мешкая Джиа срубила одну и другую, ринулась выручать Чарли, поскользнулась, упала плашмя под обвалившимся комом. В панике на миг подумала, что уже не поднимется, но заставила себя встать на ноги и дотянуться до парня. Задыхаясь, хватая ртом воздух, хлестнула по рукам. Не успел он освободиться, как обоих снова схватили — на этот раз каждого по три-четыре руки.

— Прямо гидра какая-то, — пропыхтела Джиа, обрубая жадные руки. К ним сразу тянулись новые.

— Не знаю ни про каких гидр, — слабо выдавил Чарли, — только, по-моему, нам отсюда живыми не выбраться. Вместе, по крайней мере.

Он сморщился, словно собрался заплакать.

— Ничего, Чарли, справимся. Надо только держаться...

Лицо его отвердело, будто он принял решение.

— Дай крест.

— У меня хорошо получается.

— Нет. — Чарли окинул ее странным взглядом, схватил за руку. — Ничего подобного. Дай.

— Что с тобой?

Джиа отпрянула, но он оказался сильнее. Длинные руки схватили и вырвали крест. Чарли молча наклонился и замолотил по рукам, державшим ее за левую ногу.

Справившись, забросил освобожденную ступню себе на спину, занялся правой, вытащил и поставил на кучу осыпавшейся земли, в которую сам ушел по колени.

Как только ноги ступили на землю, оттуда полезли новые руки. Чарли снова принялся за дело. Сквозь сплошную лавину его почти не было видно.

— Как ты там? — спросила она с перехваченным горлом, разгадав его замысел. — Давай сам вытаскивай ноги!

— Слишком поздно, — сказал он, не глядя на нее, уже по грудь уйдя в землю, отсекая новые руки. — Не выйдет.

— Выйдет, если сейчас постараешься! Оба вылезем...

— Нет, — качнул он головой. — Оба потонем.

Невозможно, немыслимо! Джиа принялась лихорадочно его выкапывать.

— Давай по очереди...

Из земли выскочила призрачная рука, дернула за запястье, она с криком ткнулась лицом в землю.

Чарли стукнул по руке, вздернул Джиа на ноги, грубо толкнул назад.

— Видишь? Видишь? — Глаза наполнились слезами, губы задрожали. — Слушай, я понимаю, что делаю. И надеюсь, не зря. Обещай, что не зря, хорошо?

— Чарли...

Обвал прекратился столь же загадочно и внезапно, как начался. Почему?

— Хвала Господу! — Чарли пополз вперед, выбираясь из кучи, куда ушел по грудь, уронил голову на руки. — Он спас нас от дьявола!

Земля дрогнула под ногами, превратилась в сыпучую пыль, двинулась, как песок, всплеснулась, как густая жидкость, и начала подниматься.

— Ох, нет! — крикнула Джиа. — Что это?

Чарли замахал руками в земле, доставшей ему до подмышек.

— Не знаю! Пожалуйста, Господи, останови ее, прошу Тебя!

Сухая земля захлестывала его, как вода, поглощала... Джиа, держась в песке на плаву, с воплем схватила Чарли за руку, дернула, стараясь подтащить, но внизу его что-то крепко держало.

Погрузившись в землю по шею, он взглянул на нее широко распахнутыми глазами, полными ужаса.

— Ох, прошу Тебя, пожалуйста, Господи, не хочу умирать!

Земля хлынула в открытый рот, парень закашлялся, задохнулся, задергался, вытянув шею. Джиа, плача и скуля от страха, тянула его за руку, не в силах вытащить. Земля забила рот, ноздри, глаза выпучились еще шире, упрашивая, умоляя, новая волна накрыла голову, на виду осталась лишь вытянутая рука.

Джиа с ревом рыла землю по-собачьи, стараясь откопать лицо.

— Держись! Держись...

Все равно что разгребать суп. Земля сыпалась сквозь пальцы и вновь поднималась. Руки нащупывают голову, волосы, но ничего не видно. Сунуть бы ему какую-то трубку, чтоб он мог дышать...

Из-под земли вдруг вынырнула рука Чарли с крестом. Она ее схватила, изо всех сил рванула — ничего не вышло. Совсем ничего!

Рука задрожала, пальцы выпрямились, окоченели, выронили крест, на миг когтями вцепились в воздух, обмякли, упали, замерли, дрогнули раз-другой и больше не двигались.

— Нет! — Джиа захлебнулась от горя. Они виделась с Чарли лишь дважды, и все-таки ради нее он отдал свою жизнь. Она упала на колени, схватив холодевшую руку, испустила долгий вопль, зарыдала... — Нет!

— Мне очень жаль, — прозвучал голос Тары.

Джиа подняла глаза. Колодец превратился в обычную мелкую яму в земле. В нескольких шагах стоит Тара, милая невинная девочка, только вид у нее далеко не сочувствующий.

— Зачем ты это сделала? Он же хороший парень! Никогда не сделал ничего плохого ни тебе и никому другому! Как ты могла убить его?

Она шагнула ближе, не сводя глаз с Джиа, не с лица — с живота.

— Он один стоял на пути.

Горе остыло, сменившись растерянностью.

— На каком?

— К тому, что будет дальше.

С застывшей в жилах кровью Джиа с трудом поднялась на ноги.

— Не понимаю...

Тара улыбнулась:

— Твой ребенок будет моим.

14

— Пожалуйста, не надо! — кричал Беллито, корчась в кресле, когда Джек прижал кончик глушителя к левому колену. Он взглянул на листок. — Умоляю! Впервые в жизни вижу!

— Врешь!

— Клянусь!

— Тогда читай сейчас же. Даю десять секунд.

Переполнявшая Джека темная злоба билась в прутья клетки, желая вырваться на свободу и вышибить на пол мозги выродка. Но он сдерживался. Беллито далеко не мальчик. Не хочется, чтобы умер от сердечного приступа или удара.

Джек сам чуть не получил инфаркт, войдя минуту назад в кабинет. Комнатка маленькая, такому верзиле, как Минкин, не спрятаться. Впрочем, он все равно заглянул в стенной шкаф — пусто. На выходе случайно увидел листок в лотке факса, мельком взглянул на написанное от руки сообщение, и уже в дверях в сознании вспыхнуло слово, застрявшее, как газетный обрывок в решетке ограды.

...Вестфален...

С испуганным криком он бросился к аппарату, схватил бумажку и прочел:

«Удача! С ее карточки „Виза“ перечислена крупная сумма на счет какого-то „Маленького Пикассо“, случайно оказавшегося летним лагерем близ Монтиселло. Проверено — там и есть посылочка на имя Вестфален. Надо только забрать. А. с легкостью управится. Сожги!»

* * *

Не веря собственным глазам, Джек перечитал во второй, в третий раз. Вестфален... «Маленький Пикассо»... Вики. Беллито со своей шайкой положили глаз на Вики!

Как? Почему? Откуда им известно, что Вики с ним связана, когда они даже не знают, кто он такой?

Или знают?

Необходимо получить ответ.

Беллито поднял на него глаза:

— Не знаю, о чем речь. Никогда раньше не видел... Какая-то ошибка!

— Ладно. — Джек крепче прижал глушитель к колену.

— Господи помилуй! — Лайл стоял позади Беллито с вытаращенными глазами, полными тошнотворного ужаса.

— Слушай, у меня на то есть свои основания. — Не хочется открывать стрельбу здесь и сейчас. Никогда не знаешь, чем это кончится. Однако обязательно надо *выяснить.* Есть ощущение, что Илай просто увиливает от ответа. — Выбирай, какое колено сначала.

Беллито пытался вывернуться:

— Нет! Пожалуйста! Поверь, я никогда не видел записки! Посмотри на время вверху... Ее только прислали! Факс зазвонил, я пошел посмотреть, вы схватили меня...

Джек сунул листок Лайлу, не сводя глаз с Беллито:

— Проверь!

Лайл прищурился на крошечные цифры:

— Точно. Принято пару минут назад. — Он бросил листок обратно на колени Илая. — Чего ты так раскипятился из-за посылки?

Ладно. Значит, Беллито не видел записки. Что вовсе не означает, будто ему о ней ничего не известно. Джек поднял пистолет, приставил к груди негодяя:

— Какое тебе дело до Вики Вестфален?

Последовала неожиданная реакция — Илай с искренним изумлением снова взглянул на листок.

Джек вдруг понял, что имя Вики в сообщении не упомянуто и подонок недоумевает, откуда оно ему известно.

Он понятия не имеет, что я знаю девочку!

Тогда какого черта...

Лайл наклонился, заглядывая в бумажку через плечо Беллито.

— Снова ребенок, хочешь сказать? И ты его знаешь? Мерзавец, — с отвращением простонал он, — скотина!

Джек вспомнил, что совпадений в его жизни больше не будет и какие из этого вытекают чудовищные, безобразные, тошнотворные следствия.

Вспомнил копа, крутившегося возле дома Джиа, расспрашивая про Вики. Член «круга» Илая?

Есть лишь один способ выяснить.

Он махнул факсом перед глазами Беллито:

— Твой дружок-коп прислал, правда?

Тот окаменел, тараща глаза, где читался ответ.

— Мне весь твой круг известен.

Не совсем, но прочие члены играют второстепенную роль. Особенно в данный момент. Джек схватил липкую ленту, заклеил рот Илаю.

— Мне надо ехать.

Лайл заморгал:

— Куда?

— В Кэтскиллс, в лагерь, за Вики.

Вдруг факс пришел не только сюда? Беллито толкует о «круге». Значит, кроме Минкина, есть еще куча народу. «А.» — скорее всего, Адриан. Наверняка получил тот же факс и отправился в путь. Может быть, прихватил с собой других членов вроде того самого копа. Вся шайка извращенцев отправилась за Вики.

— Не обязательно ехать, — поспешно заметил Лайл. — Можно ведь позвонить!

— Знаю, но этого мало.

Надо, конечно, немедленно позвонить, предупредить о грозящей Вики опасности, приказать не спускать с нее глаз, не подпускать ни к кому, кроме матери. Потом ехать, засесть в лесу в засаде, следя, чтоб никто не пробрался.

— А с этой мразью что будем делать?

— Завалим в машину. Отвезешь его в дом, поторгуешься. Скажешь Джиа, что я жду ее в лагере, и мы вместе привезем домой Вики.

Беллито озадаченно посмотрел на него. Джек склонился поближе, чтобы дать ему пишу для размышлений.

— Да, Илай. Мы отдадим тебя Таре Портмен в обмен на других. — Будем, по крайней мере, надеяться. — Она ждет в доме твоего старого друга Дмитрия. Приготовила для тебя нечто особенное.

Пусть намочит штаны.

Где телефон? Кажется, в кабинетике.

— Сейчас вернусь, — бросил Джек Лайлу, ткнув пальцем в Беллито. — Смотри, чтобы даже на дюйм не двигался.

Тот кивнул:

— Хорошо, только ты поскорее. Неизвестно, сколько у нас времени.

На полпути через столовую что-то послышалось, что-то мелькнуло на лестнице слева. Не готовый к опасности Джек успел взмахнуть рукой с пистолетом, прикрыв голову от кочерги, зажатой в обеих руках человека-гориллы. Отпрянул, наткнулся на обеденный стол, с которого полетели тарелки и вилки, упал, перекатился, уклонившись от очередного удара Адриана Минкина.

15

Осознав услышанное, Джиа в ужасе схватилась за живот:

— Мой ребенок?.. Невозможно!

Тара кивнула и поплыла к ней.

— Возможно. Он мне нужен. Очень.

— Нет!

Она заметила крест, выпавший из руки Чарли, наклонилась, схватила, высоко подняла, сама себе не веря. Настоящая сцена из любимых Джеком старых фильмов про вампиров.

Тара остановилась.

— Опусти.

— Боишься? Боишься креста?

— Я ничего не боюсь, — слишком поспешно возразила она. — Просто...

— Что?

— Кресты из камней слишком долго находились в нехорошем месте. На столетия дольше, чем надо. И кое-что впитали.

— Что впитали?

— Не знаю... Отраву.

— Для тебя, возможно, отраву, но церковь для меня не отрава.

— Церковь? — нахмурилась Тара. — Думаешь, они из церкви? Лучше сказать, из них была сложена тюремная стена.

Джиа не поняла, но теперь получила оружие, по крайней мере щит. Сделала пару глубоких вдохов, стараясь слегка успокоиться — с частичным успехом, — и направилась к лестнице.

— Я ухожу. Поднимаюсь и выйду в парадную дверь. И больше никогда не вернусь. Господи, почему она не послушалась Джека, нарушив обещание держаться отсюда подальше?

— Не уйдешь.

Спокойная уверенность Тары поколебала ее, но она решила держаться.

— Посмотрим.

Держа перед собой крест в вытянутой руке, Джиа пошла вперед. Тара спокойно следила за ней, не пытаясь остановить. Дойдя к ступеньке, она сама остановилась, не в силах двигаться дальше. Путь, как прежде, преградила ватная невидимая стена. Сунула вперед крест, он прошел, а она не сделала ни шагу, как ни старалась.

Оглянулась и охнула, видя Тару прямо за спиной. Махнула крестом, та попятилась.

— Давай честно разберемся, — предложила девочка. — У тебя будут другие дети, а у меня нет. Никогда. Отдай мне своего...

— Даже не думай! Тебе десяти лет еще нет...

— Мне уже было бы двадцать! — Детское личико перекосилось от злобы. — Я хочу ребенка! Своего

не могу завести, усыновлю твоего.

— Как? — воскликнула Джиа. — Бред какой-то!

— Нет, не бред. Очень просто. Если ребенок умрет здесь, в этих стенах, останется со мной.

— Да ведь он же не твой!

— Наплевать!

От вопля Тары земля дрогнула под ногами, становилось труднее дышать. Призрак убитой девочки... сыплющаяся земля... Чарли... гранитные плиты... причудливый крест... зачатый ребенок...

— Тара, ты не такая.

— Ты меня совсем не знаешь, — окрысилась она.

— Я была у твоего отца.

— Он меня бросил, мать тоже.

— Нет! Твоя мать...

— Про свою мать я все знаю. Она первая отступилась!

Джиа гадала, как до нее достучаться. Как еще, если не через родных?

— Они тебя любили... Я видела твои фотографии... с лошадью...

— С Рондой, — мелькнула улыбка.

— ...с братом...

Тара нахмурилась:

— Маленький братец... вырос подонком.

— Замолчи! — Кажется, в ней не осталось никаких человеческих чувств. — Они так любили тебя, что жизнь с твоим исчезновением утратила всякий смысл. Не верю, что ты говоришь серьезно.

— Поверь, — с холодной яростью рявкнула Тара. — Меня схватили, привезли сюда, окружили тринадцать мужчин. Один вырезал из груди еще бившееся сердце, а другие смотрели.

Джиа зажала рот рукой.

— Ох, господи помилуй!

— Ни один даже не попытался остановить его, — равнодушно, спокойно рассказывала она. — Никто меня не спас. Разрезали на тринадцать кусочков сердце и съели.

От ужаса в горле встал желчный комок.

— И ты... это видела?

— Нет. Я была под наркозом. Хотя помню события. Так что не говори, такая я или не такая. Не думай, будто знаешь меня. Мне выпало счастье. Передо мной открывалась вся жизнь и бесчисленные возможности. Теперь нет ничего.

— Очень жалко... И все-таки...

— Тара, которую ты видела на фотографиях, мертва. Давно мертва. Умерла под ножом. — Она распахнула кофточку, предъявляя пустую кровавую рану в груди. — У новой Тары нет сердца!

Джиа, пошатнувшись, отступила назад.

— Но ведь я никогда не сделала тебе ничего плохого. Почему ты хочешь причинить мне зло?

— Не хочу. Мне до тебя дела нет. *Оно* хочет твоей смерти.

— Оно? Что именно? — На ум не пришло ничего, кроме упоминавшегося Джеком Иного.

— Не знаю. Знаю только, что оно меня послало убить тебя.

Убить? Боже милостивый, кто-то... что-то хочет ее смерти!

— Почему? — За что?

— Я не знаю и знать не хочу. С удовольствием оставила бы тебя в живых. Мне нужен только твой ребенок.

— Однако ты пыталась убить меня, похоронить... как Чарли.

Джиа сдержала рыдание. Боже мой, бедный Чарли...

— Да. А теперь понимаю: если ты умрешь здесь вместе с ребенком, он при тебе останется. Я его не получу.

— Ребенок пока еще просто комочек клеток...

— Он будет *мой!* У меня хоть что-нибудь будет. А сейчас ничего нет! — Тара приблизилась и жалобно заныла: — Отдай, милая. У тебя другой будет. Я всего на секунду проникну в тебя. Ничего не почувствуешь Потом можешь идти.

Метнулась детская рука, Джиа взмахнула крестом, Тара отшатнулась.

— Нечестно! — завопила она. — У тебя будет сколько угодно детей, а ты одного мне не хочешь отдать! Ненавижу тебя! — Она отступила, настроение переменилось, словно щелкнул выключатель. — Ладно. Опусти крест. Хорошо. Я знаю, как его забрать.

Она исчезла и вновь появилась в десятке футов. Джиа стояла, напрягшись, готовая ко всему, держа перед собой крест в ожидании очередной выходки. Слева что-то шевельнулось. Холодная вялая рука Чарли, торчавшая из земли, дрогнула, пальцы скрючились, вытянулись, поползли...

16

Лайл вздрогнул, слыша в смежной комнате как бы рычание разъяренного зверя, стук перевернутого обеденного стола, разглядев Джека, борющегося с гигантом, который размахивал кочергой. Посмотрел на дубинку у себя в руке. Можно помочь. Черт возьми, обязательно надо помочь.

Он поспешил на выручку, Илай выставил ногу, подцепил его за лодыжку. Лайл споткнулся, не успел обрести равновесие, получив пинок в ногу, упал, чувствуя резкую боль в спине. Снова удар... Что такое? Он оглянулся.

Беллито стоял над ним с перекошенным от злобы лицом, приглушенно бормоча сквозь липкую ленту ругательства, со свистом дыша ноздрями.

Опять занес ногу, на этот раз целясь в живот — Лайл, постанывая от боли, перекатился на бок. Точно слышал, как ребро хрустнуло.

Следующий пинок метко угодил в голову. Все вокруг завертелось...

— Ты! — проскрипел Минкин сквозь оскаленные стиснутые зубы. — Даже не представляешь, как я молился, чтоб настал этот миг!

Джек был крепко прижат к полу. В лопатку вонзался осколок разбитой тарелки, Минкин сидел на нем верхом, схватив гигантскими руками за горло, впившись пальцами в гортань.

Кретин! Позволил себе отвлечься на факс... Внезапность атаки плюс отсутствие тренировки за последний месяц поставили Джека в невыгодное положение. Удалось выбить у Минкина кочергу, но в последовавшей рукопашной здоровяк в полной мере воспользовался превосходством в размерах.

Будем надеяться, шейные мышцы выдержат. Пока держатся, однако Минкина не пересилить. Джек брыкался, вертелся, но верзила слишком тяжел. «Глока» не видно, до запасного оружия в кармане и на щиколотке не дотянешься.

Из другой комнаты слабо слышались удары, крики, возня... Лайл?

Голова пухла, грозя взорваться. Воздуху не хватает. В отличие от Минкина. У гада его хоть залейся.

— Вот он... ворюга, ударивший в темноте в спину... ткнувший ножом Илая, оглушивший меня до беспамятства... крутой малый, желающий завладеть Кругом! — Минкин ухмыльнулся. — Не такой ты крутой. По правде сказать, просто вонючий кусок дерьма!

Джек попытался ослабить хватку на горле, не находя точки опоры. Ткнул было в глаза большими пальцами с длинными ногтями для подобных случаев — не достал.

— Не выйдет, малыш, — засмеялся Минкин.

Необходима помощь. Где там Лайл, черт возьми?

* * *

Стряхнув с себя боль, тошноту, Лайл сделал единственно возможное — откатился.

Беллито шагнул следом. Руки по-прежнему связаны за спиной, но они ему и не требовались. Ног вполне достаточно, один яростный пинок следует за другим. Лайл пробовал отбиваться дубинкой, да сил не хватало.

В отчаянии он сам махнул ногой, попав в лодыжку. Илай замедлил шаг. Пользуясь маленькой

победой, он снова пнул, на этот раз сильней, в голень.

Илай попятился, Лайл поднялся на четвереньки — господи Иисусе, *все* болит, — прыгнул, схватил его за щиколотки и рванул.

Не имея возможности сохранить равновесие со связанными руками, Илай крепко грохнулся на пол. Лайл вскочил, наклонился с дубинкой в руках, ни секунды не медля. Как только Беллито поднял голову, нанес удар. Голова упала.

Он постоял над мужчиной, почти потерявшим сознание, посмотрел на дубинку в руке. Даже не знал, что может оглушить человека. Без всяких проблем. Впрочем, в точном смысле Беллито и не назовешь человеком.

Из другой комнаты слышался издевательский голос. Чей-то чужой, не Джека. Взвешивая в руке дубинку, Лайл направился к столовой.

* * *

— Посмотрел бы ты на себя, — хмыкнул Минкин. — Рожа очень милого синего цвета.

Джек оставил попытки вцепиться ему в лицо или сбросить с себя. Шейные мышцы сдавались, в глазах замелькали темные пятна, расширились...

Он шарил руками по сторонам, отыскивая хоть какое-нибудь орудие.

— Кстати, не один отправишься в Великое Никуда. Я слышал, ты знаком с некой Ди Лауро и с ее маленькой дочкой. Знаешь даже имя агнца. Какое совпадение... просто прелесть. Илай никогда не позволяет мне позабавиться с агнцем до жертвоприношения, но на сей раз я сделаю исключение. О да, всласть наиграюсь с твоей подружкой Вики, прежде чем принести ее в жертву.

Сил вдруг прибыло. Пальцы правой руки чего-то коснулись. Рукоятка? Нож? Пожалуйста, пусть будет нож, хоть для масла. Нет. Вилка. Ну ладно... сгодится.

Свет меркнет. Джек слабо поднял левую руку, стараясь царапнуть гиганта в лицо. Даже близко не попал.

— Ничего больше не получается? — рассмеялся тот и наклонился ближе, подставляя щеку. — Эх, котенок! Ну, давай почеши, сделай мне одолжение.

Правая рука взлетела, зубья вилки вонзились в левый глаз.

— А-а-а!..

Хватка разом ослабла, снова можно дышать. В глазах прояснилось, Джек задыхался, глотая воздух. Минкин по-прежнему сидел на нем верхом, воя от боли и потрясения, огромные руки порхали, как бабочки, вокруг торчавшей в глазу вилки, боясь к ней прикоснуться, боясь оставить на месте.

Джек приподнялся, ударил ладонью по ручке, вогнав вилку до кости глазницы.

Минкин с воплем повалился на спину, вертясь и брыкаясь.

— О боже, — кричал он, — господи, господи, господи...

Джек с трудом поднялся на ноги и поплелся к гостиной, по-прежнему чувствуя пальцы на шее. В голове билась адская боль.

— Иди... — едва слыша себя самого, прохрипел он Лайлу, — наверх, найди какой-нибудь коврик. Не найдешь — возьми скатерть или простыню. Шевелись. Мы и так слишком много времени потеряли.

Лайл побежал вверх по лестнице, Джек нашел свой пистолет, потащился в гостиную. По боку что-то текло — кровь от ножевого удара просочилась сквозь рубашку. Впрочем, не больно. Вся боль сосредоточена в шее.

Беллито лежал на боку и стонал. Джек заметил факс, схватил, снова перечитал.

Сожги? Пока не будем.

Он сунул бумажку в карман.

«А.» сегодня уже никого не прихватит. А Илай?

Под свитером еще оставался кусок липкой ленты. Он связал ею ноги Беллито.

Посмотрел на часы. Надо двигаться. Визит чересчур затянулся.

Джиа...

Держись, малыш. Я иду.

Прибежал Лайл с легким покрывалом. Они расстелили его на полу, закатали Илая, как блинчик.

План такой: отнести его вниз, Лайл подгонит машину к парадному, тюк завалят в багажник, помчатся в Асторию.

Пронося добычу через столовую, Джек увидел Минкина на четвереньках с торчащей в левой глазнице вилкой, с окровавленной щекой, хрюкавшего, как свинья в течке. Здоровый глаз наткнулся на Джека, и гигант оскалился.

В памяти вспыхнули гнусные намеки на Вики, тьма вырвалась из клетки, поглотила, одолела. Никто не имеет права на такие угрозы. Никто.

Хотя часы стремительно тикали, Джек не пожалел пары секунд. Бросил ноги Беллито, шагнул к Минкину.

— Собрался позабавиться с агнцем? — Голос еще не вернулся, скрежещет, будто доску тащат по бетону. — Поиграть с моей подружкой Вики, прежде чем принести ее в жертву? Не выйдет, приятель. Ни сегодня, ни завтра, вообще никогда.

Он занес ногу, ударил каблуком в торчавшую ручку вилки, вогнав глубоко в мозг зубья.

За спиной раздался потрясенный крик Лайла, но Адриан Минкин, любитель игр с агнцами, не издал ни единого звука. Поднялся на коленях, раскрыв рот в безмолвном вопле, хотел встать, немыслимо широко открыв рот, демонстрируя идеальные зубы. Руки по бокам всплеснулись, он повалился на спину, стукнувшись затылком. На несколько секунд тело выгнулось фантастической дугой, опираясь об пол затылком и пятками.

Джек бесстрастно смотрел, чувствуя только удовлетворение при мысли о том, что для Вики и прочих детишек стало одной опасностью меньше.

Наконец Адриан Минкин обмяк и замер. Полностью. Грудь уже не дышала.

Джек оглянулся на Лайла, смотревшего на него во все глаза с разинутым ртом.

— Ох, Джек... Боже мой... Черт возьми...

— Знаю. Ты только что понял, что я замечательный парень. Почти идеальный, правда?

— Нет, я...

— Хватит болтать. — Он снова схватил Беллито за ноги. — Берем этот хлам и едем. Будем надеяться,

не совсем опоздаем.

17

— Чарли?

Джиа прижалась спиной к холодным гранитным плитам, с жутким восхищением наблюдая, как Чарли выбирается из осыпавшейся земли, поглотившей его несколько минут назад. Надо было бы радоваться, что он жив, но из-под земли вылезла лишь его оболочка. Лицо обмякшее, невыразительное, глаза и веки, засыпанные землей, не моргают.

Он выполз, неуверенно поднялся на ноги, шагнул к ней... Она еще крепче вжалась в стену, желая пройти сквозь нее.

— Нет, Чарли, пожалуйста...

Он остановился, глядя куда-то вдаль поверх ее головы.

Тара, стоявшая сзади в сторонке во время его воскрешения, молча скользнула вперед, бросив бешеный взгляд на труп Чарли.

Он отрицательно покачал головой.

Джиа, затаив дыхание, следила за борьбой двух сил.

Тара, оскалившись, испустила разочарованный вопль.

Чарли вновь покачал головой. Потом тело его повернулось, неуверенно побрело в дальний конец подвала, опустилось у стены, уселось и замерло в неподвижности, устремив взгляд на колени.

— Он этого не сделает, — выдохнула Джиа, обращаясь скорее к себе, чем к Таре.

Чарли слишком хороший парень, чтобы даже его мертвое тело слушалось Тару.

Девочка сверкнула на нее глазами:

— Это вообще нечестно!

— Ты говоришь о честности? Честно забирать у меня ребенка?

Лицо ее сморщилось, вот-вот заплачет.

— У тебя есть все, а у меня ничего!

Джиа пронзила жалость. Да. У нее есть все, почти все желанное и необходимое в жизни, чего у Тары Портмен никогда не было и не будет. Впрочем, это не означает, что она может требовать новую, зародившуюся внутри Джиа жизнь.

— Я тебе очень сочувствую. Правда. И сделаю для тебя все возможное. Но это выше моих сил.

— Отдай ребенка, и можешь идти.

— Нет. — Она снова прижалась спиной к стене и взмахнула крестом. — Я тебе не позволю убить его. Это невозможно. Нет. Никогда. Ни за что.

Тара пристально взглянула на нее, отступила назад, исчезла и вновь появилась посреди подвала, молча глядя издали на Джиа.

Она опустила крест, оглянулась на лестницу. Ее все еще перегораживает невидимая стена? Может, попробовать прорваться?

Что-то холодное захлестнуло правый локоть той самой руки, что держала крест. Призрачные пальцы

впились мертвой хваткой. Джиа собралась перехватить крест левой, но та тоже попалась в ловушку.

Прямо перед ней встала Тара и усмехнулась:

— Как мне раньше в голову не пришло? Гораздо проще.

Она вскрикнула, стараясь вырваться, обрубить крестом призрачную руку, — не дотянулась.

— Ну-ка, теперь потише, — проговорила Тара, наклоняясь ближе. — Замри. Это не больно. Говорю тебе, ничего не почувствуешь.

В бедра вцепились еще две руки.

— Нет! Не надо, пожалуйста!..

Тара молчала, сверкая глазами, жадно протягивая руку к ее животу. Попавшая в плен, неподвижная Джиа дернулась с ужасом и отвращением, когда пальцы коснулись пояса джинсов, взвизгнула, чувствуя пронзительный холод на коже.

— Еще чуть-чуть, — шепнула Тара, — немножечко надавлю, ущипну, и все...

Она вдруг замолчала, склонив набок голову, как бы к чему-то прислушиваясь. Отдернула руку, по-прежнему слушая, отступила, кивнула с улыбкой и шепнула:

— Да.

Джиа не слышала то, что слышала Тара, но знала: с ней может говорить лишь один человек — Джек.

Призрачные руки выпустили ее, она с рыданием упала на колени.

— Да! — крикнула Тара.

Джиа, подняв глаза, содрогнулась, видя на детском лице безобразно злобную ухмылку.

18

— Тара, ты меня слышишь? — крикнул Лайл перед закрытой дверью. — Давай меняться! Твой убийца за Джиа и Чарли!

Не могли опоздать, думал Джек, отбрасывая немыслимую мысль в ожидания знака, что Тара согласна. Не может быть.

Сам кричал бы, да голоса нет.

Они с Лайлом стояли в гараже, держа между собой Беллито. Въехали в «краун-вик» задом, закрыли двери, вытащили его из багажника. Джек развязал ему ноги, не сняв липкую ленту с рук и со рта. Пришедший в себя Илай был испуган, однако не на сто процентов понимал, что происходит.

Джек сам себя чувствовал далеко не на сто процентов. Слабость, тошнота, в голове молоток стучит, горло распухло, в желудке бурлит кислота от волн адреналина. По пути через Манхэттен Лайл ему посоветовал взглянуть в зеркало. Он послушался и пожалел об этом. Горло в круговых лиловых синяках, левый глаз заплыл кровью из лопнувшего сосуда, лицо сплошь в бесчисленных крошечных кровоподтеках. Его словно только что вытащили из петли после попытки самоубийства.

— Попробуй дверь, — сказал он не совсем вернувшимся голосом. — Может, стены уже нет.

Покрепче схватил Беллито за локоть, пока Лайл шагнул к двери, потянулся к ручке и сразу остановился.

— Стоит, как стояла. Попробую еще позвать.

Уже дважды кричал, неизвестно, чем третья попытка поможет. Если Тара рядом, то и в первый раз слышала.

В грудь начинал просачиваться зимний холод отчаяния.

Джиа... Немыслимо ее потерять... но что еще можно сделать?

И тут дверь распахнулась.

— Есть! — крикнул Лайл, бросаясь к порогу. Но не смог его переступить, озадаченно оглянувшись на Джека. — Закрыто по-прежнему...

— Может быть, только для нас, — с надеждой предположил Джек. — Может, кого-то другого примут с распростертыми объятиями.

— Стоит попробовать, — кивнул Лайл.

Беллито задергался, начал брыкаться, жалобно замычал сквозь пластырь. Лайл подхватил его под руку с другой стороны, и они потащили его вперед.

— Что чувствуешь, Илай? — прохрипел Джек сквозь зубы. — Беспомощность? Смертный страх? Знаешь, что никто не придет на помощь? Не осталось никакой надежды? Очень хорошо. Это лишь малая доля пережитого несчастными детьми, когда ты со своим дружком Минкином затаскивал их в машину. Нравится?

Все сказали широко открытые в панике глаза Илая.

— Вряд ли. Состоится сделка или нет, разница для тебя небольшая. Ты в любом случае не увидишь рассвета.

— У меня вопрос, — сказал Лайл, приближаясь к дверям. — Что, если он пройдет? Мы с Тарой точно

не договорились. Вдруг она нас обманет?

Джек понял — он боится, что они опоздали...

— Мне это тоже не нравится, — признался он. — Но делать нечего. У нее все карты.

А если не получится? Что тогда? Выбора не остается.

Он оглянулся. Где та самая индианка, которая вроде все знает? Отправившись с Лайлом в Манхэттен, больше не видел ни ее, ни собаки.

На пороге ноги Илая подкосились, он обвис в их руках.

— Пассивное сопротивление не поможет, — предупредил Джек и взглянул на Лайла. — Держи сзади за ремень.

Лайл послушался, и они добрым старым толчком швырнули его в дверь.

Джек ждал, что Илая отбросит назад, но он пролетел, рухнув на пол в прихожей.

— Ты прав! — крикнул Лайл.

Джек попробовал сунуться следом, наткнулся на прежнюю непроходимую стену, прислонился к ней, вцепившись в непроницаемый плотный воздух.

Прошу тебя, Тара, мысленно говорил он. Не обманывай нас. Мы свое дело сделали. Отдали тебе убийцу. Твой черед расплатиться.

Через невидимую преграду было видно, как Беллито встал на ноги, лихорадочно сорвал с запястий ослабший при падении пластырь, содрал с губ липкую ленту, ринулся к двери. Джек махнул кулаком, целясь в лицо, но Илай попятился, напоровшись на стену.

За спиной у него появилась маленькая девочка. Джек только раз ее видел на снимке в Интернете, но сразу узнал Тару Портмен.

Губы ее шевелились, хотя не слышалось ни слова. Беллито оглянулся, крутнулся обратно, мгновенно узнав, судя по охватившему его ужасу. Бросился к двери, снова остановился в нескольких дюймах от Джека, разинув рот в крике, царапая непроницаемый воздух. Джек ничего не слышал и не чувствовал.

— Иногда, Илай, — шепнул он, — дела принимают неожиданный оборот. Нечасто, но порой это можно устроить. Поэтому я здесь.

В следующий момент Беллито упал на спину, размахивая руками, и его утащила какая-то сила. Он вопил и брыкался, скрываясь из вида.

Джек с Лайлом навалились на барьер в ожидании.

— Давай, Тара, — прохрипел Джек. — Мы выполнили условие. Не подведи...

Тут в коридоре что-то мелькнуло. Кто-то идет... Беллито? Как это ему удалось?

Нет. Кто-то другой... Мигом исчезла боль и отчаяние — он узнал Джиа, хоть и с большим трудом. Никогда такой ее не видел. Волосы, одежда, руки грязные, лицо в слезах, взгляд безумный... Она, спотыкаясь, набирала скорость, мчалась к нему с протянутыми руками.

Стой, чуть не крикнул он, наткнешься на стенку и больно ударишься!

Однако она перескочила через порог, бросилась к нему в объятия, он стиснул ее, прижал, обхватил, закружил, сдерживая рыдания, неспособный выдавить ни слова сквозь ком в горле.

Они еще долго стояли б, обнявшись, если бы не прозвучал голос Лайла:

— Где Чарли? Где мой брат?

Ох, нет, мысленно охнул Джек, протянув к нему руку. Только не говорите... что Чарли...

Джиа приникла к нему, схватила Лайла за руку, всхлипывая, рассказала, как Чарли упал в яму, стенки обвалились и он ради нее пожертвовал жизнью.

— Чарли... — ошеломленно прошептал Лайл с вытянувшимся лицом, — мертв?

По щекам потекли слезы. Он заковылял к двери, не смог войти, навалился на невидимую стену, заколотил в глухое препятствие, плача, выкрикивая имя брата.

Пятница

1

Джек дал Джиа поспать, а сам встал пораньше, намереваясь заскочить в Асторию, посмотреть, чем можно помочь Лайлу. Однако, мельком услышав новости, изменил планы. Радио сплошь кричало про «кошмар в Астории», включил телевизор — и тут все каналы талдычили то же самое.

Джиа спустилась в легком светло-желтом халате, усталая, измученная, но после душа и сна выглядевшая чуть получше.

Он поцеловал ее, обнял.

— Надеюсь, выспалась?

— Проснулась и вспомнила прошлую ночь, — содрогнулась она. — Разве можно спать, помня о Чарли... — Джиа закусила губу, тряхнув головой, посмотрела на Джека, провела ладонью по шее. — До сих пор страшно смотреть. А глаз!..

— Ничего, пройдет.

Он рассказал, как решил обменять Беллито на нее и Чарли, как приятель Илая собрался его задушить, но не упомянул про факс, где речь шла о Вики. Хватит с нее потрясений.

Она напряглась, оглянувшись на телевизор:

— Это...

— Угу. Менелай-Мэнор. Видно, Лайл звякнул копам.

Джек прыгал с канала на канал, пока не попался выпуск новостей, более или менее внятно излагавший последовательность событий.

"Для тех, кто только что включился, повторяем известное на сей момент. Ночью в 1.37 в полицию позвонил Лайл Кентон, владелец дома в Астории, который вы видите на экране, сообщив, что, вернувшись после отсутствия, обнаружил своего брата Чарльза мертвым в яме, выкопанной в подвале. Стенки, видимо, обвалились, и его засыпало землей.

Вы спросите, зачем выкопана яма? Хороший вопрос. Тут история покрывается мраком. Лайл Кентон именует себя спиритом-медиумом, практикуя под именем Ифасен. По его утверждению, они с братом вступили в контакт с духом некой Тары Портмен, которая якобы была убита прежним владельцем дома и закопана в подвале. На протяжении двух последних дней Лайл с Чарльзом раскапывали пол в поисках ее останков. Прошлой ночью произошел обвал, похоронивший Чарльза. Лайл откопал брата, но было уже поздно.

На том сенсационная история не заканчивается, а становится еще удивительнее. Продолжив раскопки, полиция обнаружила два детских скелета. Поиски продолжаются.

Полиция определенно заявляет, что не подозревает мистера Кентона в преступлении. Он живет в доме меньше года, а найденные останки пролежали в подвале гораздо дольше.

Вам слово, Чет..."

Джек запрыгал дальше в поисках упоминания об Илае Беллито, но его имя так и не прозвучало. Где он? Что с ним сделала Тара? Будем надеяться, ему не скоро пришел конец.

— Бедный Лайл, — вздохнула Джиа. — Ужасно, что мы оставили его одного разбираться.

Они втроем ждали, когда исчезнет барьер, но где-то через час Джиа затряслась, задрожала, надо было везти ее домой. Джек позвал Лайла переночевать, а тот велел им ехать, решив остаться. Джек обещал вернуться утром.

— Только он один и может разобраться. Нам засвечиваться нельзя, мне в любом случае. И тебе незачем. Мы ничего не можем добавить.

— Надо его поддержать. Они с братом были очень близки.

— Поверь, у них имелись свои разногласия, хотя их связывали не только кровные узы. Они многое вместе пережили.

— Хорошо, что он позвонил в полицию. Найдут остальные тела. Родные похоронят останки несчастных детей, хоть чуть-чуть успокоятся.

Глаза ее затуманились.

— Вспомнила отца Тары?

Джиа кивнула.

— Не знаю, изменится ли жизнь для него с сыном после похорон, — вздохнула она. — Как-то сомневаюсь. Их так далеко забросило, что назад уже не вернуться.

— Есть идея, — объявил Джек. — Давай уедем из города, например в Монтиселло, навестим Вики в лагере...

— Да ведь она завтра приедет домой!

Он хорошо это знал, но по просиявшему лицу Джиа понял, что идея ей нравится. Единственное, что может ее оживить после жуткой стычки с Тарой, — встреча с дочкой.

— Тем более. Найдем мотель, переночуем, утром вместе с ней позавтракаем в известной мне чистенькой старомодной столовой и все вместе приедем обратно. Будет очень мило.

— Ладно, — улыбнулась Джиа. — Когда едем?

Джек сдержал облегченный вздох. Он искал способ забрать Вики из лагеря, не тревожа мать. Прошлой ночью, пока она принимала душ, сделал пару звонков, в том числе анонимно звякнул в лагерь, предупредив, что некоего ребенка — без имени — собираются похитить, решая судебный спор об опеке. Другой аналогичный звонок поступил в полицию Монтиселло наряду с предложением усилить патрули вокруг лагеря.

Со смертью вожака круг Беллито оказался обезглавленной змеей. Все равно этого мало. Нельзя спать спокойно, пока он не увидит Вики и не возьмет под *свою* защиту.

Вместе с Джиа. Она передала ему слова Тары: «Оно хочет твоей смерти». Неизвестно, правда ли это, однако вполне вероятно. «Оно» — безусловно, Иное. Чего оно хочет добиться? Уничтожить каждого, кто ему дорог?

Из-за этого Джек всю ночь не спал. Как бороться с чем-то невидимым, действующим так далеко за сценой, что до него сроду не дотянуться?

Единственно возможное решение — сдвинуть фургоны, держа при себе Джиа с Вики.

— Собери вещи, пока я сбегаю по делам. Как только вернусь, сразу едем. Готовься развлекаться.

— По каким делам? — вновь серьезно встревожившись, спросила она.

— Надо заглянуть к Хулио. Поговорить с постоянным клиентом.

2

Джек потягивал кофе у стойки бара, глядя в телевизор в ожидании появления Барни. Надел серую водолазку, спрятав синяки на шее, и черные очки, хотя в баре было темно. На телеэкране почти ничего не видно. Все вокруг, включая Хулио, прилипли к телевизору, глядя живые репортажи из «дома кошмаров».

Он думал о Лайле, гадая, как он пережил гибель брата, впервые оставшись один. Джек хорошо знаком с одиночеством, научился справляться с ним, хотя, может быть, лучше других к нему приспособлен. Приспособлен ли Лайл? Парень крепкий. Вчера ночью все правильно сделал. Неохотно, но правильно.

С ним все будет в порядке.

Насчет Беллито много вопросов, где бы он ни был, черт побери.

Если черт существует, то станет действительным членом того самого круга.

Илай утверждал, что ему сотни лет... Не похоже, чтоб врал. Неужели правда? Едва ли. Скорее всего, он сам так думает. Твердил себе, пока не поверил.

И все-таки, куда увела его Тара? Под землю, за предел? Туда, где можно спокойно забавляться с ним целую вечность?

Годится. Чем дольше, тем лучше.

Дальше вопрос об Эдварде. О подставном брате Илая. Вчера вечером хотелось свернуть ему шею, потом захотелось поблагодарить. Если в он не напустил его на Илая, Адриан похитил бы Вики...

Ничего не поймешь.

В дверях, наконец, мелькнула знакомая физиономия, толстое брюхо устремилось к стойке бара.

— Барни! — махнул рукой Джек. — Садись рядом, я угощаю.

Тот заторопился с ухмылкой.

— Никогда не отказываюсь от угощения.

Барни только что закончил работу, нуждался в бритье, от футболки далеко вперед распространялся предупредительный запах, зубов количественно и качественно было гораздо больше, чем ожидалось.

— Чего выпьешь?

— Красный «Джонни Уокер» и пинту «Хайни».

Джек кивнул хозяину. Хулио расхохотался.

— А может, как всегда, «Олд Смаггер» и кружку «Будвайзера» в восемь унций, старик?

— Это когда я сам плачу. — Барни покосился на Джека. — Откуда такая щедрость?

— Хулио говорит, ты знаешь старика, который недавно мне конверт забросил.

Барни быстро хлебнул скотча.

— Не старика — священника.

Вот это неожиданность!

— Католического?

— Угу. Это отец Эд из Святого Иосифа. Веру хочешь сменить?

— Не сейчас. — Эд... хоть тут не соврал. — Точно священник?

— А как же. Когда я тут жил, всегда ходил к Сент-Джозефу, к пастору Эдварду Хэллорану. Хочешь сказать, что не знаешь его, когда он тебе конверт оставил? — Барни с ухмылкой понизил тон и придвинулся ближе. — Чего там? Послание из Ватикана? У папы проблема, которую надо уладить?

Джек сурово взглянул на него:

— Откуда ты знаешь? Читал мою почту?

Барни напрягся.

— Эй, нет, я... — Он умолк и расплылся в усмешке. — Вот крыса! Чуть-чуть меня не прищучил!

Джек слез со стула, хлопнул его по спине:

— Спасибо, старина, за подсказку, — и опять махнул Хулио: — Наливай еще за мой счет.

— Ну, спасибо, Джек. Посиди, потом и я тебя угощу.

— В другой раз, Барни. Мне надо в церковь.

3

Джек отыскал храм Святого Иосифа на Нижней Вестсайдской улице между покосившимися домами рядовой застройки. Ему сразу понравилась старая готическая постройка из гранитных плит с двумя фигурными шпилями и большим окном-розой. Впрочем, с мытьем одни хлопоты. Слева стоял монастырский корпус, справа маленький дом приходского священника.

Он постучал в дверь дома. Открыла худая пожилая женщина в грязном фартуке. Джек спросил отца Эда, услышал в ответ, что до обеда тот никого не принимает, не пожелал уйти с пустыми руками, попросил передать, что пришел Джек — просто Джек.

Прием сработал.

Отец Эдвард Хэллоран — тот самый Эдвард, что нанял его следить за «братом» Илаем, — тепло и в то же время настороженно приветствовал его в тесном кабинетике.

— Так и знал, что вы меня отыщете, — признался он, пожимая гостю руку.

Джек ответил на рукопожатие, еще не разобравшись в своих впечатлениях. Видя Эдварда в католическом воротничке, слыша сильный провинциальный ирландский акцент, чувствовал себя как в сцене из фильма «Иди за мной». Вот-вот в дверь ворвется Бинг Кросби, вальсируя. Но все-таки священник его обманул. Настает момент истины.

— Я-то думал, священники по определению говорят правду.

— Правильно. — Маленький человечек уселся за письменный стол, указал ему на стул. — Я тоже.

Джек остался стоять.

— Вы представились мне как Беллито, отец Хэллоран.

— Ничего подобного.

— Ну, назвали Илая Беллито своим братом. Это одно и то же.

Отец Эд изобразил ангельскую улыбку:

— Знаете, Господь говорит, все люди братья.

— Давайте не будем играть словами. — Джек наклонился над столом, пристально глядя на священника. — Не хочу доставлять вам неприятности. Хочу только кое-что выяснить. Откуда вы знали, что Илай Беллито собрался похитить ребенка?

Отец Эд взглянул куда-то мимо него, как бы проверяя, закрыта ли дверь, вздохнул и заерзал на стуле.

— Он сам признался.

— Почему? Вы с ним были знакомы?

Голова священника дернулась.

— Почему «был»?

— Потом объясню. Зачем он вам признался?

— Не знаю. В прошлую субботу я сидел в исповедальне, он зашел в кабинку и начал рассказывать, что убил сотни детей и нуждается в отпущении.

— И вы ему поверили?

Священник пожал плечами:

— В исповедальне всякое слышишь. Я поймал его на слове, велев ради отпущения признаться властям. Он со смехом отказался, предупредив, что на следующей неделе убьет в безлунной тьме очередного ребенка. И ушел.

— Как вы узнали, что это был Илай Беллито?

— Выследил, — виновато признался священник. — Не понял, то ли это бред, то ли правда. Человек в любом случае не в своем уме. Я вышел из исповедальни, снял воротничок, проследовал за ним до магазина. Это недалеко. Стоя у витрины, увидел третий вариант: усомнившись в церкви, он решил проверить, способен ли священник нарушить тайну исповеди.

Мой долг — оправдать церковь и спасти невинное дитя. Тут я вспомнил о вас.

— Обо мне? Откуда обо мне известно священнику?

— Один мой прихожанин на исповеди покаялся, что вас нанял.

— Покаялся? Разве это греховное дело? — Не знаешь, то ли гордиться, то ли обидеться. — Кто такой?

— Этого я, разумеется, не могу сказать.

— Ну да...

Пускай будет греховное.

— Кто-то пострадал в результате, поэтому прихожанин, который вас нанял, покаялся. Ну, я пошел, купил фотоаппарат, щелкнул мистера Беллито на выходе, разузнал о нем все возможное — к сожалению, маловато — и договорился о свидании с вами. — Отец Эд склонился над столом. — Скажите теперь, он действительно убивал детей?

— Действительно, — кивнул Джек. — Насчет сотен не знаю, но точно не одного. Много больше.

Отец Эд охнул и перекрестился.

— Святители небесные, спасите...

— Слышали нынче утром про дом в Астории? Отчасти его рук дело.

— Значит, я поступил правильно. Но зачем он признался? Зачем исповедался?

— Наверно, из самодовольства. Выставлял в шкафу в магазине трофеи, отобранные у жертв... Видно, считал себя сверхчеловеком, хотел, чтобы все это знали.

— Спесь... — Священник покачал головой. — Иногда за грехи надо быть благодарным. — Он посмотрел на Джека. — И где сейчас мистер Беллито?

— Исчез.

— Куда?

— Точно не знаю. Просто... исчез. Не беспокойтесь. Он никогда не вернется.

Отец Эд глубоко вздохнул:

— Хочется исповедаться, как моему прихожанину. Вы считаете, что это справедливо?

— Не мне судить, — пожал Джек плечами.

— Вам не хочется исповедаться?

— Нет, пожалуй. По свидетельству хорошего человека, я сделан богоугодное дело.

Эпилог

Явившись через две недели в Менелай-Мэнор, Джек нашел Лайла в переднем дворе, наблюдавшего за садовником, который пересаживал высохшие кусты вокруг стен. Лайл тепло его приветствовал, протянув для пожатия обе руки.

— Как дела, Джек? Заходи.

Он последовал за ним на кухню, Лайл выставил на стол пару банок пива «Миллер».

Джек взмахнул своей:

— За Чарли.

Он умер, спасая жизнь Джиа. Будем поднимать за него бесконечные тосты.

— Аминь. — Оба сделали по доброму глотку. — Как Джиа? — спросил Лайл.

— Пока еще трясется, но справится. К счастью, Вики вернулась.

— А будущий малыш?

— Замечательно, — ухмыльнулся Джек.

Два дня назад Джиа прошла ультразвуковое обследование. Пол определять еще рано, но вообще все в порядке. Какое облегчение...

Хотя по-прежнему неясно, как стать законным отцом ребенка.

— Я действительно очень рад тебя видеть.

— Я тоже, — серьезно сказал Джек. — Раньше пришел бы, да у тебя была тут хорошенькая компания.

За несколько недель после гибели Чарли полиция, вооружившись каким-то радаром, нашла в подвале восемь тел. Дальнейшее обследование ничего не дало. Это все.

— Угу, копы покончили, — улыбнулся Лайл. — Наконец дом вернулся ко мне.

— Да тебя все равно дома не было.

На прошлой неделе Лайл не слезал с экрана, принимая участие в каждом ток-шоу с утра до вечера.

— Ну да, бегал без задних ног.

— Здорово смотришься по телевизору. — В самом деле, весьма убедительный, правдивый молодой человек. — Надо тебе устроить собственное шоу.

— Дважды уже предлагали, — рассмеялся Лайл, потом вдруг усмешка слиняла. — Если меня свяжут со смертью Минкина, буду вести передачи из тюремной камеры.

Труп Минкина обнаружили на другой день, когда служащие магазина пришли искать Илая.

— Не будешь. За нами все чисто.

— Ну и ночка, — тряхнул Лайл головой. — До сих пор не верю. Слышал последнюю новость? Подозревают Илая Беллито.

— Кстати, об Илае, — сказал Джек. — Где он?

— Понятия не имею. В доме никаких следов.

— Просто исчез, ни тела, ничего не осталось?

— Тара его забрала.

Поразительно уверенный тон.

— Надеюсь, она с ним позабавится.

— Не сомневайся, — с той же уверенностью кивнул Лайл.

— Сама больше не появлялась?

— Ни разу. Навсегда пропала. А круг детоубийц остался, — нахмурился Лайл. — Лучше бы все разделили судьбу вожака.

— Я об этом позаботился, — сообщил Джек.

— Как?

— В тот вечер звякнул паре знакомых братьев, — Лайлу не обязательно знать фамилию братьев Микульских, — дал адрес Беллито, сказал, что дверь открыта. Они нанесли визит, покопались в архивах, вытащили жесткий диск из компьютера. Там много интересного, включая фамилии и адреса членов круга.

— Эти самые братья сыщики?

— Нет. — Биография братьев ему неизвестна, и без нее вполне можно прожить. — У них просто большой зуб на педофилов.

— Зуб?

— Угу. — Джек сделал очередной глоток. — Очень серьезно принялись за дело. Верят мне на слово, но все равно проверяют. Лично занялись ребятами из списка Илая, установили слежку и прочее. Как только удостоверятся, примут меры. Кое-кто сгинет.

— Хочешь сказать, их убьют?

— Со временем.

— Как это?

— Со временем они умрут. Сами того не желая. Лайл передернул плечами, словно от холода.

— Что еще остается?

— По-прежнему не понимаю, кто и зачем все это затеял. Особенно после заявления Тары, что кто-то хочет смерти Джиа.

— Я тоже об этом думаю. Наверно, Иное, о котором ты нам рассказывал.

— Мне казалось, что ты не поверил.

Лайл взглянул на него:

— С тех пор я верю многому, чему раньше не верил. По твоим словам, Иное сводит с тобой счеты. Можно только догадываться, что оно не способно нанести прямой удар. Что-то тебя со спины прикрывает... Поэтому старается ударить косвенно, через любимых.

Скорее всего. Наверняка Иное погубило Кейт, а если бы две недели назад дело пошло иначе, погибли бы Вики и Джиа с будущим ребенком.

Лайл сделал очередной глоток.

— Поверим Таре на слово: Иное отправило ее за Джиа. Она безусловно хотела забрать ее, но составила по пути собственный план. Должно быть, Иному не всегда удается держать в своей власти пущенные в дело силы.

— А про Беллито что скажешь? Почему сразу после землетрясения, предположительно разбудившего Тару, он решился признаться священнику в уже совершенных убийствах и в запланированном на следующую неделю?

— Ничего странного, вполне в его духе.

— А почему он выбрал священника, случайно слышавшего обо мне на исповеди?

— Действительно странно, — пожал Лайл плечами. — Никогда не встречался с таким удивительным делом. Может, им заправляет не только Иное? Как насчет той всезнающей индианки, которая заскочила в гараж? На чьей она стороне?

— На своей, насколько мне известно. Ты ее с тех пор видел?

— Как сквозь землю провалилась. То и дело ходила мимо со своей собакой, а с того вечера больше ни разу.

Джека и самого интересовала индианка, чем-то напоминавшая другую женщину, которая несколько месяцев назад предупреждала его и исчезла. Тоже с собакой, но старше и с русским акцентом.

Что происходит в моей жизни? — мысленно выкрикнул он. Нехорошо, что его двигают, словно пешку, по вселенской шахматной доске, но Джиа с Вики не воины, их нельзя трогать.

Впрочем, может быть, в этой битве все воины.

— Ну, что скажешь?

— Не знаю, — вздохнул Лайл. — Похоже, все мы во власти каких-то неведомых сил. Остается лишь плыть по течению, держа над водой голову.

— Все мы?

— Да, все. Помнишь, я видел надвигающуюся тьму? Она по-прежнему близится.

Не стоит напоминать, что в видении после Лайл пережил темноту вместе с братом.

— Вернешься в Мичиган?

— Ни за что! Тут останусь, займусь своим делом.

— Без Чарли?

— Вот поэтому я и хотел с тобой встретиться. Пошли в канал.

Джек последовал за ним, споткнувшись на пороге при виде гроба — простого соснового — на полу посреди комнаты.

— Это...

— Чарли, — кивнул Лайл. — Вскрытие подтвердило смерть от удушья, полиция выдала тело, я попросил доставить сюда. Сказал, будто хочу отправить его в Мичиган, но собираюсь похоронить в подвале. Мне нужна твоя помощь.

Джек опешил:

— Что? Я, конечно, готов помочь, но...

— Чарли хочет остаться здесь.

— Правда? — Неужели он свихнулся? — Откуда ты знаешь?

— Чарли сам сказал.

— А...

— Уверяю тебя, — расхохотался Лайл. — Посмотрел бы ты сейчас на себя, старик! Думаешь, я совсем съехал с катушек? — Он оглянулся. — Чарли, смотри, кто пришел... Поздоровайся!

Джек прислушался, ожидая какого-то фокуса, ничего не услышал. Гроб с телом Чарли вдруг сдвинулся, поднялся в воздух, завис в четырех футах над полом, развернулся на триста шестьдесят градусов, опустился на ковер.

— Замечательно, — оценил он. — Что за механика?

— Никакой механики. — Лайл подошел к столу с разложенными картами Таро. — На другой вечер после смерти Чарли я сидел тут, оплакивая его, вдруг карты Таро открылись, сами разложились, «отшельник» взлетел в воздух, завис перед глазами. «Отшельник» — карта Чарли. Так он сам себя называл.

Повторилось то же самое: карта с изображением отшельника затрепыхалась в шести дюймах под носом у Джека.

Он поймал ее в воздухе, ища невидимые нитки. Ничего не нашел.

— Отдаю тебе должное, Лайл. Потрясающе.

— Клянусь, это не фокус. — Глаза наполнились слезами. — Чарли вернулся. То есть не уходил. Смотри.

Лайл схватил Джека за руку, потащил к командному пункту. Практически пустому.

— Когда полиция копалась в подвале, я дотумкал, что скоро полезут наверх. Вспомнил мадам Помроль после обыска и демонтировал приспособления Чарли. В конце концов, больше они не потребуются.

Джек оглянулся, слыша перезвон. В воздухе раскачивался старый храмовый колокол, в который при его первом визите звонил Чарли.

— В этом доме, Джек, я обретаю силу и воспользуюсь ею. Не под маской Ифасена, а сам по себе. Чарли поможет, при условии, что мы ответим делом на дело. Никаких больше фокусов, никакого вранья.

Карты Таро вспорхнули с круглого столика, посыпались на Джека.

— Братья Кентон остались командой, Джек, — рассмеялся Лайл. — Будем делать настоящее дело. Единственные в этом городе.

Примечания

1

Астория — торгово-промышленный и жилой район Нью-Йорка, связанный мостами с Бронксом и Манхэттеном (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Нейдер Ральф (р. 1934) — юрист, общественный деятель, основатель движения потребителей, добившийся снятия с производства автомобиля «корвейр» фирмы «Дженерал моторс», как не отвечающего требованиям безопасности.

3

«Новый век» — распространившееся в 1970 — 1980-х гг. в оккультных и эзотерических религиозных общинах течение, основанное на теософском учении Е. Блаватской о «новом веке» любви и просветления, к которому можно прийти с помощью самосовершенствования.

4

«Заново рожденные» — члены баптистской церкви, сознательно принимающие водное крещение по взрослом возрасте.

5

Карсон Джонни (р. 1925) — комедийный актер, ведущий популярных телевизионных программ.

6

Персонажи романа Ф. Пола Вилсона «Апостол зла».

7

90 градусов по Фаренгейту составляют около 33 по Цельсию.

8

Ракшасы — в индийской мифологии враждебные людям демоны в фантастическом обличье.

9

Бэттери — парк на берегу Нью-Йоркской гавани.

10

Анн-Арбор — город в штате Мичиган близ Детройта, где находится Мичиганский университет.

11

Полковник Клинк — персонаж телесериала «Герои Хогана».

12

Багс Банни — кролик, герой многих анимационных и нескольких художественных фильмов.

13

«Мейсд» — нервно-паралитический слезоточивый газ.

14

Массапекуа — район в городе Ойстер-Бэй на Лонг-Айленде.

15

Евангелие от Марка, 9:47.

16

Крюгер-рэнды — монеты, чеканившиеся при президенте бурской республики Трансвааль Пауле Крюгере в 1883 — 1900 гг.

17

Великолепно (фр.).

18

Здесь: в самую суть (лат).

19

Афроамериканекие исследования — учебная программа колледжей и университетов, посвященная изучению истории, культуры, современной жизни народов Африки и афроамериканцев.

20

Яппи — прозвище энергичных молодых карьеристов.

21

«Ирангейт» — по аналогии с Уотергейтом журналистское название дела «Иран-контрас» — громкого политического скандала в конце 1980-х гг., связанного с незаконными тайными сделками по продаже Ирану оружия в обмен на американских заложников.

22

Опоссум Пого — персонаж комиксов выходивших с 1940-х гг.

23

Откровение святого Иоанна, 14: 11.

24

Евангелие от Матфея, 16:26.

25

Большой Брат — в романе-утопии английского писателя Дж. Оруэлла «19S4» олицетворение тотальной слежки.

26

«Гаторейд» — фирменное название «спортивных» напитков и порошков.

27

По мнению некоторых критиков эволюционной теории, в ней отсутствует одно звено между низшими и высшей формой жизни, что служит доказательством сотворения человека Богом.

28

Новая земля (лат.).